Теоретическая и прикладная лингвистика

Выпуск 6, №1 2020

Теоретическая и прикладная лингвистика

Научный журнал

Основан в 2015 году.

Учредитель

ФГБОУ ВПО «Амурский государственный университет» (АмГУ)

ТиПЛ

Журнал зарегистрирован в Роскомнадзоре Свидетельство ПИ № ФС77-60424

Журнал входит в РИНЦ Журнал входит в перечень ВАК с 12.02.2019 г. Периодичность 4 раза в год

doi: 10.22250/2410-7190 2020 6 1

Выпуск 6, № 1, 2020

Материалы журнала содержат избранные статьи, посвящённые различным языкам (Славянским, Германским, Романским, Тюркским, Тунгусо-маньчжурским, Монгольским, Финно-угорским, Самодийским, Енисейским и Восточным), принадлежащим к различным языковым семьям (Индоевропейской, Балто-славянской, Уральской, Алтайской, Синотибетской, Палеоазиатской). Особое внимание уделяется языкам народов России, включая вымирающие языки и смешанные языковые образования (пиджины, креольские языки). Освещается актуальная проблематика многих разделов языкознания: фонетики и фонологии, ономастики, стилистики, лексикологии, лексикографии, грамматики, семантики, социолингвистики, психолингвистики, истории языка, сравнительно-исторического, сопоставительного и типологического языкознания. Затрагиваются аспекты интерференции, различные виды заимствований и калькирования. Обсуждаются вопросы теории и практики устного и письменного перевода. Рассматривается широкий спектр методов изучения языка, в том числе методы сбора и обработки языковых корпусов и построения баз данных, методы акустического и перцептивного анализа, анализа артикуляции, методы компьютерного моделирования языка. Не обходятся вниманием аспекты методики преподавания языков, в частности, особенности отражения результатов современных лингвистических исследований в методике преподавания родного и иностранного языков. Представленные в журнале статьи будут полезны как специалистам в указанных разделах, так и широкому кругу читателей, студентам и аспирантам.

Главный редактор

Андросова Светлана Викторовна д-р филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Заместители главного редактора

Деркач Светлана Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный

университет)

Морозова Ольга Николаевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный

университет)

Редакционная коллегия

Архипова Нина Геннадьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный

университет)

Бай Лань доцент (Академия общественных наук Внутренней Монголии, Хух-

Хото, КНР)

Баррет Екатерина Викторовна канд. филол. наук (Галф Бриз, Флорида, США)

Бурыкин Алексей Алексеевич д-р филол. наук (РФ, Санкт-Петербург, Институт лингвистических

исследований РАН)

Викулова Лариса Георгиевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский городской

педагогический университет, Институт иностранных языков)

Гусева Светлана Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Лаврилье Александра д-р соц. антропологии, доцент (Франция, Версальский университет)

Манёрова Кристина Валерьевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный

университет)

Наумов Владимир Викторович д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербург)

Поржучек Анджей д-р филол. наук, доцент (Польша, Университет Силезии)

Рянская Эльвира Михайловна д-р филол. наук, доцент (РФ, Нижневартовский государственный

университет)

Селютина Ираида Яковлевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Институт филологии Сибирского

отделения РАН)

Скрелин Павел Анатольевич д-р филол. наук, профессор (РФ, Санкт-Петербургский

государственный университет)

Становая Лидия Анатольевна д-р филол. наук, профессор (РФ, Российский государственный

педагогический университет им. А. И. Герцена)

Старыгина Галина Михайловна канд. филол. наук (РФ, Амурский государственный университет)

Тьен Дэвид доцент (Австралия, ун-т Чарльз Стюрт)

Чой Мун-Джеонг доцент (Южная Корея)

Чугаева Татьяна Николаевна д-р филол. наук (РФ, Пермский научный Центр Уральского отделения

PAH)

Шамина Елена Анатольевна канд. филол. наук, доцент (РФ, Санкт-Петербургский государственный

университет)

Шевченко Татьяна Ивановна д-р филол. наук, профессор (РФ, Московский государственный

лингвистический университет)

Шуйская Татьяна Викторовна канд. филол. наук, доцент (РФ, Амурский государственный университет)

Редакционная коллегия журнала может не разделять точку зрения авторов публикаций. С требованиями к оформлению статей можно ознакомиться на сайте АмГУ <u>lingua.amursu.ru</u> *Адрес редакции:*

675027, г.Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 7, аудитория 502 email: lingua.amursu.journal@gmail.com

Theoretical and Applied Linguistics

Scientific Journal

Founded in the year 2015

Publisher

Amur State University (AmSU)

ThAL

Certified by the Russian Federal Service that provides oversight in the sphere of mass media and informational technologies

Certificate ПИ № ФС77-60424

RSCI

Included in the List approved by the Higher Attestation Commission from

February 12, 2019

Appears quarterly: 1 volume per year (4 issues)

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_1

Volume 6, Issue 1, 2020

The journal contains selected articles devoted to various languages (Slavic, Germanic, Romance, Turkic, Tungus-Manchu, Mongolian, Finnish-Ugric, Samoyedic, Yeniseian, and Oriental) belonging to different language families (Indo-European, Balto-Slavic, Uralic, Altai, Sino-Tibetan, Paleo-Asiatic). Particular attention is paid to the languages of the peoples of Russia including endangered languages and mixed language formations (pidgins, creoles). Current issues of many linguistic fields are viewed: phonetics and phonology, lexicology, onomastics, lexicography, grammar, stylistics, semantics, sociolinguistics, psycholinguistics, historical linguistics and comparative-historical linguistics, cross-language studies, and linguistic typology. Aspects of second language acquisition, various borrowings and replications from a foreign language are addressed. Theory and practice of written and oral translation is observed. Wide range of methods of linguistic studies including data collection and data processing for corpus linguistics, methods of acoustic, perceptual and articulatory study and computer modeling of languages are described. Discussing methods of language teaching and applying results of modern scientific research for teaching native and foreign languages is encouraged. The articles published in this journal might be useful for both specialists in the fields mentioned and a wider audience including students.

General Editor

Svetlana V. Androsova Doctor of Philology, professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian

Federation)

Associate editors

Svetlana V. Derkach PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian

Federation)

Olga N. Morozova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian

Federation)

Editorial Board

Nina G. Arkhipova PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian

Federation)

Bai Lan PhD (Chinese Academy of Social Sciences, Inner Mongolia, Hohhot, China)

Ekaterina V. Barrett PhD (Gulf Breeze, Florida, the US)

Alexis A. Burykin Doctor of Philology (Linguistic Research Institute at Russian Academy of Science,

Saint Petersburg, Russian Federation)

Larisa G. Vikulova Doctor of Philology, professor (Moscow City University, Institute of Foreign

Languages, Moscow, Russian Federation)

Svetlana I. Guseva Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Alexandra Lavrillier PhD (University of Versailles, France)

Kristina V. Manerova PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian

Federation)

Vladimir V. Naumov Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg, Russian Federation)

Andrzej Porzuczek PhD, (University of Silesia, Katowice, Poland)

El'vira M. Ryanskaya Doctor of Philology, professor (Nizhnevartovsk State University, Nizhnevartovsk,

Russian Federation)

Iraida Ya. Selyutina Doctor of Philology, professor (Institute of Philology, Siberian Branch of Russian

Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation)

Pavel A. Skrelin Doctor of Philology, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg,

Russian Federation)

Lidia A. Stanovaya Doctor of Philology, professor (The Herzen State Pedagogical University of Russia,

Saint Petersburg, Russian Federation)

Galina M. Starigina PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian

Federation)

David Tien PhD, (Charles Sturt University, Australia)

Moon-Jeong Choi PhD (Institute of Humanities of Seoul National University, Republic of Korea)

Tatiana N. Chugaeva Doctor of Philology (Perm Scientific Center of the Ural Branch of Russian Academy

of Sciences, Perm, Russian Federation)

Elena A. Shamina PhD, associate professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian

Federation)

Tatiana I. Shevchenko Doctor of Philology, professor (Moscow State Linguistic University, Moscow, Russian

Federation)

Tatiana V. Shuiskaya PhD, associate professor (Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation)

The publisher might not share viewpoints of articles authors

Editorial Board Address:

Room 502, Building 7, 21 Ignatyevskoe Shosse, Blagoveshchensk, Amur Region, Russian Federation, Zip Code 675027; website: lingua.amursu.ru

e-mail: lingua.amursu.journal@gmail.com

УДК 81'34, 81'42 UDC 81'34, 81'42

Бурыкин Алексей Алексеевич Институт лингвистических исследований, Российская Академия Наук г. Санкт-Петербург, Российская Федерация Alexis A. Burykin Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences St-Petersburg, Russian Federation

albury@mail.ru

ОБ ОДНОМ НЕИЗВЕСТНОМ СТИХОТВОРНОМ РАЗМЕРЕ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ И ЕГО ПРОИСХОЖДЕНИИ (Б. ОКУДЖАВА. «ПЕСНЯ О ЛЁНЬКЕ КОРОЛЁВЕ») ONE UNKNOWN METER IN RUSSIAN POETRY AND ITS ORIGIN (B. OKUDZHAVA. A SONG ABOUT LYON'KA KOROLYOV)

Аннотация

Статья содержит представление одного наблюдения над метрикой Б. Окуджавы. Размер «Песни о Лёньке Королёве» (1957), представляет такой вид размера с чередованием двусложных и трехсложных междуударных интервалов, который не был известен в русском стиховедении и был представлен в основном в теоретических расчётах аналогичного типа размеров. Анализ метрики, использовавшейся Б. Окуджавой в ранний период творчества (1950-е годы), показывает, что появлению этого стихотворения предшествовали многочисленные и разнообразные эксперименты автора с пеоном, дольниками, тактовиками, акцентным стихом, включающие использование сверхсхемных слогов. Статья, кроме конкретных результатов, показывает недостаточное внимание к вопросам метрики и ритмики в русской поэзии второй половины XX–XXI веков. Результаты анализа этого текста весьма важны для каталогизации образцов русской метрики и ритмики, они же ставят вопрос о выборе метаязыка для описания стихотворных строк.

Abstract

The paper contains an observation over one phenomenon of B. Okudzhava metrics. Particularly, it is the meter of the "Song about Lyon'ka Korolyov" (1957) that represents the metric pattern where verses with two and three accented syllable intervals alternate and that has remained unknown for Russian poetry studies being represented in theory as a product of calculations based on similar meter types. Meter analysis of B. Okudzhava's early poems (1950s) was carried out in this study. It was discovered that this meter pattern was a result of various experiments of the poet with paeonic foot, dolniks, taktoviks, as well as accentual verses using extra syllables. Besides the results of the poem analysis, the paper outlines the problem of the lack of attention to the issues of meter and rhythm in Russian poetry of the second half of the XX century – XI century. The analysis performed is relevant for the Russian metrics and rhythmics sample cataloging, it also reminds about the challenging issue of choosing the metalanguage to describe poem verses.

Ключевые слова: размер, ритмика, пеон, дольник, тактовик, акцентный стих, метаязык.

Keywords: meter, rhythmics, paeonic foot, dolnik, taktovik, accentual verses, metalanguage.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_1_5_13

1. Введение

Русское стихосложение как предмет изучения, прежде всего лингвистического, стало развиваться в конце 1950-х — начале 1960-х годов. Трудно сказать, что этому способствовало, многие считают, что это стало проявлением той самой «оттепели»,

когда за стихом всё-таки разглядели языковой факт, а не только средство воздействия слова на массы. В это время появляется знаменитое пособие В. Е. Холшевникова «Основы стиховедения. Русское стихосложение» [Холшевников, 2002], переиздается книга Г. А. Шенгели «Техника стиха» [Шенгели, 1960], выходит в свет «Поэтический словарь» А. П. Квятковского [Квятковский, 1966], появляется серийный сборник «Теория стиха» [Теория стиха, 1968; Холшевников, 1978; Проблемы..., 1984], ставший альманахом для стиховедов следующих десятилетий, получают популярность работы Л. И. Тимофеева [Тимофеев, 1958] в эти годы начинает свои стиховедческие штудии М. Л. Гаспаров.

Кажется, что в эти годы осознается необходимость антологии русской метрикоритмической формы, которая была реализована В. Е. Холшевниковым в антологии «Мысль, вооруженная рифмами» [Холшевников, 2005]. Блестящий состав этой антологии, казалось бы, должен был исчерпать инвентарь метров и ритмов в поэзии, во всяком случае близком к классическим. Отыскивать метрические формы, не учтенные в этой антологии, должно было стать уделом продолжателей мэтров стиховедения, которые сами в большинстве своем уже не были поэтами, подобно В. Брюсову и Г. Шенгели, но были разносторонними филологами.

Стихотворные размеры с варьированием междуударных интервалов от нуля до восьми группируются в рамках акцентного стиха [Холшевников, 2002, с. 70]. Метры с варьированием междуударных интервалов в 1 и 2 слога в литературе получили название урегулированных дольников, метры с нарушением этой закономерности квалифицируются как неурегулированные дольники [Холшевников, 2002, с. 70].

Разбор подобных форм привел к открытию одного очень устойчивого и широко распространенного размера, получившего название тактовика. Его признак — варьирование междуударных интервалов от 1 до 3 [Холшевников, 2002, с. 71]. В этом же разделе книги описан размер, отнесённый к тактовикам, с чередованием междуударных интервалов в диапазоне от одного до двух. Интересно, что М. Л. Гаспаров, давая обзор структур тактовика, подобную возможность чередования междуударных интервалов [Гаспаров, 1974, с. 308, 309] даже не предусматривает.

В одной из ранних работ о дольнике, не перепечатанной в последующих собраниях статей, М. Л. Гаспаров писал: «Из трёх предположенных нами видов урегулированного дольника – с колебанием интервалов 0–1 («Снег, снег, первый снег! Сколько радости у всех! . . »), 1–2 («Вхожу я в тёмные храмы, Совершаю бедный обряд . . .») и 2–3 слога (подобное звучание имеют некоторые отрывки пушкинских «Песен западных славян») – широкое развитие в русской поэзии получил только второй вид [Гаспаров, 1968, с. 61–62], однако указанные примеры из А. С. Пушкина явно не составляют образца данного метра. В публикации П. А. Руднева [Руднев, 1968], вошедшей в тот же сборник, где находится статья М. Л. Гаспарова и где приведена объёмная литература о стихе «Песен западных славян», их метр вслед за С. П. Бобровым определяется как вольный стих. Сам С. П. Бобров, по словам М. Л. Гаспарова, называл пушкинский стих «Песен западных славян» «хореофильным анапестоморфным трёхдольным размером» [Гаспаров, 2001 а, б].

2. Феномен «Лёньки Королёва»

Нам удалось найти одно стихотворение, которое не укладывается ни в представления о дольниках, ни в представления о тактовике, но отвечает той метрической схеме, которая указана в ряду дольников М. Л. Гаспаровым. Это хорошо известное стихотворение Б. Окуджавы «Король», известное также как «Песня о Лёньке Королёве». Вот оно:

Во дворе, где каждый вечер всё играла радиола, Где пары танцевали, пыля, Ребята уважали очень Лёньку Королёва И присвоили ему званье короля.	2-1-1-2-3-1 1-3-2- 1-3-1-1-3-1 2-3-0-3-
Был король, как король, всемогущ. И если другу Станет худо и вообще не повезёт, Он протянет ему свою царственную руку, Свою верную руку - и спасёт.	2-2-2-3-1 -1-3-3- 2-1-1-3-1 2-2-3-
Но однажды, когда "мессершмитты", как вороны, Разорвали на рассвете тишину, Наш Король, как король, он кепчонку, как корону - Набекрень, и пошёл на войну.	2-2-2-3-1 2-3-3- 2-2-2-3-1 2-2-2-
Вновь играет радиола, снова солнце в зените, Да некому оплакать его жизнь, Потому что тот король был один (уж извините), Королевой не успел обзавестись.	2-3-1-1-2-1 1-3-2-0- 2-3-2-3-1 2-3-3-
Но куда бы я ни шел, пусть какая ни забота, (по делам или так, погулять), Все мне чудится, что вот за ближайшим поворотом Короля повстречаю опять.	2-3-2-3-1 2-2-2- 2-3-2-3-1 2-2-2-
Потому что на войне, хоть и правда, стреляют, Не для Леньки сырая земля. Потому что (виноват), но я Москвы не представляю Без такого, как он, короля. (1957) [Окуджава 2001, 139–140].	2-3-2-2-1 2-2-2- 2-3-3-3-1 2-2-2

В научном издании стихов Б. Окуджавы приведена библиография анализов этого стихотворения [Окуджава, 2001, с. 615]. Однако нас в нём интересует преимущественно размер, который трудно определить в терминах современной метрики. В известных антологиях по метрике [Гаспаров, 2000; Холшевников, 2005] образцов такого размера нет.

Во всех строфах этого стихотворения четырёхиктный (четырёхударный) размер чередуется с трёхиктным (трёхударным). Однако количество междуударных интервалов не позволяет отнести этот размер к дольникам, во всяком случае к их известным вариантам. Этот размер не похож на тактовик тем, что в нём очень малочисленны междуударные интервалы, равные одному слогу: в тексте подчёркнуты слова, которые не несут на себе метрического ударения и их можно не учитывать при соотнесении акцентуации слов и стихотворного ритма. Нечто похожее описал В. Е. Холшевников в последнем издании своей книги [Холшевников, 2002, с. 71–72] в ряду вариантов тактовиков. В. П. Москвин нашёл новое решение для подобных случаев: он называет сочетания разных стоп в строке стопной полиметрией, а использование нетипичных стоп — анаклазами или ипостасами [Москвин, 2009, с. 200–208]. Такой подход нов и вполне логичен, с ним удобно изучать метрическое варьирование на уровне строки, но вполне можно не заметить особую метрико-ритмическую организацию целого текста. Необычной особенностью этого стихотворения Окуджавы, помимо уникального размера с ва-

рьированием числа междуударных интервалов, является переменная анакруза — на 24 строки здесь 20 анапестических анакруз, 3 амфибрахические (или хореические), и только одна хореическая (или дактилическая). Распределение междуударных интервалов таково: 24 междуударных интервала в 2 слога, 29 междуударных интервалов в три слога — почти поровну, и только 10 междуударных интервалов в 1 слог, при этом часть ударений в этих случаях (подчёркнуты в тексте) с метрической точки зрения ослаблена, факультативна. Тотальное преобладание трёхсложных междуударных интервалов делает образуемый ими ритм доминирующим, при этом четыре строки — Станет худо и вообще не повезёт, Разорвали на рассвете тишину, Королевой не успел обзавестись, Потому что (виноват), но я Москвы не представляю — представляют реализацию пеона III, и четыре строки — Набекрень, и пошёл на войну, По делам или так, погулять, Не для Леньки сырая земля, Без такого, как он, короля — составляют чистый трёхстопный анапест, сохраняя равновесие характера междуударных интервалов с чередованием между тремя и двумя безударными слогами.

Сам Б. Окуджава рассказывал в ответе на вопрос об истории этой песни так: Вопрос корреспондента: — Пожалуйста, ещё хоть один пример: как рождается песня? Допустим, о Лёньке Королёве?

– Лёнька Королёв появился совершенно случайно; вместе с музыкой за десять минут. Ни одна песня у меня так быстро не появлялась. Какой-то внутренний импульс, конечно, был, о котором я и не подозревал, поэтому, наверное, моментально наговорил готовые стихи, записал их и тут же начал петь. У меня все песни – на готовые стихи. Только одна родилась наоборот, на музыку – «По Смоленской дороге». Мы с Юрием Левитанским придумали её действительно на Смоленской дороге зимой в машине, ездили от «Литературной газеты» по разным областям, и была с нами гитара. А вообщето в создании песен ничего романтического, экзотического нет. Всё очень буднично. Просто работа. Работа часто изнурительная, потом у что всё время что-то меняется, переделывается... Да. пожалуй, всё. кроме «Лёньки Королёва». Это очень сложный и прекрасный процесс» [Сидоровский, 1984, с. 21]. Вот другая версия того же рассказа: – «Лёньку Королёва» я написал очень быстро. Было это в году 1957-м, как-то утром. Стихи словно сами пришли, строчка за строчкой. Как мне теперь кажется, чуть ли не в пять минут. И когда уже заканчивал придумывать стихотворение, то и музыка появилась, как будто всё это жило во мне и вдруг выплеснулось. Я еле успевал записывать» [Шилов, 1987, c. 104].

В. Е. Холшевников включил в третье издание своей антологии 4 образца стихотворений Б. Окуджавы: «Весёлый барабанщик», с которого многие начинали знакомиться с песенным творчеством поэта — образец пеона III, неожиданного для автора середины XX века, «До свидания, мальчики» — трёхстопный анапест, «По Смоленской дороге» — логаэд из трёхстопного анапеста и двух стоп ямба, и «Франсуа Вийон» — шестииктный тактовик [Холшевников, 2005, с. 613–616].

Об Окуджаве и его поэзии сейчас написано довольно много [Шилов, 1998; Абельская, 2003; Окуджава..., 2002; Розенблюм, 2005; Жолковский, 2005; Чайковский, 2006; Быков, 2009; Кулагин, 2019]. Однако на стих, тем более на метр Окуджавы исследователи мало обращали внимание, может быть, по той причине, что об Окуджаве не так часто писали стиховеды. Как отметил А. Кулагин, «Сергей Орлов говорил о нём на московском совещании в январе 56-го года: «В стихах Окуджавы есть места, где чувствуется культура стиха, стремление к точности, чеканности. <...> Окуджава — человек думающий». Но: «Много у автора книжностей. <...> Сложно говорит» [Кулагин, 2019, с. 29]. Это очень точно. Под «книжностью» Окуджавы поэт другой школы определённо имел в виду приверженность к классике во многих образцах (Окуджава и

сейчас не воспринимается как новатор или экспериментатор, каких хватало среди его предшественников (Маяковский, Кирсанов, Асеев, Каменский) и современников (Вознесенский, Высоцкий). Другое дело, что использование пеона в начале второй половины XX века явно ассоциировалось с книжной поэзией начала XX века, с поэзией Серебряного века, знакомиться с которой поэтам приходилось по-разному: не всем выпадало водить дружбу с Пастернаком или Крученых, как Андрею Вознесенскому. Тонкие предварительные наблюдения над стихом Окуджавы были сделаны только Л. Дубшаном [Дубшан, 2001, с. 18].

Следует сказать, что при внимательном изучении стихотворных текстов Окуджавы второй половины 1950-х годов выясняется, что поэт много экспериментировал с размерами, имеющими варьирующийся междуударный интервал. Примеры стихотворений:

«Мое поколение» (1953) – 4-х-иктный тактовик;

ранняя поэма «Весна в октябре» (1954) – вольный дольник на амфибрахической основе с переменной анакрузой;

«Ночь после войны» (1955) – 4-х-иктный акцентный стих, осложнённый тактовик;

«Зима отмела, отсугробилась.

И вот переулками,

улицами

такой долгожданный и теплый

апрель начинает прогуливаться» (1955) — 4-х-иктный акцентный стих с переменной анакрузой (обратим внимание на слова апрель и прогуливаться, не покидающие текстов Окуджавы позднее);

«Если сполна надышаться морским ароматом пряным,

если в море всматриваться упрямо-упрямо,

неожиданно, тихим прибоем омыта,

выйдет из зеленой волны Афродита» (1956) — 5-и-иктный тактовик с одним 4-х-сложным интервалом;

«Журавли» (1956) – чередование 4-х-иктного и 3-х-иктного тактовика;

Последний зали прорвал

тишину

и за горной грядой

смолк,

будто бы там расстрелял войну

артиллерийский

полк.

«Подмосковье» (1957), часть IV – вольный тактовик с обманывающим классическим началом, похожим на трёхстопный анапест;

«Вобла» (1957) – 4-х-иктный акцентный стих;

«Сентиментальный марш» (1957) – пеон IV с лишним слогом, сбивающим и отодвигающим цезуру;

«О чём ты успел передумать, отец расстрелянный мой» (1957) — 6-и-стопный амфибрахий с двумя пропусками слогов;

«Я ухожу от пули, делаю отчаянный рывок» (1958) – 6-и-иктный тактовик;

«На рассвете» (1959) – вольный тактовик;

«Марфа» (1959) – 3-х-иктный дольник с 2-х-иктным;

«Куда вы подевали моего щегла?» (1959) – 4-х-иктный тактовик;

«Песенка об Арбате»: «Ты течёшь, как река. Странное название!» (1959) — 3-х-стопный анапест с ямбической стопой;

«Синька» (1959) – 4-х-иктный тактовик;

«Ни арбатском дворе и веселье и смех» (без даты) – Вольный акцентный стих.

Можно продолжать список стихотворений Б. Окуджавы с использованием метров, варьирующих количество междуударных интервалов, и становится понятным, что Окуджава активно экспериментировал как раз с ритмом таких поэтических форм.

Л. И. Тимофеев писал: «Ряд условий определяет эту ритмическую индивидуальность стихотворения. Сюда относятся следующие вопросы: 1) строение ритмической единицы; 2) вариации в строении ритмической единицы; 3) сочетания ритмических единиц и их формы (контраст, нарастания, монотония, перебои и пр.); 4) характер стиховых клаузул и их чередование и, главное, 5) соотношение ритмических и интонационных единиц; размещение их в пределах интонационного периода. Все эти элементы ритма стиха в своем взаимодействии и, главное, в своем взаимодействии с другими его выразительными интонационно-синтаксическими и звуковыми средствами - создают каждый раз новые и новые речевые образования, имеющие свой особый выразительный смысл, своё художественное воздействие, свое эстетическое значение» [Тимофеев 1958, с. 148-149]. Новый метр Окуджавы, который трудно даже называть экспериментальным, поскольку он не нарушает канонических представлений о размерах с варьированием числа междуударных интервалов, обладает новизной по всем обозначенным позициям. Исследование стихотворной практики Окуджавы второй половины 1950-х годов показывает активное изучение поэтом возможностей метрических форм с варьированием междуударных интервалов, и как раз такие эксперименты – с возвращением к классическим пеонам – дали неожиданный результат в стихотворении, которое стало одной из визитных карточек поэта.

В первом издании книги Л. Шилова приведён такой шедевр критики: «Несколькими месяцами позже в журнале "Волга" выступил искусствовед Б. Манжора, который в статье "О музыкальном воспитании молодёжи", в частности, писал: "Стремясь во что бы то ни стало популяризировать свои песни и правильно понимая, что музыка в этом может ему во многом помочь, Б. Окуджава в своих "музыкальных опытах" обращается именно к таким мелодиям, какие находят сбыт у нетребовательной аудитории. Так, музыкальный прообраз его, пожалуй, наиболее известной песни о Лёньке Королеве — это не что иное, как перепев печально известной песенки "Здравствуй, моя Мурка" во всей "прелести" её блатной "выразительности". Что и говорить, до определённой категории слушателей такого рода песни доходят безотказно. Доходят именно потому, что, кроме точного расчёта на музыкальную необразованность, чувствуется желание пощекотать кое у кого склонность к развязности, блатной удали, этакой "жестокой" лирике" ("Волга". — 1967. — №9. — С. 171—172) [Шилов, 1977]. Чтобы перепутать метр «Песни о Лёньке Королёве», не имеющий аналогов, с пятистопным хореем «Мурки», поистине надо было быть советским искусствоведом...

3. Заключение

Таким образом, оказывается, что одно из самых знаменитых стихотворений Б. Окуджавы — поэта, любимого многими поколениями ценителей русской поэзии и русского языка, написано очень редким метром, существование которого не предполагалось даже в теории и образцы для сравнения которого по существу отсутствуют. Этот оригинальный метр вырабатывался в процессе множества экспериментов со сходно звучащими размерами и строками. Очевидно, такая находка окажется не единичной при внимательном изучении наследия русских поэтов, особенно авторов XX–XXI веков, и будет обогащать наши представления о метрическом и фонетическом богатстве русского языка.

Список литературы

- Абельская, 2003 Абельская, Р. Ш. Поэтика Булата Окуджавы: истоки творческой индивидуальности [Текст]: дисс. ...канд. филол. Наук 10.01.01 / Абельская Раиса Шолемовна; Уральский гос. ун-т им. А. М. Горького. Екатеринбург, 2003. 211 с.
- Быков, 2009 Быков, Д. Л. Булат Окуджава [Текст] / Д. Л. Быков. М. : Молодая гвардия, 2009. 784 с.
- Гаспаров, 1968— Гаспаров, М. Л. Русский трехударный дольник XX в. [Текст] / М. Л. Гаспаров // Теория стиха / под ред. В. Е. Холшевникова. Л. : Наука, 1968. С. 59—106.
- Гаспаров, 1974— Гаспаров, М. Л. Современный русский стих. Метрика и ритмика [Текст] / М. Л.мГаспаров. М.: Наука, 1974. 488 с.
- Гаспаров, 2000 Гаспаров, М. Л. Очерк истории русского стиха [Текст] / М. Л. Гаспаров. М. : «Фортуна лимитед», 2000. 352 с.
- Гаспаров, 2001 а Гаспаров, М. Л. Воспоминания о Сергее Боброве [Текст] / М. Л. Гаспаров // Записи и выписки / под ред. А. М. Зотовой. М.: Новое литературное обозрение, 2001. С. 385–415.
- Гаспаров, 2001 б Гаспаров, М. Л. Русский стих начала XX века в комментариях. 2-е изд., доп. [Текст] / М. Л. Гаспаров. М. : «Фортуна Лимитед», 2001. 288 с.
- Дубшан, 2001 Дубшан, Л. С. О природе вещей [Текст] / Л. С. Дубшан // Булат Окуджава. Стихотворения / гл. ред. А. С. Кушнер. СПб. : Академический проект, 2001. С. 5–55.
- Жолковский, 1986 Жолковский, А. Рай, замаскированный под двор: заметки о поэтическом мире Окуджавы [Текст] / А. Жолковский // Мир автора и структура текста / под ред. А. Жолковского, Ю. Щеглова. Tenafly, N. J.: Эрмитаж, 1986. С. 279–308.
- Жолковский, 2005 Жолковский, А. К. Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты [Текст] / А. К. Жолковский. М.: РГГУ, 2005. 654 с.
- Холшевников, 1978 Исследования по теории стиха [Текст] / отв. ред. В. Е. Холшевников. Л. : Наука, 1978. 232 с.
- Квятковский, 1966 Квятковский, А. П. Поэтический словарь [Текст] / А. П. Квятковский. М. : Советская Энциклопедия, 1966. 376 с.
- Кулагин, 2019 Кулагин, А. В. Лирика Булата Окуджавы [Текст] / А. В. Кулагин. М.: Булат, 2019. 178 с.
- Москвин, 2009 Москвин, В. П. Теоретические основы стиховедения [Текст] / В. П. Москвин. М. : Книжный дом «Либроком», 2009. 320 с.
- Окуджава, 2001 Булат Окуджава. Стихотворения [Текст] / глав. ред. А. С.Кушнер. СПб. : Академический проект, 2001.-712 с.
- Окуджава..., 2002 Окуджава: Проблемы поэтики и текстологии / сост. А. Е. Крылов. М. : ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2002. 260 с.
- Проблемы..., 1984 Проблемы теории стиха [Текст] / сост. А. Е. Крылов. Л.: Наука, 1984. 255 с.
- Розенблюм, 2005. Розенблюм, О. М. Раннее творчество Булата Окуджавы (опыт реконструкции биографии) [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / Розенблюм Ольга Михайловна ; РГГУ. М, 2005. 22 с.
- Руднев, 1968— Руднев, П. А. Из истории метрического репертуара русских поэтов XIX— начала XX в. (Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Тютчев, Фет, Брюсов, Блок) [Текст] / П. А. Руднев // Теория стиха / [ред кол.: В. М. Жирмунский, Д. С. Лихачёв, В. Е. Холшевников]. Л.: Наука, 1968. С. 107—144.
- Сидоровский, 1984 Сидоровский, Л. Булат Окуджава: «Хорошая песня это изнурительная работа» [Текст] / Л. Сидорский // Смена. 1984. № 18 (1376). С. 21—22.
- Теория стиха, 1968— Теория стиха [Текст] / [ред кол.: В. М. Жирмунский, Д. С. Лихачёв, В. Е. Холшевников]. Л.: Наука, 1968.—317 с.
- Тимофеев, 1958 Тимофеев, Л. И. Очерки теории и истории русского стиха [Текст] / Л. И. Тимофеев. М.: Гос. Изд-во художественной литературы, 1958. 415 с.

- Холшевников, 2005. Холшевников, В. Е. Мысль, вооруженная рифмами. Поэтическая антология по истории русского стиха». 3-е изд. [Текст] / В. Е. Холшевников. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издат центр «Академия», 2005. 672 с.
- Холшевников, 2002 Холшевников, В. Е. Основы стиховедения. Русское стихосложение. 4-е изд. [Текст] / В. Е. Холшевников. СПб. : филол. ф-т СПбГУ, М. : Издат центр «Академия», 2002. 208 с.
- Чайковский, 2006 Чайковский, Р. Р. Истины Булата Окуджавы: работы последних лет [Текст] / Р. Р. Чайковский. Магадан: Кордис, 2006. 216 с.
- Шенгели, 1960 Шенгели, Г. А. Техника стиха [Текст] / Г. А. Шенгелли. М. : Гослитиздат, 1960.-312 с.
- Шилов, 1977 Шилов, Л. А. Голоса, зазвучавшие вновь [Текст] / Л. А. Шилов. М. : Просвещение, 1977. $128 \, c$.
- Шилов, 1987 Шилов, Л. А. Голоса, зазвучавшие вновь. 2-е изд. [Текст] / Л. А. Шилов. М. : Просвещение, 1987. 159 с.
- Шилов, 1998 Шилов, Л. А. Феномен Булата Окуджавы [Текст] / Л. А. Шилов. М.: [Б. и.], 1998. 19 с.
- Шраговиц, 2015 Шраговиц, Е. Загадки творчества Булата Окуджавы [Текст] / Е. Шраговиц. СПб. : Алетейя, 2015. 228 с.

References

- Abel'skaya, R. Sh. (2003). *Poetika Bulata Okudzhavy: istoki tvorcheskoy individual'nosti* [Bulat Okudzhava's Poetics: the origins of creative personality]. PhD in Philological sci. diss. Ekaterinburg: Ural Federal University.
- Bykov, D. L. (2009). Bulat Okudzhava [Bulat Okudzhava]. Moscow.
- Gasparov, M. L. (1968). *Russkiy trekhudarnyy dol'nik XX v.* [Russian three-stress dolnik]. St-Petersburg. Gasparov, M. L. (1974). *Sovremennyy russkiy stikh. Metrika i ritmika* [Modern Russian verse. Metrics and rhythmics]. Moscow.
- Gasparov, M. L. (2000). *Ocherk istorii russkogo stikha* [Essay on the history of Russian verse]. Moscow.
- Gasparov, M. L. (2001). Russkiy stikh nachala XX veka v kommentariyakh. Izdanie vtoroe (dopolnennoe) [Russian verse of the early twentieth century with comments. Second Edition (revised)]. Moscow.
- Gasparov, M. L. (2001). Vospominaniya o Sergee Bobrove [Memories of Sergey Bobrov]. Moscow.
- Dubshan, L. S. (2001). O prirode veshchey [On the nature of things]. In A. S. Kushner (Ed.), *Bulat Okudzhava. Stikhotvoreniya* [Bulat Okudzhava. Poems] (pp. 5–55). St Petersburg: Akademik proyekt Press.
- Zholkovskiy, A. (1986). Ray, zamaskirovannyy pod dvor: zamentki o poeticheskom mire Okudzhavy [Heaven masked as a yard: Note on Okudzhava's poetic world]. In A. Zholkovskiy, Yu. Shcheglov (Eds.), *Mir avtora i struktura teksta* [Author's world and text structure] (pp. 279–308). Tenafly, N. J.: Hermitage.
- Zholkovskiy, A. K. (2005). *Izbrannye stat'i o russkoy poezii: Invarianty, struktury, strategii, interteksty* [Selected articles on Russian poetry: Invariants, structures, strategies, intertexts]. St-Petersburg.
- Kholshevnikov, V. E. (Ed.). (1978). *Issledovaniya po teorii stikha* [Studies on the theory of poetry]. Leningrad: Nauka Press.
- Kvyatkovskiy, A. P. (1966). *Poeticheskiy slovar'* [Poetry Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Press.
- Kulagin, A. V. (2019). *Lirika Bulata Okudzhavy* [Bulat Okudzhava's Poetry]. Moscow: Bulat Press.
- Moskvin, V. P. (2009). *Teoreticheskie osnovy stikhovedeniya* [Theoretical basis for poetry studies]. Moscow: Librokom Publishing House.
- Kushner, A. S. (Ed.). (2001). *Bulat Okudzhava. Stikhotvoreniya* [Bulat Okudzhava. Poems]. St Petersburg: Akademik proyekt Press..

- Krylov, A. E. (Ed.). (2002). *Okudzhava: Problemy poetiki i tekstologii* [Okudzhava: Issues of poetics and textology]. Moscow: GKTsM V. S. Vysotskogo Press.
- Krylov, A. E. (Ed.). (1984). *Problemy teorii stikha* [Problems of verse theory]. St Petersburg: Nauka Press.
- Rozenblyum, O. M. (2005). Rannee tvorchestvo Bulata Okudzhavy (opyt rekonstruktsii biografii) [The early work of Bulat Okudzhava (experience in biography reconstruction)]. PhD in Philological sci. diss. Moscow: Russian State University for the Humanities.
- Rudnev, P. A. (1968). Iz istorii metricheskogo repertuara russkikh poetov XIX nachala XX v. (Pushkin, Lermontov, Nekrasov, Tyutchev, Fet, Bryusov, Blok) [From the History of Russian Poets Metric Repertoire of the 19th early 20th Century (Pushkin, Lermontov, Nekrasov, Tyutchev, Fet, Bryusov, Block)]. In V. M. Zhirmunsky, D. S. Likhachev, V. E. Kolshevnikov. (Eds.), *Teoriya stikha* [Theory of verse] (pp. 107–144). St Petersburg: Nauka Press.
- Sidorovskiy, L. (1984). Bulat Okudzhava: «Khoroshaya pesnya eto iznuritel'naya rabota» [Bulat Okudzhava: "A good song is a hard work"]. *Smena* [Shift], 18 (1376), 21–22.
- Zhirmunsky, V. M., Likhachev, D. S., Kolshevnikov, V. E. (Eds.). (1968). *Teoriya stikha* [Theory of verse]. Leningrad: Nauka Press.
- Timofeev, L. I. (1958). *Ocherki teorii i istorii russkogo stikha* [Essays on the theory and history of Russian verse]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Press.
- Kholshevnikov, V. E. (2005). *Mysl'*, *vooruzhennaya rifmami*. *Poeticheskaya antologiya po istorii russkogo stikha* [Thought armed with rhymes. Poetic anthology on the history of Russian verse]. 3rd edition. St Petersburg: St Petersburg University Press; Moscow: Akademiya Publishing Center.
- Kholshevnikov, V. E. (2001). *Osnovy stikhovedeniya. Russkoe stikhoslozhenie* [The basics of poetry. Russian verse.]. 4th edition. St-Petersburg: St Petersburg University Press; Moscow: Akademiya Publishing Center.
- Chaykovskiy, R. R. *Istiny Bulata Okudzhavy: raboty poslednikh let* [Bulat Okudzhava's verity: Works of recent years]. Magadan: Kordis Press.
- Shengeli, G. A. (1960). *Tekhnika stikha* [Verse technique]. Moscow: Goslitizdat Press.
- Shilov, L. A. (1977). *Golosa, zazvuchavshie vnov'* [Voices that sounded again]. Moscow: Prosveshchenie Press.
- Shilov, L. A. (1987). *Golosa, zazvuchavshie vnov'* [Voices that sounded again]. 2nd edition. Moscow: Prosveshchenie Press.
- Shilov, L. A. (1998). Fenomen Bulata Okudzhavy [Bulat Okudzhava's phenomenon]. St-Petersburg.
- Shragovits, E. (2015). *Zagadki tvorchestva Bulata Okudzhavy* [The mystery of Bulat Okudzhava's work]. St-Petersburg: Aleteya Press.

УДК 81'23:81'37 UDC 81'23:81'37

Глазанова Евгения Валентиновна Санкт-Петербургский государственный университет г. Санкт-Петербург, Российская Федерация Evgeniya V. Glazanova St Petersburg State University, St Ptersburg, Rissian Federation

zhee.glazanova@gmail.com

Ерофеева Елена Валентиновна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Elena V. Erofeeva
Perm State University, Perm, Russian Federation
elenerofee@gmail.com

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ: РУССКАЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ КАРТИНА
МИРА VS НАУЧНАЯ КАРТИНА МИРА
SPACE AND TIME: RUSSIAN PHRASEOLOGICAL PICTURE OF THE WORLD VS
SCIENTIFIC PICTURE OF THE WORLD

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о кодировании пространственных расстояний и временных интервалов в русской фразеологии. Уделяется внимание отражению во фразеологических единицах разных моделей времени и пространства, которые противоречат друг другу в научной картине мира. Цель исследования — проанализировать систему кодирования пространства и времени с помощью фразеологических единиц в русском языке и установить, кодируются ли пространство и время разными способами или их кодировка образует единую систему. В качестве метода исследования используется моделирование градуального эталона; экспериментальный материал — 56 фразеологизмов, обозначающих пространственных промежутки и временные интервалы; в исследовании приняли участие 127 информантов; совокупный объём проанализированных реакций составил 3 640 реакций. Исследование показало, что в градуальных эталонах пространственных промежутков и временных интервалов, построенных на основе русских фразеологизмов, можно выделить зоны, которые кодируются с помощью определенных средств: близкие зоны — через номинации частей тела и его движений; далекие — через дальние страны и неизведанные мифологические миры, т. е. кодировка происходит по сходным принципам. Общность кодировки этих координат указывает на то, что во фразеологической картине мира они едины и представляют собой измерения единой системы, единого «пространства-времени».

Abstract

The paper considers the issue of encoding distances and time intervals in Russian phraseology. We view the ways of phraseological units to reflect various models of time and space that contradict each other in the scientific picture of the world. The study aims to analyze the system of encoding space and time by means of phraseological units and determine whether it is performed by separate ways or by a coherent system of means. Gradual standard modeling was used as a method for this study, based on 56 phraseological units denoting space and time intervals and the total of 3640 reactions obtained from 127 listeners. The results demonstrate that in gradual standards for space and time intervals built on Russian phraseological units it is possible to single out zones that are encoded by certain means: close zone – by nominating body parts and its movements and remote zones – by nominating far-away countries and undiscovered mythological worlds, i. e. encoding is performed on a similar basis. This similarity of encoding space and time coordinates proves that in Russian phraseological picture of the world they are common being dimensions of one single system of "space-time".

Ключевые слова: пространство, время, фразеологические единицы, семантика, кодирование, психолингвистический эксперимент, градуальный эталон, пространство-время.

Keywords: space, time, phraseological units, semantics, encoding, psycho-linguistic experiment, gradual standard, space-time.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_1_14_27

1. Введение

Категории пространства и времени являются основополагающими онтологическими категориями, которые, с одной стороны, находят отражение в языке и языковой картине мира человека, с другой стороны, осмысляются философией и наукой.

В философии пространство и время рассматриваются как важнейшие формы бытия и категории сознания. Эти категории с древних времен являлись предметом обсуждения философов [Аристотель, 1978–1981; Лурье, 1970; Плешков, 2013 и др.], и подход к рассмотрению этих понятий менялся в зависимости от научной парадигмы или школы.

В философской картине мира существенно разделять материалистический и идеалистический подходы к трактовкам категорий пространства и времени. В рамках материалистического подхода пространство и время рассматриваются как универсальные, всеобщие категории, имеющие объективный характер и неотделимые от материи: пространство — как порядок расположения одновременно сосуществующих материальных объектов, время — как последовательность существования сменяющих друг друга материальных явлений [Мелюхин, 1983; Энгельс, 1925 и др.]. Философы-идеалисты считают пространство и время субъективными формами сознания [Беркли, 1978; Гайденко, 2003; Гегель, 1975; Гурьянов, 2010; Кант, 1994; Хайдеггер, 2003 и др.].

В современной философии принято выделять две основных философских концепции пространства и времени: субстанциональную и релятивистскую. В рамках субстанциональной концепции пространство и время рассматриваются как независимые от материи сущности, а свойства пространства и времени признавались объективными и независимыми от характера материальных процессов и событий, протекающих в них [Визгин, 2000; Лурье, 1970; Ньютон, 1989 и др.]. В рамках реляционной концепции пространство и время рассматриваются как система отношений взаимодействующих материальных объектов и вне этой системы не существуют, соответственно, свойства пространства и времени зависят от характера материальных систем [Аристотель, 1978—1981; Гегель, 1975; Энгельс, 1925 и др.].

Реляционные концепции пространства и времени нашли своё отражение в релятивистской физике, где они рассматриваются не как отдельные категории, а как единство — «пространство-время», как система координат, в которую входят равноправные пространственные и временные измерения. В то же время в современной физике существуют различные точки зрения на свойства «пространства-времени» и применимость данного понятия в разных физических теориях [Хокинг, Пенроуз, 2018]. В частности, существует подход к трактовке времени, принадлежащий И. Р. Пригожину, в рамках которого время рассматривается как «фундаментальное измерение бытия» в отрыве от пространства и постулируется его необратимость, поэтически названная А. Эддингтоном «стрелой времени». В рамках этой концепции времени его необратимость является созидающей силой, обусловливающей эволюцию [Пригожин, Стенгерс, 2003].

Для лингвистики пространство и время интересны прежде всего тем, как они передаются в разных языках и какие универсальные и специфические свойства пространства и времени фиксируются в языковой картине мира. Лингвистика, как наука гу-

манитарная, обращается прежде всего к субъективным характеристикам пространства и времени: их «наивным» образам, субъективным способам их «восприятия, познания, переживания и освоения человеком и социумом» [Толстая, 2011, с. 8].

С точки зрения языковой картины мира и языкового сознания в филогенезе и онтогенезе категория «времени» является вторичной по отношении к категории «пространства». Восприятие пространства и ориентация в пространстве являются базовыми психическими способностями человека и высших животных [Леонтьев, 2005; Levinson, 2003 и др.], при этом в онтогенезе пространственная ориентация появляется одной из первых [Ананьев, Рыбалко, 1964; Пиаже, Инельдер, 1963 и др.] и на её основе развиваются другие системы ориентации и другие высшие психические функции, в том числе и восприятие времени [Блинникова, 2003]. При этом в разных культурах осмысление данных категорий и репрезентация их в культуре и языке бывают весьма различными [Дмитриев, 2007 и др.].

Изучению пространственных и временных репрезентаций в языке посвящено немало работ [Арутюнова, 2002; Гак, 1997; Касевич, 2004; Кравченко, 1996; Логический анализ..., 1997, 2000; Падучева, 2000; Пространство и время..., 2011; Топоров, 1983 и мн. др.], в которых рассматриваются различные аспекты данного явления, от культурологических до грамматических, а также способы моделирования пространства и времени в языковой картине мира.

В данной работе предметом рассмотрения является кодирование пространственных расстояний и временных интервалов в русской фразеологии. Фразеологические единицы интересны тем, что фиксируют в своей семантике наиболее яркие, стереотипичные и архетипичные представления народа о строении мира, его мировидение и миропонимание; это «свёртка» когнитивно значимой информации о мире [Телия, 1996]. При этом важно, что фразеология отражает наивную картину мира, являющуюся «базой данных и базой знаний, без которых невозможно принятие любых повседневных решений как текущего, так и долговременного характера» [Касевич, 2004, с. 78], поэтому во фразеологических единицах могут быть отражены разные модели времени и пространства, которые противоречат друг другу в научной картине мира, но вполне могут уживаться в бытовой, ситуативной и динамичной.

2. Материал и методы исследования

Целью исследования было установить, составляют ли фразеологические номинации со значениями пространственных расстояний и временных интервалов единую систему координат в сознании носителей языка или на ментальной карте носителей русского языка пространство и время кодируются разными способами и являются разными системами.

С этой целью был проведён психолингвистический эксперимент, в качестве метода исследования в котором использовался метод моделирования градуального эталона, предложенный В. Я. Шабесом. «Под градуальным эталоном понимается непрерывная линейная координата сознания, характеризующаяся двумя полярными максимальными значениями в зонах её пределов и нейтральным (либо "нормальным") значением в её межполюсной зоне» [Шабес, 1989, с. 23]. В. Я. Шабес отмечает, что на градуальный эталон могут накладываться шкалы любого типа [Шабес, 2008, с. 35–36]. В данной работе осуществляется попытка построения и сопоставления шкал кодирования пространственных расстояний и временных интервалов в русских фразеологизмах.

Эксперимент проходил в два этапа. В ходе первого этапа осуществлялось моделирование шкалы пространственных расстояний, в ходе второго – временных интервалов. Оба этапа эксперимента проводились по одной и той же методике: информантам раскладывали карточки с фразеологизмами, обозначающими пространственные расстояния или временные интервалы, от «самого далекого» до «самого близкого» (или наоборот).

В качестве материала исследования использовались 56 фразеологических оборота, отобранных из Словаря синонимов ASIS [Тришин, 2013]: 28 — со значением пространственного расстояния, 28 — со значением временного интервала (полный список фразеологизмов представлен на рисунках ниже).

В качестве информантов выступили студенты Санкт-Петербургского государственного университета (18–20 лет). На каждом этапе в эксперименте принимали участие по две группы информантов. Количество участников эксперимента и полученных реакций представлено в таблице 1.

Таблица 1. Характеристика выборки информантов и количества реакций (в абс. ед.)

Этапы эксперимента		Количество информантов	Количество реакций	
Этап 1. ПРОСТРАНСТВО	Близко → далеко	34	952	
	Далеко → близко	26	728	
Этап 2. ВРЕМЯ	Близко → далеко	33	924	
	Далеко → близко	37	1036	
ВСЕГО		127	3 640	

В качестве меры центральной тенденции использовалась медиана; коэффициент согласованности мнений испытуемых рассчитывался по формуле D=S/N, где N- это общее количество испытуемых, а S- количество ненулевых оценок [Шабес, 1989]; для определения тесноты связи между распределениями медиан в разных сериях эксперимента применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

3. Результаты

3.1. Согласованность ответов информантов

Согласованность оценок показывает, насколько устойчивы и однотипны представления испытуемых. Вариационный размах коэффициентов согласованности, полученных в ходе эксперимента, можно условно разделить на три интервала: [0,1-0,3) – хорошее согласие, [0,3-0,6) – среднее согласие, [0,6-0,8) – плохое согласие [Глазанова, 2006]. Данные о согласованности оценок в сериях эксперимента представлены в таблице 2.

Таблица 2. Согласованность оценок в сериях эксперимента (в абс. ед.)

IC1-1	Количество стимулов			
Коэффициент согласия	Близко → далеко	Далеко → близко		
Этап 1. ПРОСТРАНСТВО				
[0,1-0,3) – хорошее	2	15		
[0,3-0,6) – среднее	26	13		
[0,6-0,8) – плохое	0	0		
Этап 2. ВРЕМЯ				
[0,1-0,3) – хорошее	0	0		
[0,3-0,6) – среднее	28	24		
[0,6-0,8) – плохое	0	4		

Как показывает таблица 2, в основном наблюдается средняя степень согласованности оценок, что обычно для лингвистических стимулов. При этом согласованность ответов в эксперименте на пространственные расстояния выше, чем в эксперименте на временные интервалы. В целом согласие оценок показывает, что оценка пространственных расстояний более интерсубъективна, чем оценка временных интервалов.

В случае с пространственными стимулами, средний коэффициент согласованности ответов испытуемых лучше (0,26) при построении шкалы расстояний от «далеко» к «близко», в то время как при построении шкалы расстояний от «близко» к «далеко» средний коэффициент согласованности равен 0,46. Временные стимулы показывают средние коэффициенты согласованности ответов: при построении шкалы от «далеко» к «близко» и от «близко» к «далеко» коэффициенты согласованности равны 0,54 и 0,43 соответственно и в целом очень близки коэффициенту согласованности ответов при построении шкалы пространственных расстояний от «близко» к «далеко». Таким образом, стабильнее всего квалифицируют пространственные стимулы, когда раскладывают их от дальнего к ближнему, т. е. пространственное приближение является психологически маркированным.

Высокую степень согласованности ответов на первом этапе эксперимента при варианте расположения от самого далекого к самому близкому получили следующие стимулы: на волосок; под самым носом; не за горами; под носом; рукой подать; за версту; под боком; в двух шагах; в трёх шагах; за семь вёрст; на носу; в минуте ходьбы; на краю света; на почтительном расстоянии; на краю земли. Эти же стимулы имеют наилучшие коэффициенты согласия. Как можно заметить, большинство из них обозначает небольшие пространственные интервалы, которые включают названия частей тела или движений тела (шагов, ходьбы, движений руки), а также конкретных мер расстояний и ориентиров. Известно, что пространство во многих культурах кодируется через человеческое тело (см., например [Топоров 1983]), это наиболее архетипичные меры расстояния, очевидно, «прозрачные» и для русского языкового сознания; указание на конкретные меры и ориентиры также трактуется всеми информантами однотипно. В то же время в список однозначных для информантов стимулов попали и фразеологизмы, обозначающие очень далекие расстояния (на краю света, на краю земли): в данном случае согласованность ответов объясняется указанием на предел, который единообразно трактуется всеми информантами как нечто весьма далёкое.

Коэффициент корреляции Спирмена между ответами разных групп информантов на обоих этапах эксперимента показывает значимую и очень высокую степень обратной корреляции (для этапа $1-r_s=-0.999$; для этапа $2-r_s=-0.994$). Это значит, что, несмотря на среднюю согласованность ответов информантов, в целом структура системы ментальных координат пространства и времени, зафиксированная в русской фразеологии весьма стабильна, и порядок стимулов при раскладывании в разных направлениях меняется несущественно.

3.2. Субъективность временной шкалы и «стрела времени»

В языковой картине мира время «субъективнее» пространства по многим причинам (см. [Кравченко, 1996; Логический анализ..., 1997; Пространство и время..., 2011 и мн. др.]), в том числе – из-за его направления. Выполняя задания по расположению фразеологизмов от «самого близкого по времени» к «самому далёкому по времени», все информанты в ментальном пространстве движутся из точки момента говорения (сейчас), но, возможно, в разные стороны (в прошлое и будущее); при выполнении же задания от «самого далёкого по времени» к «самому близкому по времени» некоторые информанты могут начать движение к моменту речи (сейчас) из прошлого, тогда как

другие — из будущего. Рассмотренная с этой точки зрения, физическая модель времени как стрелы не работает в ментальном субъективном пространстве.

Однако следует обратить внимание и на другую особенность ментального времени. Семантически фразеологизмы со значением временных интервалов отличаются не только тем, что обозначают временные интервалы разной длины, но и тем, что интервалы, которые они называют, могут находиться только в будущем, только в прошлом, а также и в прошлом, и в будущем. Использованные в эксперименте фразеологизмы были проверены с этой точки зрения по Национальному корпусу русского языка.

Оказалось, что к фразеологизмам, которые всегда обозначают временные отрезки в будущем относительно момента речи относятся из исследованных следующие: в меновение ока; в один миг; глазом моргнуть не успеешь; ахнуть не успеешь; в один момент; оглянуться не успеешь; с минуты на минуту; раз-два и готово; одна нога здесь, другая там; на носу; на пороге; со дня на день; не сегодня завтра; не за горами; долгая песня; после дождичка в четверг; как до Луны на тракторе. Например: «Я бросить отдел не могу, у меня на носу юбилейная выставка Хлудова, целый месяц придётся копаться в запасниках музея, отыскивать его картины и рисунки и составлять каталог». (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей. 1964) (Все примеры здесь и ниже взяты из [Национальный корпус русского языка: электр. ресурс]).

Напротив, фразеологизмы без году неделя, много воды утекло, при царе горохе, быльём поросло, во время оно, до потопа всегда описывает события в прошлом. Например: «Немцы пришли и по спискам забрали еврейских детей. Сначала все думали, что в гетто — а потом узнали, что всех расстреляли. Для меня все это было как при царе Горохе. А для неё как сейчас». (М. Шишкин. Венерин волос. 2004).

Фразеологизмы считанные часы, считанные дни, на днях, бог знает когда, чёрт знает когда могут относиться к отрезку времени, находящемуся и в будущем, и в прошлом. Например: «И вот я подумал, не может ли быть, что Гражданская война, бесконечное безжалостное убийство своих своими, от которого только Бог знает когда мы оправимся, было Божьим наказанием» (В. Шаров. Воскрешение Лазаря. 1997–2002); «Везу тебе, любимая моя, подарки, а самый чудесный из них — янтарь с доисторической уховерткой, и видны все ее лапки и зазубринки, какими ухо почесывала Бог знает когда» (М. Шишкин. Венерин волос. 2004).

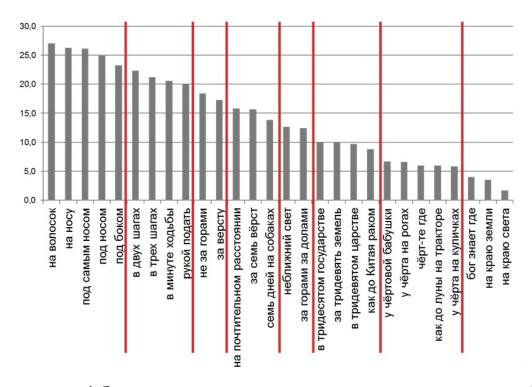
Сопоставление этих данных и медианы для каждого из фразеологизмов показало, что фразеологизмы, называющие короткие промежутки времени, обозначают интервалы только из будущего; фразеологизмы, которые относятся только к прошлому, обозначают длинные промежутки времени. Эти наблюдения, очевидно, отражают общие тенденции фразеологической картины времени в русском языковом сознании: носители языка предпочитают создавать фразеологизмы для обозначения коротких промежутков времени в будущем и длинных – в прошлом.

В теории времени И. Пригожина существенное значение играет концепция так называемого «протяженного настоящего» [Пригожин, 1985]. В отличие от традиционного представления о времени как прямой линии, где настоящее — лишь точка на оси «прошлое — будущее», И. Пригожин предложил концепцию времени, в которой «прошлое отделено от будущего интервалом, длина которого определяется характерным временем тс, и настоящее обретает продолжительность» [Там же: 239]. Именно в этом слое накапливается влияние прошлого и происходят изменения, которые определяют траекторию будущего развития. На наш взгляд, можно сопоставить короткие промежутки времени, закодированные в русских фразеологизмах типа в меновение ока, в один мие и т. п., и «протяжённое настоящее» физических концепций времени: значение таких фразеологизмов можно трактовать как определение границы наступления будущего.

Таким образом, в целом противореча концепции однонаправленности времени и подтверждая субъективные идеалистические концепции времени, русская фразеология отражает в языковой картине мира представления о протяжённом настоящем и его направленности в будущее.

3.3. Градуальный эталон пространственных расстояний

Распределение медиан пространственных расстояний мы рассматриваем как структуру градуального эталона (см. рис. 1). Статистически в данном распределении довольно трудно однозначно выделить какие-то зоны, однако лингвистический материал даёт опору для выделения 8 зон (см. рис. 1).

Р и с у н о к 1. Зоны в градуальном эталоне пространственных расстояний

Выделение зон позволяет наложить шкалу кодирования на градуальный эталон расстояний, зафиксированный в русских фразеологических единицах. Категории данной шкалы связаны с психологическим членением пространства и репрезентируется определёнными языковыми способами (см. табл. 3).

Таблица 3. Ментальная шкала пространственных расстояний в русских фразеологизмах

Зона	Фразеологизмы	Репрезентация
Непосредственная близость	на волосок, на носу, под самым носом, под носом, под боком	Тело
Очень близко	в двух шагах, в трех шагах, в минуте ходьбы, рукой подать	Движения
Довольно близко	за горами, за версту	Ориентир, единичная мера расстояния

Окончание таблицы 3

Зона	Фразеологизмы	Репрезентация
Неблизко	на почтительном расстоянии, за семь вёрст, семь дней на собаках	Определенное количество расстояния или времени
Далеко	не ближний свет, за горами за долами	Неопределенное количество расстояния
Очень далеко	в тридесятом государстве, за тридевять земель, в тридевятом царстве, как до Китая раком	Неведомые территории
Неизвестно где	у чёртовой бабушки, у чёрта на рогах, чёрт-те где, как до Луны на тракторе, у чёрта на куличках	Территория демонических сил
На грани	бог знает где, на краю земли, на краю света	Территория божественных сил

3.4. Градуальный эталон временных интервалов

Аналогично можно представить и структуру градуального эталона временных интервалов с опорой на языковую репрезентацию в распределении медиан определённые зоны (см. рис. 2).

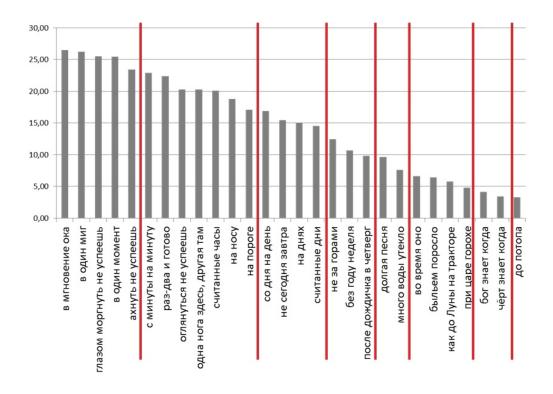

Рисунок 2. Зоны в градуальном эталоне временных интервалов

Ментальная шкала временных отрезков, представленная в таблице 4, может быть рассмотрена как шкала субъективного времени, характерная для русского языкового сознания.

Таблица 4. Ментальная шкала временных интервалов в русских фразеологизмах

Зона	Фразеологизмы	Репрезентация
Непосредственная близость	в мгновение ока, в один миг, глазом моргнуть не успеешь, в один момент, ахнуть не успеешь	Рефлекторные движения
Очень близко	с минуты на минуту, раз-два и готово, оглянуться не успеешь, одна нога здесь другая там, считанные часы, на носу, на пороге	Тело и движения тела, официальные наименования небольших единиц времени
Довольно близко	со дня на день, не сегодня завтра, на днях, считанные дни	День как мера времени
Не близко	не за горами, без году неделя	Неофициальные меры времени
Далеко	после дождичка в четверг, долгая песня, много воды утекло	Природные ориентиры
Очень далеко	во время оно, быльем поросло, как до Луны на тракторе, при царе горохе	Мифологические времена и территории
Неизвестно когда	бог знает когда, чёрт знает когда	Божественные и демонические силы
За гранью	до потопа	Точка начала времен

3.4. Сопоставление кодирования пространства и времени в русских фразеологизмах

Совмещение кодировок пространственных расстояний и временных интервалов в русской фразеологии показывает, что они не полностью тождественны, однако способы их кодирования очень близки (см. рис. 3).

ПРОСТРАНО	тво			9 9	
Тело Движения	Единичная мера расстояния	Определенное количество Неопределенное	количество Неведомые территории	Демонические силы Божественные силы	
Рефлекторные движения Тело и движения тела	Наименования небольших единиц времени	День как мера времени Неофициальные меры времени	Природные ориентиры Мифологические времена и территории	Божественные и демонические силы	в Точка начала времен В

Рисунок 3. «Пространство-время» русских фразеологизмов

В обоих случаях наиболее близкие зоны кодируются через тело и его движения, а самые дальние через отсылку к мифологическим неведомым временам и территориям, а также демоническим и божественным силам. В средних зонах эталона наблюдается меньшее конкретное сходство зон, но типологически они тем не менее связаны — в качестве кода используются определённые и неопределённые меры и эталоны пространственных расстояний и временных интервалов.

В целом сопоставимость репрезентаций пространственных расстояний и временных интервалов позволяет рассматривать их как единое «пространство-время», представленное в языковом сознании носителей русского языка сходными зонами и способами кодировки этих зон (см. рис. 3).

4. Выводы

Проведённое исследование репрезентации пространственных расстояний и временных интервалов в русских фразеологизмах показало, что в языковом сознании носителей языка сосуществуют различные научные подходы к пониманию пространства и времени, т. е. языковая картина мира объемлет различные концепции.

Кодировка как пространственных расстояний, так и временных интервалов происходит по сходным принципам: в обоих случаях кодирование близких зон происходит через тело и его движения; далёких – через неизвестные территории и мифологические миры. Общность кодировки этих координат указывает на то, что во фразеологической картине мира они едины и представляют собой измерения единой системы, единого «пространства-времени». Однако есть одно существенное отличие: кодировка временных интервалов включает отсылку на начало времени, но не на начало пространства, т. е. теория большого взрыва во фразеологической картине мира верна только для «временной стрелы».

Список литературы

- Ананьев, Рыбалко, 1964 Ананьев, Б. Г. Особенности восприятия пространства у детей [Текст] / Б. Г. Ананьев, Е. Ф. Рыбалко М.: Просвещение, 1964. 304 с.
- Аристотель, 1978–1981 Аристотель. Сочинения: в 4-х т. [Текст] / Аристотель. М.: Мысль, 1978. Т. 2. 688 с. 1981. Т. 3. 616 с.
- Арутюнова, 2002 Арутюнова, Н. Д. В целом о целом: Время и пространство в концептуализации действительности [Текст] / Н. Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Семантика начала и конца / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2002. С. 3—18.
- Беркли, 1978 Беркли, Дж. Трактат о принципах человеческого знания [Текст] / Дж. Беркли // Беркли Дж. Сочинения. М.: Мысль, 1978. С. 152—247.
- Блинникова, 2003 Блинникова, И. В. Роль зрительного опыта в развитии психических функций [Текст] / И. В. Блинникова ; Ин-т психологии РАН. М., 2003. 142 с.
- Визгин, 2000 Визгин, В. П. Взаимосвязь онтологии и физики в атомизме Демокрита (на примере анализа понятия пустоты) [Текст] / В. П. Визгин // Философия природы в античности и средние века. М.: Прогресс; Традиция, 2000. С. 79–90.
- Гайденко, 2003 Гайденко, П. П. Проблема времени у Канта: время как априорная форма чувственности и вневременность вещей в себе [Текст] / П. П. Гайденко // Вопросы философии. -2003. № 9. С. 134—150.
- Гак, 1997Γ ак, В. Г. Пространство времени [Текст] / В. Г. Гак // Логический анализ языка: Язык и время: Посвящается светлой памяти Н. И. Толстого / отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Индрик, 1997. С. 122-130.
- Гегель, 1975 Гегель, Г. Энциклопедия философских наук [Текст] / Г. Гегель М. : Мысль, 1975. Т. 2 : Философия природы. 695 с.

- Глазанова, 2006 Глазанова, Е. В. Что такое хорошо и что такое плохо? [Текст] / Е. В. Глазанова // ...Слово отзовется: памяти А. С. Штерн и Л. В. Сахарного / отв. ред. Т. И. Доценко и др. Пермь, 2006. С. 187–196.
- Гурьянов, 2010 Гурьянов, А. С. Диалектика времени и пространства: феноменологические недоразумения [Текст] / А. С. Гурьянов // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2010. Т. 152, кн. 1. С. 74—81.
- Дмитриев, 2007 Дмитриев, А. В. Пространство и время в традиционной культуре: историографический аспект историко-культурного изучения [Текст] / А. В. Дмитриев // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. История. 2007. Вып. 4. С. 267—279.
- Кант, 1994 Кант, И. Критика чистого разума. [Текст] / И. Кант ; пер. Н. Лосского. М. : Мысль, 1994. 591 с.
- Касевич, 2004 Касевич, В. Б. Буддизм. Картина мира. Язык [Текст] / В. Б. Касевич СПб. : Издво С.-Петербург. ун-та, 2004. 282 с.
- Кравченко, 1996 Кравченко, А. В. Когнитивные структуры пространства и времени в естественном языке [Текст] / А. В. Кравченко // Известия РАН. Серия литературы и языка. 1996. Т. 55. № 3. С. 3—23.
- Леонтьев, 2005 Леонтьев, А. Н. Деятельность. Сознание. Личность [Текст] / А. Н. Леонтьев М.: Смысл; Academia, 2005. 352 с.
- Логический анализ..., 1997 Логический анализ языка: Язык и время: Посвящается светлой памяти Н. И. Толстого [Текст] / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М.: Индрик, 1997. 351 с.
- Логический анализ..., 2000 Логический анализ языка: Языки пространств [Текст] / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М.: Языки рус. культуры, 2000. — 448 с.
- Лурье, 1970 Лурье, С. Я. Демокрит: Тексты. Перевод. Исследования [Текст] / С. Я. Лурье. Л. : Наука, 1970. 664 с.
- Мелюхин, 1983 Мелюхин, С. Т. Пространство и время [Текст] / С. Т. Мелюхин // Философский энциклопедический словарь. Москва: Советская энциклопедия, 1983. С. 541–542.
- Ньютон, 1989 Ньютон, И. Математические начала натуральной философии [Текст] / И. Ньютон; пер. с лат. и прим. А. Н. Крылова. М.: Наука, 1989. 688 с.
- Падучева, 2000 Падучева, Е. В. Пространство в обличии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) [Текст] / Е. В. Падучева // Логический анализ языка: Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки рус. культуры, 2000. С. 239–255.
- Пиаже, Инельдер, 1963 Пиаже, Ж. Генезис элементарных логических структур: Классификации и сериации [Текст] / Ж. Пиаже, Б. Инельдер; пер. с фр. Э. М. Пчелкина. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. 448 с.
- Плешков, 2013 Плешков, А. А. О времени и вечности в философии Платона и Плотина [Текст] / А. А. Плешков // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2013. Т. 14. Вып. 3. С. 216–223.
- Пригожин, 1985 Пригожин, И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках [Текст] / И. Пригожин М.: Наука, 1985. –328 с.
- Пригожин, Стенгерс, 2003 Пригожин, И. Время, хаос, квант: К решению парадокса времени / И. Пригожин, И. Стенгерс. М.: Эдиториал УРСС, 2003. 240 с.
- Пространство и время..., 2011 Пространство и время в языке и культуре [Текст] / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2011. 368 с.
- Телия, 1996— Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия— М.: Языки русской культуры, 1996.— 288 с.
- Толстая, 2011 Толстая, С. М. Пространство и время в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) [Текст] / С. М. Толстая // Пространство и время в языке и культуре / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2011. С. 7—12.
- Топоров, 1983 Топоров, В. Н. Пространство и текст [Текст] / В. Н. Топоров // Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 227–284.

- Тришин, 2013 Тришин, В. Н. Большой словарь-справочник синонимов русского языка системы ASIS. 2013 [Электронный ресурс] / В. Н. Тришин. URL: http://www.trishin.ru/left/dictionary.
- Хайдеггер, 2003 Хайдеггер, М. Бытие и время [Текст] / М. Хайдеггер; пер. с нем. В. В. Бибихина. Харьков: Фолио, 2003. 503 с.
- Хокинг, Пенроуз, 2018 Хокинг, С. Природа пространства и времени [Текст] / С. Хокинг, Р. Пенроуз ; пер. О. С. Сажина. М. : АСТ, 2018. 192 с.
- Шабес, 1989 Шабес, В. Я. Событие и текст [Текст] / В. Я. Шабес М.: Высшая школа, 1989. 175 с.
- Шабес, 2008 Шабес, В. Я. Типология градуальных репрезентаций [Текст] / В. Я. Шабес // Проблемы социо- и психолингвистики / отв. ред. Т. И. Ерофеева; Перм. гос. ун-т. Пермь, 2008. Вып. 11: Языковая вариативность. С. 30—43.
- Энгельс, (1925) Энгельс, Ф. Диалектика природы. [Электронный ресурс] / Ф. Энгельс. URL : http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001011/st000.shtml.
- Levinson, 2003 Levinson, S. C. Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity [Text] / S. C. Levinson Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 390 p.

References

- Anan'ev, B. G., Rybalko, E. F. (1964). *Osobennosti vospriyatiya prostranstva u detey* [Perceiving space by children]. Moscow: Prosveshchenie Press.
- Aristotle. (1978–1981). Sochineniya [Essays]: In 4 volumes. Moscow: Mysl' Press.
- Arutyunova, N. D. (2002). V tselom o tselom: Vremya i prostranstvo v kontseptualizatsii deystvitel'nosti [In general about general: Time and space in conceptualizing activity]. In N. D. Arutyunova (ed.), *Logicheskiy analiz yazyka: Semantika nachala i kontsa* [Logical analysis of the language: Semantics of beginning and end] (pp. 3–18). Moscow: Indrik Press.
- Berkeley, G. (1978). Traktat o printsipakh chelovecheskogo znaniya [A Treatise Concerning the Principles of Human Knowledge]. In G. Berkeley, *Sochineniya* [Essays] (pp. 152–247). Moscow: Mysl' Press.
- Blinnikova, I. V. (2003). *Rol' zritel'nogo opyta v razvitii psikhicheskikh funktsiy* [The role of visual experience in psychic functions development]. Moscow: The Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences.
- Vizgin, V. P. (2000). Vzaimosvyaz' ontologii i fiziki v atomizme Demokrita (na primere analiza ponyatiya pustoty) [The relationship between ontology and physics in Democritus atomic theory (The analysis of the notion "emptiness")]. *Filosofiya prirody v antichnosti i srednie veka* [The philosophy of nature in Antiquity and Medieval time periods] (pp. 79–90). Moscow: Progress; Traditsiya, Press.
- Gaydenko, P. P. (2003). Problema vremeni u Kanta: vremya kak apriornaya forma chuvstvennosti i vnevremennost' veshchey v sebe [The notion of time in Kant's philosophy: Time as a priori sensibility and timelessness of things-in-themseltves]. *Voprosy filosofii* [Problems of Philosophy], 9, 134–150.
- Gak, V. G. (1997). Prostranstvo vremeni [The time space]. In N. D. Arutyunova, T. E. Yanko (eds.), Logicheskiy analiz yazyka: Yazyk i vremya: Posvyashchaetsya svetloy pamyati N. I. Tolstogo [Logical Analysis of Language: Language and Time: Of N. I. Tolstoy Blessed Memory] (pp. 122–130). Moscow: Indrik Press.
- Hegel, G. (1975). *Entsiklopediya filosofskikh nauk* [Encyclopedia of Philosophical Sciences]. Vol. 2: Filosofiya prirody [Philosophy of Nature]. Moscow: Mysl' Press.
- Glazanova, E. V. (2006). Chto takoe khorosho i chto takoe plokho? [What is good and what is bad?]. In T. I. Dotsenko et al. (eds.), ... Slovo otzovetsya: pamyati A. S. Shtern i L. V. Sakharnogo [... A word will echo: A commemorative volume in honor of A. S. Shtern and L. V. Sakharnyy] (pp. 187–196). Perm.
- Gurianov, A. S. (2010). Dialektika vremeni i prostranstva: fenomenologicheskie nedorazumeniya [Dialectics of Time and Space: Phenomenological Misunderstanding]. *Uchenye zapiski*

- *Kazanskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities Series], 152 (1), 74–81.
- Dmitriev, A. V. (2007). Prostranstvo i vremya v traditsionnoy kul'ture: istoriograficheskiy aspekt istoriko-kul'turnogo izucheniya [Space and time in traditional culture: historiographic aspect of historical and cultural studying]. Vestnik Sankt-Peterb. un-ta. Istoriya [Vestnik of Saint Petersburg University], 4, 267–279.
- Kant, I. (1994). *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Translated into Russian by N. Losskiy. Moscow: Mysl' Press.
- Kasevich, V. B. (2004). *Buddizm. Kartina mira. Yazyk* [Buddhism. The picture of the world. Language]. St Petersburg: St Petersburg University Press.
- Kravchenko, A. V. (1996). Kognitivnye struktury prostranstva i vremeni v estestvennom yazyke [Cognitive structures of time and space in natural language]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in literature and Language], 55 (3), 3–23.
- Leontev, A. N. (2005). *Deyatel'nost'*. *Soznanie*. *Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Smysl Press; Academia Press.
- Arutyunova, N. D., Yanko, T. E. (eds). (1997). *Logicheskiy analiz yazyka: Yazyk i vremya: Posvyashchaetsya svetloy pamyati N. I. Tolstogo* [Logical Analysis of Language: Language and Time: Of N. I. Tolstoy Blessed Memory]. Moscow: Indrik Press.
- Arutyunova, N. D., Levontina, I. B. (eds.). (2000). Logicheskiy analiz yazyka: Yazyki prostranstv [Logical Analysis of Language: Language and space]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Press.
- Lurie, S. Ya. (1970). *Demokrit: Teksty. Perevod. Issledovaniya* [Democritus: Texts. Translation. Research]. Leningrad: Nauka Press.
- Melyukhin, S. T. (1983). Prostranstvo i vremya [Space and time]. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Encyclopedic dictionary in philosophy] (pp. 541–542). Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Press.
- N'yuton, I. (1989). *Matematicheskie nachala natural'noy filosofii* [Mathematical principles of natural philosophy]. Translation from Latin and comments by A. N. Krylova. Moscow: Nauka, 1989. 688 s.
- Paducheva, E. V. Prostranstvo v oblichii vremeni i naoborot (k tipologii metonimicheskikh perenosov) [Space in terms of time and vice versa (The typology of metonymic transpositions)]. In N. D. Arutyunova, I. B. Levontina (eds.), *Logicheskiy analiz yazyka: Yazyki prostranstv* [Logical Analysis of Language: Language and space] (pp. 239–255). Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Press.
- Piaget, J., Inhelder, B. (1963). *Genezis elementarnykh logicheskikh struktur: Klassifikatsii i seriatsii* [La genese des structures logiques elementaires]. Translated from French by E. M. Pchelkina. Moscow: Inostrannaya literatura Press.
- Pleshkov, A. A. (2013). O vremeni i vechnosti v filosofii Platona i Plotina [On time and eternity in Plato and Plotinus]. *Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii* [Herald of the Russian Christian Academy for humanities], 14 (3), 216–223.
- Prigozhin, I. (1985). Ot sushchestvuyushchego k voznikayushchemu: Vremya i slozhnosť v fizicheskikh naukakh [From essential to emerging: Time and complexity in physical sciences]. Moscow: Nauka Press.
- Prigozhin, I., Stengers, I. (2003). *Vremya, khaos, kvant: K resheniyu paradoksa vremeni* [Time, chaos, quatum: Solving the paradox of time]. Moscow: Editorial URSS Press.
- Tolstaya, S. M. (ed.). (2011). *Prostranstvo i vremya v yazyke i kul'ture* [Space and time in language and culture]. Moscow: Indrik Press.
- Teliya, V. N. (1996). Russkaya frazeologiya. Semanticheskiy, pragmaticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguistic-cultural aspects]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Press.
- Tolstaya, S. M. (2011). Prostranstvo i vremya v etnolingvisticheskoy perspektive (vmesto predisloviya) [Tekst]. In S. M. Tolstaya (ed.), *Prostranstvo i vremya v yazyke i kul'ture* [Space and time in language and culture] (pp. 7–12). Moscow: Indrik Press.

- Toporov, V. N. (1983). Prostranstvo i tekst [Space and text]. *Tekst: semantika i struktura* [Text: Semantics and structure] (pp. 227–284). Moscow.
- Trishin, V. N. *Bol'shoy slovar'-spravochnik sinonimov russkogo yazyka sistemy ASIS*. 2013 [Elektronnyy resurs]. URL: http://www.trishin.ru/left/dictionary.
- Heidegger, M. (2003). *Bytie i vremya* [Being and time]. Translated from German by V. V. Bibikhina. Kharkov: Folio Press.
- Hawking, S., Penrose, R. (2018). *Priroda prostranstva i vremeni* [The nature of space and time]. Translated into Russian by O. S. Sazhin. Moscow: AST Press.
- Shabes, V. Ya. (1989). Sobytie i tekst [Event and text]. M.: Vysshaya shkola Press.
- Shabes, V. Ya. (2008). Tipologiya gradual'nykh reprezentatsiy [Typology of gradual representations]. In T. I. Erofeeva (ed.), *Problemy sotsio- i psikholingvistiki* [Issues of Socio- and Psycholinguistics] (Vol. 11: [Language variance], pp. 30–43). Perm: Perm State University.
- Engels, F. (1925). *Dialektika prirody* [Dialektik der Natur]. Retrieved from http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s01/z0001011/st000.shtml.
- Levinson, S. C. (2003). *Space in Language and Cognition: Explorations in Cognitive Diversity*. Cambridge: Cambridge University Press.

УДК 81'373 UDC 81'373

Гогичев Чермен Герсанович
Российский экономический университете им. Г. В. Плеханова
г. Москва, Российская Федерация
Chermen G. Gogichev
Plekhanov Russian University of Economics
Moscow, Russian Federation

chgo@mail.ru

СОПОСТАВЛЕНИЕ КАК ОПОСРЕДОВАННАЯ КАТЕГОРИЗАЦИЯ MEDIATION AS A CATEGORISATION STRATEGY

Аннотация

В работе проводится исследование сопоставления как одного из механизмов опосредованной категоризации, предполагающего интерпретацию основного объекта посредством вспомогательного. В ходе анализа опосредованной категоризации выделены характеристики объекта, обозначаемого вспомогательным компонентом. Вспомогательный объект рассматривается в качестве основы интерпретации различных явлений или ситуаций. В случае интерпретационного сопоставления речь идёт о представлении некоторого класса или ситуации, позволяющих совершить вывод о квалификации воспринимаемого объекта. Характерной особенностью рассматриваемого вида сопоставлений является то, что: а) данный процесс не приводит к синтезу двух объектов; б) привлекаемые образы часто носят окказиональный характер; в) сопоставляемые явления могут относиться к членам одного класса. При сопоставлении могут использоваться две стратегии: компонент-посредник функционирует наряду с воспринимаемым объектом для формирования класса, в котором выделен релевантный признак. Целью сопоставления является формирование гештальта и выделение гештальтного признака. Другим способом интерпретации является сопоставление исходного объекта со вспомогательным, имеющим необходимые признаки в сегменте выводного знания.

Abstract

The work looks at confrontation as one of the mechanisms of mediated categorization, involving the interpretation of a primary object through a secondary one. In the course of the analysis of mediated categorization, the characteristics of the object denoted by the mediate component are highlighted. The mediator is considered as a basis for interpretation of various phenomena or situations. In the case of an interpretative mapping the representation of a certain class or situation takes place, allowing to draw a conclusion about the qualification of the perceived object. Characteristic features of this type of analogy are: a) this process does not lead to the synthesis of two objects; b) the images are often occasional in nature; c) the mapped phenomena can be members of the same class. In the matching process two strategies can be used: the mediator functions along with the perceived object to highlight the relevant property. The aim of the analogy is formation of a gestalt and the allocation of the gestalt quality. Another way of interpretation is the confrontation of a primary object with a secondary one associated with the necessary qualification.

Ключевые слова: когнитивные структуры, категоризация, сопоставление, интерпретация, выводное знание, гештальт.

Keywords: cognitive structures, categorisation, analogy, interpretation, deduction, gestalt.

doi: 10.22250/2410-7190 2020 6 1 28 40

1. Введение

Способы категоризации внеязыковых явлений относятся к актуальным проблемам современных лингвокогнитивных исследований. Форма отражения окружающего мира в сознании человека, представленная в языке, находится в центре внимания работ Э. Рош, В. И. Абаева, Дж. Лакоффа, Н. Н. Болдырева, З. Д. Поповой, И. Д. Стернина, Н. Д. Арутюновой, В. Н. Телия и других исследователей.

Среди основных задач теории категоризации необходимо упомянуть, прежде всего, выявление структуры образованных категорий, количество и качество признаков, входящих в их состав (см. работы Э. Рош, В. И. Абаева, Дж. Лакоффа, Н. Н. Болдырева, З. Д. Поповой, И. Д. Стернина).

Однако исследования проводятся и в области механизмов формирования категорий (Дж. Лакофф, В. И. Абаев, Н. Д. Арутюнова, В. Н. Телия). В работах указанных ученых рассматриваются процессы категоризации, в основе которых лежат различные механизмы.

Целью нашей работы является описание интерпретационного сопоставления как одного из механизмов опосредованной категоризации, предполагающего интерпретацию основного объекта посредством вспомогательного в семантической области выводного знания. Анализ проводится на фоне традиционного представления о сопоставлении, основанном на сходстве некоторых признаков объектов.

Метод процедурного моделирования процесса категоризации, используемый в нашей работе, предполагает репрезентацию хода включения некоторого объекта в категорию и фиксацию факторов, влияющих на этот процесс.

2. Типы категоризации

Процесс категоризации предполагает включение внеязыкового объекта в некоторый класс. Этот механизм имеет некоторые модификации – непосредственное отнесение объекта к релевантному классу или активизацию определенных механизмов опосредованной категоризации, предполагающих привлечение различных когнитивных структур.

В соответствии с указанными процедурами мы подразделяем процессы категоризации на два типа – прямой и опосредованный.

Под прямой категоризацией мы подразумеваем непосредственное включение объекта в состав категории, представленной в семантике языковых единиц. Подобные категории представлены, как правило, однословным наименованием:

Это – машина / мебель / собака и т. д.

При прямой категоризации в значении языковых единиц выражается класс, к которому говорящий относит внеязыковой объект. Подобные категории образуются результате взаимодействия концепта-модификатора и некоторой исходной категории в ходе когнитивной операции «модификация категории» [Гогичев, 2015 б]. Концепт-модификатор мы понимаем как когнитивный конструкт, под влиянием которого некоторая исходная категория трансформируется, оказываясь на другом уровне категоризации. При этом в исходное представление вносятся изменения, проявляющиеся на языковом уровне в денотативном или сигнификативном компонентах значения. В результате образуется субкатегория, используемая для классификации объектов окружающего мира.

Указанные категории обозначаются нами как идентификаторы, поскольку они только называют некоторый класс.

Процедура опосредованной категоризации понимается нами как когнитивный процесс, связывающий некоторую когнитивную модель с определенной категорией. Эта

связь позволяет слушающему отнести релевантный объект к соответствующему классу на основании названной когнитивной модели.

Данный тип категорий мы называем дескрипторами на основании специфики выражаемых ими признаков. Категоризация на основе дескрипторов происходит путём описания некоторых признаков объекта, выраженных в значении языковых единиц, вследствие чего объект относится к субклассу, который характеризуется представленными когнитивными моделями [Гогичев, 2015 а].

Прямая категоризация основана на непосредственном восприятии некоторого объекта, тождества его внешних признаков, её ход во многом обусловлен многообразием окружающего мира. Мы же обратимся к опосредованной категоризации, поскольку она основана на особенностях собственно человеческого восприятия, на тех чертах, которые сам человек вносит в окружающую действительность.

Опосредованная категоризация предполагает участие вспомогательного компонента, с которым, так или иначе, сопоставляется воспринимаемый объект. В основе механизмов сопоставления часто лежит сравнение, Н. Д. Арутюнова называет такие процессы компаративными или уподобляющими, например:

– Такие люди, как Вася, не опасны [Арутюнова, 1998, с. 302].

Метафоризация также основана на сравнении и установлении сходства как механизме формирования категорий [Телия, 1996].

Однако опосредованная категоризация не всегда предполагает сравнение. Если в качестве посредника привлекается особая категория-классификатор [Гогичев, 2015 в], то отношения сопоставляемых компонентов носят различный характер. Например, для выражения одной из субкатегорий класса «человек» с реализацией признака «безобидность» в русском языке образована категория-когнитивный классификатор «беззащитные существа» (муха, комар). Содержание категории «безобидный человек» включает в себя индикацию отношения объекта к классу «беззащитные существа» – «неспособность нанести даже малейший вред» (комара не обидит) (о кротком, безобидном, добром человеке) или мухи не обидит [ФСРЛЯ, 2000–2019].

В результате сопоставления объектов – основного и вспомогательного – происходит формирование нового класса. В ходе этого процесса, имеющего несколько видов, задействованы разные признаки соответствующих категорий. На анализе этих процедур сопоставления мы остановимся подробнее.

3. Механизмы опосредованной категоризации

В ходе опосредованной категоризации важнейшую роль играют свойства вспомогательного компонента, выступающего посредником при восприятии внеязыкового объекта. Как указывается, в основу сравнения может быть положено сходство основного компонента, выраженного объектом одного класса с типичным представителем или прототипом другого (вспомогательный компонент). В этом случае возникает метафора [Арутюнова, 1998, с. 276], например:

– Эта гора похожа на хамелеона [Арутюнова, 1998, с. 277].

Типичный представитель некоторого класса, привлекаемый для сопоставления, раскрывает отдельные элементы своей семантической структуры, включающие различные аспекты сравниваемых объектов. В качестве основания для сравнения могут привлекаться признаки денотата, например, в идиоме *анютины глазки*. Кроме того, сопоставление может затрагивать элементы сигнификата, например, в метафоре *осёл*

активизируется знание о том, что осёл – глуп. Таким образом, если речь идет о сходстве некоторых признаков денотативно-сигнификативного блока сопоставляемых объектов, то включается механизм метафоры. Этот приём рассматривается исследователями как сходство, использующее некоторые признаки объектов [Арутюнова, 1998].

3.1. Сопоставление и метафора

Метафоризация рассматривается исследователями соединение тождества и подобия: «Метафора создается тем, что подобию придается вид тождества» [Арутюнова, 1998, с. 279]. Метафора основана на весьма важном феномене – синтезе представлений о разных объектах. В. Н. Телия отмечает свойство механизма метафоры «сопоставлять на основе подобия, а затем и синтезировать (курсив наш – Ч. Г.) сущности, соотносимые с разными логическими порядками» [Телия, 1996, с. 136].

Такое соизмерение соотносит формирующееся представление с конвенциональным знанием, представленным стереотипом, эталоном или символом в различных культурах, например, *семантическое поле, строить аргументацию* [Телия, 1996, с. 136]. Результатом подобного соизмерения является выводное знание (о свойствах денотата – Ч. Г.).

Область выводного знания является важным инструментом анализа процесса сопоставления, поскольку позволяет проследить результаты трансформации в структуре сопоставляемых явлений. Например, взаимодействие класса «человек» и эталона «гусь» приводит к синтезу категории «гусь лапчатый» со значением «пройдоха, плут; хитрый, пронырливый человек» [ФСРЛЯ, 2000–2019]. Процесс формирования указанной категории основан на ассоциациях компонента *гусь* (ср. также значение фразеологизма *как с гуся вода*, то есть, обозначающее персону, которой нипочём любые тягости жизни).

Как известно, гуси и гусыни носят особое оперение, покрытое жировой прослойкой. Именно она позволяет отталкивать воду и даёт птицам возможность плавать и нырять, но при этом не мокнуть. Очевидно, к гусям относится и выражение «выйти сухим из воды». Эта группа фразеологизмов берёт начало из заговоров знахарей: «С гуся вода, с тебя – худоба» [СФ, 2013].

Механизм формирования класса «гусь лапчатый» представляет собой выводное знание типа «если ...то...», в котором в первой части каузальной цепи представлена категория «гусь», а во втором – указанные выше ассоциации этого компонента, которые включаются в категорию «человек».

Категория «лидер» с признаками – быть главным в каком-либо деле, руководить каким-либо делом – выражена идиомами задавать / задать тон и играть первую скрипку кто [кому, чем, в чем, чему] [Фёдоров, 2008].

Здесь сопоставляются признаки, характеризующие категорию «человек» и фрейм МУЗЫКА. В знание о фрейме МУЗЫКА включена информация о том, что в оркестре существует иерархия музыкантов, а тот, кто занимает положение первой скрипки – задаёт тон.

В результате процесса метафоризации, синтеза категории «человек» и представленных признаков фрейма МУЗЫКА возникает выводное знание о классе «лидер».

Таким образом, сопоставление, проводимое в ходе метафоризации, предполагает слияние некоторых признаков вспомогательного компонента с основной категорией и формирование нового класса, включающего признаки рассматриваемых объектов. Однако фиксация подобия не всегда затрагивает признаки денотативно-сигнификативного блока вспомогательного компонента. В этой структуре может быть выделена характеристика объекта, обозначаемого вспомогательным компонентом. Вспомогательный объект

превращается в основу интерпретации различных явлений или ситуаций. В таком случае не происходит образования новой категории, сопоставление производится с целью квалификации уже существующего представления.

3.2. Сопоставление как инструмент интерпретации

Сопоставление с целью интерпретации основного компонента приводит к использованию вспомогательного компонента-посредника в качестве средства интерпретации основного понятия. В этом случае выводное знание касается не признаков денотата, а отношения к ним (например, это неприлично, следовательно, стыдно).

Не всякое сопоставление может быть использовано для интерпретации, например, у Коли и Пети могут быть одинаковые носы, но вывод из этого обстоятельства неоднозначен.

Формирование класса как способ интерпретации. Специфика посредника при сопоставлении рассматриваемого типа может быть различной. В некоторых случаях интерпретатор выражен некоторой ситуацией и представляет собой гиперболизацию — выражение максимальной степени актуального признака. Например, ситуация «ключ от квартиры, где деньги лежат» выражает большую степень ценности, сопоставляемую с основным компонентом (десять копеек):

В половине двенадцатого с северо-запада, со стороны деревни Чмаровки, в Старгород вошел молодой человек лет двадцати восьми. За ним бежал беспризорный.

-Дядя! - весело кричал он. -Дай десять копеек!

Молодой человек вынул из кармана налитое яблоко и подал его беспризорному, но тот не отставал. Тогда пешеход остановился, иронически посмотрел на мальчика и воскликнул: — Может быть, тебе дать еще ключ от квартиры, где деньги лежат? Зарвавшийся беспризорный понял всю беспочвенность своих претензий и немедленно отстал [Ильф, Петров, 1928].

Образ «ключ от квартиры, где деньги лежат» связан с ассоциацией «нечто очень ценное». Эта ассоциация рассматривается как квалификация исходной ситуации, в которой мальчик просит десять копеек. В результате просьба получает интерпретацию «ты просишь слишком много». Для актуализации указанной ассоциации привлечён окказиональный образ.

Сопоставление указанного типа может использоваться с помощью оператора «ты/вы бы еще ...»:

- Градусов отклоняется от огромной головни, которую я вытянул из углей, чтобы зажечь сигарету. Ты бы еще бревно взял, бивень!.. орет он (Алексей Иванов. Географ глобус пропил (2002)) [НКРЯ, 2019].
- Большая разница, неожиданно прицепился к нему Тенгиз, в органах могут выдать лопату, а мотыгу не могут выдать... Ты бы еще сказал сеялку-веялку... Ладно, махнул дядя Сандро своим корнем, знаем... (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 1) (1989)) [НКРЯ, 2019].
- Ну и хорошо, произнес Севастьянов, давайте я картошки отварю. Ты бы еще нам каши предложил! сказал Шаблинский (Сергей Довлатов. Компромисс (1981–1984)) [НКРЯ, 2019].

В рассматриваемых примерах также представлен прием гиперболизации исходной ситуации (головня – бревно). Для демонстрации неприемлемости ситуации говоря-

щий использует сопоставление с гораздо большими величинами, с целью обозначения чрезмерности совершаемых действий.

В других случаях сопоставляемые объекты фокусируют некоторую когнитивную область, по отношению к которой квалифицируется рассматриваемый объект. Подобный процесс может происходить на основе принципа гештальта (в классическом представлении К. фон Эренфельса) [von Ehrenfels, 1890]. В качестве гештальтного признака может выступать отдельная сфера общественного сознания. Релевантность подобной структуры может быть проиллюстрирована на примере итальянской пословицы *Amor*, fuoco e tosse presto si conosce (любовь, огонь и кашель от людей не скроешь). Здесь основанием для формирования категории, включающей компоненты «любовь», «огонь» и «кашель» выступает культурно обусловленная сфера общественного сознания «желание / необходимость скрывать что-либо от других людей».

В рассмотренных примерах указание, наряду с «мотыгой», на объекты «сеялка» и «веялка», актуализирует класс «сельскохозяйственные инструменты». Попытка получить данные инструменты от правоохранительных органов интерпретируется как неправомерное требование, поскольку эти объекты не входят в класс «инструменты, используемые органами правопорядка».

Сопоставление компонента «каша» с исходным объектом (картошка), используется для указания на категорию «слишком простая, непритязательная еда». Базовый признак категории выступает в качестве основы интерпретации исходного объекта и выражения недовольства предлагаемым угощением.

Среди других операторов, функционирующих подобным образом, можно отметить конструкции типа *а ещё можно ..., а давай мы ...*:

— А что бы они делали в Третьяковской галерее? Плевали бы в «Явление Христа народу»? — в нем куда заметней разрыв с русской иконописной традицией. А ещё можно поджечь «Мишек в сосновом бору», кинуться грудью на «Девятый вал» Айвазовского. Господа пусененавистники, уймитесь! И уймите ваших! Иначе мы останемся не только без искусства, но и без конфет (Александр Тимофеевский. Выставка // «Русская жизнь», 2012) [НКРЯ, 2019].

В рассмотренных случаях вспомогательный компонент используется для образования микрокласса, состоящего из квалифицируемого объекта и сопоставляемого с ним посредника. Содержанием интерпретации являются признаки микрокласса, возникающие в результате объединения различных объектов в соответствии с принципом гештальта. Однако интерпретация объекта может происходить на основе свойств компонента-посредника, без обращения к более сложным структурам.

Интерпретация на основе отдельной единицы. Сопоставления могут вводиться операторами, переводящими высказывание в модус нереальности. Все они маркируют исходную ситуацию как нереальную. В подобных конструкциях широко распространён оператор «(это) как если бы». Он часто предшествует различным окказионально фиксируемым ситуациям-фразам типа, это как если бы Дарт Вейдер принял буддизм, это как если бы я лежала посреди облака, это как если бы данный нейрон вставал на чужую точку зрения:

— Одна известная певица, узнав о том, что Вы хотите принять православие, написала на своей страничке в Фейсбуке— «это как если бы Дарт Вейдер принял буддизм». Как вам такое мнение? [Тагава, 2015].

В данном случае рассматриваемый оператор вводит конструкцию с ассоциацией «невозможность». Вывод основан на знании о том, что персонаж фильма «Звездные

войны» Дарт Вейдер не может стать буддистом хотя бы потому, что в фильме не представлены подобные религиозные воззрения. Содержание ассоциации переносится на квалифицируемую ситуацию.

Ещё одним оператором, относящимся к ситуациям, выводным знанием о которых является свойство «невозможность», является «скорее». Здесь можно вспомнить известный исторический эпизод, когда незадолго до штурма крепости Измаил А. В. Суворов послал ультиматум начальнику крепости великому сераскеру Айдозле-Мехметпаше: «Я с войсками сюда прибыл. Двадцать четыре часа на размышление — и воля. Первый мой выстрел — уже неволя. Штурм — смерть». Ответ великого сераскера был достойным: «Скорее Дунай потечёт вспять и небо упадёт на землю, чем сдастся Измаил».

В ответе сераскера используется знание о заведомой невозможности ситуации, привлекаемой для сопоставления — «Дунай, текущий вспять». Вывод, следующий из данной ситуации, используется как интерпретация исходной, подлежащей осмыслению — сдача крепости невозможна [Штурм Измаила, 2019].

В некоторых случаях в языке существуют заготовки для интерпретации большого круга явлений, рассматриваемых как невероятные:

Well, I'll be a monkey's uncle!

Used to express surprise or disbelief — especially to intensify a previous statement, this phrase dates to 1925, the year of the Scopes Monkey trial, a landmark court case in Tennessee over the legality of teaching evolution in a state-funded school. The phrase is usually regarded as a sarcastic response to Charles Darwin's theory of evolution, which was beginning to see wider public acceptance in the first part of the 20th century [Oxford Dictionaries, 2019] — дословно 'Ну, да, а я буду дядей обезьяны! Используется для выражения удивления или недоверия — особенно, для интенсификации предыдущего высказывания. Эта фраза возникла в 1925 г., в период рассмотрения дела Scopes Monkey в Теннесси относительно законности нововведений в методике преподавания в государственной школе. Она обычно рассматривается как саркастический ответ на теорию эволюции Дарвина, которая стала получать распространение в первой половине 20-го века' (здесь и далее перевод наш — Ч. Г.). Ср. также pigs might fly 'свиньи могут летать'.

При использовании оператора «всё равно, как если бы» могут фиксироваться различные состояния человека:

(восторг)

- Ведь **это всё равно, как если бы** жить в одно время и рядом с Пушкиным (И. Бунин, Жизнь Арсеньева) [Грамота.ру, 2019];

(ужас)

- И когда филин выскочил из-под кучи, то это было для птиц в**сё равно, как** если бы у нас на свету черт показался (М. Пришвин, Филин) [Грамота.ру, 2019];
- При соответствующем масштабе **это всё равно, как если бы** взорвался центр Москвы в пределах Бульварного кольца (А. Кузнецов, Бабий Яр) [Грамота.ру, 2019].

В некоторых случаях вывод из обозначенных обстоятельств не представляется однозначным. В таких случаях означаемое состояние может указываться наряду с ситуацией-посредником, сообщающей слушающему необходимую квалификацию происходящего (необходимые фрагменты выделены автором – Ч. Г.):

— Я прекрасно понимаю, что это было самое обыкновенное чувство **стыда**, — всё равно как если бы тебе предложили прогуляться голой по улице (Б. Хазанов. Циклоп) [Грамота.ру, 2019].

- Фигура героини сделана так просто, что прозвище «маркиза» является какойто **лишней прицепкой**, всё равно как если бы Вы мужику продели сквозь губу золотое кольио (А. Чехов. Письмо Е. М. Шавровой) [Грамота.ру, 2019].
- Во-вторых, всё идёт к тому, что впервые на Олимпиаду допустят невалидированные (неопубликованные, непроверенные и неподтвержденные) методы проведения тестов. Это особенно касается методов обнаружения ЭПО. По нашим данным, американцы разрабатывают метод, подробности которого неизвестны и вряд ли станут известны до начала Олимпиады. Это всё равно что предложить: давай сыграем в карты, вот только во что и по каким правилам не скажем, а результат объявим позже. Нецивилизованно, противоречит принятым правилам, однако МОК готов, насколько известно, пойти на этот беспрецедентный шаг (Андрей Митьков. «Мы все знали и без этой записки». Год назад спортивные чиновники знали, что у наших спортсменов будут искать допинг (2003) // («Известия», 2003.02.07)) [НКРЯ, 2019].
- Например, схема "Люди у нас хорошие государство у нас плохое". Если журналист писал о том, что кому-то живётся плохо, то в этом виноваты исключительно чиновники, а не сами эти люди, которые могли, но не хотели поправить своё положение. Я не спорю, государство несёт определённую долю ответственности за происходящее, но замыкаться на этой теме значит побуждать людей к иждивенчеству, пассивности и депрессии. Это всё равно что посадить человека в пустую комнату и подключить аппарат, который будет заставлять его думать только о плохом. Человек сойдёт с ума (Д. Соколов. Нет больше сил терпеть безнадёгу (2002) // «Витрина читающей России», 2002.10.25) [НКРЯ, 2019].

В рассмотренных примерах выражены самые разные значения. Релевантное состояние или чувство (стыд) указывается до сопоставления, а затем приводится ситуация, назначение которой состоит в детализации этого состояния и более точной интерпретации. В данном случае релевантным является высшая степень переживания этого чувства, поскольку гулять голой по улице – это очень стыдно.

Особенностью приведённого способа интерпретации является то, что ситуацияпосредник представляет собой основание для получения выводного знания (играть в игру, не раскрывая правил — нецивилизованно, противоречит принятым представлениям, жить в одно время с А. С. Пушкиным — находиться рядом с чем-то великим и прекрасным, показался чёрт — неожиданно и страшно, взорвался центр Москвы — катастрофа). Данному типу интерпретативных конструкций не требуется каких-либо дополнений для совершения вывода. Он формируется индивидуально на основе посредника и используется для квалификации исходной ситуации: филин выскочил из-под кучи — неожиданно и страшно.

Интерпретация некоторого объекта может осуществляться в виде сопоставления с привлечением различных средств — операторов, модальности и выражать различные значения. Такие конструкции могут быть не только положительными, но и включать отрицание.

4. Сопоставление на основе отрицательных конструкций

Сопоставление в ходе категоризации может осуществляться также и в составе отрицательных конструкций. Интерпретация в виде отсутствия тождества на основе образа-посредника с фиксированным набором признаков имеет определённую функцию. Как отмечает Н. Д. Арутюнова: «Отрицание тождества замещает собой отрицание подобия и в конечном счете отрицание присущности предмету некоторых свойств...» [Арутюнова, 1998, с. 285].

В рамках отрицательной категоризации реализуются различные значения. Н. Н. Болдырев отмечает такие основные характеристики, как: отсутствие, несоответствие, отрицательная оценка и отрицательная коммуникативная реакция [Болдырев, 2012, с. 94]. Указанные значения выражаются и в составе отрицательных сопоставлений. Например, «несоответствие», определяемое как «отрицательная интерпретация принадлежности события, объекта или признака конкретной категории, их тождественности друг другу или определенному образцу» [Болдырев, 2012, с. 94].

Фиксация несоответствия рассматриваемого объекта некоторому представлению осуществляется при помощи различных операторов, например, это вам не ...! это тебе не...! это все равно, что не ...:

— Это вам не американец, у которого ощущение самости и самостийности в крови (Сергей Сычев, Андрей Звягинцев. «Русское терпение переплавилось в покорность» // «Огонек», 2014)) [НКРЯ, 2019].

В приведённом примере выводное знание затрагивает спектр денотативных признаков – отсутствие у рассматриваемого объекта «ощущения самости и самостийности в крови».

Отрицание в значении «несоответствие» может касаться и области моторных функций (в смысле Э. Рош), связанных с сопоставляемыми объектами (ничего доброго не будет, если над этим не трудиться):

— Многие родители рассуждают так: вырастет, сам все поймет. Но это всё равно, что не обрабатывать землю и говорить: зерно само вырастет. Нет, вырастет репей, крапива, бурьян, полынь, вырастет что угодно, но не зерно. Ничего доброго не будет, если над этим не трудиться. Известно, что сорняк растёт и размножается сам, а доброе семя нужно поливать, удобрять, полоть, окапывать, чтобы произросло что-то доброе (Протоиерей Димитрий Смирнов. Проповеди (1984—1989)) [НКРЯ, 2019].

В этом же качестве рассматривается фразеологизм «сиднем просидели» в значении «бездельничать». Говорящим приводится пример ситуации, при которой рассматриваемые действия были бы правильными – если бы это был Северо-Западный фронт, то было бы возможным безделье, однако это не так:

– Это вам не Северо-Западный фронт, где вы полвойны сиднем просидели и немецкая артиллерия стреляла по часам! (Э. Г. Казакевич. Звезда (1946)) [НКРЯ, 2019].

Нужно отметить также отрицательные конструкции в значении «отсутствие»:

— Что там ни говори, а балалайка по нынешним временам — вещица крайне редкая. Это вам не гитара, бренчать на которой дозволено даже тем, кому в младенческом возрасте медведь наступил на ухо (Ким Балков. Балалайка // «Сибирские огни», 2013) [НКРЯ, 2019].

В дополнение к представленным Н. Н. Болдыревым значениям можно привести значение «невозможность»:

– Я не сомневался, что ни один из них не станет просто так, за здорово живёшь, мне исповедоваться. Это тебе не с тёткой болтать! Тут нужны мотивировки (Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)) [НКРЯ, 2019].

Во всех приведённых примерах отражается рассмотренный выше способ сопоставления, при котором, наряду с указанием некоторого образа, происходит фиксация

релевантных признаков. Признаки подобных образов-посредников не проявляются однозначно в ходе сопоставления, чем и вызвана необходимость фиксации основы сравнения.

Необходимо отметить, что отрицательные конструкции формируются также и на основе конвенциональных образов, не требующих указания актуальных признаков:

— Стойте, стойте, — сказал Зыбин и положил руку на пакет. — Так обращаться с музейными ценностями нельзя. Это вам не семечки (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978)) [НКРЯ, 2019].

«Семечки» в русском языковом сознании ассоциируются с признаком «нечто незначительное», обращение с которым не требует особой внимательности. В результате фиксации несоответствия категорий «музейные ценности» классу-посреднику «семечки» происходит определение способа взаимодействия с предметами, представляющими музейную ценность.

Как видно из проведённого анализа, интерпретация в рамках сопоставления часто проводится на основе окказиональных посредников. Однако в языке существует инвентарь, всегда основанный на узуальных ассоциациях привлекаемых образов, в который входят идиомы. Их семантика довольно часто основана на механизме интерпретации исходного объекта или ситуации, для которой используется внутренняя форма идиом.

5. Сопоставление в семантике идиом

Сопоставление как способ категоризации часто используется в сфере конвенциональных образов, представленных в семантике идиом. Этот класс фразеологизмов довольно обширен и представлен самыми разнообразными структурами: бок о бок, как рыбке зонтик, как сажа бела, быть стройным как тополь, метаться как зверь в клетке и т. д. В случае употребления этих фразеологических единиц в ходе сопоставления некоторого явления с принятым в данной культуре эталоном актуализируется выводное знание.

Значение фразеологизма как рыбке зонтик (ср. нужен как покойнику галоши, что зайцу курево, нужен как собаке «здрасьте») также формируется как вывод из описанной ситуации и имеет вид «лишний, бесполезный» [СС, 2019]. Выводное знание используется для интерпретации основного компонента.

Фразеологизм как сажа бела предполагает актуализацию выводного знания «плохо»: дела как сажа бела — очень плохи, никуда не годятся:

— Тут дела как сажа бела; прислали фотографа, сняли людей для партдокументов. А Синцову пока что от ворот поворот (К. Симонов. Живые и мёртвые) [ФСРЛЯ, 2000—2019].

В ходе интерпретации некоторой ситуации производится отсылка к указанному фразеологизму, являющемуся оценочным шаблоном и не имеющему денотативного наполнения. Негативная оценка выводится из сочетания компонентов фразеологизма, поскольку сажа всегда чёрного цвета. Оценка привлекается для интерпретации вновь воспринимаемой ситуации.

В состав идиом, функционирующих на рассматриваемом способе сопоставления, можно включить те идиомы, которые представляют собой некоторую ситуацию. Другие типы конструкций, например, структура «квалификатор – объект» (см. подробнее [Гогичев, 2015 в]) не предполагают интерпретации. Они основаны на метафоре, нацеленной на синтез признаков основного и вспомогательного компонентов. Например, идиома длинный язык предполагает включение метафорической характеристики «длин-

ный» в структуру категории «человек». Характеристика касается той части категории, в которой представлены речевые способности человека. Она метонимически представлена компонентом «язык». При этом образуется новая категория (человек болтливый): 1. у кого. Кто-либо болтлив, не сдерживается в разговоре:

– А Макар на одном месте долго работать не мог: либо его увольняли «за длинный язык», либо сам бросал работу (И. Укусов. После войны) [ФСРЛЯ, 2000–2019].

Отличия представленных типов категоризации выражаются в содержании выводного знания – при необходимости интерпретации исходной ситуации содержание выводного знания является основой формирования отношения к воспринимаемому явлению. Если идиома формируется для синтеза новой категории, то исходное явление получает дополнительные признаки, актуализируемые внутренней формой фразеологической единицы или денотативный компонент формируемого класса полностью образуобраза ется на основе вспомогательного (cp. также лизать пятки, стать / становиться поперёк горла, плясать под дудочку, не все дома, как с гуся вода, выходить сухим из воды, дядя, достань воробушка, медведь на ухо наступил).

6. Выводы

Механизм опосредованной категоризации основан на использовании промежуточного компонента. Семантическая структура такого посредника может являться основанием для категоризации объекта (метафора) или его интерпретации. В случае метафоры некоторые признаки вспомогательного компонента, выступающего в качестве посредника, включаются в структуру основного объекта. В результате формируется новая категория, синтезирующая в своём составе свойства обоих компонентов.

В случае же интерпретационного сопоставления речь идет о представлении некоторого класса или ситуации, позволяющих совершить вывод о квалификации воспринимаемого объекта. Характерной особенностью рассматриваемого вида сопоставлений является то, что: а) данный процесс не приводит к синтезу двух объектов; б) привлекаемые образы часто носят окказиональный характер; в) сопоставляемые явления могут относиться к членам одного класса.

Механизм интерпретационного сопоставления принципиально отличается от метафоры намерением проиллюстрировать, а затем и квалифицировать некоторую ситуацию на примере других ситуаций, отношение к которым в данной культуре фиксировано. Метафора направлена на формирование денотата языкового выражения, а интерпретирующее сопоставление — на квалификацию денотата.

В ходе сопоставления могут использоваться две стратегии: компонент-посредник функционирует наряду с воспринимаемым объектом для формирования класса, в котором выделен релевантный признак. Таким образом, целью сопоставления является формирование гештальта и выделение гештальтного признака. Другим способом интерпретации является сопоставление исходного объекта со вспомогательным, имеющим необходимые признаки в сегменте выводного знания. Указанные признаки используются для интерпретации воспринимаемого объекта.

Выводное знание, связанное с объектом-посредником может быть сформировано в результате анализа ассоциаций представленного образа или на основе сочетания прямых значений компонентов. Если же вывод представляется неясным, то сопоставление сопровождается указанием релевантного признака. Таким образом, происходит интерпретация объекта с различных точек зрения, например, фиксация отношения человека к данной ситуации.

Список литературы

- Арутюнова, 1998 Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека [Текст] / Н. Д. Арутюнова. М. : Языки русской культуры, 1998. 896 с.
- Болдырев, 2012 Болдырев, Н. Н. Категориальная система языка [Текст] / Н. Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. 2012. Вып. 10. С. 17—120.
- Гогичев, 2015 а Гогичев, Ч. Г. Категории-имена и категории-действия в немецком языке [Текст] / Ч. Г. Гогичев // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. 2015 а. Сер. 3 : Филология. № 3 (43). С. 59—67.
- Гогичев, $2015 \, \text{б}$ Гогичев, Ч. Г. Способы реализации модифицирующих концептов в немецком языке [Текст] / Ч. Г. Гогичев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. $2015 \, \text{б}$. № 12. Ч. 2. С. 51—55.
- Гогичев, 2015 в Гогичев, Ч. Г. Структура внутренней формы фразеологизмов-идиом класса «человек» немецкого языка: механизм формирования актуального значения [Текст] / Ч. Г. Гогичев // Альманах современной науки и образования. 2015 в. № 11 (101). С. 29–32.
- Телия, 1996 Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты [Текст] / В. Н. Телия. М.: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
- von Ehrenfels, 1890 von Ehrenfels, C. (1890). Über Gestaltqualitäten [Text] / C. von Ehrenfels // Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie. Vol. 14. Leipzig, 1890. S. 249–292.

Источники

- Ильф, Петров, 1928 Ильф, И. Глава VII. Великий комбинатор [Электронный ресурс] / И. Ильф, Е. Петров // Двенадцать стульев. URL: http://www.az.lib.ru/i/ilfpetrov/text_0120.shtml (дата обращения 11.09.2019). [1-е изд. 1928].
- Тагава, 2015 Кэри Тагава: Не боюсь смерти, боюсь быть недостойным любви Бога [Электронный ресурс] // Православная жизнь. 26.11.2015. URL: http://www.pravlife.org/content/keritagava-ne-boyus-smerti-boyus-byt-nedostoynym-lyubvi-boga (дата обращения 11.09.2019).
- НКРЯ, 2019 Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru (дата обращения 11.09.2019).
- СФ, 2013 Словарь фразеологизмов [Электронный ресурс]. 2008—2014. URL: http://www.frazbook.ru/2013/09/17/gus-lapchatyj/ (дата обращения 14.09.2019).
- СС, 2019 Словарь синонимов [Электронный ресурс]. Академик, 2000–2019. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/96658/нужен (дата обращения 14.09.2019).
- Грамота.ру, 2019 Грамота.ру: [Электронный ресурс]. URL: http://www.gramota.tv/spravka/punctum?layout=item&id=58_808 (дата обращения 14.09.2019).
- ФСРЛЯ, 2000–2019 Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс]. Академик, 2000–2019. URL: https://phraseology.academic.ru/7595/комара_не_обидит (дата обращения 14.09.2019).
- Фёдоров, 2008 Фёдоров, А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка [Электронный ресурс] / А. И. Фёдоров. 2008. URL: http://www.enc-dic.com/rusphrase/Igrat-pervuju-skripku-8415/ (дата обращения 14.09.2019).
- Штурм Измаила, 2019 Штурм Измаила. [Электронный ресурс] // Википедия. Свободная энциклопедия. URL: https://www.ru.wikipedia.org/wiki/Штурм_Измаила (дата обращения 16.09.2019).
- Oxford dictionaries, 2019 Oxford dictionaries [Электронный ресурс]. URL: http://www.blog. oxforddictionaries.com/2014/12/monkey-business-and-other-phrases (дата обращения 17.09.2019).

References

- Arutyunova, N. D. (1998). *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the world of man]. Moscow: Yazyki russkoy kultury Press.
- Boldyrev, N. N. (2012). Kategorial'naya sistema yazyka [The categorical system of the language]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 10, 17–120.

- Gogichev, Ch. G. (2015 a). Kategorii-imena i kategorii-dejstviya v nemetskom yazyke [Categoriesnouns and categories-actions in German]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta* [St. Tikhons University Review], 3 (43), 59–67.
- Gogichev, Ch. G. (2015 b). Sposoby realizatsii modifitsiruyushchikh kontseptov v nemetskom yazyke [Means to realize modifying concepts in the German language]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Issues of theory and practice], 12 (2), 51–55.
- Gogichev, Ch. G. (2015 v). Struktura vnutrennej formy frazeologizmov-idiom klassa «chelovek» nemetskogo yazyka: mekhanizm formirovaniya aktual'nogo znacheniya [Structure of inner form of phraseological units idioms of the class "man" in the German language: Mechanism of actual meaning formation]. *Al'manakh sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education], 11 (101), 29–32.
- Teliya, V. N. (1996). Russkaya frazeologiya. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty [Russian phraseology. Semantic, pragmatic and linguoculturological aspects]. Moscow: Yazyki russkoy kultury Press.
- von Ehrenfels, C. (1890). Über Gestaltqualitäten. *Vierteljahrsschrift für wissenschaftliche Philosophie* (Vol. 14, S. 249–292). Leipzig.

Resources

- Il'f, I. Petrov, E. Glava VII. Velikiy kombinator [Chapter VII. The great strategist]. *Dvenadtsat' stul'ev* [Twelve chairs]. Retrieved September 11, 2019 from http://www.az.lib.ru/i/ilfpetrov/text 0120.shtml>.
- Keri Tagava: Ne boyus' smerti, boyus' byt' nedostoynym lyubvi Boga [Keri Tagava: I am not afraid of death, I am afraid of not being worth of God]. *Pravoslavnaya zhizn'*, 26/11/2015 [Orthodox life, 26/11/2015]. Retrieved September 11, 2019 from http://www.pravlife.org/content/keri-tagava-ne-boyus-smerti-boyus-byt-nedostoynym-lyubvi-boga.
- Natsional'nyy korpus russkogo yazyka [National corpus of the Russian language]. Retrieved September 11, 2019 from http://www.ruscorpora.ru.
- Slovar' frazeologizmov [Phraseological Dictionary]. Retrieved September 14, 2019 from http://www.frazbook.ru/2013/09/17/gus-lapchatyj/.
- Slovar' sinonimov [Dictionary of synonyms]. Retrieved September 14, 2019 from https://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_synonims/96658/нужен.
- Gramota.ru. Retrieved September 14, 2019 from http://www.gramota.tv/spravka/punctum? layout=item&id=58_808>.
- Fedorov, A. I. (2008). *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Retrieved September 14, 2019 from http://www.enc-dic.com/rusphrase/Igrat-pervuju-skripku-8415/.
- Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka [Phraseological dictionary of the Russian literary language]. Retrieved September 24, 2019 from https://phraseology.academic.ru/7595/ комара не обидит>.
- Shturm Izmaila [The Storming of Izmail]. Retrieved September 16, 2019 from https://www.ru.wikipedia.org/wiki/Штурм Измаила.
- Oxford dictionaries. Retrieved September 17, 2019 from http://www.blog.oxforddictionaries.com/2014/12/monkey-business-and-other-phrases.

УДК 81'1 UDC 81'1

Голубева Татьяна Юрьевна
Московский городской педагогический университет
г. Москва, Российская Федерация
Таtyana Yu. Golubeva
Moscow City University
Moscow, Russian Federation

tanyagolubeva@mail.ru

ДИСКУРСИВНОЕ ПРОСТРАНСТВО ВЕБ-САЙТА ВОЕННОГО ВУЗА: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ DISCOURSE SPACE OF A MILITARY HIGHER EDUCATION WEBSITE: PRAGMATIC ASPECT

Аннотация

Статья посвящена моделированию дискурсивного пространства веб-сайта военного вуза. Рассматриваются различные подходы к определению понятия «дискурс» и релевантные типологии дискурса. Дискурсивное пространство веб-сайта военного вуза характеризуется с точки зрения типологической соотнесенности входящих в его состав дискурсов, по способу выражения, по каналу передачи информации и национально-культурному параметру. Проводится анализ примеров, раскрывающих прагматические особенности представления информации на страницах сайтов военных вузов США и России, в том числе средства создания имиджа вуза, поддержания диалога с посетителем сайта, побуждения его к действию и повышения открытости образовательной организации. Предлагаются рекомендации для создания англоязычных версий сайтов российских военных вузов, а именно частично компенсировать монологичность и закрытость текстов сайтов за счёт диалогичности посредством употребления местоимений первого и второго лица, открытых вопросов и быстрых кнопок, стимулирующих к совершению действия.

Abstract

The article considers *discourse* space modeling of a military university website. It explores various approaches to the definition of the concept discourse and goes into the relevant discourse typologies. The discourse space of a military university website is based upon the following features: typological correlation of its constituent discourses, mode of expression, channel of information transfer and cultural identity. The analysis of the examples reveals the pragmatic peculiarities of presenting information on the military university websites in the US and Russia specifically the means of creating the image of the university, maintaining a dialogue with the site visitor, encouraging them to act and increasing the transparency of the educational organization. The paper offers practical guidelines on localization of the Russian military university websites, particularly, to compensate for monological character and closeness of the texts of the sites by increasing dialogical character with the use of 1st and 2nd person pronouns, open questions and menu shortcuts encouraging to perform a certain action.

Ключевые слова: дискурс, веб-сайт вуза, типология дискурса, дискурсивное пространство, военный вуз, дискурс веб-сайта военного вуза.

Keywords: discourse, university website, discourse typology, discourse space, military university, military university website.

doi: 10.22250/2410-7190 2020 6 1 41 47

1. Введение. Сайт вуза как дискурсивная формация

Переход к рыночной экономике и интеграция российских вузов в глобальное образовательное пространство способствовали появлению исследований, в том числе лингвистических [Сулейманова, 2017; Агеева, 2017; Жаркова, 2015; Пескова, 2015; Хилалова, 2015; Гербер, 2014 и др.], посвящённых изучению особенностей функционирования сайтов высших учебных заведений во всемирной сети.

С ростом популярности интернета и коммерциализацией образования сайт вуза постепенно превратился из визитной карточки в площадку для переговоров, став мощным маркетинговым инструментом в борьбе вузов за вершины образовательных рейтингов.

Ключевым моментом в формировании современного облика сайта вуза явился переход от информационного контента к продающему. Ориентация на клиента, в том числе и в международных масштабах, легла в основу архитектуры, дизайна и контента сайта вуза. Умение говорить на одном языке с клиентом (т. е. оказывать воздействие, с целью получения прибыли), как учат продавцов и бизнесменов, стало важным ориентиром и в создании эффективного вузовского сайта.

С точки зрения лингвистического содержания, в виртуальном коммуникативном пространстве возникает взаимодействие субъекта и адресата, направленное на достижение определенных коммуникативных целей (где субъектом выступает вуз в широком смысле, а адресатом любое лицо или организация, заинтересованная в получении информации о деятельности вуза). Опираясь на определение, приведенное в известном труде П. Серио «Квадратура смысла», мы можем утверждать, что имеем дело с особым видом дискурса, а именно, воздействием высказывания на получателя с учетом ситуации [Серио, 1999].

Термин «дискурс» получил широкое распространение в лингвистических исследованиях и стал, в некотором роде, «зонтичным», объединяя множество пониманий, созданных представителями различных лингвистических теорий. Так, в вышеупомянутом труде П. Серио приводится восемь интерпретаций термина «дискурс» [Серио, 1999]:

- 1) эквивалент понятия «речь» (по Ф. де Соссюру);
- 2) высказывание или последовательность высказываний, единица речи, по размеру превосходящая фразу;
- 3) воздействие высказывания на получателя с учетом «высказывательной» ситуации (в рамках прагматики и теорий высказывания);
 - 4) беседа, как основной тип высказывания;
- 5) речь говорящего, в противоположность повествованию, которое разворачивается без эксплицитного участия говорящего (вслед за Э. Бенвенистом);
- 6) исследование употребления языковых единиц с учетом дифференциации их функционирования в языке и в речи (по Э. Бюиссансу);
- 7) социально или идеологически ограниченный тип высказывания (институциональный дискурс);
- 8) теоретический конструкт, предназначенный для исследования условий производства текста.

Представитель современной отечественной лингвистической традиции В. Е. Чернявская предлагает четыре возможные трактовки термина «дискурс». Наиболее абстрактным из них представляется понимание «дискурса» в качестве инструмента языкового общения в широком смысле или, более узко, в конкретной области знания; также, в рамках приводимой интерпретации, «дискурс» рассматривается как способ отражения мира отдельной социальной группы или конкретный текст в совокупности с его экстралингвистическими факторами [Чернявская, 2017, с. 104–105].

Популярность дискурс-исследований в мировом научном сообществе способствовала появлению работ, в рамках которых появлялись новые типы и жанры дискурса, что послужило толчком к следующей волне исследований в этой области, посвященной систематизации накопленных знаний. Вариативность трактовок термина, привела к созданию множества разноуровневых типологий, дифференциальные признаки которых описаны в работе А. А. Карамовой [Карамова, 2017]. Анализируя работы учёных, созданные с середины прошлого века, она выделяет 21 категорию-основание, среди них: канал передачи информации, тип носителя информации, жанровые характеристики дискурса, семантическое содержание, сфера и среда общения, способ выражения и многие другие [Там же]. Нельзя не согласиться с автором в том, что создаваемые типологии не всегда являются уникальными, все чаще они дублируют уже существующие, описывая одни и те же типы дискурсов с точки зрения разных критериев и приводя их под разными наименованиями. Проанализировав существующие типологии, А. А. Карамова предпринимает попытку представить универсальную типологию, на основании которой, по её мнению, можно было бы рассмотреть любой из тематически-содержательных типов дискурса с учетом следующих показателей: тема (содержание) дискурса, разноаспектные жанровые критерии (иллокутивная характеристика, формы передачи информации, место в полевой структуре, паралингвистическая осложненность), характер субъекта, временной план дискурса, лингво-культурологический компонент.

Вместе с тем необходимо отметить, что несмотря на заявленную универсальность, классификация, предложенная А. А. Карамовой, имеет в своей основе, прежде всего, тематическую соотнесенность, которая может накладывать некоторые ограничения при анализе таких типов дискурса как виртуальный или массово-коммуникационный. Поэтому расширение основных классификационных признаков за счет добавления к тематическому компоненту социолингвистического (характеризующего участников общения) и прагмалингвистического (характеризующего тональность общения), предложенных ранее В. И. Карасиком в качестве базовых для разграничения типов дискурса [Карасик, 2009, с. 276–277], на наш взгляд представляется вполне оправданным.

2. Прагматические особенности дискурсивного пространства веб-сайта военного вуза

Описывая дискурсивное пространство веб-сайта военного вуза (далее по тексту ВСВВ) с точки зрения типологической соотнесенности сложно однозначно соотнести его с тем или иным типом или жанром дискурса ввиду его принадлежности одновременно и к сфере образования и науки, и к военной сфере, а также к сфере интернет-коммуникации и рекламы. Подтверждение этому мы находим и в исследованиях, посвящённых лингвистическому описанию дискурса образовательных сайтов. Среди ученых и исследователей нет единого мнения относительно типологической принадлежности дискурса веб-сайта вуза. Так, например, в исследовании Л. Ю. Щипицыной дискурс веб-сайта вуза рассматривается как педагогический [Щипицына, 2010], к схожему выводу приходят Е. Н. Пескова [Пескова, 2015] и Д. Е. Гербер [Гербер, 2014]. Другие учёные рассматривают дискурс веб-сайта вуза как вид образовательного [Щепилова и др., 2017] или информационного дискурса [Жаркова, 2015]. Однако ни один из вариантов не предлагает однозначного обоснования принятой типологической соотнесенности, что служит доказательством известного утверждения Т. ван Дейка о том, что определение чётких границ дискурса зачастую невозможно [ван Дейк, 2013, с. 195].

Идея об открытости границ дискурса также прослеживается у М. В. Йоргенсен и Л. Дж. Филлипс, которые рассматривают дискурс скорее в качестве объекта, созданного исследователем, чем самостоятельно существующего и готового к интерпретации [цит.

по: Дуброва, 2015, с. 39]. Интересно отметить, что ряд учёных сходятся во мнении, называя дискурс веб-сайта вуза «гибридным дискурсивным жанром» образовательного дискурса [Щепилова и др., 2017], которому так же свойственна интердискурсивность, как взаимодействие различных видов дискурса на страницах веб-сайта вуза.

Далее, в силу того что дискурсивная формация веб-сайта вуза функционирует не в реальной, а в виртуальной среде, это также накладывает свой отпечаток на её интерпретацию. С. Н. Плотникова, описывая виртуальную коммуникацию, называет её новой моделью человеческого существования, в рамках которой социальное и дискурсивное пространство формируются по чисто коммуникативному принципу, а дискурсивное пространство не совпадает с физическим. Таким образом, вслед за автором, который постулирует, что дискурсивное пространство – это среда сосуществования и функционирования дискурсов, определённых по какому-либо принципу [Плотникова, 2018], веб-сайт военного вуза представляется дискурсивным пространством, в котором сосуществуют образовательный, военный, рекламный и интернет дискурсы, объединённые для достижения определённого прагматического эффекта.

По каналу передачи информации дискурс BCBB безусловно относится к компьютерно-опосредованной коммуникации, а по способу выражения является паралингвистически осложнённым. Это означает, что помимо собственно текста, большое значение для восприятия информации будут иметь шрифты, символы, цвета, картинки, расположение разного рода информации на странице и т. д. [Анисимова, 2003].

Любопытная закономерность соотношения текстового и нетекстового содержания была выявлена нами при проведении контент-анализа сайтов американских и российских военных вузов с помощью программы SiteAnalyzer в версии 2.0.1.202. Для этого были отобраны по 3 сайта с каждой стороны. Сайты американских федеральных академий: www.westpoint.edu, www.usna.edu, www.usmma.edu и российских высших военных училищ www.chvviure.mil.ru, www.tvviku.mil.ru, www.kvvu.mil.ru. В ходе анализа выяснилось, что содержание текстового и нетекстового компонентов на американских сайтах приблизительно равно, в то время как на российских сайтах это соотношение всегда оказывалось в пользу нетекстового компонента, который зачастую представлял собой фотографии в формате јред. На сайтах американских военных вузов, подобный контент, как правило, размещается в виде ссылок на внешние источники, такие как Facebook, Flickr и YouTube, а вот для российских сайтов внешние ссылки редкость. В основном это обязательная ссылка на сайт Министерства обороны в левой части главного меню, которое обычно предназначено для фирменной символики учебного заведения, и ссылки на статьи о вузе в СМИ. Подобная закрытость учебного заведения является характерной чертой военных вузов России, что, в свою очередь, отражается и на характере дискурса, реализуемого посредством сайтов образовательных организаций Министерства обороны.

Дискурс веб-сайта российского военного вуза является в большей степени монологическим. Информация, представленная на нём, организована практически без использования персуазивности, а описания, в подавляющем большинстве случаев, носят дескриптивный характер:

- (1) Представители академии приняли участие в Международном военно-техническом форуме...
- (2) В 2017 году проведён первый выпуск по образовательной программе высшего образования программе подготовки научно-педагогических кадров адъюнктуре по направлению подготовки "Военные науки".

Исключение составляют лишь разделы «История» и «Научная работа», где можно встретить эмоционально окрашенную лексику в виде прилагательных с положительной окраской, и, значительно реже, в превосходной степени:

(3) важнейшее и эффективное средство; славные традиции; опытные офицеры; геройские подвиги; замечательные морально-боевые качества и др.

Также для дискурса веб-сайта российского военного вуза характерно использование безличных конструкций, например,

(4) Подготовка адъюнктов осуществляется по основным образовательным программам высшего образования,

а интерактивность ограничена функцией «задать вопрос» и «сообщить об ошибке».

Американским сайтам, напротив, свойственна выраженная диалогичность за счёт употребления:

- а) местоимений 1 и 2 лица оиг, уои:
- (5) If **you** are selected to attend the Academy, **you** will receive... 'Поступив в академию, ты будешь иметь...'
- (6) **Our** research centers bring context to the classroom... 'наши научно-исследовательские центры способствуют процессу обучения';
 - б) «открытых» вопросов:
- (7) Applicants must have the necessary critical thinking ... **Do you have what it takes?** 'Абитуриенты должны обладать критическим мышлением...**Ты такой?** '
- в) наличия обратной связи в виде ссылок на социальные сети и различные сообщества, быстрых кнопок, призывающих перейти к различного рода действиям (например, подать заявку, чтобы принять участие во вступительных испытаниях).

Американские сайты также изобилуют персуазивными языковыми средствами. К их числу относятся: ярко выраженная положительная оценка, указание на престиж, богатую историю или другие преимущества и достижения данного вуза:

- (8) ...the **preeminent** leader development institution 'ведущий управленческий вуз';
- (9) ...being accepted for West Point is an exceptional honor 'nocmynumь в Вест Пойнт великая честь';

средства интенсификации:

- (10) **overarching** goal 'важнейшая цель';
- (11) **best and brightest** high school students apply to West Point each year 'самые достойные и самые способные старшеклассники каждый год подают документы в Вест Пойнт'.

Таким образом, наблюдаются существенные различия в реализации дискурса веб-сайта военного вуза по национально-культурному параметру, что необходимо учитывать при создании англоязычных клонов российских сайтов (локализации).

3. Заключение

Проведённое исследование свидетельствует о том, что в рамках сайта военного вуза возникает особое дискурсивное пространство, в котором сосуществуют образовательный, военный, рекламный и интернет дискурсы. В целях создания англоязычной версии сайта российского военного вуза и достижения необходимого перлокутивного эффекта следует учитывать разницу в соотношении вышеобозначенных типов дискурса для российской и англоязычной версий. Принимая во внимание монологичность и закрытость текстов сайтов российских военных вузов, для англоязычной версии рекомендуется добавить диалогичности за счёт употребления местоимений первого и второго лица, открытых вопросов, поддерживающих диалог с посетителем сайта и быстрых кнопок, стимулирующих его к совершению действия (напр., заполнению заявки). При переводе следует сделать акцент на той части сайта, которая служит созданию имиджа вуза, подчеркнуть его уникальность и славное историческое прошлое. Используя эмоционально окрашенные прилагательные, а также ссылки на социальные сети и различ-

ные сообщества, где заинтересованный пользователь без труда смог бы отыскать подтверждение заявленной информации, создать представление о качестве образовательных услуг и блестящих перспективах выпускников данного вуза.

Список литературы:

- Агеева, 2019 Агеева, Н. С. Сайт вуза как социально востребованный жанр в виртуальном образовательном пространстве: Ноттингемский университет (Великобритания) [Текст] / Н. С. Агеева // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2019. № 1 (33). С. 87—92.
- Анисимова, 2003 Анисимова, Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) [Текст]: учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов / Е. Е. Анисимова. М.: Издательский центр «Академия», 2003. 128 с.
- Гербер, 2014 Гербер, Д. Е. Гетерогенность дискурса университетских вебсайтов [Электронный ресурс] / Д. Е. Гербер // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология, 2014. Вып. 8. С. 67—73.
- Дейк, 2013 Дейк, Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации: пер. с англ. [Текст] / Т. А. ван Дейк — М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. — 344 с.
- Дуброва, 2015 Дуброва, Ю. Ю. Структурно-содержательная специфика многокомпонентных терминов (на материале военных документов) [Текст]: дис. ...канд. филол. наук 10.02.19 / Дуброва Юлия Юрьевна; Московский гос. лингв. ун-т. М., 2015. 201 с.
- Жаркова, 2015 Жаркова, У. А. Дискурсивные характеристики web-сайта университета: к проблеме структурирования контента [Текст] / У. А. Жаркова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. №5 (47): в 2-х ч. Ч. II. С. 59—61.
- Карамова, 2017 Карамова, А. А. Типологический аспект дискурса [Текст] / А. А. Карамова // Культура и цивилизация. М.: Аналитика Родис, 2017. №7 (1A). С. 361—370.
- Карасик, 2009 Карасик, В. И. Языковые ключи [Текст] / В. И. Карасик. М.: Гнозис, 2009. 406 с.
- Пескова, 2015 Пескова, Е. Н. Дискурс веб-сайта: взаимодействие с другими типами дискурса, жанровые особенности [Текст] / Е. Н. Пескова // Учёные записки ЗабГУ. Филология, история, востоковедение. -2015. -№2 (61). С. 111-116.
- Плотникова, 2018 Плотникова, С. Н. Дискурс и дискурсивное пространство [Текст] / С. Н. Плотникова // Дискурс как универсальная матрица вербального взаимодействия / отв. ред. О. А. Сулейманова. М.: ЛЕНАНД, 2018. С. 31–61.
- Серио, 1999 Серио, П. Как читают тексты во Франции [Текст] / Серио П. // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с фр. и португ. / общ. ред. и вступ. ст. П. Серио ; предисл. Ю. С. Степанова. М. : «Прогресс», 1999. С. 12–53.
- Щепилова и др., 2017 Учет фактора адресата в современном образовательном дискурсе [Текст] / А. В. Щепилова, О. А. Сулейманова, М. А. Фомина, А. А. Водяницкая // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2017. № 3 (27). С. 69–83.
- Хилалова, 2015 Хилалова, Н. Г. Семиотика корпоративного духа в американском университетском дискурсивном пространстве [Электронный ресурс] / Н. Г. Хилалова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. -2015. -№ 4 (46): в 2-х ч. Ч. I. С. 196–199.
- Чернявская, 2017— Чернявская, В. Е. Речевое воздействие в политическом, рекламном и интернет-дискурсе [Текст]: учебник для магистратуры / В. Е. Чернявская, Е. Н. Молодыченко. М.: ЛЕНАНД, 2017. 176 с.
- Щипицына, 2010 Щипицына, Л. Ю. Компьютерно-опосредованная коммуникация: Лингвистический аспект анализа [Текст] / Л. Ю. Щипицына. М.: Красанд, 2010. 296 с.

References

Ageeva, N. S. (2019). Sayt vuza kak sotsialno vostrebovannyy zhanr v virtualnom obrazovatelnom prostranstve: Nottingemskiy universitet (Velikobritaniya) [University website as a socially

- demanded in digital educational space: Nottingham university (Great Britain)]. *Vestnik MGPU. Seriya «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie»* [Vestnik of Moscow City University. Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education»], 1 (33), 87–92.
- Anisimova, E. E. (2003). Lingvistika teksta i mezhkulturnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannyh tekstov) [Text linguistics and cross-cultural communication (a case study of creolized texts)]. Moscow: Akademiya Press.
- Gerber, D. E (2014). Geterogennost diskursa universitetskih vebsaytov [The heterogeneity of university website discourse]. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta im. I.Kanta. Seriya: filologiya, pedagogika, psihologiya* [Vestnik of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Philology, pedagogy, and psychology series], 8, 67–73.
- Dijk, T. A. van (2013) *Diskurs i vlast: Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power. Representation of dominance in language and communication]. Moscow: LIBROKOM Press.
- Doubrova, Yu. Yu. (2015). Strukturno-soderzhatelnaya spetsifika mnogokomponentnyh terminov (na materiale voennyh dokumentov) [Multy-word terms analysis (based on the military documents)]. PhD in Philological sci. diss. Moscow: Moscow State Linguistic University.
- Zharkova, U. A. (2015). Diskursivnye harakteristiki web-sayta universiteta: k probleme strukturirovaniya kontenta [Discursive characteristics of a university website: on the problem of structuring the content]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Theory and practice questions], 5–2 (47), 59–61.
- Karamova, A. A. (2017). Tipologicheskiy aspekt diskursa [Discourse: a typological aspect]. *Kultura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 7 (1A), 361–370.
- Karasik, V. I. (2017). Yazykovye klyuchi [Language keys]. Moscow: Gnozis Press.
- Peskova, E. N. (2015). Diskurs veb-sayta: vzaimodeystvie s drugimi tipami diskursa, zhanrovye osobennosti [The website discourse: interaction with other types of discourse, genre features]. *Uchenye zapiski ZabGU. Filologiya, istoriya, vostokovedenie* [Scholarly Notes of Transbaikal State University. Philology, History, Oriental Studies], 2 (61), 111–116.
- Plotnikova, S. N. (2018). Diskurs i diskursivnoe prostranstvo [Discourse and discourse space]. In O. A. Suleymanova (Ed.), *Diskurs kak universalnaya matritsa verbalnogo vzaimodeystviya* [Discourse as a universal matrix of verbal interaction] (pp. 31–61). Moscow: LENAND Press.
- Serio, P. (1999). Kak chitayut teksty vo Francii [How they read texts in France]. In P. Serio (Ed.), *Kvadratura smysla: Francuzskaya shkola analiza diskursa* [French school of discourse analysis] (pp. 12–53). Moscow: ProgressPress.
- Shchepilova, A. V., Suleymanova, O. A., Fomina, M. A., Vodyanitskaya, A. A. (2017). Uchet faktora adresata v sovremennom obrazovatelnom diskurse [Target Audience in Contemporary Educational Discourse]. *Vestnik MGPU. Seriya «Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie»* [Vestnik of Moscow City University. Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education»], 3 (27), 69–83.
- Hilalova, N. G. (2015). Semiotika korporativnogo duha v amerikanskom universitetskom diskursivnom prostranstve [Semiotics of corporate spirit in the american university discursive space]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological sciences. Theory and practice questions], 4–1 (46), 196–199.
- Chernyavskaya, V. E., Molodychenko, E. N. (2017) *Rechevoe vozdejstvie v politicheskom, reklamnom i internet-diskurse* [Linguistic manipulation in political, advertising and internet discourse]. Moscow: LENAND Press.
- Shchipitsyna, L. Yu. (2010). *Kompyuterno-oposredovannaya kommunikatsiya: Lingvisticheskiy aspekt analiza* [Computer-mediated communication: linguistic aspect of analysis]. Moscow: Krasand Press.

УДК 81'22 UDC 81'22

Зурабова Лана Руслановна
Московский городской педагогический университет г. Москва, Российская Федерация
Lana R. Zurabova
Moscow City University
Moscow, Russian Federation
ZurabovaLR@mgpu.ru

ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ В УСЛОВИЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ: СТАНОВЛЕНИЕ ОБЛАСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ CODE SWITCHING AND BILINGUALISM: ORIGIN OF THE FIELD OF LINGUISTIC RESEARCH

Аннотация

Статья посвящена изучению теоретических основ становления переключения языковых кодов (ПК) в качестве самостоятельного направления лингвистических исследований. В работе представлены положения ключевых работ в области языковых контактов и двуязычия, в частности, исследований У. Вайнрайха, Э. Хаугена, Г. Баркера, Л. В. Щербы, Х. Фогта, Ч. Фергюсона, Дж. Фишмана, С. ЭрвинТрипп, Дж. Гамперца, Я.-П. Блома, И. Гофмана. Цель статьи состоит в выявлении и описании развития идей и подходов, лежащих в основе исследований переключения кодов в условиях двуязычия. Предлагается терминологическое обоснование использования терминов код и переключение кода, метафорическое ПК, ситуационное ПК, диглоссия, опора, контекстуализирующий сигнал и др. В статье выделяются основные социальные функции языка, особенности речевых привычек билингвов и типы билингвизма; определяется роль структуралистской парадигмы Ф. де Соссюра в ранних исследованиях ПК; описываются функциональные разграничения использования вариантов одного языка / двух разных языков в зависимости от коммуникативной ситуации. В работе обосновывается вклад Дж. Гамперца в социолингвистические направление теории ПК, в частности, работы о типах переключения и сдвиге в социальной обстановке. В заключении автор представляет актуальные теории современных направлений анализа ПК и перспективные для будущих исследований аспекты изучения переключений.

Abstract

The article presents a study of the theoretical foundation of code-switching (CS) as an independent field of linguistic research. The paper reviews key studies in language contacts and bilingualism, in particular, those of U. Weinreich, E. Haugen, G. Barker, L. Shcherba, H. Vogt, C. Ferguson, J. Fishman, S. M. Ervin-Tripp, J. Gumperz, J. P. Blom and E. Goffman. This paper focuses on the development of ideas and approaches that have formed the field of code-switching and defines such concepts as *code*, *code-switching*, *situational and situational switching*, *diglossia*, *footing*, *contextualization cue* etc. The author also highlights main social functions of language, describes bilingual speech behavior and types of bilingualism. It also determines the role of structuralism in the early studies of CS and the contribution of J. Gumperz to the sociolinguistic approach to CS, particularly his research into social settings and types of switching. In conclusion the author presents key theories in modern approaches to CS and emphasizes promising areas for further CS research.

Ключевые слова: переключение кодов, языковые контакты, билингвизм, контекстуализирущий сигнал, опора, диглоссия.

Keywords: code-switching, language contacts, bilingualism, contextualization cue, footing, diglossia.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_1_48_61

1. Введение

Речевые практики народов подвержены изменению под воздействием различных процессов. С одной стороны, вследствие колониальных завоеваний, политико-экономической экспансии, начали образовываться первые полилингвальные, мультикультурные регионы. Формирование таких языковых формаций, как пиджины и креолы, а также специфичных речевых привычек характерно для данного периода. Кроме того, в результате взаимного социокультурного влияния наций друг на друга и языковых контактов в языках происходят изменения, выраженные, в частности, в форме заимствования, интерференции, конвергенции, а также смешения языков. Вместе с тем в настоящее время наблюдается учащение и углубление всех типов контактов, в частности, при помощи цифровой коммуникации, популяризации академических обменов и распространения возможностей трудовой миграции. Такого рода контакты способствуют изменению функциональных особенностей использования языков в коммуникативной ситуации, поскольку у говорящих есть возможность выбора; они также приводят к распространению индивидуального и социального двуязычия, трансформируют речевые привычки билингвов.

Кроме того, продвижение английского языка как языка международного общения и рабочего языка транснациональных корпораций и международных организаций привело к употреблению в речи английской лексики, а также распространению двуязычия, причём один из языков — английский. С одной стороны, как язык международной коммуникации, английский «обеспечивает взаимную понятность (intelligibility) и единые стандарты правильности, а с другой стороны, неизбежно трансформируется, образуя локальные формы и национальные варианты (diversity)» [Ионина, 2013, с. 25]. Таким образом, в условиях языкового контакта национальные варианты английского языка сосуществуют с местными языками; в данной языковой ситуации для двуязычных носителей характерно переключение с одного языка на другой и смешение языков в зависимости от ситуации общения, в частности, в деловой коммуникации, а также с целью проявления языковой игры [Прошина, 2015, с. 75, 96, 113, 132]. Языковые контакты приводят к появлению таких языковых формаций смешанного характера, как Тех-Мех (вариант мексиканского испанского с высоким процентом англоязычных лексем), Franglais, Chinglish, Spanglish и др. [Gardner-Chloros, 2009, р. 4].

Вследствие описанных процессов происходит нормализация культурного и языкового плюрализма, наблюдается постепенный отход от идей языкового пуризма и повышение интереса лингвистов к последствиям языковых контактов, что в течение последних пятидесяти лет способствовало формированию и обоснованию новой области лингвистических исследований – переключения языковых кодов – в рамках теории языковых контактов.

2. Становление области исследования переключения языковых кодов

2.1. Терминологическое обоснование

Терминологический аппарат *переключения кодов* крайне широк и разнообразен, в связи с чем он требует дальнейшей разработки и уточнения, в частности, в сфере синонимичных, но не тождественных понятий. Под термином переключение кодов (ПК) понимается «смена двух языков в пределах одного речевого акта, предложения или его части» [Poplack, 2000, p. 224], а также «переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка на другой в зависимости от условий коммуникации» [Багана, 2010, с. 97].

Изначально термин *код* вошёл в употребление в области коммуникационных и информационных технологий в середине XX в. и определялся как «система условных

знаков, правил передачи информации по каналам связи» [Викулова, 2008, с. 243]. Отметим, в частности, такие направления исследований, как структурная фонология Ч. Фрайза и К. Пайка (1949); теория информации Р. Фано (1950); теория фонологических различительных признаков Г. Фанта, М. Халле и Р. Якобсона (1952). Затем теоретическая база исследований пополнилась работами в области языковых контактов и билингвизма, а именно исследованиями У. Вайнрайха (1953), Х. Фогта (1954), Э. Хаугена (1956) и др. В связи с этим распространённым для исследований переключения кодов является более широкое понимание данного термина в контексте речевой коммуникации, согласно которому он определяется как «тот язык или его вариант (стиль, сленг, диалект), который используют участники данного коммуникативного акта» [Викулова, 2008, с. 243].

Таким образом, период активного изучения двуязычия, коммуникативных привычек билингвов и ситуации диглоссии заложил основу для формирования направления переключения кодов. В связи с этим, на наш взгляд, уместно отобразить взаимосвязь проводимых во второй половине XX в. исследований, проследив, каким образом выстраивалась логическая цепочка в становлении существующих на настоящий момент направлений в исследовании переключения языковых кодов.

2.2. Сложность выделения ПК как проблемной области

Л. Милрой и П. Мейскен [One Speaker..., 1995, р. 7-8] отмечают, что переключение кодов становится ключевой проблемной областью в исследованиях билингвизма, однако, несмотря на активное изучение двуязычия, явление ПК не сразу привлекло интерес лингвистов, что можно объяснить рядом факторов. Во-первых, ранние исследования двуязычия проводились в рамках структуралистской парадигмы; фокус внимания во многом приходился на язык (langue), нежели на речь (parole), т. е. двуязычие изучалось с точки зрения взаимодействия двух языковых систем, в то время как непосредственное употребление языка оставалось на периферии. Во-вторых, исходя из представлений структурализма о языке и его грамматике как самостоятельной сложноструктурированной системе взаимозависимых элементов, переключение кодов рассматривалось как последствие нарушения структурной целостности системы, т. е. как следствие интерферентных процессов. Дж. Гамперц по этому поводу пишет, что «процесс лингвистического анализа ориентирован на открытие единообразных, структурно однородных целых. <...> Структурные абстракции адекватны до тех пор, пока наш интерес ограничен языковыми универсалиями или типологией и сравнительно-исторической реконструкцией» [Гамперц, 1975, с. 182]. В-третьих, одной из причин могло послужить отсутствие технических возможностей для сбора качественного полевого материала для составления и анализа корпуса спонтанной двуязычной речи. В частности, в этой связи выделяется проблема создания благоприятных условий для естественного и привычного для участников интервью употребления языка. В-четвёртых, ранние исследования часто были направлены на изучение языкового сдвига в пользу доминирующего языка у иммигрантов, вследствие чего в меньшей степени фокусировались на переключении кодов как на особенности речевого поведения [One Speaker..., 1995, p. 9].

2.3. Ранние исследования

Одним из первых вопрос языкового выбора и переключения поднял Г. Баркер. В статье 1945 г. учёный выделяет несколько основных социальных функций языка, в первую очередь отмечая идентифицирующую. Язык выступает в качестве инструмента, с помощью которого происходит становление группы и идентификация её членов. Г. Баркер

ссылается на Э. Сепира и его понимание языка как инструмента социализации группы и сохранения её культурных особенностей. Язык, таким образом, выступает в качестве координатора социальной активности группы, позволяет членам группы осознать свою принадлежность к языковому коллективу, и, кроме того, устанавливает барьеры "свойчужой". Во-вторых, автор выделяет функцию определения социальных отношений внутри группы: язык может отражать социальную структуру сообщества и отношения индивидов в рамках данной структуры посредством проецирования характеристик социальной личности и позиции индивида в группе [Barker, 1945, р. 231–232]. Он также подчёркивает значимость роли языка в трансгенерационной передаче культурного наследия и поведенческих особенностей членов группы.

Помимо этого, Г. Баркер указывает на социализацию молодого поколения через язык и роль языка в погружении детей в идеологический контекст существования группы. Таким образом, данная функция может рассматриваться в двух аспектах: межгрупповые отношения и отнесение индивида к группе. К практическим проявлениям первого автор причисляет различия в формах обращения, указывающих на разницу в социальной принадлежности говорящих. Подчеркивается, что даже в отсутствии личного опыта, знание о существовании устоявшихся форм обращения, выражающих межклассовые отношения в обществе, влияет на поведение. Второй аспект проявляется в том, как социализация через использования языка для отыгрывания социальных ролей в юном возрасте влияет на становление индивида в сообществе; как речевые привычки индивида принимаются членами сообщества в качестве инструмента для определения его позиции в группе [Вагкег, 1945, р. 232–233].

Далее классификация социальных функций языка была доработана автором для описания языковых практик американцев мексиканского происхождения в США. В ней были выделены семейные или личные, официальные, неофициальные и внутригрупповые функции. Учёный отмечает употребление испанского языка в личных, неформальных беседах респондентов с членами семьи, а английского языка — в официальных ситуациях при коммуникации с англоязычными носителями. Вместе с тем в случае, если ситуация не столь очевидна, выбор языка остается под вопросом, и возможно употребление элементов обоих языков. Г. Баркер также указывает на то, что склонность к использованию нескольких языков в рамках одного коммуникативного акта представляется ключевой характеристикой идентичности местного населения, при этом она ярче выражена среди представителей молодого поколения [Nilep, 2006, p. 4].

2.4. Теоретическая база направлений исследования ПК

Описанные Г. Баркером теоретические положения далее были осмыслены У. Вайнрайхом. В фундаментальном труде 1953 г. «Языковые контакты» учёный называет представленную классификацию «недостаточно разработанной», поскольку она не охватывает всех функций языков в двуязычных группах [Вайнрайх, 1979, с. 151]. Учёный размышляет о функциях языка в условиях языкового контакта с точки зрения проявлений интерференции в речи двуязычных носителей. На описываемом этапе, таким образом, смена языка коммуникации в речи билингвов рассматривается в контексте форсированного влияния элементов Я1 на производство речи на Я2, а также способности к полноценному усвоению второго языка. Тем не менее, представляется важным заметить, что уже в данной работе ученый ссылается на способность билингвов к переключению в пределах одного предложения и поднимает вопрос о том, «является ли привычное переключение такого типа переходным этапом в процессе смены одного языка другим» [Вайнрайх, 1979, с. 111].

Ещё одним важным для последующих исследований положением является то, что, по мнению У. Вайнрайха, при контактировании языков в речи двуязычных носителей свободные морфемы в большей степени подвергаются переносу из одного языка в другой, поскольку они «легче для психологического восприятия говорящего» и «более эксплицитно выражают грамматические значения» [Вайнрайх, 1979, с. 14]. В дальнейшем анализ переключения свободных морфем ляжет в основу выделения универсальных ограничений внутрифразового переключения кодов в рамках лингвистического (грамматического) направления.

У. Вайнрайх также подчёркивает, что при переключении с одного языка на другой говорящий покидает одну гомогенную систему и переходит на другую, однако имеются основания полагать, что существуют также и промежуточные варианты, указывающие на элементы слияния [Вайнрайх, 1979, с. 20]. Таким образом, термин переключение кодов отсылает нас к пониманию языка как системы, в которой определённый код участвует в передаче сообщения в процессе коммуникации. В связи с этим уместно заметить, что ранние работы, являющиеся предпосылками к изучению ПК, были выполнены в рамках структуралистской парадигмы Ф. де Соссюра, причём языковой контакт рассматривался в дихотомии язык/речь: интерференция в речи вызвана двуязычием говорящего; интерференция в языке является следствием многократного употребления двуязычными носителями интерферентных форм, способствуя их закреплению в языке. У. Вайнрайх ссылается на представления Л. В. Щербы о смешанном и чистом двуязычии, описывая природу знака при двуязычии, а именно взаимодействие плана выражения и плана содержания [Вайнрайх, 1979, с. 35]. Сам Л. В. Щерба характеризует чистое двуязычие как изолированное использование одного из двух доступных языков в конкретной коммуникативной ситуации, а смешанное как совместное использование двух языков в связи с наложением социальных контекстов, в результате которого происходит соотнесение двух систем [Щерба, 1974, с. 314].

Переняв терминологию Р. Фано, о чём свидетельствует ссылка в тексте, У. Вайнрайх использует понятия код и сообщение, понимая под ними язык и речь, соответственно. Он подчёркивает важность практического, в частности, экспериментального, изучения двуязычия посредством исследования афазии, которое могжет вывить «психологические механизмы переключения кода» [Вайнрайх, 1979, с. 128]. Однако учёный считает недостаточным фокус на локализации и функционировании речевых центров в мозге при изучении афазии у билингвов, так как необходим учёт психологических и неврологических факторов двуязычия. В дальнейшем особенности функционирования двух и более языков, в частности, вопросы о том, интегрированы ли языки в сознании билингва или же они относятся к независимым лексическим массивам, а также то, каким образом протекает процесс принятия решения об использовании того или иного языка, поднимаются в рамках психолингвистического направления изучения переключения языковых кодов.

Впервые термин *переключение кода (code-switching)* используется в работе X. Фогта «Языковые контакты», написанной под влиянием труда У. Вайнрайха, о чём свидетельствуют многочисленные отсылки. X. Фогт отмечает, что при исследовании языка в качестве системы кодов интерес вызывает рассмотрение того влияния, которое системы кодов оказывают друг на друга при контакте языков. Двуязычие, таким образом, представляется универсальным случаем языкового контакта (поскольку языки, как правило, не используются в полной изоляции) и является одним из ключевых факторов языковых изменений. Уже на тот момент учёный обращает внимание на необходимость более широкого понимания билингвизма, отмечая, что билингвом является индивид, принадлежащий к какому-либо языковому сообществу, говорящему на

языке А, который в определённых ситуациях переключается на язык Б при общении с носителем данного языка. Уровень владения языками может варьироваться и покрывает все степени владения, включая как совершенное знание одного и более языков, так и посредственное знание второго языка. Возможность полного сбалансированного билингвизма вызывает у учёного сомнения, в связи с чем он замечает, что, как правило, переключение кодов у билингвов ведёт к интерференции в обоих языках, а в радикальных случаях высокочастотное переключение может привести к смешению языков [Vogt, 1954, р. 368–369].

Х. Фогт также указывает на то, что использование в речи иноязычных элементов, употребление которых не влечёт за собой структурных последствий, распространено довольно широко; так как такого рода подмены чаще всего происходят между фонетическими или семантическими дублетами и им значительно сильнее подвержены конгруэнтные языковые системы. Тем не менее, данного рода случаи зафиксированы и в значительно различных в структурном плане языках. С другой стороны, нередки случаи переключения кодов, при которых наблюдаются структурные изменения, что может впоследствии привести к появлению новых грамматических категорий [Vogt, 1954, р. 371–372].

Также необходимо выделить работу Ч. Фергюсона «Диглоссия» 1959 г., поскольку она внесла вклад в разработку теоретических положений переключения кодов как области лингвистических исследований. Идеи, представленные в работе, были сформированы под влиянием трудов У. Вайнрайха и Дж. Гамперца [Ferguson, 1959, p. 325]. Учёный вводит термин диглоссия, описывая феномен функционального разграничения использования разных вариантов одного языка в зависимости от коммуникативной ситуации и функциональной сферы употребления. Отметим, что подчёркивается стабильный характер диглоссии как языковой ситуации, в которой региональный вариант языка (Я1а) сосуществует с кодифицированным, грамматически более сложным вариантом (Я1), выступающим языком литературы и формального общения [Ferguson, 1959, р. 336]. Один из вариантов – литературный/стандартный – имеет более престижный статус и обозначается Н-языком (high – высокий); второй, представленный региональными диалектами, обозначается как L-язык (low – низкий), имеет менее престижный статус и используется для повседневного общения. L-язык выступает материнским для представителей сообщества, его освоение происходит естественно, при общении с родителями и сверстниками, в то время как освоение Н-языка формализовано, в частности, через систему образования [Ferguson, 1959, p. 327, 331].

Кроме того, Фергюсон подчёркивает важность использования варианта, соответствующего коммуникативной ситуации: к сферам использования «высокого» кода относятся религиозные службы, политические речи, формальная образовательная среда, включая университетские лекции, новостные программы и периодика, поэзия и литература. С другой стороны, «низкому» коду соответствует сфера обслуживания, общение с членами семьи, друзьями и коллегами, развлекательные радиопрограммы и фольклор [Ferguson, 1959, р. 329].

Представленные положения во многом описывают языковую ситуацию, в которой переключение кодов является характерной чертой речевого поведения языкового сообщества. В частности, Ч. Фергюсон приводит несколько примеров. Н-язык используется для чтения вслух новостей, но затем происходит переключение на L-язык для их обсуждения; схожим образом, Н-язык используется для выступления с формальной речью, но при обсуждении озвученной информации с докладчиком аудитория переключается на L-язык. Ещё более интересным представляется пример того, как университетские лекции читаются на H-языке, но для проведения опросов и объ-

яснения материала участники переключаются на L-язык [Ferguson, 1959, р. 329]. Схожие случаи переключения получают обоснование в работе Дж. Гамперца и Я.-П. Блома при описании *ситуационного* и *метафорического* ПК (которые будут представлены ниже), а также в других исследованиях, посвященных социальному значению и функциям переключения. Таким образом, можно полагать, что Ч. Фергюсон обосновывает границы будущего описания *интерсентенционального* (*межфразового*) ПК, которое представляет собой «соположение внутри одного и того же обмена репликами фрагментов речи, относящихся к двум различным грамматическим системам», например, в форме двух последовательных предложений на разных языках [Гамперц, 2015, с. 57].

Идеи Ч. Фергюсона о функциональном разграничении употребления языка получили дальнейшее развитие в работе Дж. Фишмана 1967 г., посвященной двуязычию как с присутствием диглоссии, так и без неё. В отличие от Ч. Фергюсона, учёный описывает схожие тенденции в функциональном употреблении уже разных языков. В работе выделяются четыре случая соотношения диглоссии и билингвизма в рамках языкового сообщества: ситуация диглоссии в сочетании с двуязычием, ситуация диглоссии без двуязычия, ситуация двуязычия без диглоссии, не наблюдается ни диглоссии, ни двуязычия. Фишман расширяет теоретические представления о диглоссии, во многом ссылаясь на вклад Дж. Гамперца. Ученый использует термин код, указывая, что употребление разных кодов в одном сообществе происходит в соответствии с определёнными функциями, закрепленными за каждым из них, недоступными для другого. Оба кода включают в себя независимый набор поведенческих характеристик, отношений и ценностей, ассоциируемых с ним [Fishman, 1967, р. 29–30]. Таким образом, существует связь между языком / вариантом языка, социальной ролью и элементами идентичности.

На наш взгляд важно отметить, что учёный считает языковую ситуацию, в которой не наблюдается ни диглоссии, ни двуязычия, в том числе отсутствие какой-либо кодовой дифференциации, связанной со сменой социальных практик и коммуникативных ситуаций, весьма редким явлением. Отмечается, что для всех сообществ характерно наличие определённых практик, доступ к которым является лимитированным, в связи с чем языковой репертуар данных сообществ так или иначе наделён, с одной стороны, языковыми единицами, которые незнакомы всем членам сообщества, а с другой – практикой «метафорического переключения с целью привлечения внимания, выражения юмора, сатиры или критики...» (Здесь и далее перевод наш; курсив наш – Л.З.) [Fishman, 1967, р. 36]. Данное положение представляется важным, поскольку свидетельствует об отходе от идей языкового пуризма, превалирующих в работах XIX – середины ХХ вв., в рамках которых моноязычие принимается в качестве нормы по умолчанию, вследствие чего двуязычие или полиязычие может игнорироваться, стигматизироваться или рассматриваться лишь с точки зрения интерферентных процессов. Таким образом, в 60-е гг. в исследованиях языковых контактов и переключения кодов начинают активно разрабатываться вопросы о роли условий, темы и участников коммуникации в выборе и использовании языковых формаций, а также значение других экстралингвистических факторов. В 70-е гг. данные тенденции лишь усиливаются.

В 1964 г. в исследовании о двуязычии среди японок, проживающих в США, С. Эрвин-Трипп (вслед за Д. Хаймсом) выделяет условия коммуникативной ситуации, включая обстановку, участников, тему разговора, функции контакта и отношение к данным факторам участников коммуникации как важные составляющие в выборе языкового кода. Так же, как и Дж. Фишман, автор подчёркивает вклад Дж. Гамперца в обогащение разработанных положений [Эрвин-Трипп, 1975, с. 336].

Обстановка (setting) включает в себя элементы времени, места и ситуации, в частности, модели поведения. Изменение любой переменной может вызвать нарушение

социальных норм или порождение новой ситуации. Участники коммуникации рассматриваются с точки зрения их социолингвистических характеристик, включая, с одной стороны, пол, возраст и профессиональную сферу, составляющих социальный статус участника; с другой стороны, роль участников в контексте социальной ситуации. Важно, что в функции общения автор включает воздействие, оказываемое на говорящего посредством его же действий, при этом язык является фактором воздействия на адресанта через реакцию слушающего [Эрвин-Трипп, 1975, с. 337–338, 340–341]. Таким образом, переключение кода вызовет реакцию слушающего, которая может быть как позитивной, так и негативной, следовательно, окажет влияние на адресанта и может вызвать изменение обстановки.

С. Эрвин-Трипп выделяет формальные признаки коммуникации, среди которых для нас представляют важность код или вариант языковой системы, включающий в себя исконную форму речи (vernacular) и нестандартный вариант (superposed variety). Все члены языкового сообщества располагают набором доступных им кодовых альтернатив, употребляемых в зависимости от коммуникативной ситуации. Кроме того, как подчёркивает учёный, при сборе языковых данных исследователи стремятся контролировать языковую ситуацию, чтобы избежать использования информантами нескольких кодов, и фокусируются на поиске информантов, владеющих лишь одним кодом, «...речь которых представляет собой чётко распознаваемую норму...» [Эрвин-Трипп, 1975, с. 343]. Данное положение обосновывает один из факторов, представленных нами в параграфе 2.2.

Учёный также ссылается на Дж. Гамперца, замечая, что выделение признаков отдельных нестандартных вариантов вызывает сложность, поскольку они часто сосуществуют и проявляются совместно в речевом поведении. Более того, в сообществах, в которых допустима практика переключения кодов, взаимопроникновения или заимствования элементов из одного кода в другой, данные явления могут «служить показателем роли или смены темы в пределах одной обстановки» [Эрвин-Трипп, 1975, с. 345].

2.5. Подход Дж. Гамперца

Как было показано выше, Дж. Гамперц оказал значительное влияние на становление переключения языковых кодов как самостоятельного направления исследований; разрабатывал ключевые для предметной области понятия, а также внес вклад в оформление идей других учёных. Наблюдения С. Эрвин-Трипп частично легли в основу анализа использования двух диалектов в Индии и Норвегии в исследовании 1964 г.; языковая ситуация в Норвегии подверглась более глубокому анализу в работе 1972 г. в соавторстве с Я.-П. Бломом.

Дж. Гамперц [Gumperz, 2009, р. 69–72] вводит понятие *языкового репертуара* (*verbal repertoire*), который представляет собой совокупность диалектных вариантов, а также функциональных стилей, использование которых языковым сообществом определяется социальными и лингвистическими факторами. Среди них можно выделить участников коммуникации, коммуникативную ситуацию и ее условия, тему разговора, а также фонологические и морфологические характеристики употребляемых языковых кодов. Языковой выбор, таким образом, определён социальными нормами. Он также отмечает, что местный диалект используется для внутригрупповой коммуникации, в то время как стандартный диалект употребляется при коммуникации с представителями другого класса, касты, социальной, религиозной группы, что перекликается с эмпирическими данными, полученными другими учеными (см., напр., [Nilep, 2006, р. 7]).

Дж. Гамперц и Я.-П. Блом рассматривают то, при каких обстоятельствах и по каким причинам жители двух поселений в Норвегии используют два доступных им диалекта (стандартный и местный), а также как они относятся к данным вариантам.

Учёные постулируют, что в процессе вербальной коммуникации участники делают выбор из ограниченного набора речевых форм, находящихся в их репертуаре, на основе имеющегося опыта. Коммуникативная компетенция участников включает в себя правила кодификации, согласно которым структура межличностных отношений отражается в речи [Blom, Gumperz, 2000, р. 134]. Оба диалекта определяются учёными как языковые коды с отличительными характеристиками, имеющие незначительные, но многочисленные фонологические, морфологические и лексические различия. Таким образом, существует весьма условная с точки зрения структурных различий, но значимая для носителей практика разграничения двух кодов, определяемая социальными факторами, такими как внутригрупповые отношения, социальные ценности и элементы культурной идентичности, демонстрируемые при употреблении одного из кодов в определённой ситуации [Blom, Gumperz, 2000, р. 119].

Важным теоретическим положением работы Я.-П. Блома и Дж. Гамперца является выделение ситуационного и метафорического ПК, которые были упомянуты ранее. Переключение на другой код в результате сдвига в социальной обстановке, например, при смене собеседника, изменении контекста или темы, ученые называют ситуационным переключением. Такого рода переключение напрямую связано с диглоссной языковой ситуацией. С другой стороны, переключение, не вызванное изменениями внешних факторов, а связанное с желанием разнообразить языковые средства и привлечь коннотации, связанные с другим языковым кодом, Дж. Гамперц и Я.-П. Блом называют метафорическим переключением [Gardner-Chloros, 2009, р. 58–59]. Несмотря на то, что теория подвергалась критике некоторыми учеными, результаты данного исследования и других работ Дж. Гамперца оказали влияние на формирование теоретической базы прагматического и социолингвистического направления изучения переключения кодов, последнее из которых является одной из наиболее разработанных областей теории ПК.

Для развития прагматического направления также важно упомянуть идеи И. Гофмана (1979), развившего представления о роли контекстуальных изменений в анализе коммуникации. Учёный разработал концепцию опоры (footing), под которой понимается набор ролей и позиций, которыми располагает участник коммуникации. Несмотря на то, что И. Гофман рассматривает одноязычную коммуникацию, он, тем не менее, принимает концепцию опоры и переключение кодов за два схожих явления, поскольку они позволяют участникам демонстрировать одновременно несколько социальных ролей [Hall, Nilep, 2015, p. 601]. Таким образом, учёный проводит параллель между тем, как одноязычные коммуниканты могут менять контекст коммуникативной ситуации и социальные роли, закреплённые за её участниками посредством переключения регистра речи или смены темы разговора, в то время как двуязычные коммуниканты достигают данного эффекта с помощью переключения языковых кодов. В этой связи Дж. Гамперц указывает на функцию ПК в качестве контекстуализирующего сигнала (contextualization сие), определяемого как «вербальный или невербальный сигнал, представляющий рамки для интерпретации референциального содержания сообщения» [Gardner-Chrolos, 2009, р. 67]. Следовательно, при переключении кодов контраст между двумя кодами имеет значение и может быть интерпретирован говорящими как указывающий на определенные аспекты дискурса, в том числе характеристики участников. В дальнейшем в исследованиях переключения кодов вопрос о языковом выборе как инструменте закрепления определённых социальных ролей за участниками коммуникации или отказа от них продолжает разрабатываться в социолингвистическом и коммуникативно-прагматическом направлениях исследования ПК.

2.6. Современные направления исследования ПК

К концу 70-х гг. XX в. формируется достаточная теоретическая и эмпирическая база в изучении билингвизма для того, чтобы область исследования переключения языковых кодов могла заинтересовать все большее число американских и европейских ученых. Описанные в данной работе идеи оформляются в самостоятельные направления исследования ПК. Структурно-лингвистическое (грамматическое) направление нацелено на выявление структурных элементов, участвующих в ПК, правил, по которым их соположение реализуется в речи, и степень универсальности ограничений, накладываемых на ПК грамматическими системами двух языков.

Выделим наиболее известные структурные ограничения, представленные в работах направления, в частности, в исследовании Ш. Поплак: ограничение свободной морфемы (the free morpheme constraint), то есть ограничение на перенос несвободных морфем из одного языка в другой; ограничение по эквивалентности (the equivalence constraint), согласно которому существует тенденция к переключению на границах совпадения поверхностных структур языков. Граница ПК проходит между фрагментами двух языков, которые не накладывают структурных ограничений на своё окружение [Poplack, 2000, р. 228–229]. Данное направление также занимается уточнением терминологического аппарата с целью отграничить переключение кодов от ряда смежных, нетождественных понятий.

Социолингвистическое направление представлено исследованиями, в центре внимания которых находятся политические, демографические, культурные и социальные факторы, влияющие на переключение. Оно также занимается поиском причин переключения кода среди билингвов и функциональным аппаратом ПК, в частности, в условиях негомогенной языковой ситуации. В рамках данного направления, как уже было упомянуто, выделяется традиция Дж. Гамперца. Среди прочего отметим дихотомию «мы-код» (we-code) / «они-код» (they-code), которая проявляется в условиях диглоссии в том, как язык миноритарной этнической группы (мы-код) выступает в качестве языка-индикатора принадлежности к группе и средства межгруппового неформального общения, в то время как язык большинства (они-код) функционирует как средство внегрупповой коммуникации формального характера. В связи с этим, ПК может свидетельствовать о сознательном решении расширить контекст коммуникативной ситуации через самоидентификацию с определённой социальной или этнической группой [Gardner-Chloros, 2009, р. 56–58].

В рамках коммуникативно-прагматического направления переключение кодов изучается через сознательные мотивации говорящих, их коммуникативные стратегии и цели. Анализу подвергается структура коммуникативного акта с присутствием ПК, его роль в тематическом оформлении коммуникативного акта, очередности реплик, инициации разговора на новую тему. Необходимо отметить разнообразие речевых стратегий использования ПК, коррелирующих с функциями, выполняемыми ПК в речи. Согласно К. Р. Бекер, среди них выделяется функция создания контраста и привлечения внимания к содержанию сообщения, в частности посредством эмфатического повтора с переключением; функция изменения темы и формы дискурса, например, с целью указать на переход от повествования к личному комментарию или от утверждения к вопросу, а также при смене темы разговора, закреплённой за одним из доступных собеседникам кодов; функция управления адресатом, в частности, через исключение собеседника-монолингва из разговора при переключении на другой язык, а также при использовании ПК для выражения завуалированной просьбы путём использования кода, ассоциируемого с определёнными социальными ролями; вслед за Дж. Гамперцом учёный также выделяет функцию персонализации и объективации, согласно которой ПК сигнализирует о «вовлечённости говорящего в сообщение или дистанцировании от него» [Гамперц, 2015, с. 80], при этом внутренний код группы используется для передачи чувства групповой солидарности, в то время как внешний код (язык большинства) лишён эмоциональной составляющей [Becker, 1997].

Психолингвистическое направление занято построением моделей хранения языкового материала и доступа к языкам у би- и полиязычных носителей, соположения языков в сознании билингва, а также выявлением компенсаторных стратегий с использованием ПК при частичной или полной потере одного из языков при афазии. В рамках направления разрабатывались различные модели порождения двуязычной речи, среди которых выделим подавляющую модель порождения речи при билингвизме в рамках теории контроля, активации и ресурсов Д. Грина (inhibitory model for a bilingual speaker within the control, activation and resource framework). Согласно данной модели, каждый из доступных билингву языков наделён порогом активации (activation threshold), который зависит от того, насколько часто используется язык и сколько времени прошло с последней активации. При продуцировании речи билингву доступны элементы двух лексических систем, в случае активации элемента Я1, альтернативный элемент Я2 подавляется. Таким образом, переменные двух систем находятся в постоянном состоянии активации и подавления; для выбора между соперничающими элементами языков, доступных билингву, Д. Грин вводит понятие спецификатора (specifier) – механизма, определяющего, какой язык должен быть активирован и есть ли необходимость в переводе или переключении с одного кода на другой [Gardner-Chrolos, 2009, р. 129–132].

3. Заключение

Таким образом, предпосылками к становлению переключения языковых кодов в качестве самостоятельной области исследования выступают фундаментальные труды второй половины XX в., посвящённые описанию последствий языковых контактов и двуязычия, отражённых в языке и речи. Большую роль в оформлении данной проблемной области сыграла смена лингвистической парадигмы и отход от идей структурализма; вместе с тем необходимо отметить, что работы, выполненные в данной лингвистической традиции, не менее важны для формирования теорий ПК. К концу XX в. речевые практики билингвов подвергаются анализу не только с точки зрения интерференции при соположении двух грамматических систем, но и в соответствии с социальными предпосылками, коммуникативными целями и функциями, закрепленными за каждым из языковых кодов и за их смешанными формами.

Практика переключения кодов оформляется как самостоятельная область лингвистических исследований в 80-е гг., при этом выделяются четыре крупных направления (структурно-лингвистическое, социолингвистическое, коммуникативно-прагматическое, психолингвистическое), каждое из которых анализирует случаи ПК в соответствие со взглядами и подходами, характерными для соответствующей области лингвистики. Переключение языковых кодов может выступать в качестве коммуникативной стратегии, инструмента самовыражения и идентификации с членами социальной группы. В связи с этим в настоящее время многие исследования направлены на анализ языкового поведения в контексте коммуникативной ситуации, «элементами которой являются участники коммуникации, передаваемые ими сообщения, их мысли и чувства, а также каналы связи, коды и знаки, используемые ими» [Зурабова, 2018, с. 106]. Развитие компьютерных средств сбора и обработки эмпирических данных открывает новые возможности в изучении психолингвистических характеристик переключения, таким образом, актуальным для будущих исследований представляется изучение ПК в цифровой среде. Анализ переключения кодов в рамках компьютерно-опосредованного

общения, в том числе при использовании программ автоматической смены раскладки клавиатуры, поднимает уникальный вопрос о мотивированности (осознанности) переключения в письменной речи в условиях, где границы между письменной и устной речью стираются.

Список литературы

- Багана, Хапилина, 2010 Багана, Ж. Контактная лингвистика. Взаимодействие языков и билингвизм [Текст] / Ж. Багана, Е. В. Хапилина. М.: Флинта: Наука, 2010. 128 с.
- Вайнрайх, 1979— Вайнрайх, У. Языковые контакты: Состояние и проблемы исследования [Текст] / У. Вайнрайх; пер. с англ. яз. и коммент. Ю. А. Жлуктенко. Киев: Вища школа, 1979.—263 с.
- Викулова, Шарунов, 2008 Викулова, Л. Г. Основы теории коммуникации [Текст]: практикум / Л. Г. Викулова, А. И. Шарунов. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: Восток Запад, 2008. 316 с.
- Гамперц, 2015 Гамперц, Дж. Переключение кодов в разговоре [Текст] / Дж. Гамперц // Социолингвистика и социология языка: хрестоматия / сост. Н. Б. Вахтин, Е. В. Головко; отв. ред. Н. Б. Вахтин. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. С. 57–102.
- Гамперц, 1975 Гамперц, Дж. Типы языковых сообществ [Текст] / Дж. Гамперц // Новое в лингвистике / пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. Н. С. Чемоданова. М.: Изд-во «Прогресс», 1975. Вып. VII. С. 182—198.
- Зурабова, 2018 Зурабова, Л. Р. Преобразование социальных и коммуникативных практикв «глобальной деревне» М. Маклюэна [Текст] / Л. Р. Зурабова // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Философские науки». 2018. № 3 (27). С. 106—112.
- Ионина, 2013 Ионина, А. А. Global English: статистика и факты [Текст] / Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2013. № 1 (11). С. 20–28.
- Прошина, 2015 Прошина, З. Г. Основные положения и спорные проблемы теории вариативности английского языка: учебное пособие [Текст] / З. Г. Прошина. М.-Берлин: Директ-Медия, 2015. 189 с.
- Щерба, 1974 Щерба, Л. В. К вопросу о двуязычии [Текст] / Л. В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность: сб. работ / ред. Л. Р. Зиндер, М. И. Матусевич; АН СССР. Отд-ние литературы и языка. Комис. по истории филол. наук. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. С. 313—318.
- Эрвин-Трипп, 1975 Эрвин-Трипп, С. М. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия [Текст] / С. М. Эрвин-Трипп // Новое в лингвистике / пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. Н. С. Чемоданова. М.: Изд-во «Прогресс», 1975. Вып. VII. С. 336—362.
- Barker, 1945 Barker, G. The social functions of language [Text] / G. Barker // ETC: A Review of General Semantics. Vol. 2, № 4. 1945. P. 228–234.
- Becker, 1997 Becker, K. R. Spanish/English Bilingual Codeswitching: A Syncretic Model [Electronic recourse] / K. R. Becker // Bilingual Review. 1997. № 1 (22). P. 3–30. URL: http://w3.salemstate.edu/~jaske/courses/readings/
 - Bilingual_Review_Spanish_English_bilingual_codeswitching_By_Kristin_Becker.htm обращения: 19.05.2019). (дата
- Blom, Gumperz, 2000 Blom, J.-P., Gumperz J. J. Social meaning in linguistic structure: code-switching in Norway [Text] / J.-P. Blom, J. J. Gumperz // The Bilingualism Reader / ed. by L. Wei. New York: Routledge, 2000. P. 111–136.
- Ferguson, 1959 Ferguson, C. A. Diglossia [Text] / C. A. Ferguson // Word: journal of the International linguistic association. 1959. № 10 (2). P. 325–340.
- Fishman, 1967 Fishman, J. Bilingualism with and without diglossia, diglossia with and without bilingualism [Text] / J. Fishman // Journal of Social Issues. 1967. № 23 (2). P. 29–38.
- Gumperz, 2009 Gumperz, J. The speech community [Text] / J. Gumperz // Linguistic anthropology: A reader / ed. by A. Duranti. 2nd ed. Oxford: Wiley-Blackwell Ltd., 2009. P. 66–73.

- Gardner-Chloros (2009) Gardner-Chloros, P. Code-switching [Text] / P. Gardner-Chloros. Cambridge: Cambridge University Press, 2009. 242 p.
- Hall, 2015 Hall, K. Code-switching, Identity, and Globalization [Text] / K. Hall, C. Nilep // The Handbook of Discourse Analysis / eds. D. Tannen, H. Hamilton, D. Schiffrin. Malden: Wiley Blackwell, 2015. P. 597–619.
- Nilep, 2006 Nilep, C. "Code Switching" in Sociocultural Linguistics [Electronic Resource] / C. Nilep // Colorado Research in Linguistics. Vol. 19. № 1. 2006. Р. 1–22. URL: https://scholar.colorado.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1017&context=cril (дата обращения: 03.04.2019).
- One Speaker..., 1995 One Speaker, Two Languages: Cross-disciplinary perspectives on codeswitching [Text] / L. Milroy, P. Muysken (Eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 1995. – 365 p.
- Poplack, 2000 Poplack, S. Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en espanol: toward a typology of code-switching [Text] / S. Poplack // The Bilingualism Reader / ed. by L. Wei. New York: Routledge, 2000. P. 221–256.
- Vogt, 1954 Vogt, H. Language contacts [Text] / H. Vogt // Word: journal of the International linguistic association. 1954. № 10. P. 365–374.

References

- Bagana, J. (2010). *Kontaktnaya lingvistika. Vzaimodeystviye yazykov i bilingvizm* [Contact linguistics. Interaction of languages and bilingualism]. Moscow.
- Weinreich, U. (1979). Yazykovyye kontakty: Sostoyaniye i problemy issledovaniya [Languages in contact: Findings and Problems]. Kiev.
- Vikulova, L. G. (2008). *Osnovy teorii kommunikatsii: praktikum* [Fundamentals of the theory of communication]. Moscow.
- Gumpertz, J. (2015). Pereklyucheniye kodov v razgovore [Conversational Code-Switcing]. In N. B. Vakhtin, E. V. Golovko (Eds.), *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka: khrestomatiya* [Sociolinguistics and sociology of language: reader] (pp. 57–102); St. Petersburg: European University Press.
- Gumpertz, J. (1975). Tipy yazykovykh soobshchestv [Types of linguistic communities] In N. S. Chemodanova (Ed.), *Novoye v lingvistike* [New in linguistics] (pp. 182–198); Moscow: Progress Press.
- Zurabova, L. R. (2018). Preobrazovaniye sotsial'nykh i kommunikativnykh praktikv «global'noy derevne» M. Maklyuena [The Transformation of Social and Communicative Practices in M. McLuhan's "global village"]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Filosofskiye nauki* [Vestnik of Moscow City University. Philosophical studies], 3 (27), 106–112.
- Ionina, A. A. (2013). Global English: statistika i fakty [Global English: statistics and facts]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoye obrazovaniye* [Vestnik of Moscow City University. Philology. Theory of linguistics. Linguistic education], 1 (11), 20–28.
- Proshina, Z. G. (2015). Osnovnyye polozheniya i spornyye problemy teorii variativnosti an-gliyskogo yazyka: uchebnoye posobiye [Main fraimwork and issues of the theory of variation of the English language: textbook]. Moscow; Berlin.
- Shcherba, L. V. (1974). K voprosy o dvujazychii [The issue of bilingualism]. In L. R. Zinder, M. I. Matusevich (Eds.), *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity] (pp. 313–318); Leningrad: Nauka Press.
- Ervin-Tripp, S. M. (1975). Yazyk. Tema. Slushatel'. Analiz vzaimodeystviya [An analysis of the interaction of language, topic and listener]. *Novoye v lingvistike* [New in linguistics] (pp. 336–362); Moscow: Progress Press.
- Barker, G. (1945). The social functions of language. ETC: A Review of General Semantics, 2 (4), 228–234.

- Becker, K. R. (1997). Spanish/English Bilingual Codeswitching: A Syncretic Model. *Bilingual Review*, 1 (22), 3–30. Retrieved May 19, 2019 from http://w3.salemstate.edu/~jaske/courses/readings/Bilingual Review Spanish English bilingual codeswitching By Kristin Becker.
- Blom, J.-P., Gumperz J. J. (2000). Social meaning in linguistic structure: code-switching in Norway. In L. Wei (Ed.), *The Bilingualism Reader* (pp. 111–136); New York: Routledge.
- Ferguson, C. A. (1959). Diglossia. Word: journal of the International linguistic association, 10 (2), 325–340.
- Fishman, J. (1967). Bilingualism with and without diglossia, diglossia with and without bilingualism. *Journal of Social Issues*, 23 (2), 29–38.
- Gumperz, J. J. (2009). The speech community. In A. Duranti (Ed.), *Linguistic anthropology: A reader* (pp. 66–73). Oxford: Wiley-Blackwell Ltd.
- Gardner-Chloros, P. (2009). Code-switching. Cambridge.
- Hall, K., Nilep C. (2015). Code-switching, Identity, and Globalization. In D. Tannen, H. Hamilton, D. Schiffrin (Eds.), *The Handbook of Discourse Analysis* (pp. 597–619); Malden: Wiley–Blackwell.
- Milroy, L, Muysken, P. (Eds.). (1995). *One Speaker, Two Languages: Cross-disciplinary perspectives on code-switching.* Cambridge: Cambridge University Press.
- Nilep, C. (2006). "Code Switching" in Sociocultural Linguistics. *Colorado Research in Linguistics*, 19 (1), 1–22. Retrieved April 03, 2019 from < https://scholar.colorado.edu/cgi/viewcontent.cgi? article=1017&context=cril>.
- Poplack, S. (2000). Sometimes I'll start a sentence in Spanish y termino en espanol: toward a typology of code-switching. In L. Wei (Ed.), *The Bilingualism Reader* (pp. 221–256); New York: Routledge.
- Vogt, H. Language contacts (1954). Word: journal of the International linguistic association, 10, 365–374.

УДК 811.161.1 UDC 811.161.1

Калинина Маргарита Владимировна Волгоградский государственный институт искусств и культуры г. Волгоград, Российская Федерация Margarita V. Kalinina Volgograd State Institute of Arts and Culture Volgograd, Russian Federation

kalinina 8181@mail.ru

ГАЗЕТНЫЙ ЗАГОЛОВОК: HOPMATUBHO-ЭТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ (HA MATEPИAЛЕ ГАЗЕТЫ «MOCKOBCKИЙ KOMCOMOЛЕЦ») NEWSPAPER HEADLINE: NORMATIVE-ETHICAL ASPECT (BASED ON THE NEWSPAPER «MOSKOVSKY KOMSOMOLETS»)

Аннотация

В данной статье исследуются основные виды нарушений литературной нормы, встречающиеся в заголовках газеты «Московский комсомолец». Приводятся примеры употребления просторечных, жаргонных слов, авторских новообразований. Представлены и проанализированы лексические, грамматические, стилистические, синтаксические, коммуникативные ошибки. Рассматривается проблема соответствия заголовков содержанию материала. Особое внимание уделяется заголовочным текстам, в которых нарушается этическая норма. Анализируемый материал снабжен примерами, а также дополнен необходимыми лингвистическими комментариями. Делается вывод о том, что в погоне за новыми способами выразительности газетных заголовков могут сниматься разумные ограничения, может возникать риск обеднения системы национального русского языка. Отмечается, что газетные заголовки становятся более ироничными и экспрессивными, искажается смысл информационного сообщения, возникают ненужные смысловые оттенки, затрудняется понимание текста. Размывание границ публицистического стиля в газетных заголовках зачастую вредит не только качеству сообщения, но и может приводить к нарушению этических норм.

Abstract

This article examines the main types of violations of the literary norm found in the headlines of the newspaper "Moskovsky Komsomolets". Examples of usage of colloquial, slang words, nonce words are given. Lexical, grammatical, stylistic, syntactic, communicative errors are presented and analyzed. The problem of correspondence of headings to the content of the material is considered. Special attention is paid to the headline text, which violates the ethical norm. The analyzed material is provided with examples, as well as supplemented with the necessary linguistic comments. The conclusion is made that in the pursuit of new ways to express newspaper headlines might remove sober restrictions leading to the risk of the national Russian language impoverishment. It is noted that newspaper headlines become more ironic and expressive, the meaning of the information message might be distorted, unnecessary connotations might appear making it difficult to understand the text. Blurring the boundaries of journalistic style in newspaper headlines often not only spoils the quality of the message, but also leads to ethical conflicts.

Ключевые слова: газетные заголовки, просторечные слова, жаргонизмы, окказионализмы, парцелляция, литературная норма.

Keywords: newspaper headlines, colloquial words, slang expressions, occasionalism, parcellation, literary norm.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_1_62_69

1. Введение

Начиная с середины 90-х годов XX века и по настоящее время нормативно-этический аспект изучения газетной речи считается одним из важных направлений лингвистики. Признаком сегодняшнего дня, как замечает И. Г. Дьячкова, является «приоритетность в языке СМИ раскованности» [Дьячкова, 2002, с. 83], что часто проявляется в нарушении языковых и этических норм русского литературного языка.

Размывание литературной нормы, отступления от языкового канона СМИ фиксируются в работах А. А. Шаззо, О. А. Лаптевой, О. Б. Сиротининой, Л. П. Крысина и других лингвистов. Учёные отмечают, что «разрушением норм занимаются журналисты, телеведущие, известные общественные деятели, актеры, политики, артисты, которые должны формировать элитарную языковую личность, а не дискредитировать нормы русского литературного языка» [Копоть, 2017, с. 61].

Вскрывая причины нарушения языковых норм, Д. Н. Тюкова пишет, что отступление «имеет два объяснения: либо автор намеренно не соблюдает нормы, стараясь добиться таким образом эффекта языковой игры, либо причиной является невнимательность журналиста, а также служб проверки, корректоров и редакторов» [Тюкова, 2013, с. 225–226], обусловленная постоянной редакционной спешкой – явлением, характерным для многих периодических изданий. Размышляя о работе журналиста, О. Б. Сиротина говорит, что «без владения языковой системой журналистика просто невозможна» [Сиротинина, 2010, с. 10]. В данной работе нас интересуют способы реализации языковой игры, которая может заходить слишком далеко.

2. Эксперимент

Материалом для исследования послужили заголовки газеты «Московский комсомолец» (далее — МК). Выбор обусловлен тем, что издание представлено на всей территории России, относится к одному из наиболее читаемых интернет-источников, пользуется авторитетом и доверием российских читателей.

Исследование осуществлялось при помощи методов выборки, лингвистического наблюдения, лингвистического анализа и описания. Материалом для исследования послужили выпуски за март 2019 г. – август 2019 г. Было рассмотрено 144 выпуска МК, проанализировано 230 газетных заголовков.

Необходимость исследования газетных заголовков в нормативно-этическом аспекте вызвана тем, что заголовки являются плодотворным материалом не только для изучения языковой и этической культуры современного общества, но и для анализа активных процессов, происходящих в русском языке и оказывающих определённое воздействие на языковую норму.

Далее мы рассмотрим примеры, которые можно считать показательными как в плане отступления от литературной нормы, так и в плане следования журналистской моде, оказывающей заметное влияние на построение газетного заголовка.

Известно, что на рубеже столетий при создании газетных заголовков активно используются нелитературные языковые средства. В. Г. Костомаров отмечает, что «тексты "масс-медиа" парадоксально и прочно объединяют стилевые царства разговорности и книжности, образуя особое промежуточное междуцарствие» [Костомаров, 2005, с. 183]. Так, для решения стилистических задач, связанных с усилением экспрессии, современные авторы употребляют не только разговорную (*Трудоустройство без отрыжки*, МК, 5.08.2019), но и просторечную лексику (*Авось бревна никто и не заметит?* МК, 26.03.2019, *Вдарим по бражке?* МК, 22.08.2019) (см., стилистические пометы для этих и др. слов в [Ожегов, Шведова, 1999, с. 479, 16 и др.]). Интересен пример с грам-

матической ошибкой в склонении существительного в заголовке заметки о ликвидации «Киностудии Ялта-Фильм»: <u>Кина</u> не будет? (МК, 2.08.2019). Автор использует просторечное выражение в обобщённом значении («ничего не состоится») как стилистический приём (морфологическое просторечие: отступление от нормы наблюдается в грамматических свойствах слова), цель которого — установить тесный контакт с читателями. Многие из них легко проведут аналогию из отечественного фильма «Джентльмены удачи»: «Кина не будет — электричество кончилось».

В настоящее время происходит формирование так называемого общего жаргона, о возникновении которого языковеды заговорили ещё в 90-е годы XX века [Ермакова, 1999, с. 3]. В этот период вследствие интенсивной демократизации языка, приведшей к снятию многих традиционных запретов и ограничений, публичное употребление единиц различных жаргонных подсистем приняло массовый характер. Часто можно встретить примеры обращения журналистов к таким языковым единицам, в том числе из тюремного жаргона, что свидетельствует о моде на огрубление речи: Паша и Саша, ваше место не у <u>параши</u> (Кокорин отказался досидеть в хозотряде: работать там «не по понятиям») (МК, 13.05.2019), На рынках фильтруют «базар» (МК, 17.05.2019), Рубить бабло — и никаких людей! (МК, 31.07.2019), Вторая «ходка» Окруашвили (МК, 30.07.2019), Московские митинги 27 июля: «жесткач» или гуманизм? (МК, 3.08.2019), Олимпиадники забили все места в вузах (МК, 17.08.2019). Кстати, подобных примеров предостаточно и в других известных российских газетах. Например, «Аргументы и факты»: Наркоманы поколения Z. Новые наркотики намного опаснее «традиционной дури» (№ 24 от 06.2019), «Коммерсанть»: Накрыть поляну: как устроен бизнес корпоративного конкурента Delivery Club и «Яндекс. Еды» (3.06.2019), «Новая газета»: Училки из вселенной Марвел (3.06.2019) и так далее. Хочется согласиться с Е. Н. Басовской, говорящей о том, что «жаргонизация языка становится для журналиста прежде всего средством иронии, а также самоидентификации с той частью аудитории, которая легко отступает от норм русского литературного языка» [Басовская, с. 60]. Однако высокая частотность использования жаргонизмов не может не настораживать, поскольку такая практика способна негативно повлиять на речевую манеру поведения самих читателей, ибо под воздействием авторитета печатного слова они начинают воспринимать отклонение от нормы как нечто вполне допустимое. Попытка журналистов максимально приблизить свои статьи к жизни оборачивается проблемой общего падения культуры речи.

Всё большую популярность в публицистике приобретает использование приёмов разговорной речи, рассчитанные на более лёгкое восприятие текста. Одним из таких механизмов, упрощающих заголовок синтаксически, является приём парцелляции. Парцелляция, как отмечает Е.О.Захарова «требует применения нестандартного пунктуационного решения — постановки знака конца предложения (точки) в середине предложения» [Захарова, 2009, с. 26]. Безусловно, знак точки позволяет упростить информацию, графически выделив значимый для восприятия отрезок заголовка: Приходите к нам лечиться. И учиться! (МК, 14.08.2019), Срочно. Самолетом. На футбол? (МК, 16.08.2019), Жаркие. Корейские. Твои? (МК, 16.08.2019). Точка в данных предложениях подчёркивает и выделяет важную для процесса внушения информацию, актуализирует определённые лексические единицы.

Усиливающаяся экспрессия языка газеты связана с общим процессом демократизации, или «либерализации», проявляющейся, в частности, и в использовании различных окказионализмов в заголовках: *Тлятворное влияние Запада* (МК, 30.08.2019) – от *тля*- по модели «тлетворный» (словообразовательный окказионализм), *Алкоместо пусто не бывает* (МК, 28.05.2019) – от «свято место», *У кого моно не треснет* (МК, 1.08.2019) (статья о зарплате директора Фонда развития моногородов – окказиональный фразеологизм, аналогия «...морда не треснет»), *Мир родому твоему* (МК, 20.05.2019) – материал о родах на дому, аналогия – «Мир дому твоему» (окказиональный фразеологизм) и так далее. Подобные примеры демонстрируют приём языковой игры и призваны привлечь аудиторию своей оригинальностью.

Ещё одна черта газетных заголовков — это их двусмысленность, искажающая смысл информационного сообщения, порождающая ненужные смысловые оттенки, затрудняющая понимание текста. Рассмотрим несколько заголовков такого рода: Рособрнадзор предупреждает: насиловать школьников пионерами противозаконно (МК, 2.04.2019). Смысл заголовка намеренно завуалирован, возникает предположение в изнасиловании школьников, но какими пионерами, совершенно не понятно. Оказывается, что в статье речь идёт о заместителе директора одного из домодедовских лицеев, которая «распекает учащихся шестых классов за то, что те пришли в школу без пионерских галстуков» (МК). Данный заголовочный комплекс вводит читателя в заблуждение и вызывает некоторое недоумение.

Приведём пример ещё одного заголовка в МК, где нарушение коммуникативных норм сопровождается нарушением норм языковых: «Неожиданный Киркоров: зрители в шоке от выступления артиста». В публикации речь идёт о восторженных отзывах зрителей о концерте Ф. Киркорова. Семантика же данного заглавия не соответствует содержанию материала, и поэтому название дезориентирует читателя. Напомним, что слово шок в словаре С. И. Ожегова означает 'тяжёлое расстройство функций организма вследствие физического повреждения или психического потрясения' [Ожегов, Шведова, 1999, с. 899], но автор репортажа этой лексемой обозначил самые положительные эмоциональные переживания.

Причиной двусмысленности может выступать и намеренное отсутствие знака препинания в заголовке: *Простить нельзя выгнать* («Краснодар» продлил контракт с Игнатьевым и вернул его в основу) (МК, 1.04.2019), *Съесть нельзя выбросить* (статья повествует о правозащитниках, предложивших отдавать россиянам продукты с истекающим сроком годности) (МК, 19.06.2019). Это примеры приемлемого использования языковой игры, которые подвигают читателя к рефлексии.

Итак, двусмысленность может быть вызвана нарушением лексических, фразеологических, синтаксических и пунктационных норм, но если автор преследует цель создания комического эффекта, и эта цель оправдана речевой ситуацией, то перед нами приём нарочитой двусмысленности. Вот интересный пример: ЕГЭ хотят сделать первоклассным (сенатор Лилия Гумерова заявила о необходимости внедрения элементов единого экзамена при проверке знаний с первого класса) (МК, 19.06.2019). Сначала может показаться, что речь идёт о повышении качества проведения ЕГЭ, ведь прилагательное первоклассный имеет отношение не к первому классу школы, а к высшему качеству чего-либо, но оказывается, что в статье говорится о том, что планируется проверка знаний учащихся уже с первого класса.

С относительно недавнего времени журналисты питают особую любовь к языковой игре и «стёбу», состоящему в публичном печатном снижении символов через демонстративное использование их в пародийном контексте, сознательному и подчёркнутому смешению стилей [Бакытжанова, 2008]. Такие примеры отмечались в данной газете МК в начале 2000 годов [Бакытжанова, 2008, с. 36], отмечаются они и сейчас: Сколько забьют Мамаеву и Кокорину (о процессе над известными российскими футболистами Александром Кокориным и Павлом Мамаевым) (МК, 3.04.2019) — забить гол и «забить» какое-то количество лет в тюрьме, Москва жжет: хитрости горожан против жары (о жаре в Москве) (МК, 8.06.2019) — двусмысленность, созданная игрой с

жаргонным и буквальным значением глагола «жечь», Капуста оставит без «капусты» (В России аномально подорожали овощи) (МК, 19.06.2019) — аналогично жаргонное употребление для денег и буквальное для овоща, а также многие другие демонстрирующие аналогичную языковую игру: Каникулы нестрогого режима (МК, 11.06.2019), Школьника довели до ручки (инцидент с геливыми ручками и ластиком на ЕГЭ) (МК, 19.06.2019), Недвижимость рядом с недвижимыми (москвичей всетаки не устраивает кладбище под окнами) (МК, 5.07.2019), Грузинский пролет: россине бросились на поиски альтернативных марирутов (МК, 8.07.2019), Папа хочет (об идее введения отцовского капитала в России) (МК, 9.07.2019), Патриарх всея попсы (Певец Стас Михайлов прилетел в Белоруссию на частном самолете) (МК, 12.07.2019), Перемирие на мине. Первые итоги перемирия: жители ДНР стали взрываться на минах (МК, 30.07.2019), Гадская прогулка (главного грибника России укусила гадюка, МК, 2.08.2019), Проблемы России идут лесом (МК, 17.08.2019) — о лесных пожарах и коррумпированном бизнесе.

В анализируемом материале заголовков МК были найдены примеры языковой игры, которые, на наш взгляд, нарушают этические нормы – игра заходит слишком далеко. В отступлении от этических норм, закреплённых культурными традициями, образованием, религией, мы усматриваем значительно большую опасность, чем в нарушении языковых норм. Цинично, на наш взгляд, звучит заголовок «Попа попа без хвоста» (МК, 6.08.2019), в котором автор материала спешит уточнить, что в материале «нет повтора». Речь идёт о выступлении протоиерея Артемия Владимирова на телеканале «Спас» (священник говорил о Чарльзе Дарвине и его теории). Думается, что заголовок звучит необоснованно грубо по отношению к православному священнику.

Приведём ещё один пример неэтичного, на наш взгляд, заголовка: *Как не выле- теть в передоз* (МК, 9.08.2019). На сленге наркоманов передоз означает 'передозировку наркотика, чреватую смертельным исходом', но оказывается, что в данной статье речь идёт вовсе не о наркоманах, а о ликвидаторах аварии на Чернобольской АС и допустимых для них дозах облучения. Не вполне понятный сарказм, как нам кажется, может оскорбить героев публикации, ликвидаторов аварии в Чернобыле.

Анализируя собранный материал, мы обратились и к такому заголовку: «Кинематографисты в Выборге разбуянились: они сварили в тазике свои метастазики» (МК, 7.08.2019). В данном случае начало публикации посвящено новой картине
Бориса Гуца «Смерть нам к лицу». Фильм о том, как раком заболевает молодая девушка, а другие герои фильма весело реагируют на эту ситуацию. Думается, что употреблять выражение «сварить в тазике свои метастазики» в СМИ нужно с большой
осторожностью, ведь чувства многих читателей, знающих о раке не понаслышке, могут
быть оскорблены подобным ироничным заголовком. К сожалению, подобных примеров
в СМИ становится всё больше. Отступление от этических норм приобретает уже последовательный, системный характер. Отметим и намеренное, вульгаризированное употребление в газетных заголовках слов, ассоциативно примыкающих к лексике
«телесного низа»: Спектакль о геях возбудил радикалов (МК, 30.08.2019). Здесь просматривается умышленное шокирование обывателя этически некорректным использованием слова.

Нельзя не согласиться с мнением С. В. Ляпуна, говорящего о том, что «литературная норма выполняет воспитательную функцию, и поэтому отклонение от неё, вопервых, нарушает этику общения, во-вторых, приводит к коммуникативной неудаче, а в-третьих, способствует массовому распространению «языковых вольностей», которые негативно влияют на стилистику газетной речи в целом» [Ляпун, с. 73]. Н. Д. Бессарабова замечает, что не только лексика, но и тональность публикаций, манера общения неко-

торых СМИ со своим адресатом способны нанести ущерб этическим качествам речи [Бессарабова, с. 59]. Хочется вспомнить здесь и о таком понятии, как самоцензура журналиста. Именно она, по словам А. В. Суперанской, заставляет говорящего или пишущего ещё раз задуматься над привлекаемой им лексикой, оберегает от сползания на уровень «языка улицы» [Суперанская, с. 40].

3 Заключение

Итак, анализ материала показывает, что газетные заголовки приобретают новый облик как следствие преднамеренного отступления от литературной нормы. В заголовках наравне используются книжные, разговорные, просторечные, жаргонные лексемы, стилистически разнородные конструкции, смешиваются высокое и низкое, старое и новое, творческое начало и бескультурье, и это смешение – движущая сила современных СМИ. Возникает риск обеднения системы национального русского языка при кажущемся его обогащении.

Говоря о размывании границ публицистического стиля в газетных заголовках, необходимо подчеркнуть, что порой журналисты не способны оценить уместность использования языковых средств, что не только зачастую вредит качеству сообщения, но и может приводить к нарушению этических норм. Тон ряда приведённых примеров подтверждает необходимость осмысления обозначенных тенденций в современной газетной публицистике. Думается, что для авторов статей, зашедших слишком далеко в языковой игре, из двух важнейших функций – информативной и манипулятивной – именно манипулятивная выходит на первый план. Обсуждая злободневные и серьёзные темы, журналисты выбирают ироничную манеру повествования, не задумываясь над тем, к чему может привести развязность тона. Последствия популяризации таких заголовков ещё предстоит оценить, например, обратившись к мнению читателей с помощью социологического опроса.

Список литературы

- Басовская, 2003 Басовская, Е. Н. Обезглавливание через озаглавливание [Текст] / Е. Н. Басовская // Русская речь. -2003. № 4. С. 56—62.
- Бакытжанова, 2008 Бакытжанова, А. Е. Прецедентный текст в печатных СМИ (на материале заголовков российских газет 1970-х 2000-х гг. [Текст] / Е. А. Бакытжанова // Известия Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. 2008. № 29 (65). С. 35—38.
- Бессарабова, 2011 Бессарабова, Н. Д. Лингвоэтика, или еще раз об этическом аспекте культуры речи современных СМИ и рекламы [Текст] / Н. Д. Бессарабова // Журналистика и культура русской речи. 2011. № 2. С. 54—64.
- Дьячкова, 2002 Дьячкова, И. Г. Оценка в газете [Текст] / И. Г. Дьячкова // Вестник Омского унта, 2002. № 3. С. 81–85.
- Ермакова, 1999 Ермакова, О. П. Слова, с которыми мы все встречались [Текст] / О. П. Ермакова, Е. А. Земская, Р. И. Розина. М. : Азбуковник, 1999. 320 с.
- Захарова, 2009 Захарова, О. Е. Пунктуационные и пунктуационно-графические приемы рекламного текста [Текст] / О. Е. Захарова // Вестник Томского гос. ун-та. 2009. № 324. С. 25—28.
- Копоть, 2017 Копоть, Л. В. К вопросу о формировании культуры речи в СМИ [Текст] / Л. В. Копоть, Е. Д. Шеватлохова, И. В. Архипова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. «Филология и искусствоведение». 2017. Вып. 2 (197). С. 59–63.
- Костомаров, 2005 Костомаров, В. Г. Наш язык в действии: очерки современной русской стилистики [Текст] / В. Г. Костомаров. М., 2005. —287 с.
- Крысин, Крысин, Л. П. Литературная норма и речевая практика средств массовой информации [Текст] / Л. П. Крысин // Журналистика и культура русской речи. 2007. № 1. С. 4–15.

- Лаптева, 2003 Лаптева, О. А. Двуединая сущность языковой нормы [Текст] / О. А. Лаптева // Журналистика и культура русской речи. 2003. № 1. С. 34—40.
- Ляпун, 2007 Ляпун, С. В. Язык СМИ и норма [Текст] / С. В. Ляпун // Культурная жизнь Юга России. 2007. № 6 (25). С. 71–75.
- Ожегов, Шведова, 1999— Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
- Сиротинина, 2010 Сиротинина, О. Б. Компетентность журналиста как проблема профессии и общества [Текст] / О. Б. Сиротинина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. Филология. Журналистика. 2010. Т. 10. Вып. 1. С. 10—13.
- Соловьева, 2018 Соловьева, Д. В. Рискогенность словообразовательных неологизмов в современных медиатекстах общественно-политической направленности [Текст] / Д. В. Соловьева // Вестник РУДН. Сер.: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2018. № 1. С. 109—123.
- Суперанская, 2011 Суперанская, А. В. Культура и цензура [Текст] / А. В. Суперанская // Журналистика и культура русской речи. 2011. № 2. С. 35—42.
- Тюкова, 2012 Тюкова, Д. Н. Заголовки газеты «Московский комсомолец» 2012 г. с точки зрения литературного редактирования [Текст] / Д. Н. Тюкова // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2013. № 12. С. 225–229.
- Шаззо, 2012 Шаззо, А. А. Тенденция к демократизации языка в качественной прессе начала третьего тысячелетия [Электронный ресурс] / А. А. Шаззо // Вестник Адыгейского гос. унта. Сер. 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 2. URL: https://cyberleninka.m/article/n/tendentsiya-k-demokratizatsii-yazyka-v-kachestvennoy-presse-nachala-tretiegotysyacheletiya (дата обращения: 25.03.2018).

References

- Basovskaya, E. N. (2003). Obezglavlivanie cherez ozaglavlivanie [Decapitation through title]. *Russkaya rech'* [Russian speech], 4, 56–62.
- Bakytzhanova, A. E. (2008). Pretsedentnyy tekst v pechatnykh SMI (na materiale zagolovkov rossiyskikh gazet 1970-kh 2000-kh gg. [The precedent phenomenon of the mass media printed texts (Based on Russian Newspapers' headlines of the 1970s–2000s).]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gercena*. [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], 29 (65), 35–38.
- Bessarabova, N. D. (2011). Lingvoetika, ili eshche raz ob eticheskom aspekte kul'tury rechi sovremennykh SMI i reklamy [Linguistic ethics, or once again about the ethical aspect of speech culture of contemporary mass media and advertisements]. *Zhurnalistika i kul'tura russkoy rechi* [Journalism and culture of Russian speech], 2, 54–64.
- D'yachkova, I. G. (2002). Otsenka v gazete [Evaluation in the newspaper]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], 3, 81–85.
- Ermakova, O. P., Zemskaya, E. A. Rozina, R. I. (1999). *Slova, s kotorymi my vse vstrechalis'* [Words we all met]. Moscow: Azbukovnik Press.
- Zakharova, Y. O. (2009). Punktuatsionnye i punktuatsionno-graficheskie priemy reklamnogo teksta [Punctuation and its graphic techniques of advertising texts]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Tomsk State University Journal], 324, 25–28.
- Kopot, L. V., Shevatlokhova, E. D., Arkhipova, I. V. (2017). K voprosu o formirovanii kul'tury rechi v SMI [On formation of speech standard in mass media]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta*. *Ser. Filologiya i iskusstvovedenie* [The Bulletin of Adyghe State University: Ser. Philology and the Arts], 2 (197), 59–63.
- Kostomarov, V. G. (2005). *Nash yazyk v deystvii: ocherki sovremennoy russkoy stilistiki* [Our language in action: Essays of modern Russian stylistics]. Moscow.
- Krysin, L. P. (2007). Literaturnaya norma i rechevaya praktika sredstv massovoy informatsii [Russian literary standard and speech practice of mass media]. *Zhurnalistika i kul'tura russkoy rechi* [Journalism and culture of Russian speech], 1, 4–15.

- Lapteva, O. A. (2003). Dvuedinaya sushchnost' yazykovoy normy [Duality of the linguistic standard]. *Zhurnalistika i kul'tura russkoy rechi* [Journalism and culture of Russian speech], 1, 34–40.
- Lyapun, S. V. (2007). Yazyk sredstv massovoy informatsii i norma [Language of mass media and linguistic standard]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii* [Cultural life of the Russian South], 6 (25), 71–75.
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1999). Tolkovyy slovar' russkogo yazyka [The Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Azbukovnik Press.
- Sirotinina, O. B. (2010). Kompetentnost' zhurnalista kak problema professii i obshchestva [Journalist's competentence as an occupation and society problem]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta*. *Novaya seriya*. *Ser. Filologiya*. *Zhurnalistika* [Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philology. Journalism], 10 (1), 10–13.
- Solovyova, D. V. (2018). Riskogennost' slovoobrazovatel'nykh neologizmov v sovremennykh mediatekstakh obshchestvenno-politicheskoy napravlennosti [Word-formative neologisms' riskogenics in modern mtdia texts of social and political orientation]. *Vestnik RUDN. Ser.: Russkiy i inostrannye yazyki i metodika ih prepodavaniya* [RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching], 1, 109–123.
- Superanskaia, A. V. (2011). Kul'tura i tsenzura [Culture and censorship] *Zhurnalistika i kul'tura russkoy rechi* [Journalism and culture of Russian speech], 2, 35–42.
- Tyukova, D. N. (2013.) Zagolovki gazety «Moskovskiy komsomolets» 2012 g. s tochki zreniya literaturnogo redaktirovaniya [Headlines of the newspaper «Moskovsky komsomolets» (2012) in terms of literary editing]. *Vestnik RGGU. Ser. «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie»* [RSUH Bulletin. Series Literary theory. Linguistics. Cultural studies], 12, 225–229.
- Shazzo, A. A. (2012). Tendentsiya k demokratizatsii yazyka v kachestvennoy presse nachala tret'ego tysyacheletiya [Language democratization trend in the qualitative press of the early 2000s]. *Vestnik Adygeyskogo gos. un-ta. Ser. 2 : Filologiya i iskusstvovedenie* [The Bulletin of Adyghe State University: Ser. Philology and the Arts]. Retrieved March 25, 2018 from https://cyberleninka.m/article/n/tendentsiya-k-demokratizatsii-yazyka-v-kachestvennoy-presse-nachala-tretiego-tysyacheletiya.

УДК 811.51, 81'342.4 UDC 811.51, 81'342.4

Карачева Ольга Борисовна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Olga B. Karacheva
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation

okaracheva@rambler.ru

XAPAКТЕРИСТИКИ ИНТОНАЦИОННОГО КОНТУРА ВОСКЛИЦАТЕЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ОСОБЫМ ВЫДЕЛЕНИЕМ В РУССКОМ И ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКАХ THE PROSODIC PROPERTIES OF THE EXCLAMATORY SENTENCES WITH THE EMPHATIC STRESS IN RUSSIAN AND EVENKI

Аннотация

В статье рассматриваются особенности интонационного контура восклицательных предложений с особым выделением в русском и эвенкийском языках. Интонация является одним из основных средств передачи эмоционального значения в языке. Эмоциональное значение высказывания отражается на организации его интонационной структуры в целом, а также через модификацию интонационного рисунка отрезка с особым выделением, представленного в данном случае эмфатическим ударением. Приводятся данные акустического анализа таких компонентов интонации как мелодика, длительность гласных и интенсивность относительно реализации категории особого эмоционального выделения в речи русских и эвенков. Результаты позволяют констатировать взаимодействие всех трёх компонентов в русской речи. В просодическом рисунке эвенкийских восклицательных предложений с особым выделением эмоциональный аспект реализуется прежде всего за счёт изменений длительности гласного. Мелодический контур таких предложений характеризуется сглаженностью и небольшим диапазоном, при этом интенсивность играет второстепенную роль в передачи эмоциональной насыщенности фразы.

Abstract

The article considers the peculiarities of the pitch contour of exclamation sentences with special emphasis in the Russian and Evenki languages. Intonation is one of the main means of conveying emotional meaning in language. The emotional meaning of the utterance is reflected in the organization of its intonation structure as a whole, as well as through the modification of the intonation pattern of the segment with special emphasis, represented in this case by emphatic stress. The results of an acoustic study of such components of intonation as pitch, vowel duration and intensity in the emotional parts of the utterances in Russian and Evenki speech are described. The obtained data enable to confirm the interaction of all the three components in Russian speech. In the Evenki exclamatory sentences, the prosodic pattern of emphasis is primarily based on vowel duration variability. The pitch contour of such sentences is characterized by smoothness and a small range, the intensity plays a secondary role in emphasizing of the phrase.

Ключевые слова: восклицательные предложения, эмфатическое выделение, частота основного тона, долгота, интенсивность, интонационный контур, русский и эвенкийский языки.

Keywords: exclamation sentence, intonation contour, emphatic accent, pitch frequency, length, Intensity, Evenki and Russian languages

doi: 10.22250/2410-7190 2020 6 1 70 83

1. Введение

Изучение эмоций привлекает учёных в разных сферах, в том числе и в области языкознания. Многие исследователи уделяют всё большее внимание проблеме отражения «эмоционального» в языке. Л. В. Щерба считал важной задачу изучения эмоционально окрашенной речи, утверждая, что «мы умеем выражать в речи множество разнообразных аффектов в их тончайших нюансах..., но фонетика всех этих аффектов не изучена» [Щерба, 1963, с. 133]. Исследователь функциональной типологии французского и русского языков В. Г. Гак отмечал, что язык не может оставаться вне сферы эмоций [Гак, 1977, с. 101]. По мнению И. Г. Торсуевой, «выражение эмоций составляет неотьемлемую часть процесса речевого общения» [Торсуева, 1984, с. 119].

Выражение эмоций происходит при участии всех уровней языка, не исключая просодию. Большинство зарубежных и отечественных исследователей признают эмоциональную функцию интонации, заключающуюся в её способности передавать эмоции. Так, А. М. Антипова выделяет в качестве одной из ведущих функций интонации эмоционально-модальную, выражающуюся в том, что интонация способна передавать эмоционально-модальные значения [Антипова, 1986, с. 1]. В исследованиях Е. Г. Сафроновой выделение важного в речи соотносится с экспрессивным аспектом значений интонации [Сафронова, 1995, с. 42]. С. В. Кодзасов и О. Ф. Кривнова выделяют среди дистинктивных функций тона модальную, связанную с выражением разнообразных оценок, показывающих отношение говорящего как к содержанию сообщения, так и к слушающему [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 402]. М. И. Матусевич называет в числе основных функций мелодики эмоциональную [Матусевич, 1957, с. 243]. Описания модальной функции интонации, принадлежащей сфере выразительности, представлены в работах Д. Болинджера, Д. Кристала, Ф. Данеша [Bolinger, 1980; Crystal, 1969; Danes, 1960]. М. Халлидей не отрицает наличия у интонации экспрессивной функции [Halliday, 1976].

Однако мнения расходятся в вопросе о лингвистичности данной функции. Т. М. Николаева исключает эмоциональную функцию из сферы лингвистики, мотивируя это нетипичностью использования интонации для выражения эмоций и тем, что при выражении эмоций передаются не собственно языковые отношения, а отношение говорящего к сообщаемому [Николаева, 1977, с. 21]. Г. В. Колшанский также считает необходимым исключение данной функции из объекта лингвистического анализа, поскольку «вся область экспрессивной интонации функционально не входит во внутреннюю структуру языка, а является надстроечной и не включается в собственно лингвистическую проблематику» [Колшанский, 1961, с. 27].

Сторонником включения эмоций в объект изучения лингвистики является Д. Кристал, который вводит шкалу, на противоположных концах которой находится минимальное и максимальное выражение эмоциональной функции интонации, передающейся одновременно с интеллектуальной функцией в процессе коммуникации [Crystal, 1972]. Л. Р. Зиндер относит интонацию эмоций к лингвистическим явлениям, так как видит в эмоциональной интонации выражение модальности — языковой категории, присущей любому высказыванию [Зиндер, 1979, с. 269]. Учёный выделяет в интонации два аспекта: коммуникативный и эмоциональный, отражающий эмоциональное состояние говорящего, а иногда и намерение его определённым образом воздействовать на слушающего — эмфазу [Зиндер, 1979, с. 269].

Д. Л. Ленца и Е. В. Соловьева считают эмоциональность одним из релевантных признаков интонационной структуры предложения [Ленца, Соловьева, 1989]. Эмоциональность изучается в плане соотношения семантики и интонации, так как эмоциональное значение высказывания как один из компонентов плана содержания отражается на организации его плана выражения, интонационной структуры в том числе. Высказыва-

ние получает эмоциональную окраску не только через лексическое наполнение, но и через модификацию мелодического рисунка [Ленца, Соловьева, 1989, с. 18].

- Н. Д. Светозарова не подвергает сомнению лингвистичность эмоциональной функции, считая целесообразным выделять две области: эмоциональные значения и область общей эмоциональной окраски [Светозарова, 1982, с. 56]. По её мнению, группа эмоциональных значений обладает языковой спецификой и имеет эквиваленты в лексике, в то время как вторые универсальны. Л. В. Бондарко так же считает, что в области эмоциональных значений формируются специфические интонационные единицы (особые эмоциональные контуры), и степень их лингвистичности больше [Бондарко, 2004, с. 132].
- И. Г. Торсуева считает важным аспектом теории интонации изучение содержательной стороны интонационных единиц, разграничивая категориальные лингвистические значения и ситуативные, коннотативные созначения, которые возникают в процессе порождения текста [Торсуева, 1984, с. 118]. Другими словами, смысл высказывания включает в себя его коммуникативный тип, рема-тематическое членение и эмоциональную окраску текста [Торсуева, 1984, с. 120].

Существует ряд исследований, заключающихся в соотнесении каждого типа эмоций с соответствующим типом эмоциональной интонации, в частности мелодики. Л. К. Цеплитис считает, что в интонационной форме один из её компонентов осуществляет реализацию конкретной эмоции в речи. Следовательно, различные эмоциональные состояния можно объединить в группы на основе их интонационного выражения [Цеплитис, 1974, с. 188].

Э. А. Нушикян в своём труде «Типология интонации эмоциональной речи» приводит данные экспериментального исследования особенностей интонационного оформления в английском, русском и украинском языках. По мнению учёного, фонетически эмоциональность проявляется на сегментном и сверхсегментном уровнях, при этом изменения сегментного состава высказывания происходят под влиянием конкретных эмоций [Нушикян, 1986].

Иначе выглядит позиция И. Г. Торсуевой: интонационные единицы одновременно со своими основными лингвистическими функциями, коммуникативной и выделения, выполняют функцию передачи эмоционального состояния говорящего и степень эмоциональной насыщенности высказывания «безотносительно к тому, какие именно конкретные эмоции при этом выражены в речи» [Торсуева, 1984, с. 120]. Н. Д. Светозарова также видит в восклицательной интонации проявление обобщённой восклицательности [Светозарова, 1982, с. 100].

В фразово-просодическом рисунке эмоциональный аспект может реализовываться в общей эмоциональной окраске всего высказывания (диффузно манифестируется на всех участках) или эмоциональным выделением отдельных компонентов: оценочных прилагательных, наречий, усилительных и выделительных частиц, сочетания частиц и наречий, что говорит о соотношении лексических, грамматических и интонационных средств [Николаева, 2000, с. 68; Торсуева, 1979, с. 121; Брызгунова, 1969, с. 202]. В ряде примеров, эмоционально выделенными оказываются слова, не имеющие в своём значении эмоциональных коннотаций. В таких случаях, интонация является основным средством передачи эмоционального значения.

Т. М. Николаева считает категорию выделения одной из ведущих содержательных категорий текста [Николаева, 1977, с. 16]. В интонации сосуществуют два разноплановых уровня: обязательный уровень фразовой интонации и уровень акцентного выделения, в том числе и эмоционального, который служит основным просодическим средством создания дополнительных смысловых строк, дополнительной смысловой ауры [Николаева, 2000, с. 56]. По мнению большинства исследователей, категория осо-

бого эмоционального выделения представлена эмфатическим ударением [Светозарова, 1982; Брызгунова, 1980; Зиндер, 1979]. Эмфатическое ударение выдвигает и усиливает эмоциональную сторону слова, или выражает аффективное состояние говорящего с тем или иным словом [Щерба, 1963, с. 132].

Не во всех восклицательных предложениях наблюдается эмоциональное выделение отдельных слов, поскольку любое предложение, выражающее сильную степень эмоциональной насыщенности, может стать восклицательным. Однако восклицательная интонация обнаруживает наибольшее разнообразие дикторских реализаций благодаря изменению одного или нескольких просодических признаков именно на отрезке с особым выделением.

Мелодика используется как важнейшее интонационное средство в самых разных языках; в пределах одного языка мелодика обслуживает разные функции интонации [Светозарова, 1982, с. 35]. Л. Р. Зиндер придаёт первостепенное значение выражению эмоциональных оттенков речи именно мелодике [Зиндер, 1979, с. 279]. Большинство исследователей русской интонации отмечают резкое повышение или понижение тона на ударном слоге выделенного слова [Светозарова, 1982, с. 42; Брызгунова, 1980, с. 176; Николаева, 1977, с. 88]. Л. В. Бондарко также считает, что восходяще-нисходящее движение мелодики говорит об определённой эмоциональной окраске, чаще всего положительной [Бондарко, 2004, с. 129]. В. Всеволодский-Гернгросс сравнивает акцент на эмоциональном члене с «рефлекторным чувственным выкриком», отмечая при этом, что падение происходит не постепенно, а внезапно, т. е. на следующем же слоге [Всеволодский-Гернгросс, 1922, с. 51].

Следовательно, характерным признаком интонационного рисунка всех восклицательных предложений, по форме совпадающих с повествовательными, является мелодическая одновершинность, преобладание одного мелодического перелома над всеми другими.

Увеличение длительности гласного в русском языке является другим важнейшим средством достижения просодической выделенности слова, в том числе эмоциональной, отражающим их семантический вес [Светозарова, 1982, с. 153; Брызгунова, 1963, с. 176; Зиндер, 1979, с. 280; Николаева, 1977, с. 89; Щерба, 1963, с. 132; Бондарко, 1977, с. 165]. В некоторых языках существует оппозиция по дифференциальному признаку долготы, однако это не исключает полностью возможности использования длительности как просодического признака, так как отклонение длительности в ту или иную сторону от среднестатистической становится информативным для интонации [Светозарова, 1982, с. 46].

Рассмотрение интенсивности как отдельного компонента интонации встречается редко, однако большой диапазон варьирования этого параметра также используется для выражения степени важности элементов высказывания. Интенсивность возрастает с увеличением общего эмоционального напряжения. В связи с этим некоторые исследователи отмечают повышение, а изредка контрастирующее с фоном понижение интенсивности на отрезке с эмфатическим выделением [Светозарова, 1982, с. 53], либо относительно ровную и повышенную интенсивность на протяжении всей фразы [Николаева, 1877, с. 49].

Целью данного исследования является изучение характера и языковых закономерностей взаимодействия таких компонентов интонации как мелодика, долгота гласных и интенсивность при фонетическом оформлении эмфатического ударения восклицательных предложений в русском и эвенкийском языках.

 Γ и п о т е з а нашего исследования состояла в том, что выбор и роль интонационных компонентов при выражении эмфазы отличается как на выделенном участке, так и на интонационном контуре восклицательных предложений в русском и эвенкийском

языках. Основными причинами различий предположительно являются различный характер ударения (количественное-качественное в русском языке, мелодическое и количественное в эвенкийском языке), а также отличительные особенности в грамматическом строе данных языков.

2. Эксперимент

2.1. Материал и методика исследования

Материалом для акустического анализа послужили аудиозаписи дикторов-женщин, носителей русского (условно обозначены как D1, D2 и D7) и эвенкийского (условно обозначены как D3, D4, D5 и D6) языков в возрасте старше 50 лет. Основными критериями для отбора дикторов-эвенков являлись свободное владение эвенкийским языком и возраст дикторов. Очевидно, что фонетическая сторона речи среднего и молодого поколений претерпела значительные изменения, так как большинство из них являются билингвами, в то время как представители старшего поколения не знали русского языка до поступления в школу.

Запись материала осуществлялась в лаборатории экспериментально-фонетических исследований кафедры иностранных языков Амурского государственного университета. Также были использованы записи эвенкийской речи из архивов лаборатории, осуществленные в полевых условиях во время экспедиций. В процессе записи русской речи был использован диктофон. В ходе записи был сформирован корпус исследования: 40 повествовательных предложений и 38 восклицательных предложений с интонацией особого выделения в речи 3 дикторов-русских и 5 дикторов-эвенков.

Первичное прослушивание позволило выделить предложения эмоционально окрашенные, а также определить место участка с особым выделением. Сегментация лингвистического материала, извлечение сведений об интонационных параметрах и их обработка были осуществлены в программе свободного доступа PRAAT. В ходе акустического анализа измерялись параметры основного тона (минимальные, максимальные и средние значения ЧОТ, высота основного тона на участке с особым выделением), длительность ударных гласных на всём протяжении синтагмы и длительность гласного — носителя эмфатического ударения и динамические параметры. Данные о динамическом рисунке фразы состояли из соотношения интенсивности на выделенном участке и среднего показателя интенсивности высказывания в целом. Полученные данные использовались для определения количества и характеристик компонентов, участвующих в реализации эмфатического ударения, а также получения интонационной картины восклицательных предложений.

Поскольку эмоциональный аспект речи не может быть изучен отдельно от нейтрального, то первоначально был проведен акустический анализ нейтрально окрашенных фраз, совпадающих по формально-грамматическим структурам с эмоционально насыщенными, но несущих минимальную эмоциональную нагрузку (повествовательных предложений). Полученные в ходе анализа данные о средних просодических параметрах, характерных для каждого диктора, были занесены в таблицу 1.

2.2. Обсуждение результатов эксперимента

Оформление интонации особого выделения восклицательных предложений в речи дикторов — носителей русского языка обнаруживает схожие черты. Все представленные реализации состоят из шкалы, на которой реализуется эмфатическое ударение, ядра и в некоторых случаях — заядерной части. На рисунке 1 представлена интонограмма восклицательного предложения «Вот так дом!» диктора D2. Начало шкалы совпадает с

ударным гласным — носителем эмфатического ударения и характеризуется крутой инклинацией, начинающейся ниже уровня среднего тона и достигающей мелодического максимума в 470 Гц за 160 мс, что говорит о значительной крутизне интервала данного отрезка. Далее следует понижение на 4 полутона. Интенсивность выделенного участка составила 84 дБ. Мелодический диапазон всей фразы равен среднему показателю для данного диктора, средняя интенсивность незначительно повышена (83 дБ).

Таблица 1. Средние показатели просодических параметров нейтральных реализаций (повествовательные предложения)

Наименование показателя	Среднее значение показателя для диктора							
	Русская речь			Эвенкийская речь				
	D1	D2	D7	D3	D4	D5	D6	D8
Средний мелодический диапазон, полутон	9	16	9	11	6	5	6	4
Средняя ЧОТ диктора, Гц	227	240	182	182	201	215	198	145
Средняя долгота ударных гласных, мс	75	78	91	111	120	123	115	124
Средняя интенсивность, дБ	74	77	74	79	80	70	75	59

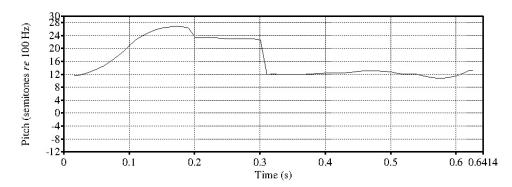

Рисунок 1. Интонограмма восклицательного предложения «Вот так дом!» (D2)

Высокая центрированность интонационного контура обнаруживается и у D1 (рис. 2). Значительная инклинация на ударном слоге — носителе эмфатического ударения, сохранение высокого уровня на последующем слоге и резкое падение на ядре создают доминирующий перелом, который является отличительной чертой оформления восклицательных предложений в русском языке. Пик перелома совпадает с мелодическим максимумом в 380 Гц, диапазон мелодики в данной синтагме составил 16 полутонов, что сравнительно больше, чем в нейтральной речи данного диктора. Длительность гласного — носителя эмфатического ударения увеличена до 120 мс, интенсивность относительно средней интенсивности фразы (76 дБ) также характеризуется более высокими показателями (80 дБ).

На рисунке 3 приведена интонограмма восклицательного предложения «У тебя столько проблем!» в речи диктора D7, в котором носителем эмфатического ударения является слово столько. Незначительное понижение тона в начале синтагмы находится в пределах средней индивидуальной частоты диктора 249 Гц, после чего наблюдается повышение на главноударном гласном шкалы, при этом ЧОТ достигает максимума в 279 Гц. Особое выделение реализуется также эмфатическим продлением гласного до 139 мс, при этом интенсивность находится в пределах средних показателей (76 дБ).

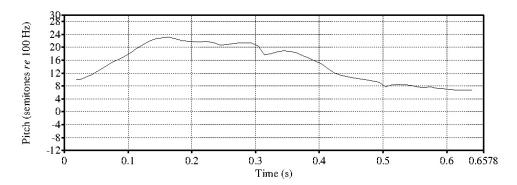

Рисунок 2. **Интонограмма восклицательного предложения** *«Вот так ребёнок!»* (D1)

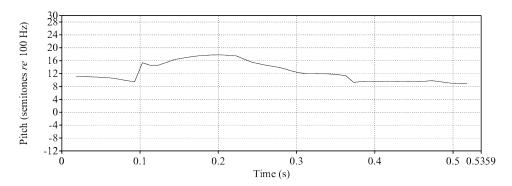

Рисунок 3. **Интонограмма восклицательного предложения** «У тебя столько проблем!» (D7)

Схожим образом оформлен интонационный контур восклицательного предложения *«Магазин такой маленький был!»* диктора D1 (рис. 4). На предшкале и шкале сохраняется относительно ровный мелодический контур с небольшими колебаниями в пределах 240–246 Гц. Эмфатическое ударение совпадает с ударным слогом оценочного прилагательного *маленький* и характеризуется резким изменением высоты основного тона до мелодического максимума 349 Гц. В пределах ударного слога тон сохраняется на одном уровне на протяжении 403 мс, интенсивность данного отрезка не отличается от повышенного уровня всей фразы в целом.

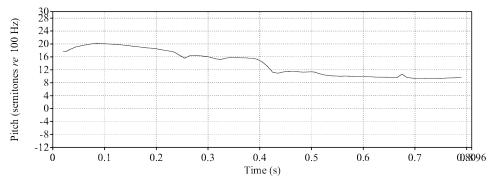

Рисунок 4. **Интонограмма восклицательного предложения** *«Магазин такой маленький был!»* (D1)

Основным отличием реализаций восклицательного предложения «Целыми днями!» у диктора D1 является отсутствие доминирующего перелома, что объясняется совпадением начала шкалы с гласным — носителем эмфатического ударения. Движение тона на отрезке с выделением имеет нисходящий характер, также имеет место эмфатическое продление гласного до 197 мс (рис. 5). В целом наблюдается нисходящее движение мелодики в пределах 6 полутонов у D7 и 10 полутонов у D1. Общая интенсивность фразы повышена, однако показатели динамического рисунка на выделенном участке находятся в пределах средних величин.

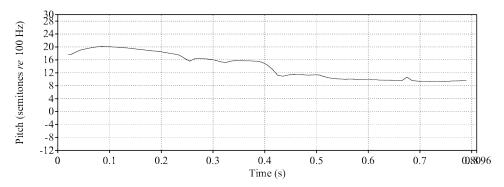

Рисунок 5. **Интонограмма восклицательного предложения** *«Цельми днями!»* (D1)

Таким образом, интонационный облик восклицательных предложений в русском языке напрямую зависит от наличия эмфатического ударения. В одних случаях оно представленного в синтагме главным переломом, образованным эмфатическим повышением с одной стороны, и терминальным понижением с другой в сочетании с увеличением длительности гласного — носителя эмфатического выделения. Мелодический диапазон и интервалы реализаций главноударных гласных более значительны, чем в предложениях с нейтральной интонацией. В других случаях, реализация категории особого выделения с целью передачи эмоциональности в предложении осуществляется восходяще-нисходящим движением мелодики в пределах эмоционально выделенного гласного в сочетании с его эмфатическим продлением. Интенсивность во всех примерах повышена как на всем протяжении синтагмы, так и на носителе эмфазы.

Восклицательные предложения в речи эвенкийских дикторов представлены двумя типами реализации интонационного контура. В первом типе интонационный контур представляет собой дугообразную фигуру, вершина которой приходится на отрезок с особым выделением. Типичный пример представлен на рисунке 6. Эмфатическое ударение предложения «Эвэдыт сомат эхапкиль бинкитын-не!» (= На эвенкийском хорошо красиво пели!) приходится на первый долгий гласный слова сомат и выражается изменением высоты ЧОТ и пролонгацией гласного. На предшкале наблюдается постепенное ступенчатое увеличение тона до мелодического максимума в 241 Гц. Сравнительно высокий уровень части шкалы, несущей эмфатическое выделение, контрастирует с монотонностью второй части и небольшой деклинацией на ядре. Длительность гласного значительно увеличена относительно средних показателей (393 мс). Динамический контур представляет собой череду подъёмов и понижений, вершинные пики которых приходятся на ударные гласные, в том числе и носителя эмфазы, и реализуются на более высоком уровне (75 дБ) по сравнению с нейтральными фразами. Мелодический диапазон данной фразы составляет 11 полутонов.

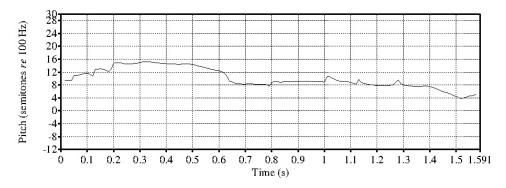

Рисунок 6. Интонограмма восклицательного предложения «Эвэдыт сомат эхапкиль бинкитын-не!» (D3)

Общее повышение предшкалы и начала шкалы до мелодического максимума эмоционально выделенного гласного характерно и для следующего примера (рис. 7), представленного предложением «Мэльгадедувй мйнэвэ тэхэпканмункйн эхадеёчэнкйн, тыка бинкйн!» (=Перед собой меня садил и пел, так было!). На главноударном гласном шкалы наблюдается также эмфатическое продление: диктор почти «пропевает» его на протяжении 485 мс, что в 4 раза превышает среднюю длительность долгих гласных у этого диктора. Вторая часть синтагмы представлена незначительными колебаниями ЧОТ, включая ядерный тон, что свидетельствует о доминировании выделенного гласного, а следовательно его большей функциональной и смысловой значимости. Интенсивность повышена незначительно (81 дБ относительно средней 74 дБ).

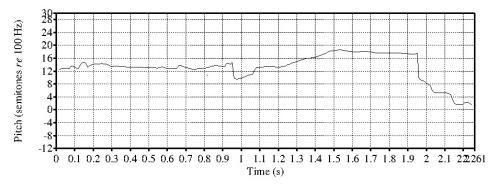

Рисунок 7. **Интонограмма восклицательного предложения** «Мэльгаддедув м м м нэв төгэнк анмунк ин эхад е е чэңк ин, тык абинк ин!» (D3)

Схожим образом оформлено предложение с эмфатическим выделением *«Магазинчик эргэчйн дёкйкан бичэн!»* (= Магазинчик такой маленький был!) в речи диктора D5 (рис. 8). Мелодический диапазон в 15 полутонов представлен контрастом высокого уровня главноударного слога с эмфатическим ударением (402 Гц) и остальных частей синтагмы, реализованных пределах средней индивидуальной высоты тона говорящего. Длительность гласного – носителя эмфазы увеличена незначительно (154 мс), средняя интенсивность в пределах средних показателей (77 дБ).

Вторая группа восклицательных предложений представлена примерами реализации восклицательных предложений «Ая дю!» (= Хороший дом!), «Ая куӈ \bar{a} к \bar{a} н!» (= Хороший ребёнок!), «Ая с \bar{s} кс \bar{s} !» (= Хорошая кровь!) (рис. 9, 10, 11). Во всех случаях наблюдается незначительная инклинация или ровный тон на предшкале. Особое выде-

ление в данных примерах реализуется эмфатическим продлением главноударного гласного, при этом гласный произносится на более высоком (рис. 10) или более низком (рис. 9, 11) уровне. Длительность ударного гласного оценочного прилагательного *ая* составила 405 мс, 366 мс, 184 мс соответственно, при этом во всех примерах интервал нулевой с сохранением ровного тона на протяжении всего гласного.

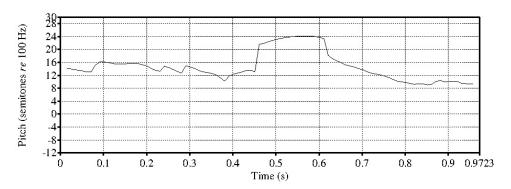

Рисунок 8. **Интонограмма восклицательного предложения** *«Магазинчик эргэчйн дёкйкан бичэн!»* (D5)

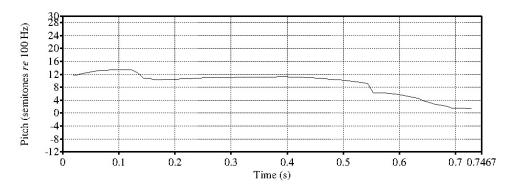

Рисунок 9. Интонограмма восклицательного предложения «Ая дю!» (D6)

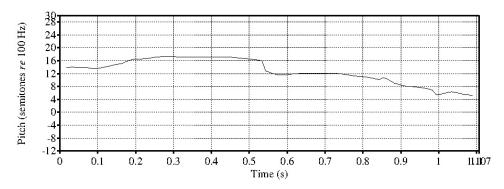

Рисунок 10. **Интонограмма восклицательного предложения** *«Ая кунāкāн!»* **(D4)**

Особый интерес представляет реализация интонационного контура предложения «Де эре нэрэкэндеечивкил!» (= Ну, вот идут, выставив грудь вперед!). На интонограмме (рис. 12) видно, что единственным средством реализации эмфатического выделения является контраст по длительности главноударного по отношению к другим ударным гласным

синтагмы. Все гласные шкалы произносятся на одном уровне, единственным отличием гласного – носителя эмфатического ударения является его продление, при котором ровный тон сохраняется на протяжении 500 мс. Динамический контур характеризуется незначительным повышением интенсивности на протяжении всей синтагмы (78–80 дБ).

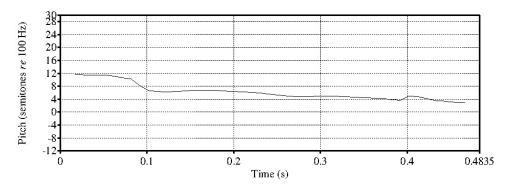

Рисунок 11. Интонограмма восклицательного предложения «Ая сэксэ!» (D8)

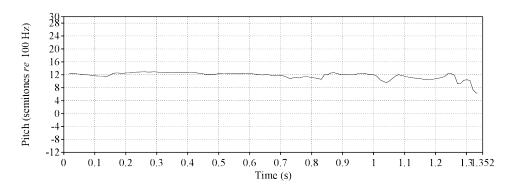

Рисунок 12. **Интонограмма восклицательного предложения** *«Де эрё нэрэкэндеёчивкйл»* (D5)

В целом, интонационный контур восклицательных предложений с эмфатическим выделением в эвенкийском языке отличается преобладанием количественных изменений главноударного гласного над изменениями мелодики. Эмфатическое ударение реализуется продлением главноударного гласного шкалы, а также контрастом более высокого уровня ЧОТ на фоне общей сглаженности, и даже монотонности интонационного контура синтагмы в целом.

3. Заключение

Проведённый экспериментально-фонетический анализ восклицательных предложений с эмоциональным выделением показал, что интонационный облик восклицательных предложений в русском языке напрямую зависит от наличия эмфатического ударения, представленного на рисунке мелодики доминирующим переломом, образованным эмфатическим повышением с одной стороны, и терминальным понижением с другой. Таким образом, мелодический контур таких предложений сильно центрированный, а мелодический диапазон и интервалы реализаций главноударных гласных более значительны, чем в предложениях с нейтральной интонацией. Длительность гласных – носителей эмфазы увеличена, что свидетельствует об эмфатическом продлении главноударного шкалы. Наблюдались изменения интенсивности на участке с особым выделе-

нием относительно повышенного уровня динамического контура в целом. Таким образом, реализация категории эмоционального выделения в русском языке осуществляется изменением трёх параметров интонационного контура: мелодики, длительности гласных и интенсивности.

Особое выделение в речи дикторов-эвенков реализуется в основном эмфатическим продлением главноударного гласного. Движения мелодики внутри слога не наблюдалось, тон сохранялся ровным на протяжении значительно больших промежутков времени. В некоторых случаях контраст более высокого уровня ЧОТ на фоне общей сглаженности мелодического контура эвенкийских восклицательных предложения сближал их по облику с эмоциональными реализациями в русской речи, отличия наблюдались в форме тонального движения, имеющего ступенчатый характер, и его направлении (более высокий / низкий уровень). Нельзя не отметить, что мелодический диапазон эмоционально окрашенных реализаций в эвенкийском языке незначителен, и в некоторых случаях приближается к нулю. Существенных изменений уровня интенсивности на выделенном отрезке не отмечено, в то время как общий уровень интенсивности незначительно повышен.

Для выявления более полной картины интонационного оформления эмфазы в эвенкийском языке необходимо проведение дополнительных исследований с учётом позиции особого выделения в синтагме.

Список литературы

- Антипова, 1986 Антипова, А. М. Направления исследований по интонации в современной лингвистике [Текст] / А. М. Антипова // Вопросы языкознания. 1986. № 1. С. 122–32.
- Бондарко, 1977 Бондарко, Л. В. Звуковой строй современного русского языка: учеб. пособие [Текст] / Л. В. Бондарко. Москва: Просвещение, 1977. 175 с.
- Бондарко и др., 2004 Бондарко, Л. В. Основы общей фонетики [Текст] / Л. В. Бондарко, Л. А. Вербицкая, М. В. Гордина. М. : Издательский центр «Академия», 2004. 160 с.
- Брызгунова, 1969 Брызгунова, Е. А. Звуки и интонация русской речи [Текст] / Е. А. Брызгунова. М. : Прогресс, 1969. 252 с.
- Брызгунова, 1963 Брызгунова, Е. А. Практическая фонетика и интонация русского языка : пособие для преподавателей, занимающихся с иностранцами [Текст] / Е. А. Брызгунова. Москва : Изд-во Московского ун-та, 1963. 306 с.
- Брызгунова, 1980 Брызгунова, Е. А. Интонация [Текст] / Е. А. Брызгунова // Русская грамматика. — М., 1980. — С. 96—122.
- Брызгунова, 1984 Брызгунова, Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи [Текст] / Е. А. Брызгунова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. 117 с.
- Всеволодский-Гернгросс, 1922 Всеволодский-Гернгросс, В. Теория русской речевой интонации [Текст] / В. Всеволодский-Гернгросс. Петербург: Гос. изд-во, 1922. 128 с.
- Гак, 1977Γ ак, В. Г. Сравнительная типология французского и русского языков [Текст] / В. Г. Гак. М. : Просвещение, 1977. -300 с.
- Зиндер, 1979 Зиндер, Л. Р. Общая фонетика : учеб. пособие. [Текст] / Л. Р. Зиндер; 2-е изд., перераб. и доп. М. : Высш. школа, 1979. 312 с.
- Кодзасов, Кривнова, 2001 Кодзасов, С. В. Общая фонетика: учебник [Текст] / С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 592 с.
- Колшанский, 1961 Колшанский, Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности [Текст] / Г. В. Колшанский // Вопросы языкознания. -1961. N = 1. C. 94-98.
- Ленца, Соловьева, 1989 Ленца, Д. Л. Фонетика в аспекте прагматики [Текст] / Д. Л. Ленца, Е. В. Соловьева. Кишинев : Знание, 1989. 120 с.
- Матусевич, 1959 Матусевич, М. И. Введение в общую фонетику: пособие для студентов пед. ин-тов. 3-е изд. [Текст] / М. И. Матусевич. М. : Просвещение, 1959. 136 с.

- Николаева, 2000 Николаева, Т. М. От звука к тексту [Текст] / Т. М. Николаева. М. : Языки русской культуры, 2000. 679 с.
- Николаева, 1977 Николаева, Т. М. Фразовая интонация славянских языков [Текст] / Т. М. Николаева. М.: Наука, 1977. 278 с.
- Нушикян, 1986 Нушикян, Э. А. Типология интонаций эмоциональной речи [Текст] / Э А. Нушикян. Киев : «Вища школа», 1986. 160 с.
- Сафронова, 1995— Сафронова, Е. Г. Теоретические основы русской интонации в аспекте лингводидактики [Текст] / Е. Г. Сафронова. СПб. : Образование, 1995. 88 с.
- Светозарова, 1982 Светозарова, Н. Д. Интонационная система русского языка [Текст] / Н. Д. Светозарова. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 176 с.
- Торсуева, 1984 Торсуева, И. Г. Современная проблематика интонационных исследований [Текст] / И. Г. Торсуева // Вопросы языкознания. 1984. № 1. С. 116—126.
- Цеплитис, 1974 Цеплитис, Л. К. Анализ речевой интонации [Текст] / Л. К. Цеплитис. Рига : Зинатне, 1974. 270 с.
- Щерба, 1963 Щерба, Л. В. Фонетика французского языка [Текст] / Л. В. Щерба. М. : Высшая школа, 1963. 308 с.
- Bolinger, 1980 Bolinger, D. Intonation across Languages [Text] / D. Bolinger // Universals of Human Languages / J. Greenberg (Ed.). London: Longman, 1980. P. 454–474.
- Crystal, 1969 Crystal, D. Prosodic systems and intonation in English [Text] / D. Crystal. Cambridge: Cambridge University Press, 1969. 390 p.
- Crystal, 1972 Crystal, D. The intonation system of English [Text] / D. Crystal // Intonation. Selected readings. Harmondsworth, 1972. P. 110–136.
- Danes, 1960 Danes, F. Sentence intonation from functional point of view [Text] / F. Danes. Word. 1960. Vol.16. P. 34–54.
- Halliday, 1976 Halliday, M. System and function in Language [Text] / M. Halliday. London : Longman, 1976. 250 p.

References

- Antipova, A. M. (1986). Napravleniya issledovaniy po intonatsii v sovremennoy lingvistike [Trends in the study of intonation in contemporary linguistics]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 1, 122–132.
- Bondarko, L. V. (1977). *Zvukovoy stroy sovremennogo russkogo yazyka* [The sound system of modern Russian]: A coursebook. Moscow: Prosveshchenie Press.
- Bondarko, L. V., Verbitskaya, L. A. Gordina, M. V. (2004). *Osnovy obshchey* fonetiki [The outline of general phonetics]. Moscow: Akademiya Press.
- Bryzgunova, E. A. (1969). *Zvuki i intonatsiya russkoy rechi* [Sounds and intonation of Russian speech]. Moscow: Progress Press.
- Bryzgunova, E. A. (1963). *Prakticheskaya fonetika i intonatsiya russkogo yazyka : posobie dlya prepodavateley, zanimayushchikhsya s inostrantsami* [Practical phonetics and intonation of the Russian language]: A coursebook. Moscow : Moscow University Press.
- Bryzgunova, E. A. (1980). Intonatsiya [Intonation]. *Russkaya grammatika* [Russian grammar] (pp. 96–122). Moscow.
- Bryzgunova, E. A. (1984). *Emotsional'no-stilisticheskie razlichiya russkoy zvuchashchey rechi* [Emotional and stylistic differences of Russian oral speech]. Moscow: Moscow University Press.
- Vsevolodskiy-Gerngross, V. (1922). *Teoriya russkoy rechevoy intonatsii* [The theory of Russian speech intonation]. Petersburg: Gosudarstvennoe Press.
- Gak, V. G. (1977). Sravnitel'naya tipologiya frantsuzskogo i russkogo yazykov [Comparative typology of Russian and French]. Moscow: Prosveshchenie Press.
- Zinder, L. R. (1979). *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. 2nd edition with corrections and additions. Moscow . : Vysshaya shkola Press.
- Kodzasov, S. V., Krivnova, O. F. (2001). *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow: Russian University for Humanities Press.

- Kolshanskiy, G. V. (1961). K voprosu o soderzhanii yazykovoy kategorii modal'nosti [The language category of modality]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 1, 94–98.
- Lentsa, D. L. Solov'eva, E. V. (1989). *Fonetika v aspekte pragmatiki* [The pragmatic aspect of phonetics]. Kishinev: Znanie Press.
- Matusevich, M. I. (1959). *Vvedenie v obshchuyu fonetiku* [Introduction to general phonetics]: A coursebook. 3rd edition. Moscow: Prosveshchenie Press.
- Nikolaeva, T. M. (2000). *Ot zvuka k tekstu* [From sound to text]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Press.
- Nikolaeva, T. M. (1977). *Frazovaya intonatsiya slavyanskikh yazykov* [Phrasal intonation of Slavic languages]. Moscow: Nauka Press.
- Nushikyan, E. A. (1986). *Tipologiya intonatsiy emotsional'noy rechi* [Emotional speech intonation typology]. Kiev: Vishcha shkola Press.
- Safronova, E. G. (1995). *Teoreticheskie osnovy russkoy intonatsii v aspekte lingvodidaktiki* [The theory of Russian intonation: Linguodidactic aspect]. St Petersburg: Obrazovanie Press.
- Svetozarova, N. D. (1982). *Intonatsionnaya sistema russkogo yazyka* [Russian intonation system]. Leningrad: Leningrad University Press.
- Torsueva, I. G. (1984). Sovremennaya problematika intonatsionnykh issledovaniy [Modern studies of intonation]. *Voprosy yazykoznaniya* [Topics in the Study of Language], 1, 116–126.
- Tseplitis, L. K. (1974). Analiz rechevoy intonatsii [Speech intonation analysis]. Riga: Zinatne Press.
- Shcherba, L. V. (1963). *Fonetika frantsuzskogo yazyka* [French phonetics]. Moscow: Vysshaya shkola Press.
- Bolinger, D. (1980). Intonation across Languages. In J. Greenberg, *Universals of Human Languages* (pp. 454–474). London: Longman.
- Crystal, D. (1969). *Prosodic systems and intonation in English*. Cambridge: Cambridge University Press
- Crystal, D. (1972). The intonation system of English. *Intonation. Selected readings* (pp. 110–136). Harmondsworth.
- Danes, F. (1960). Sentence intonation from functional point of view. *Word*, 16, 34–54.
- Halliday, M. (1976). System and function in Language. London: Longman.

УДК 81'373 UDC 81'373

Кригер Елена Ивановна
Московский педагогический государственный университет
г. Москва, Российская Федерация
Elena I. Kriger
Moscow State Pedagogical University
Moscow, Russian Federation

elena.kriger75@gmail.com

ОЦЕНОЧНАЯ МАТРИЦА МЕТКАЛФА КАК СПОСОБ ОЦЕНКИ ЖИЗНЕННОСТИ НОВОЙ ЛЕКСИЧЕСКОЙ ЕДИНИЦЫ METCALF'S ASSESSMENT MATRIX AS A WAY TO ASSESS THE VITALITY OF A NEW WORD

Аннотация

В статье рассматривается система оценки жизненности слов, возникших на рубеже XX и XXI вв., предложенной американским лингвистом Алланом Меткалфом в книге «Predicting new words» и представлены его взгляды на некоторые источники возникновения новых лексических единиц с новизной формы и содержания. Показано отношение А. Меткалфа к писателям, создавшим большое количество лексических новообразований (авторских неологизмов). Основное внимание в статье уделяется критическому анализу предложенной системы, в которой под жизненностью новой лексической единицы подразумевается степень вероятности её сохранения в широком употреблении после продолжительного времени. Статья содержит конкретные примеры, на которых автор показал возможность применения оценочной матрицы FUDGE factor в общей системе критериев определения слова как новой лексической единицы.

Abstract

The article presents a critical analysis of the system proposed by an American linguist Allan Metcalf for assessing the vitality of words that arose at the turn of the 20th and 21st centuries. By "vitality" he meant chances for a word to remain in use after a reasonable time period, i.e., how new words survive. Every year, a few hundred new words or meanings slip past the barrier and become part of the established vocabulary. Is there any way to predict which ones? The major focus in this paper is Metcalf's evaluation matrix FUDGE factor as a means of assessing the chances of success for a new word including Frequency of use, Unobtrusiveness, Diversity of users and situations, Generation of other forms and meanings, Endurance of the concept. From these angles, several literary pieces as sources of new words are considered. I argue that Metcalf's evaluation matrix FUDGE factor, overall, constitutes an accurate measurement tool for assessing the staying power of new words. It is claimed that the evaluation matrix system FUDGE factor has a place in a general system of criteria for defining new lexical units. This is illustrated by a number of examples. In addition, several sources of new words are considered.

Ключевые слова: неологизм, жизненность новых слов, заимствование, FUDGE-фактор, новое лексическое значение.

Keywords: neologism, vitality of new words, borrowing, FUDGE factor, new lexical meaning.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_1_84_93

1. Введение

Проблема продолжительности жизни новых лексических единиц в английском языке многие годы остаётся в центре внимания отечественных и иностранных лингви-

стов в области неологии: Е. В. Сенько [Сенько, 2001], Е. С. Кубряковой [Кубрякова, 2004], С. Р. Прохоровой [Прохорова, 2005], Н. А. Лавровой [Лаврова, 2007], Н. В. Кузнецовой и Е. Н. Вахромовой [Кузнецова, Вахромова, 2009], А. Н. Ильиной и С. Г. Кибасовой [Ильина, Кибасова, 2012], Аллана Меткалфа [Metcalf, 2002], Стивена Пинкера [Пинкер, 2007]. Исследование данной проблематики обусловлено не только способами образования новых лексических единиц, но и наличием ряда критериев, которым новые слова должны соответствовать для полноценного вхождения в узус.

Одно из них – исследование американского лингвиста Аллана Меткалфа, изложенное в его книге «Predicting new words» [Metcalf, 2002]. Аллан Меткалф – филолог, исследователь языка, многие годы возглавлявший Американское Общество диалектов (American Dialect Society), написал книгу, использовав весь накопленный опыт в сфере появления и функционирования новых слов. Меткалф исследует в своей книге новые лексические единицы (НЛЕ): выявляет пути их опознания, анализирует факторы их появления, изучает модели их создания. Рассматривая новую лексику, Меткалф обращается к двум её аспектам – аспекту создания и развития (т. е. эволюционно-номинативному), а также к аспекту её функционирования (т. е. прагматическому) и рассматривает следующие категории НЛЕ:

- 1) собственно неологизмы, в которых новизна формы сочетается с новизной содержания — Sputnik, Frankenfood, 9/11, ground zero;
- 2) трансноминации, сочетающие новизну слова со значением, уже передававшимся ранее другой формой – *hammered*, *hype beast*, *gold digger*;
- 3) семантические инновации, или переосмысления (новое значение обозначается формой уже имевшейся в языке) *cool, mother of all.*

2. Взгляды А. Меткалфа на возникновение новых лексических единиц и его система «FUDGE factor»

2.1. Неологизмы с новизной формы и новизной содержания

Автор отмечает большое количество лексических единиц первой категории. Развитие научно-технического прогресса привело к необходимости дать наименование многим новым реалиям. Например, Infobahn, $the\ Internet$, префикс e- для слова electronic, dot используется вместо слова period в e-mail и URL адресах [Заботкина, 2012, с. 104].

Меткалф рассматривает новые заимствованные лексические единицы, которые отличаются в свою очередь фонетической дистрибуцией, не характерной для английского языка. Очевидно, что английский язык продолжает расширяться за счёт заимствованных слов, но гораздо в меньшей степени, чем это было в Средние века и в эпоху Ренессанса. Из «языка-акцептора» он превратился в «язык-донор». Это связано с глобализацией, всеобщей информатизацией и оцифровыванием общества, в котором английский язык приобрёл статус Lingua franca (языка общения) XX–XXI века [Кригер, 2018, с. 434].

В книге автор раскрывает нюансы возникновения новых лексических единиц в разные эпохи, рассказывает о трудностях их употребления, а также предлагает читателям и исследователям не бояться создавать новые слова. Лингвист приводит примеры слов, возникших давно, и получивших интересное развитие в их употреблении. Например, одним из самых значимых заимствований Меткалф называет слово *Sputnik*. Меткалф называет это – *a wake-up call from space* – 'звоночек из космоса' в 8.07 вечера по Восточному времени, 4 октября 1957 года. В тот же день новому явлению необходимо было дать название. На следующий день газета The New York Times вышла с информацией на первой полосе с использованием слов *man-made earth satellite, artificial moon*,

artificial satellite, а также, цитируя Советское агентство ТАСС, использовала artificial earth satellite. Большинство изданий, по подсчётам Меткалфа, использовало слово satellite, которое используется до сих пор. Кроме того, The New York Times разъяснила читателям русское слово sputnik – something that is traveling with the traveler. Наряду с тем, что газета продолжала использовать слово satellite, другие средства массовой информации с успехом использовали слово *sputnik*. Меткалф приводит пример из журнала Time: Highly surprised scientists and military men drew some quick lessons from sputnik's success. В данном примере слово спутник используется как имя собственное, без определённого артикля the. Однако в других примерах слово становится словом-дженериком, то есть обозначающим понятие, с артиклем, но без большой буквы. Казалось бы, слово удачно укоренилось в английском языке. Но вопросы использования и написания слова не иссякали. Американские астрономы утверждают, что спутник – это астрономический термин. И разве этот новый спутник, как Луна? Или как астероиды? Лингвисты, в свою очередь, разъясняли правила произношения слова sputnik. Какой звук в корне? Как в слове *hoot* или *but*? Некоторые учёные-филологи полагали, что даже если слово и заимствовано, оно должно звучать по правилам произношения английского языка.

Ситуация языковой неуверенности продолжалась до 4 ноября 1957 года. В этот день собака Лайка была выведена на орбиту Земли. Это породило большое количество слов. Таких как *muttnik*, *pupnic*, *poochnik*, *woofnik*, *sputpup*. Какое-то время слово *sputnik* продолжало использоваться, давая энтузиастам возможность производить новые слова.

Меткалф отмечает, что английский язык привык к разным формам слов, но слова с -nik таковыми не являются. Только несколько слов успешно существовали в английском: из языка идиш пришло слово nudnik, словом kolkhoznik назывался член коллективного хозяйства в СССР, и kibbutznik — член кибуца в государстве Израиль. Все указанные слова обозначают человека, а не предмет. В результате, как констатирует Меткалф, несмотря на большой ажиотаж и ожидания, слово sputnik не перешло в широкое употребление. Очевидно, что таких состояний в обществе, как ожидание, предвосхищение, ажиотаж не достаточно, чтобы новая единица стала словом-долгожителем [Меtcalf, 2002, с. 8].

2.2. Отношение к авторским неологизмам

Пристальное внимание автор уделяет писателям, создавшим большое количество лексических новообразований. Во второй и третьей главах книги исследуется словотворчество английских писателей, которые интересны как авторы известных лексических единиц.

Меткалф приводит пример одного из множества новых слов, созданных Джонатаном Свифтом в 1726 году. Слово *yahoo* – и обозначает оно – ни больше, ни меньше – род человеческий. В его книге, а именно в четвёртом путешествии Лемуэля Гулливера, в книге Gulliver's Travels.

А Voyage to the Country of the Houyhnhnms [Swift, 2010, с. 221] «Путешествие в страну Гуигнгимов» герой попадает в неизвестную страну, где лошади разумны, а человеческие существа грубы и не отёсаны. Именно их Свифт называет *exy – yahoo*. Герой говорит о них так: «Никогда я не видывал живых созданий. Более презренных и отвратительных, и чем ближе я с ними знакомился, во время моего пребывания в этой стране, тем сильнее становилась моя ненависть к ним» [Свифт, 1985, с. 500]. Джонатан Свифт придумал слово *yahoo*, которое укоренилось в английском языке для обозначения грубых, диких и невежественных людей. Согласно словарю Merriam-Webster yahoo приобрело значение приветствия и возгласа радости лишь в 1870 году. Yahoo.com появилось в 1998 году [Merriam-Webster, 2007].

Таким образом, констатирует Меткалф, значения слова *возглас* и обозначение электронного адреса потеснили значение грубости и дикости, хотя все три значения продолжают существовать в английском языке.

Меткалф указывает ещё на одно слово, созданное Джонатаном Свифтом, это слово *Liliputian*. Первая книга путешествий называется «A Voyage to Lilliput». Сейчас слово *lilliput* существует наряду со словами, *midget, small people* [Swift, 2010, c. 14].

Пожалуй, одним из самых всемирно известных авторов-словотворцев, по мнению исследователя, явился британец Чарльз Лютвидж Доджсон, известный всему миру под именем Льюиса Кэрролла.

Льюис Кэрролл создал большое количество новых лексических единиц. Одним из рупоров новых единиц Кэрролл выбирает Шалтая-Болтая. Герой предлагает своё собственное толкование поэмы «*Jabberwocky*» («Бармаглот») [Carrol, 2010, р. 132; Кэрролл, 1992, с. 164]. Впоследствии это стихотворение стало одним из самых известных произведений английского языка с использованием бессмысленных слов (nonsense words).

Варкалось. Хливкие шорьки

Пырялись по наве.

И хрюкотали зелюки

Как мумзики в мове.

«Јавbегwocky» Льюиса Кэрролла явилось и осталось величайшим стихотворным нонсенсом на английском языке. Он был очень популярен в XIX веке, и до сих пор используется в аллюзиях в англоязычной литературе, например у Р. Киплинга «Столки и Ко». Сама Алиса весьма точно определяет секрет очарования этих строк: они «наводят на мысли, хоть и неясно — на какие». С тех пор были и другие попытки создать иные образцы этой поэзии, но, бесспорно, стихотворение Кэрролла стоит особняком. Оно самое известное и самое цитируемое произведение такого рода.

Попытки написать произведение в жанре нонсенса предпринимались среди дадаистов, итальянских футуристов. В этом направлении работала и Гертруда Стайн. Так почему же именно стихотворение автора «Алисы» осталось в памяти? Ответ Меткалфа прост. Именно потому, что его интерпретирует Шалтай-Болтай, который погрузился в глубины семантики, оставаясь сторонником точки зрения, известной в те времена, как номинализм. Ещё более важным является объяснение Шалтая-Болтая, что такое словабумажники. Меткалф называет их *Mr Carroll's portmanteau*. Благодаря объяснениям Шалтая слово *portmanteau* задержалось в английском языке надолго, даже когда этот предмет начал выходить из употребления. Почему? Да потому, что лингвисты взяли его на вооружение «two meanings packed up in one word» — и стали использовать для обозначения одной единицы, состоящей из двух. Таким образом, Кэрролл через Шалтая предложил вариант лингвистического термина, который используется и поныне [Меtcalf, 2002, с. 33; Carrol, 2010, с. 187].

Как отмечает Меткалф, у Кэрролла скорее всего был личный интерес к словотворчеству, поскольку он был профессором в том же институте, который выступал спонсором Oxford English Dictionary. Однако его опыт бесценен с точки зрения вклада в развитие науки о новых словах. Демонстрируя опыт писателей-классиков английской литературы, Аллан Меткалф предлагает читателю многоаспектный взгляд на проблему выживаемости и проблему долгожительства новых слов.

2.3. Система A. Меткалфа «FUDGE factor»

А. Меткалф сформулировал основные требования, которым должны отвечать слова, чтобы стать узуальными. Меткалф предложил систему, которую назвал «FUDGE factor». Эта система была создана по аналогии с системой оценки жизнеспособности

новорождённого, предложенной педиатром Вирджинией Апгар. Эти обе шкалы — Апгар и Меткалфа — имеют пять категорий оценок. Шкала Меткалфа как и шкала Апгар имеет диапазон оценки от 0 до 2. Чем выше, тем лучше для «жизненности» слова. [Википедия].

Рассмотрим составные части системы «FUDGE factor»:

F – frequency of use – это частота использования;

U – unobtrusiveness – ненавязчивость:

D – diversity of users and situations – широкий спектр пользователей и ситуаций;

G – generation of forms and meanings – способность производить новые слова и словоформы с учётом словообразовательных возможностей языка;

E- endurance of the concept - устойчивость объекта номинации [Metcalf, 2002, c. 149–166].

Данная шкала показала свою значимость при исследовании новых слов в американском варианте английского языка. Она является действенным инструментом для анализа новых слов. Например, в своей книге лингвист отмечает, что оценка категории unobtrusiveness level у слова sputnik равна 0! Слово было заимствовано в 1957 году, однако, из-за того, что оно, по мнению Меткалфа, сильно отличалось от привычного уху американцев слов satellite, spacecraft, spaceship, слово Sputnik не получило широкого распространения [Metcalf, 2002, с. 156].

Меткалф анализирует по своей шкале ряд слов, которые кажутся на первый взгляд популярными, и приходит к следующим выводам.

Слово cosmeceutical получило следующие оценки по шкале Меткалфа:

Frequency — частота использования — 1. Благодаря статьям в журналах и газетах многие пациенты, доктора и покупатели знают это слово.

Unobtrusiveness – ненавязчивость – 1. Достаточно ясное слово, привычное носителю языка.

Diversity of users — широкий спектр пользователей — 0. Используется только некоторыми дерматологами и их пациентами.

Generations of forms and meanings - **0**. Ни существительное, ни прилагательное, не образует новых форм.

Endurance of the concept – устойчивость объекта номинации – **2**. Поскольку все люди стареют, всегда будет спрос на космоцевтику.

Общая оценка -4 — достаточно низкая для большого потенциально долгого использования [Metcalf, 2002, с. 173].

Оценки нового субстантивного комплекса ground zero оказались следующими:

Frequency — частота использования — 2 — очень часто используется и обсуждается до настоящего времени.

Unobtrusiveness – ненавязчивость – 2 – имеет место расширение значения привычного понятия.

Diversity of users — широкий спектр пользователей — 2 — используется широко в медиа-среде.

Generations of forms and meanings -0 – относится лишь к одному факту и одному событию.

Endurance of the concept – устойчивость объекта номинации – 2 – используется применительно к месту.

Общая оценка — 8 — достаточно высокая для большого потенциально долгого использования [Metcalf, 2002, c. 175].

Понятие *Homeland* получило следующие оценки:

Frequency – частота использования – 1 – не часто используется, но слово актуально для всех граждан;

Unobtrusiveness – ненавязчивость – 2 – что может быть роднее?

Diversity of users – широкий спектр пользователей – 1– используется в основном правительством;

Generations of forms and meanings $-\mathbf{0}$ – не только не производит новые формы, но и используется в одном сочетании – *homeland security*;

Endurance of the concept – устойчивость объекта номинации – 1 – Office of Homeland Security – единственная организация, которая регулярно использует это слово.

Общая оценка – 5 – потенциал выживаемости слова небольшой [Metcalf, 2002 с. 176].

Безусловно, эти пять факторов важны для оценки жизненности слов. Что касается других факторов, то они могут казаться важными на первый взгляд, но на самом деле таковыми не быть. Например, факт включения слова в словарь не обязательно гарантирует его жизнеспособность. Так, слова *ecofreak, masscult, microfloppy, China syndrome* и ряд других, которые были включены в American Heritage Dictionary в 1994 году, уже 2000 году оттуда исчезли [Metcalf, 2002, с. 165–166].

Согласно шкале Меткалфа слово *to type* имеет Endurance level равный 2, но слово *typewriter* исчезло вместе с понятием. Это говорит о том, что концепт – печатания остался, а предмет (машинка) – нет [Metcalf, 2002, с. 162].

Меткалф считает значимым факт жизненности, если слово ранее уже называло какой-то предмет (понятие), но позже у слова появилось новое значение. Например, слово *dot*. В докомпьютерную эпоху оно могло быть использовано для обозначения какого-то пятнышка. Теперь же *dot* используется для обозначения точки [Metcalf, 2002, с. 164]. По оценке Американского Общества Диалектов слово *dot* вошло в группу самых широко употребляемым новых слов 1996 года. Неудивительно, учитывая, что это обязательная часть многих электронных адресов, при этом часто озвучиваемая (напр., .com).

В заключительной части Меткалф применяет свою систему «FUDGE factor» для оценки новых слов, возникших на рубеже столетий в США.

Шкала Меткалфа является полезным инструментом оценивающим жизнеспособность новых слов, и, по мнению автора, для полноценного включения слова в язык требуется примерно два поколения -40 лет - *The Forty-Year Rule*. Таким образом Меткалф сформулировал Правило Сорока Лет [Metcalf, 2002, c. 168].

На последних страницах своей книги Меткалф даёт подборку новых лексических единиц, которые, по мнению Американского общества диалектов, имеют высокие шансы укорениться в обществе [American Dialect Society, 2018]. Приведём некоторые из них.

Political word of the year – 'Политическое слово года':

Blue wave: major Democratic electoral gain – 'синяя волна – процесс окрашивания штата на карте в синий цвет в связи с победой демократов в указанных штатах'.

Caravan: procession of Central American asylum seekers to US / Mexico border – '*караван* – движение беженцев из Центральной Америки к американо-мексиканской границе'.

Nationalist: displaying a staunch belief in one's own nation (used by Trump and supporters) – 'националист – человек, демонстрирующий несокрушимую веру в свою страну (используется Трампом и его сторонниками)'.

(*The*) wall: proposed barrier along the US/Mexico border to prevent illegal crossings – 'стена – предложенная преграда вдоль американо-мексиканской границы для предотвращения незаконных пересечений'.

Digital word of the year – 'Цифровое слово года':

blackfishing: pretending to be black on social media by using makeup and hair products - 'блэкфишинг - попытка выглядеть чернокожим человеком в социальных сетях посредством макияжа и продуктов для волос'.

deepfake: realistic digitally composed video used to misrepresent someone— ' ∂un - $de \check{u}\kappa$ — технология синтеза изображения, основанная на искусственном интеллекте и используемая для замены элементов изображения'.

demonetize: remove ads from a YouTube channel to deprive the creator of revenue – 'демонетизировать – удалять рекламные объявления из канала YouTube, чтобы устранить возможность обновления'.

finsta: fake Instagram account – 'финста – фальшивый аккаунт инстаграм'

Slang/Informal word of the year – 'Слэнговое / неформальное слово года':

mood, big mood: strong emotion of agreement – 'ярко выраженное настроение – настроение одобрения'.

weird flex but OK: rejoinder to improper boast - '*cmpанная прикидка, но OK* - ответ на необоснованное хвастовство в Интернете'.

yeet: indication of surprise or excitement – 'йиит! – выражение удивления и возбуждения'.

Most useful – 'самые полезные':

himpathy: flow of sympathy away from female victims toward their male victimizers – '*симпатия* на стороне агрессора, а не на стороне жертв среди женщин'.

orbiting: ending communication with someone while still monitoring them on social media – 'орбитирование – окончание отношений, но процесс наблюдения в соцсетях непрерывен'.

 $preferred\ pronoun:$ pronoun that a person opts to use for himself/herself/themself/etc. – ' $npednoumumeльноe\ местоимениe$ — местоимение, не зависящее от настоящего биологического гендера'.

situationship: undefined personal relationship — 'ситуативные отношения — неопределённые взаимоотношения'.

Voldemorting: avoiding mention of unpleasant person or topic by using a replacement term – 'Волдемортинг – использование слова-замещения чтобы не упоминать неприятного человека'.

Most likely to succeed – 'Скорее всего останутся в активе':

 $\emph{cli-fi:}$ science fiction relating to climate change – 'клай-фай – темы, относящиеся к изменению климата'.

climate grief: negative feelings caused by climate-change-related weather events – 'климатическое горе – негативные ощущения вызванные потеплением'.

hothouse Earth: runaway global warming – 'Земля-теплица – галопирующее глобальное потепление'.

single-use: to be used once and destroyed – 'одноразовый – использован один раз и выброшен'.

Most creative – 'Самые креативные':

girther – person skeptical of the president's reported weight and height – 'гёрсер – человек, скептически относящийся к отчётам о параметрах президента США'.

Procrasti — related to procrastination — 'элемент лексической единицы, содержащий компонент отложенности на потом'.

today years old — indication that someone has just recently learned something — 'рождённый сегодня — состояние, показывающее, что некто только что узнал что-то'.

Treasonweasel — epithet for a traitorous person — 'uзменник-ласка — эпитет, обозначающий предателя'.

white caller crime — white people calling police on black people for doing mundane things — 'привычка обвинять чернокожих в мелких преступлений'.

Euphemism of the year – 'эвфемизм года':

executive time – presidential down-time – 'досуг президента – свободное время президента'.

Individual 1 – pseudonym for Trump in documents from the Mueller investigation – '*Подозреваемый номер 1* – псевдоним для Трампа в момент расследования Мюллера'.

racially charged – circumlocution for racist – 'озабоченный расизмом – расист'.

tender-age camp/shelter/facility – government detention center for asylum-seekers' children – 'лагерь нежного возраста – лагерь, для детей нарушителей границы'.

WTF word of the year – 'Какого-черта слово года':

emotional support peacock: therapy animal that airline passenger tried to bring on board – *'успокаивающий павлин* – домашнее животное, которое берёт пассажир в полёт для успокоения'.

incel: involuntary celibate (online subculture) – 'инсел – непроизвольный целибат'.

shithole countries: Trump's epithet for places he does not want to accept immigrants from – 'бедные непривлекательные страны – эпитет Трампа для стран, откуда он не желает принимать эмигрантов'.

soy boy: term for a man perceived as not conforming to male gender stereotypes – 'соевый мальчик – обозначение для мужчин, которые живут вразрез с мужскими стереотипами'.

Hashtag word of the year – 'Хэштэг года':

#neveragain: call for gun-control measures after the Parkland shooting – '#большени-когда – призыв к контролю за распространением оружия с целью предотвращения Пар-клендского инцидента'.

#nottheonion – reporting something true that seems like satire from The Onion – '#нежурналлук – отражение новостей, которые выглядят как сатира из журнала «Лук»'.

#thankunext – expressing gratitude and readiness to move on (from Ariana Grande) – '#спасибдальше – выражение и готовность двигаться к следующей теме'.

#timesup – movement protesting sexual assault – '#времявышло – движение против сексуального насилия'.

3. Заключение

Проблема вхождения новых слов в широкое употребление в языке остаётся одной из самых актуальных и обсуждаемых исследователями, так как изменения в лексическом составе языка следуют за реальными трансформациями в обществе.

В работах последних лет мотивом появления новых слов часто называют не только сами научно-технические достижения, но степень их воздействия на мировоззрение и социальное взаимодействие. Поэтому изучение процесса образования новых слов в английском языке по-прежнему остаётся актуальным и требует от исследователя новых индивидуальных подходов к рассмотрению этого явления.

Важность оценки жизненности и потенциала востребованности новых слов, изложенной в книге Меткалфа, является существенным дополнением к сложившейся в настоящее время системе критериев оценки новых лексических единиц в американском варианте английского языка.

Автор методики предложил универсальный инструмент для оценки жизненности слова. Будучи филологом исследователем, Меткалф со всей дотошностью практика анализирует вероятность новых лексических единиц войти в узус и быть повсеместно использованными. Шкала оценки FUDGE factor вобрала в себя широкий анализ и глубокое переосмысление критериев оценки жизненности нового слова. Институциализация нового слова — многогранный процесс, находящийся под воздействием внешних и внутренних факторов, в том числе экстралингвистического характера.

Критический анализ шкалы А. Меткалфа показал её практическую значимость при исследовании новых слов в американском варианте английского языка. Она может быть взята в качестве элемента методики для определения новых лексических единиц – неологизмов.

Список литературы

- Википедия, 2019 Википедия. Свободная Энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Шкала Апгар (дата обращения 28.04.2019).
- Заботкина, 2012 Заботкина, В. И. Слово и смысл [Текст] / В. И. Заботкина. М. : РГГУ, 2012. 621 с.
- Ильина, Кибасова, 2012 Ильина, А. Н. Словообразование в современном английском языке: учеб. пособие [Текст] / А. Н. Ильина, С. Г. Кибасова. СПб: Изд-во СПбГУЭФ, 2012. 90 с.
- Кригер, 2018 Кригер, Е. И. Неологизмы в современной американской прессе (на материале публикаций «New York Post» и «New York Daily News») [Текст] / Е. И. Кригер // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 3 (70) С. 434—438.
- Кубрякова, 2004 Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е. С. Кубрякова. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
- Кузнецова, Вахромова, 2009 Кузнецова, Н. В. К вопросу о лингвистических перспективах неологизмов компьютерной сферы [Текст] / Н. В. Кузнецова, Е. Н. Вахромова. — Вестник Нижегород. ун-та им. Н. И. Лобачевского. — 2009. — № 6 (2). — С. 270—275.
- Кэрролл, 1982 Кэрролл, Л. Приключения Алисы в стране чудес. Сквозь зеркало и что там увидела Алиса, или Алиса в Зазеркалье [Текст] / Л. Кэррол; комментарии М. Гарднера; перевод Н. Демуровой, стихи в переводах С. Маршака, Д. Орловской, О. Седаковой. М.: Изд-во Правда, 1982. 316 с.
- Лаврова, 2007 Лаврова, Н. А. Структурно-семантические и функциональные аспекты контаминации (на материале современного английского языка) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Лаврова Наталия Александровна; Моск. пед. гос. ун-т. М., 2007. 227 с.
- Пинкер, 2013 Пинкер, С. Субстанция мышления: Язык как окно в человеческую природу / пер. с англ. М. : КД «Либроком», 2013. 560 с.
- Прохорова, 2005 Прохорова, С. Р. Особенности образования неологизмов со значением деятеля в современном английском языке [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Прохорова Светлана Рашитовна; Моск. пед. гос. ун-т. М., 2005. 17 с.
- Свифт, 1985 Свифт, Дж. Путешествия в некоторые отдаленные страны света Лемюэля Гулливера сначала хирурга, а потом капитана нескольких кораблей [Текст] / Дж. Свифт; перевод и редакция Б. М. Энгельгардта. М.: Детская литература, 1985. 685 с.
- Сенько, 2001 Сенько Е. В. Теоретические основы неологии [Текст] / Е. В. Сенько. Владикав-каз : Изд-во СОГУ, 2001. 107 с.
- American Dialect Society, 2019 American Dialect Society [Electronic resource]. URL: www.americandialect.org. (дата обращения 28.04.2019).
- Carrol, 2010 Carrol, Lewis. Alice's adventure in Wonderland and through the looking-glass and what Alice found there [Text] / L. Carrol. Penguin Books, 2010. 299 p.
- Merriam-Webster, 2019 Merriam-Webster dictionary [Electronic resource]. URL: www.merriam-webster.com (дата обращения 28.04.2019).
- Metcalf, 2002 Metcalf, A. Predicting New Words: The Secrets of Their Success [Text] / A. Metcalf. Boston: Houghton Mifflin, 2002. 224 p.
- Swift, 2010 Swift, J. Gulliver's travels [Text] / J. Swift. Collins Classics. Harper Press, 2010. 320 p.

References

- Wikipedia. Free Encyclopedia. Retrieved April 28, 2019 from http://ru.wikipedia.org/wiki/Шка-ла Апгар.
- Zabotkina, V. I. (2012). Slovo i smysl [Word and Sense]. Moscow: RGGU Press.

- Ilyina, A. N., Kibasova, S. G. (2012). *Slovoobrazovaniye v sovremennom angliyskom yazyke* [Word building in modern English]: A coursebook. St Petersburg, SpbGUEF Press.
- Kriger, E. I. (2018). Neologismy v sovremennoi amerikanskoy presse [Neologisms in modern American media (Using examples from "New York Post" and "New York Daily News"]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The world of science, culture and education], 3 (70), 434–438.
- Kubtyakova, E. S. (2004). Yazyk i znaniye: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol yazyka v poznznii mira [Language and knowledge. On the way to obtaining knowledge about language: Parts of speech from the cognitive viewpoint. The role of language in exploring and understanding the world]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kultury Press.
- Kuznetsova, N. V., Vakhromova, E. N. (2009). K voprosu o lingvisticheskikh perspektivah neologismov komputernoy sfery [On linguistic perspectives of English neologisms in the field of computers]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N. I. Lobachevskogo [Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod], 6 (2), 270–275.
- Carrol, L. (1982). *Priklyucheniya Alisy v strane chudes. Skvoz zerkalo I chto tam uvidela Alisa, ili Alisa v Zazerkalye* [Alice's adventure in wonderland and through the looking-glass and what Alice found there]. Comments by M. Gardner. Translated into Russian by N. Demurova, poems translation by S. Marshak, D. Orlovskiy, O. Sedakova. Moscow: Pravda Press.
- Lavrova, N. A. (2007). Strukturno-semanticheskiye aspekty kontaminatsii (na material sovremennogo angliyskogo yazyka) [Structural and semantic aspects of contamination (Based on modern English)]. PhD in Philological sci. diss. Moscow: Moscow Pedagogical State University.
- Pinker, S. (2012). Substanciya myshleniya: Yazyk kak okno v chelovecheskuyu prirodu [The stuff of thought. Language as a window into human nature]. Russian translation. Moscow: KD "Librokom" Press.
- Prokhorova, S. R. (2005). Osobennosti obrazovaniya neologismov so znacheniyem deyatelya v sovremennom angliyskom yazyke [The patterns of forming new words with the meaning of the doer of the action in modern English]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Moscow: Moscow Pedagogical State University.
- Swift, J. (1985). Puteshestvia v nekotorye otdalennye strany sveta Lemuela Gullivera snachala hirurga, a potom kapitana neskolkih korabley. Perevod i regaktsiya B.M. Engelgardt. [Jonathan Swift. Gulliver's travels]. Moscow: Detskaya Literatura Press.
- Senko, E. V. (2001). Teoreticheskiye osnovy neologii [The theory of neology]. Vladikavkaz: SOGU Press.
- American Dialect Society. Retrieved April 28, 2019 from <www.americandialect.org>.
- Carrol, L. (2010). Alice's Adventure in Wonderland and Through the Looking-Glass and What Alice Found There. Penguin Books.
- Merriam-Webster [Electronic resource]. Retrieved April 28, 2019 from <www.merriam-webster.com>.
- Metcalf, A. (2002). Predicting New Words: The Secrets of Their Success. Boston: Houghton Mifflin.
- Swift, J. (2010). Gulliver's travels. (Collins Classics). Harper Press.

УДК 81.28 UDC 81.28

Лагута Нина Владимировна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Nina V. Laguta
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation

nlaguta@mail.ru

PEПРЕЗЕНТАЦИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ ГЛАГОЛАМИ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ) REPRESENTATION OF SPATIAL MEANING BY VERBS (BASED ON RUSSIAN DIALECTS OF THE AMUR REGION)

Аннотация

Особенности восприятия окружающего пространства находят отражение в языке, формируя языковую картину мира того или иного народа. С точки зрения средств выражения в языке пространственные отношения могут репрезентироваться через различные части речи. Данная работа посвящена описанию глаголов с пространственной семантикой, которые функционируют в русских говорах Приамурья. В соответствии с признаком – наличием пространственной семы – были выделены основные глагольные группы, включающие: локативные глаголы, бытийные глаголы, глаголы, выражающие определённые положения в пространстве, глаголы движения. Кроме того, определены предпочтения носителей диалектного языка в выборе глаголов для репрезентации исследуемых отношений. В результате выявлено, что для представления пространственных отношений носители диалекта преимущественно используют общелитературные глаголы, в которых пространственная сема включается в общую семантику бытийности.

Abstract

Features of the perception of the surrounding space are reflected in the language forming a linguistic picture of the world of an ethnos. From the point of view of the means of expression in a language, spatial relations can be represented through different parts of speech. This work describes the verbs with spatial semantics that function in the Russian dialects of the Amur region. In accordance with the relevant feature of the spatial semantics presence, the main verb groups were identified, including locative verbs, existential verbs, verbs expressing certain positions in space, verbs of movement. In addition, the preferences of native speakers of the dialect in the choice of verbs for representing the studied relations are determined. As a result, it was found that in order to represent spatial relations, dialect speakers primarily use common literary verbs, in which spatial meaning is included in the general semantics of being.

Ключевые слова: пространство, диалектное высказывание, глагол, семантическое содержание, местонахождение, локализация, существование, движение, локализатор, картина мира.

Keywords: space, dialectic utterance, verb, semantic content, location, localization, existence, movement, localizer, the picture of the world.

doi: 10.22250/2410-7190 2020 6 1 94 102

1. Ввеление

Пространство, по мнению В. Г. Гака, является реалией, которую человек воспринимает и дифференцирует одной из первых [Гак, 2000, с. 127]. Сам человек находится в центре этой пространственного континуума, который, в свою очередь, не может быть

пустым. Так, Е. С. Яковлева говорит о вторичности пространства в отношении вещей, «диктате вещей», наполняющих пространство. По её мнению, архаическая модель мира предполагает конституирование пространства «качественно разнородными» вещами. [Яковлева, 1994]. Каждая вещь, каждая реалия занимает определённое место в жизни человека и в системе его ценностей, что закономерно находит отражение и в языке. Большинство слов в языке номинируется опосредованно, через восприятие личностью окружающего. В этом смысле любой язык антропоцентричен, и диалектный не является исключением. На особенности построения пространства русским человеком указывает О. А. Михайлова: «В соответствии со статическим (радиальным) мировидением, свойственным осёдлым землевладельцам, каковыми являлись и русские, человек находится как бы в центре пространства и строит мир в виде концентрических кругов вокруг своей житницы» [Михайлова, 2001, с. 179]. В целом, структурируя пространство, носитель диалекта ориентируется на возможность воспринимать то, что находится непосредственно вокруг, что ясно и понятно наполняет его мир, предоставляя потенциал для осмысления [Кубрякова, 1997; Гынгазова, 2007; Порядина, 2007].

В диалектной коммуникации чаще всего речь идёт о какой-либо ограниченной (локализованной) области пространства, поэтому потенциальная модель высказывания включает в себя наличие объекта / субъекта, предиката и пространственного локализатора. Если формой выражения объекта и локализатора чаще всего выступают именные языковые средства, то предикат предполагает глагольное выражение. В формировании пространственных отношений принимают участие глаголы пространственной семантики, выступающие в роли предикатов местонахождения (о полиситуативном комплексе плана содержания глаголов см. [Ибрагимова, 2014; Чертыкова, 2019]). На основании наличия пространственной семы среди таких глаголов можно выделить следующие группы: локативные глаголы, бытийные глаголы, глаголы, выражающие определённые положения в пространстве, глаголы движения [Кошкарева, 2018; Тихонова, 2007].

В данной работе материалом для исследования послужила выборка диалектных высказываний, включающих глаголы с пространственной семантикой, функционирующих в русских говорах Приамурья [Словарь, 2007; Слово, 2005–2018].

2. Семантический анализ глаголов, репрезентирующих пространственные отношения в диалектной речи

Любой объект, имеющий материальную сущность, занимает какое-либо пространство / его отрезок, языковым выразителем такого действия являются глаголы, общее лексическое значение которых можно сформулировать, как 'иметь где-нибудь место, занимать какое-нибудь пространство'. В соответствии с этим выделяется п е рва я группа локативных глаголов, под которыми понимаются глагольные лексемы, включающие в словарные дефиниции семантический признак нахождения. Такую локативность в русском языке имеет, прежде всего, глагол находиться в значении 'быть, присутствовать где-н. в каком-н. месте' [Ожегов, Шведова, 1999, с. 398], а также глаголы, которые включают в свою семантическую структуру сему 'занимать какое-нибудь пространство', это: помещаться в значении 'находиться в каком-н. месте, помещении' [Ожегов, Шведова, 1999, с. 559]: располагаться в значении 'размещаться, занимать место' [Ожегов, Шведова, 1999, с. 661]. В диалектных высказываниях данные глаголы связывают объект / субъект и локализатор, последний реализуется через именные предложно-падежные формы или наречия: Старица — это старый Амур. Его разделяет остров, по ту сторону от нас находится (Алб. Скв.) '; Человек, который находится

¹ Здесь и далее иллюстративные примеры даны по [Словарь русских говоров..., 2007], [Слово, 2015–2018].

на верху скирды, и называется скирдоправ (Уш. Шим.); Наплав деревянный находится вверху, чтобы видеть, где снасть (Е.-Ник. Окт.); Крупна рыба тальмень, он ссиня. Тальмень в ключевых водах находится (Голов. Бир.); Стая во дворе, курицы тоже в стае вместе с коровой зимуют. Вся животина в стае помещалась (Полев. Окт.). При этом производитель действия может быть невыраженным, но обязательное выражение получает локализатор и объект локализации: Отступ делают у стенки метра на полтора, и туда телёночка иногда помещали (Джл. Скв.).

В русских говорах Приамурья в данный синонимический ряд, кроме литературных, можно включить диалектные глаголы биться в значении 'находиться, обитать около чего-л. (о дичи)' [Словарь, 2007, с. 40]: Каменушка коло камней больше бытся (Анос. Шим.); селоваться — 'находиться, временно проживать' [Словарь, 2007, с. 405]: А в хорошу-то погоду мы вон где селуемся (Черн. Магд.). состоять — 'находиться, быть, пребывать где-либо' [Словарь, 2007, с. 429]: Мы состояли в сопках (Вен. Вяз.).

Таким образом, локализатор называет местонахождение субъекта / объекта, а локативный глагол передаёт значение нахождения в данном месте, ориентацию относительно говорящего или какого-то предмета.

В торую группу составляют бытийные глаголы. Среди них в диалектной речи широко употребляются общелитературные: быть – 'наличествовать, иметься, иметь место; присутствовать, находиться где-н.' [Ожегов, Шведова, 1999, с. 66], существовать – 'наличествовать, иметь место' [Ожегов, Шведова, 1999, с. 782]; бывать – 'наличествовать, иметься, иметь место; присутствовать, присутствовать, находиться где-нибудь, являться куда-нибудь (время от времени, случайно, иногда)' [Ожегов, Шведова, 1999, с. 65], селиться – 'устраивать себе жильё на новом или на свободном, незанятом месте' [Ожегов, Шведова, 1999, с. 710]. Бытийные высказывания содержат утверждение о том, что в отдельном фрагменте мира существуют некие объекты, которые, в свою очередь, принадлежат определённому классу. Пространственный компонент / локализатор в таких высказываниях обычно выступает как данное, которое знакомо и говорящему, и слушающему и которое позволяет «привязать» объект к конкретной области. В анализируемых диалектных высказываниях это, как правило, хорошо знакомое говорящему место: В магазинах хлеба не было, неурожай (Алб. Скв.); На лбах скат был. Видите, как забит лоб (Деж. Лен.); В Поярково была мельница (Поярк.Мих.). На пропашках, на залогах бывали и шипишки (Алб. Скв.) В Джалинде существует строительная организация (Джл. Скв.). В последнем примере демонстрируется переключение в официально-деловой регистр, стремление носителя диалекта показать понимание различия сфер деятельности (быт / официальное учреждение).

Кроме того, достаточно частотно используются глаголы водиться в значении 'иметься, бывать' [Ожегов, Шведова, 1999, с. 89], расти в значении 'быть, находиться' [Ожегов, 1999, с. 666]: Изубря, тигра водилась в тайге (Ст.Окт.); А у нас всяка рыба в Амуре водится, лещук тоже есь (Нат. Благ.); Похожа на змею, в Амуре водился змееголов (Кн-ка Кнст.); Змееголов, плеть, касатка и друга рыба водилась (Кн-ка Кнст.); Там вода кругом — это лиманы, болота. Там лягушки водятся, ротаны (Поярк. Мих.); И щука, и толстолоб, и оссетра́, и плети, и калужо́нка водится (Черн. Магд.); Брусница растёт по сопкам, по камням, а голубица по падям (Союз. Окт.); Грузди растут и грибы. Грузди — это не грибы, их солят, а грибы — это подосиновики, подберезовики, сыроежки (Черн. Магд.); Растёт здесь сосня, бере́зник (Алб. Скв.). Употребление данных глаголов вводит в разговор актуальные для сельского жителя темы рыболовства, охоты, других промыслов, всего того, что даёт человеку возможность жить, существовать именно здесь, кормить и обеспечивать свою семью. В качестве диалектного синонима употребляется глагол обитаться, имеющий значение 'Водиться в какой-л.

местности (о животных)' [Словарь, 2007, с. 286]. *Изюбр, лось мало здесь обитался (Уш. Шим.)*. Представляется, что здесь употребляется грамматический вариант литературного обитать, появившийся под влиянием литературной речи.

Анализ бытийных глаголов, используемых в речи амурских диалектоносителей, позволяет выявить глаголы, в значениях которых ядерная сема (сема бытийности) представлена в чистом виде (быть, есть, нулевой экспонент предиката — Ø, существовать, вести́сь), Клешенское и эти все поля, там раньше заимки были. Это маленькая деревушка. Там два или три дома стоит, один хозяин живёт (Ин-ка Арх.); Русская печь у нас есть вон в том зимовье (Чаг. Шим.); и глаголы, в значениях которых сема бытия сочетается с разного рода дополнительными семами, в частности, с семой местонахождения (водиться, расти, стоять): У нас ведра есть специальные, битки называются. Вот здесь дырку прорезаешь, чтоб рукой браться. Ее (ягоду) бьют битком. Вот стоит ягода, раз десять шваркнешь, вот уже столько в ведре (Чаг. Шим.).

Третью группу составляют глаголы со значением положения в пространстве: данные глаголы входят в группу глаголов, обозначающих пространство, поскольку включают в семантическую структуру сему 'занимать определенное положение в пространстве'. Глагол стоять в сочетании с предложно-падежной формой имени существительного реализует значения 'находиться в вертикальном положении': Ходи, сынок, принеси дробину, в стайке стоит (Чаг. Шим.); 'быть поставленным, расположенным где-н., находиться где-н.' [Ожегов, Шведова, 1999, с. 771]: Загнетка — это та, на которой посуда стоит (Чаг. Шим.); Зашли, а там коридорчик такой сделан, там диван деревянный стоит, вот тут затишнее будет (Белояр. Маз.); У чууунках варили, потому что у русской печке у кастрюле не сваришь, суорит там, там ж оуонь уорит, посеред оуонь уорит, а тут чууунки стоять, если кастрюлю поставить, она, амалеровка эта, вся посуорит и закоптится, и всё тако (Саг. Арх.).

Глагол лежать в сочетании с предложно-падежной формой имени существительного реализует значения «находиться всем телом на чём-н., в горизонтальном положении': Я токо выползла. Все (в)ремя **лежала**, надоело **лежать** одной (Чаг. Шим.); поди, на лаве и полежать можно, до того широка и крепка (Кухт. Луг Шим.); У нас обыкновенная, на западе, русская печка, сделана, там сделана... площадка такая... лежать на русской печке, чтоб спать там (Краснояр. Маз.); Баранушки эти лежат, а бараны, они же мужики, двигаются (Урал. Шим.); 'о предметах: находиться на поверхности, в неподвижном положении (широкой своей частью, горизонтально); существовать, занимая собой какое-н. пространство на поверхности чего-н.' [Ожегов, Шведова, 1999, с. 322]: Была такая большая. Они там всё время у его на грубочке лежали наверху. – Как называется, грубочка? – Ну, она заурубка. Да она большая, можно туды три человека залезть детям, спать на ней. Большая, хорошая там (Гильчин Тамб.); А грибы собираете? – Раньше собирали. Там сушеные у меня лежат. А еще маслёнки, вон тут их полно (Урал. Шим.). В системе исследуемого диалекта данный глагол употребляется также в устойчивом словосочетании Лежа́ть лёжа в значении «находиться в горизонтальном положении» [Словарь, 2007, с. 231]: Ежели месяц лежит лёжа - это нехороший месяц (Союз. Окт.).

Глагол сидеть в сочетании с предложно-падежной формой имени существительного реализует значения 'находиться, не передвигаясь, в таком положении при к-ром туловище опирается на что-н. нижней своей частью, а ноги согнуты или вытянуты': Ну вот и с ей сидим тоже балауорим, как жили да тужили (Ин-ка Арх.); Мы заходим уже в избу, сидят уже два этих бандеры, хохла, рубашки у их такие, пояса красные (Урал. Шим.); 'находиться в каком-н. месте, внутри чего-н. ' [Ожегов, Шведова, 1999, с. 322]: На укропу сидел здоровый уусень. А сам наелся, а улаза больше моих выпучил и смотрит на меня (Черн. Своб.); Ну и свёкор запалил тую лампу, а Витька мой кричит:

«Включи жижу!» — и лампу ту, как тыканул, порассыпалось всё. А свёкор: «Ой, ўнук, что ж ты наделал, что ж мы теперь до утра будем ў тьме сидеть» (Чемб. Своб.); Свечку там в хате запалять и сидять это, жених чтоб появился в зеркале (Мих. Маз.); Иду, иду, когда нагоняет меня летучка, машина нагоняет, там директор, все сидят, в этом, в кабинке (Великокняз. Бел.).

Глагол достаточно часто употребляется в рассказах о народных традициях, обычаях: Свадьбу ууляли одну неделю. Выдумывали всяко. На лошади в хату едуть, наряжаются ў солому, дурачатся. Сидит братан и продает невесту, а тут песни поють. Мелочи нанесуть, кидають на тарелку, чтоб брат соуласился (Черн. Своб.), особенностях крестьянского труда: Когда поменьше был – воду носил во время уборки, косарей поил, погонщиком был. Тогда же были лобогрейки, водоноски, так вот мы на водоносках. Один пацан верьхом сидит, управляет, другой воду разливает (Москвит. Своб.), Иногда порвется туфель, сидишь штопаешь, а ежели калош порвется, то уже туго, без калошей никуда (Урал. Шим.); Делаешь куделю, одеёшь на гребень. И тогда сидишь и прядешь (Краснояр. Маз.), устройстве домашнего хозяйства: А как называли места, где куры сидели? – Курусадник, и тама куры находились, там воды ставили, пшеницу сыпали. Сидели, там пол везде постелен, и на палках, на палках сидят (Мих. Маз.); Сидить она вот на яйиах. Наседка, квохтушка. Когда она выведет – квохчет, вот и называют квохтушка (Желтояр. Своб.). Квочку лучше не трогать. Она пока на яйцах сидит, значит злится (Кухт. Луг Шим.); Курицу, которая на яйцах сидит, квочка я называю. И квочка, и наседка, и всяко ее можно назвать (Краснояр. Маз.); Квочка, вот она коуда сидит, называют наседка. Вот. А... да и квочка, и наседка, и так, а потом она с цыплятами, о-о, квочка (Желтояр. Своб.).

Достаточно конкретное положение в пространстве демонстрируют диалектные глаголы насаждать в значении 'заставлять принять сидячее положение; усаживать' [Слово, 2013, с. 131]: Детей насаждают на колени, и пони катають по улицам (Преобр. Окт.); и глагол высаживать в значении 'выводить птенцов, сидя на яйцах; высиживать' [Слово, 2005, с. 205]: Курицы сами яйца не высаживают, цыплят. Это ну вообще под наседку подкатываешь и всё. А утки сами сидели (Урал. Шим.).

Глагол висеть в сочетании с предложно-падежной формой имени существительного реализует значения 'находиться в висячем положении, уцепившись за что-н. руками или другой частью тела; будучи прикрепленным вверху, находиться в направленном вниз положении без опоры' [Ожегов, Шведова, 1999, с. 84]: – А люлек не было, крова $mo\kappa$? — Hy, как же, была колыска, **подвешивалась** к потолку. — A зыбка чем отличалась от колыски? – Ну, как чем? Сидит ногой качает, она на веревках висит до сих пор (Краснояр. Маз.); А маленькие – люлька была такая, колыска... Подвешенные, на пружине, это, висели эти, ну и их качали (Белояр. Маз.); На потолке крючок, на веревочках повешали и качали во так. Колыска называли, колыска или люлька называли (Желтояр. Маз.); Витя уже в той колыске говорили, наверно, летчиком будет. Колыску вешали у нас в доме (Мих. Маз.); У чём качала? Ета люлька висела, четыре таки палки, верёўка, и качала, мяшок натянуны на ета, качала (Кр. Луч Арх.); Люльки – это на вереwках висели, люльки. А это просто кроwатка (Светил. Бел.); В ясли не берут, она меня с собой, люльку взяла эту, в которой ребёнок, с собой, повесит там, я качаю, она работает (Светил. Бел.); Зыбка была. Материалом обиты такие две палки, на краях верёвочки, чтоб её вешать, и к крюку в потолке привешивалась (Краснояр. Маз.). Диалектными вариантами с указанной семантикой являются глаголы веситься - 'висеть' [Словарь, 2007, с. 63]: На вышке шкура весится (Пуз. Окт.); У тебя тут кака́-то нитка весится (Пашк. Облуч.); Я от сестры приташийла: утюг в кладовке весился, так и весится (Алб. Скв.); У нас три зыбки весилось: некогда было с имя́нянчиться (Нев. Лазо); и ви́сить – 'то же, что ве́ситься' [Словарь, 2007, с. 70]: Здесь висили зыбки (Е.-Ник, Окт.).

Анализ словарных дефиниций и высказываний с глаголами *стоять, сидеть, лежать* показывает, что при категоризации пространственного положения человека соответствующим глаголом роль играет ось его ориентирования в пространстве (вертикаль, горизонталь), а при категоризации пространственного положения предмета то, что выступает в качестве опоры.

Четвёртую группусставляют глаголы движения, которые, в отличие от предыдущих, представляющих статальное представление пространственных отношений, реализуют сему акциональности, активно участвуя в изменении местоположения или объекта в пространстве (об особенностях употребления пространственных предлогов при выражении статических и динамических пространственных отношений см. [Галстян, 2019]).

Частотными среди данных глаголов являются *идти, бежать, ехать, плыть*, представленные в исследуемом материале разнообразными приставочными и видо-временными моделями, включающими в свою семантику компонент субъект перемещается из одной точки пространства в другую по заданному / незаданному направлению. Однако, на наш взгляд, достаточно интересной и перспективной для дальнейшего рассмотрения является группа глаголов, в которых значение перемещения подразумевает каузацию: выраженный или невыраженный субъект-каузатор заставляет каузируемый объект двигаться из одной точки в другую по определённому / неопределённому направлению:

А зимой камни вымораживали. **Ездили** как-то это... искали эти камни. Нас шесть человек, большая лодка. Нас **затянут** вверх, а оттуда мы **спускаемся**, и такую маленькую лодку берем. И вот это... спустили трал. И вот как он токо **зацепится** за большой камень, так сразу лодка останавливается, а на берегу стоит парень и засекает это место. А потом, уже зимой, где этот камень, там будет трещина, лед это... треснет. И вот етот камень выморажуем. Делают такие мошны, кругом, потом это... аманал туда маленько, так бурют, фитиль, и взрывают. Он **разлетится** на мелкие части, тода уже пароходу не страшно (Чаг. Шим.).

Семантика таких конструкций отражает ориентацию относительно определённых культурно значимых ориентиров, связанных с особенностями жизни, рода деятельности жителей Приамурья. В частности, в фокус многих рассказов о работе попадают две главные реки Приамурья — Амур и Зея: Летом покосим, а зимой, когда на Зее стает лёд уже, вот тогда возим сено оттуда. — А вот палками прикрываете для чего? — Да от ветра, ветра бывают очень сильные, и вот чтобы не растащило. А потом уляжется, затвердеет оно, и всё, стоит целенькое (Урал. Шим.).

Границы пространства при этом могут быть чётко очерченными, предикат предполагает присутствие локализатора (*оттуда мы спускаемся*), или размываться (*не растащило*).

3. Заключение

Проведённый анализ диалектного экспериментального материала показал, что, во-первых, большинство конструкций с пространственной семантикой состоит из трёх компонентов — объекта / субъекта, предиката и пространственного локализатора, что демонстрирует универсальность трёхкомпонентной модели вообще в русском языке. Пространственный предикат в исследуемом диалекте репрезентируется глаголами, включающими в свою семантику значение местонахождения. Среди них выделяются

локативные глаголы, бытийные глаголы, глаголы, выражающие определённые положения в пространстве, переферийную группу составляют глаголы движения. Глаголы, которые играют роль пространственного предиката, взаимодействуют с эксплицированным локализатором и нередко зависят от него.

Во-вторых, выявлено, что для представления пространственных отношений носителями диалекта наряду с общелитературными глаголами с пространственной семантикой используются диалектные лексемы. Отметим, что тематический круг вводимых в пространство данными глаголами объектов достаточно конкретен и отображает актуальный для сельского жителя набор денотатов. В целом, отображение пространственных отношений в конкретных языковых единицах имеет черты, которые с учётом условий существования социума будут определять специфику восприятия окружающего мира. Диалектный материал даёт нам возможность познакомиться с особенностями крестьянского мировосприятия, которое является значительной частью русской национальной картины мира в целом.

Список литературы

- Гак, 2000 Гак, В. Г. Пространство вне пространства [Текст] / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 127 –134.
- Галстян, 2019 Галстян, С. А. Предлог как средство отражения в языке категории пространства (на материале испанского языка) [Текст] / С. А. Галстян // Теоретическая и прикладная лингвистика. -2019. Вып. 5. № 4. С. 41—51.
- Гынгазова, 2007 Гынгазова, Л. Г. Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры [Текст] / Л. Г. Гынгазова // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / отв. ред. проф. З. И. Резанова. Томск: UFO-Plus, 2007. С. 78—109.
- Ибрагимова, 2014 Ибрагимова, В. Л. Внутрисловная парадигматика глагола в близкородственных языках (опыт описания в свете идей профессора Л. М. Васильева) [Текст] / В. Л. Ибрагимова // Вестник Башкирского университета. 2014. Т. 19. № 3 С. 961—965.
- Кошкарева, 2018 Кошкарева, Н. Б. Бытийно-пространственные типовые синтаксические структуры и их семантика в хантыйском и ненецком языках [Текст] / Н. Б. Кошкарева // Вестн. НГУ. Сер. : История, филология. 2018. Т. 17. № 9: Филология. С. 53–65.
- Кубрякова, 1997 Кубрякова, Е. С. Язык пространства и пространство в языке (к постановке проблемы) [Текст] / Е. С. Кубрякова // Известия АН. Сер. литературы и языка. 1997. Т. $56. \mathbb{N} \ 3. \mathbb{C}. 22 31.$
- Лебедева, 1990 Лебедева, Л. Б. Высказывания о мире: содержательные и формальные особенности [Текст] / Л. Б. Лебедева // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста / отв.ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Наука, 1990. С. 52—63.
- Михайлова, 2001 Михайлова, О. А. Мой мир мой дом. Система специализированных актантов в «Словаре русских говоров Среднего Урала» [Текст] / О. А. Михайлова // Известия УрГУ. Гуманитарные науки. Вып. 4.-2001. № 20.- С. 178-183.
- Ожегов, Шведова, 1999— Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений [Текст] / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 1999. 994 с.
- Порядина, 2007 Порядина, Р. Н. Духовный мир в образах пространства [Текст] / Р. Н. Порядина // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Отв. ред. проф. 3. И. Резанова. Томск : UFO-Plus, 2007 С. 11—77.
- Словарь русских говоров..., 2007 Словарь русских говоров Приамурья [Текст] / авт.-сост.: О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятина, Н. П. Шенкевец. 2-е изд., испр. и доп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007 544 с.

- Слово, 2015—2018 Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2 14 [Текст] / под ред. Н. Г. Архиповой, Е. А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2005—2018.
- Тихонова, 2007 Тихонова, В. В. О некоторых особенностях участия глагола в выражении пространственных отношений [Текст] / В. В. Тихонова // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология» № 1. 2007. М. : Изд-во МГОУ. С. 132—137.
- Чертыкова, 2019 Чертыкова, М. Д. Ситуативно-структурные модели реализации глаголов пассивного восприятия в хакасском языке [Текст] / М. Д. Чертыкова // Теоретическая и прикладная лингвистика. — 2019. — Вып. 5. — № 3. — С. 236—247.
- Яковлева, 1994 Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия) [Текст] / Е. С. Яковлева. М.: «Гнозис», 1994. 343 с.

References

- Gak, V. G. (2000). Prostranstvo vne prostranstva [Space outside space]. In N. D. Arutyunova, I. B. Levontina (Ed.), *Logicheskiy analiz yazyka. Yazyki prostranstv* [Logical analysis of language. Spatial Languages] (pp. 127–134); Languages of Russian culture. Moscow: Yaziki Russkoy Kulturi Press.
- Galstian, S. A. (2019). Predlog kak sredstvo otrazheniya v yazyke kategorii prostranstva (na materiale ispanskogo yazyka) [Preposition as a means to reflect the category of space in the language (Based on Spanish)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (4), 41–51.
- Gyngazova, L. G (2007). Fizicheskoye i dukhovnoye prostranstvo v diskurse nositelya traditsionnoy kul'tury [Physical and spiritual space in the discourse of the carrier of traditional culture]. In. Z. I. Rezanova (Ed.), *Kartiny russkogo mira: prostranstvennyye modeli v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: spatial models in language and text] (pp. 78–109); Tomsk: UFO-Plus Press.
- Ibragimova, V. L. (2014). Vnutrislovnaya paradigmatika glagola v blizkorodstvennykh yazykakh (opyt opisaniya v svete idey professora L. M. Vasil'yeva) [Within-word paradigms of the verb in closely related languages (experience of description based on ideas of professor L. M. Vasil'ev]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University], 19 (3), 961–966.
- Koshkareva, N. B. (2018). Bytiyno-prostranstvennyye tipovyye sintaksicheskiye struktury i ikh semantika v khantyyskom i nenetskom yazykakh [Typical Existential-Spatial Syntactic Structures and Their Semantics in the Khanty and Nenets Languages]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology], 17 (9), 53–65.
- Kubryakova, E. S. (1997). Yazyk prostranstva i prostranstvo v yazyke (k postanovke problemy) [The language of space and space in the language (to the statement of the problem)] *Izvestiya AN. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 56 (3), 22–31.
- Lebedeva, L. B. (1990). Vyskazyvaniya o mire: soderzhatel'nyye i formal'nyye osobennosti [Statements about the world: substantial and formal features] In N. D. Arutyunova (Ed.), *Logicheskiy analiz yazyka: Protivorechivost' i anomal'nost' teksta* [Logical analysis of the language: Text inconsistency and anomalousness] (pp. 52–63). Moscow: Nauka Press.
- Mikhailova, O. A. (2001). Moy mir moy dom. Sistema spetsializirovannykh aktantov v «Slovare russkikh govorov Srednego Urala» [My world is my home. The system of specialized actants in the "Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals"] *Izvestiya Ur-GU. Gumanitarnyye nauki* [Izvestiya. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Art], 20, 178–183.
- Ozhegov, S. I., Shvedova, N. Yu. (1999). Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions]. Moscow: Azbukovnik Press.
- Poryadina, R. N. (2007). Dukhovnyy mir v obrazakh prostranstva [Spiritual world in the images of space]. In. Z. I. Rezanova (Ed.), *Kartiny russkogo mira: prostranstvennyye modeli v yazyke i tekste* [Pictures of the Russian world: spatial models in language and text] (pp. 11 77). Tomsk: UFO-Plus Press.

- Galuza, O. Yu., Ivanova, F. P., Kirpikova, L. V., Putyatin, L. F., Shenkevets, N. P. (2007). *Slovar' Russkikh govorov Priamur'ya* [Dictionary of Russian dialects of the Amur Region]; Blagoveshchensk State Pedagogical University. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University Press.
- Arkhipova, N. G., Oglezneva, E. A. (Eds). (2015–2018). *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskiy al'manakh. Materialy nauchnykh ekspeditsiy* [Word: Folklore-dialectological almanac. Materials of scientific expeditions, Vol. 2–14]. Blagoveshchensk: Amur State University Press.
- Tikhonova, V. V. (2007). O nekotorykh osobennostyakh uchastiya glagola v vyrazhenii prostranstvennykh otnosheniy [On some features of the verbal expression of spatial relations]. *Vestnik MGOU. Seriya «Russkaya filologiya»* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Russian Philology], 1, 132–137.
- Chertykova, M. D. (2019). Situativno-strukturnyve modeli realizatsii glagolov passivnogo vospriyatiya v khakasskom yazyke [Situative-structural models of verbs of passive perception in the Khakas language]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (3), 236–247.
- Yakovleva, E. S. (1994). Fragmenty russkoy yazykovoy kartiny mira (modeli prostran-stva, vremeni i vospriyatiya) [Fragments of the Russian language picture of the world (models of space, time and perception]. Moscow: Gnozis Press.

УДК 81'33 UDC 81'33

Ляксо Елена Евгеньевна, Фролова Ольга Владимировна Санкт-Петербургский государственный университет г. Санкт-Петербург, Российская Федерация Elena E. Lyakso, Olga V. Frolova St Petersburg State University Saint-Petersburg, Russian Federation

lyakso@gmail.com, olchel@yandex.ru

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ МАТЕРЕЙ ПРИ ВЗАИМОДЕЙСТВИИ С ДЕТЬМИ С СИНДРОМОМ ДАУНА¹ MOTHERS SPEECH BEHAVIOR IN THE INTERACTION WITH CHILDREN WITH DOWN SYNDROME

Аннотация

Представлены особенности речевого поведения матерей при взаимодействии с детьми дошкольного возраста с синдромом Дауна (СД). Проведён перцептивный, фонетический, инструментальный спектрографический анализ речи матерей и анализ невербального поведения в 20 диадах «мать – ребёнок с СД» в возрасте детей 4–7 лет. Определены особенности взаимодействия матерей с детьми с СД и выявлены стратегии речевого взаимодействия, связанные с высоким и низким уровнем сформированности речи у ребёнка. Матери делают длинные паузы между фразами, их речь эмоциональна, они повторяют вопрос или одинаковые слова при взаимодействии с ребёнком, обращаются к ребёнку по имени. Повторение матерью вопросов или одинаковых слов, слов, сказанных ребёнком, связано с чёткой артикуляцией ребенка, употреблением слов и фраз в его ответных репликах. Использование матерью грамматически простой речи, выделение голосом отдельных слов коррелирует с низким уровнем сформированности речи ребёнка, когда речь ребёнка невнятна и он повторяет части реплики матери. Поведение матери, организованное с учётом речевых и когнитивных возможностей ребёнка, не всегда приводит к прогрессу в его речевом развитии. Полученные данные могут быть полезны родителям и воспитателям детей с СД.

Abstract

The current paper considers peculiarities of mothers' speech behavior in interaction with preschool children with Down syndrome (DS). Perceptual, phonetic, instrumental spectrographic analysis of mothers' speech and analysis of non-verbal behavior in 20 dyads "mother – child with DS" at the age of 4–7 years were carried out. Particular patterns of the interaction of mothers with children with DS are revealed, the strategies for speech interaction correlated with a high and low level of speech development in a child are identified. Mother-to child speech analysis showed that mothers make long phrase-final pauses, their speech is emotional, they repeat a question or similar words while interacting with the child, address the child by the name. Firstly, it was found that mother's repetition of questions or similar words pronounced by the child is connected with the certain level of speaking skills developed in the child, particularly, clear articulation and the use of words and phrases in their responses. Another discovery was that the mother's use of simple grammar and marking certain words with the voice correlated with the low level of the child's speaking skills when the speech is unclear and the child just repeats the mother's words. Although, the mother's behavior is centered around the child's speaking and cognitive abilities, it does not always result in the progress in child's speech development, however, it is critical for this development. The data obtained may be useful to parents and caregivers of children with DS.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ-ОГН (проект № 17-06-00503а).

Ключевые слова: материнская речь, взаимодействие в диадах «мать-ребёнок», синдром Дауна, экспертный анализ, элементы невербального поведения.

Keywords: mother's speech, interaction in the "mother-child" dyads, Down syndrome, expert analysis, elements of non-verbal behavior.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_1_103_124

1. Введение

Материнское поведение представляет широкий спектр поведенческих и физиологических проявлений. С первых месяцев жизни ребёнка, в ответ на его реакции мать начинает повторять лицевую и вокальную экспрессии младенца, демонстрируя несколько «преувеличенное» поведение [Legerstee, 1991]. Увеличение эмоциональной выраженности определённых элементов материнского поведения способствует их лучшему закреплению и усвоению младенцем [Legerstee, 1991; Saito et al., 2007]. Контакт «глаза в глаза» при взаимодействии с матерью способствует увеличению вокализаций у ребёнка по сравнению с ситуациями, когда ребёнок находится вне зрительного общения с взрослыми [Bloom, 1998]. Важной характеристикой диадных взаимодействий является имитация, которая рассматривается [Pawlby, 1994] как невербальный код общения, появляющийся из коммуникативного намерения матери [Лепская, 1986]. Включение матери в имитацию означает её готовность к оперативному реагированию на потребности ребёнка [Stern et al., 1983]. Качество привязанности младенца и матери влияет на адаптацию ребёнка к новым условиям и способность к выполнению вербальных указаний в старшем возрасте [Мухамедрахимов, 2003, Bowlby, 1969]. Позитивные эмоции, вызываемые у матери при виде её новорожденного младенца, являются наиболее сильными среди всех видов стимулов и имеют эволюционную значимость. У матерей увеличивается билатеральная активация орбито-фронтальной коры на младенческий стимул, степень которой может отражать силу материнской привязанности [Nitschke et al., 2004]. Тип привязанности влияет на формирование внимания, что, обусловливает овладение ребёнком первыми словами [Silven, 2003], а в дальнейшем влияет на его фонологическое развитие в возрасте 3-4-х лет [Silven et al., 2002]. Установлено [Pan et al., 2005], что объём активного словаря ребёнка на протяжении первых трёх лет его жизни положительно коррелирует с объёмом материнского словаря, отрицательная корреляция выявлена между объёмом словаря ребёнка и уровнем материнской депрессии; не выявлено связи между материнской «разговорчивостью» с объёмом словаря ребёнка [Pan et al., 2005].

На материале разных языков описаны особенности материнской речи (далее – MP), обращённой детям первого года жизни, выполняемые ею функции, отличия от речи, адресованной взрослому, по временным и просодическим характеристикам [Fernald, 1985, 1989; Snow, 1977; Mehler, Christophe, 1994; Kemler-Nelson et al., 1989]. Наиболее изученным является феномен MP, адресованной младенцам первого полугодия жизни. Показано, что MP, обращённая детям разных языковых сред характеризуется повышением частоты основного тона [Ляксо, 2002; Челибанова и др., 2002; Fernald, 1985], увеличением амплитудной модуляции, удлинением пауз между высказываниями [Swanson et al., 1992], увеличением длительности гласных, просодическими повторами, выраженным интонационным контуром [Snow, 1977; Walley, 1993]. Отмечают изменение семантики, синтаксиса и фонологии речи, обращённой к ребёнку, по сравнению с речью, адресованной взрослому [Ляксо, 2002, 2003, 2005, 2006; Fernald, 1985; Andruski et al., 1999]. Существуют разные мнения о просодике MP — как о специфическом феномене [Fernald, 1989; Morales et al., 2000] или как об отражении позитивных эмоций в речи,

что обычно не используется или подавляется при общении с взрослым собеседником [Trainor, 2000]. Однако исследователи единодушно указывают на значимость MP, обращённой к ребёнку на ранних этапах его развития, для установления диадных взаимоотношений и эмоционального контакта с ребёнком [Sachs, 1998; Kuhl, 2000; Saito et al., 2007; Augustyn, Zuckerman, 2007], идентификацию ребёнком матери по её голосу [Mehler et al., 1978]. Изменение высоты голоса, удлинение пауз, сегментация длительных высказываний, имеющие место в МР, помогают ребёнку в возрасте 4-х-9-и месяцев сегментировать обращённый к нему речевой поток на отдельные «словесные единицы» [Kemler-Nelson et al., 1989], что, по-видимому, способствует различению ребёнком слоговых контрастов. МР, обращённая к детям второго полугодия жизни, выполняет обучающую функцию, передавая информацию о грамматике и синтаксисе [Fernald, 1985, 1989; Kemler-Nelson et al., 1989]. Показано «усиление концентрации речевого сигнала» в MP, направленной детям конца первого года жизни [Jusczyk, 1992, 1997]. Полагают, что более точная артикуляция речи матери приводит к увеличению акустических различий между речевыми звуками, что позволяет младенцу лучше воспринимать звуки материнского голоса [Kuhl et al., 1992, 2006], при этом выраженность этой особенности у каждой матери коррелирует с качеством способностей ребёнка к различению звуков [Lie et al., 2003]. Указывают, что изменяемая с возрастом ребёнка МР соответствует предпочтениям ребёнка. Шестимесячные младенцы лучше воспринимают растянутые гласные в словах матери, а 10-месячные дети – гласные нормальной длительности [Kitamura et al., 2009]; младенцы в возрасте около 6-месяцев реагируют на просодически выделенные слова внутри предложения, а после 9-месячного возраста – на речь с чётко выраженной сегментацией на отдельные фразы [Jusczyk, 1992]. У младенцев при прослушивании голоса матери происходит активация в нескольких областях мозга, включая те, которые участвуют в эмоциональной обработке (миндалина, орбито-фронтальная кора), но особенно в дистальных отделах левой височной доли коры. Это позволяет полагать, что голос матери играет значимую роль в раннем созревании речевых областей коры мозга [Dehaene-Lambertz et al., 2002, 2010].

Речь матерей, адресованная детям с неврологическими нарушениями, отличается от MP, обращённой типично развивающимся (далее – TP) детям, её характеристики индивидуальны в зависимости от степени тяжести неврологического нарушения у ребёнка [Ляксо и др., 2006]. Матери детей с неврологическими нарушениями не копируют произнесенное детьми полностью и не корректируют детское произнесение, а используют фразы, в которые включают повторяемое за ребёнком слово или словосочетание. В их речи отсутствуют характеристики, присущие MP, или их недостаточно для привлечения внимания детей [Ляксо и др., 2006]. Стратегии речевого поведения матерей определяются возрастом детей, их физиологическим состоянием и неврологическим статусом [Ляксо и др., 2009]. Качество поведения матери определяется во многом мозговыми механизмами, регулирующими активность взаимосвязанных структур гипоталамуса, лимбической системы и коры головного мозга, функционирующими по-разному в зависимости от контекста материнского настроения (депрессии), социального и родительского опыта [Ваrrett, Fleming, 2011].

Характер детской патологии и особенности развития ребёнка влияют на эмоциональные реакции матери и её речь [Мухамедрахимов, 2003; Савина, Чарова, 2002]. Родители детей с ограниченными интеллектуальными возможностями адаптируются к уровню интеллектуального и языкового развития своих детей, способствуя развитию у них коммуникативных навыков и внимания [Legerstee, Fisher, 2008; Legerstee et al., 2002].

Родители детей с синдромом Дауна используют более эмоциональную речь, чем родители типично развивающихся детей соответствующего возраста [Falco et. al, 2011],

употребляют больше директивных высказываний [Legerstee et al., 2002; Roach et al., 1998] и задают меньше вопросов. Полагают [Longobardi, 1995; Venuti et al., 1997], что родители детей с синдромом Дауна (далее – СД) используют речь, которая подходит детям с более низким психофизиологическим возрастом (уровнем развития). Не выявлено значимых различий в материнской речи, обращённой детям с СД и типично развивающимся детям, имеющим тот же психофизиологический (ментальный) возраст [Mundy et al., 1988; Rondal, 1988].

Матери детей с СД в возрасте 3,5–4 лет в процессе взаимодействия с детьми чаще использовали жесты, отражающие действия и показательные жесты, сочетание одного жеста и одного высказывания, в то время как матери ТР сверстников – больше сложных жестов и сложных высказываний [Iverson et al., 2006]. В другом исследовании отмечается, что дети с СД в возрасте от 22 месяцев до 63 месяцев используют больше жестов, чем их ТР сверстники [Lorang et al., 2018].

При сравнении матерей итальянских детей (здоровых, с СД и с расстройствами акустического спектра (далее – PAC)), имеющих одинаковый психофизиологический возраст (24 месяца), показано, что во всех группах детей матери чаще используют насыщенную информацией речь, реже — эмоциональную речь, что типично для данного возраста детей. При этом матери детей с СД чаще, чем матери других групп детей, использовали эмоциональную речь. Приказы (директивная речь) использовались матерями ТР детей реже, они чаще рассказывали детям об окружающей среде, тогда как матери детей с РАС и СД предпочитали давать комментарии о действиях детей [Venuti et al., 2012].

Приведённые литературные данные свидетельствуют о значимости материнского речевого поведения для речевого развития ребёнка, указывают на специфику организации материнской речи при обращении к ТР детям и детям, имеющим отклонения в развитии разной этиологии. Все исследования охватывают преимущественно первые три года жизни детей. Работы по изучению особенностей речевого поведения матерей при взаимодействии с детьми дошкольного возраста немногочисленны (см., напр., [Ляксо, 2019; Lyakso, Frolova, 2018; Ляксо и др., 2018]).

Ц е л ь настоящего исследования — выявление стратегий речевого поведения матери в процессе взаимодействия с детьми с синдромом Дауна дошкольного возраста.

2. Методика и результаты исследования

В исследовании приняли участие 20 диад «мать – ребёнок» с детьми в возрасте 4–7 лет с синдромом Дауна (СД, Q90 – по Международной классификации болезней 10 пересмотра).

Осуществлена аудио и видео запись взаимодействия матери с ребёнком. Ситуации записи: диалог матери с ребёнком, игра «ребёнок — мать — игрушка», сюжетная игра. Запись речи и поведения детей осуществляли с использованием цифрового магнитофона «Marantz PMD660» с выносным микрофоном «SENNHEIZER e835S» и видеокамеры «SONY HDR–CX560E».

Дизайн исследования включал:

- 1) аудио и видео запись взаимодействия в диаде;
- 2) отбор из непрерывных аудиозаписей фрагментов вокально-речевого взаимодействия в диадах «мать – ребёнок» для экспертного анализа; разработка анкеты для экспертного анализа; подбор экспертов (n = 10 экспертов – взрослых, имеющих профессиональный опыт работы с детьми и анализа речевых сигналов);
- 3) индивидуальный экспертный анализ фрагментов аудиозаписей взаимодействия; статистическая обработка ответов экспертов, отмеченных в анкетах;
 - 4) отбор образцов речи матерей (МР), обращённой к детям с СД;

- 5) слуховой перцептивный анализ тестовых последовательностей, содержащих МР детей с СД и речь детей с СД, взрослыми (аудиторами);
 - 6) инструментальный спектрографический анализ МР;
- 7) выбор видео фрагментов взаимодействия в диаде «мать ребёнок» для экспертного анализа (n = 5 экспертов); проведение экспертного анализа видеофрагментов взаимодействия:
 - 8) статистический анализ всех имеющихся данных. Исследование одобрено Этическим комитетом СПбГУ.

2.1. Экспертный анализ взаимодействия в диадах «мать – ребёнок» на основании экспертного анализа аудиозаписей

Для экспертного анализа из непрерывных записей отобраны (одним специалистом, который в дальнейшем не участвовал в экспертном анализе отобранных фрагментов) аудиозаписи взаимодействия в диадах. Критерием выбора фрагментов явилось вербальное и / или голосовое привлечение внимания матерью или ребёнком своего партнёра. Для каждой из диад выбрано от 4 до 16 фрагментов взаимодействия, время прослушанных непрерывных аудиозаписей составило 8 часов. В группу экспертов, прослушивающих каждый из фрагментов, вошли 10 специалистов. Эксперты, осуществляющие анализ фрагментов, имели возможность прослушивать каждый фрагмент по несколько раз. Прослушивание проводили через головные телефоны «Sennheiser». Анкета, заполняемая экспертами при прослушивании фрагментов взаимодействия, включала вопросы, касающиеся МР (21 вопрос) и речи ребёнка (19 вопросов).

Со стороны матери оценивали следующие характеристики её речевого поведения: 1) проявляет инициативу; 2) речь эмоциональна; 3) говорит громко; 4) говорит чётко; 5) обращается к ребёнку; 6) обращается к ребёнку по имени; 7) задаёт вопросы; 8) отвечает на вопросы; 9) поощряет ребёнка; 10) содержит указания ребёнку; 11) стимулирует ребёнка к ответу; 12) повторяет вопрос или одинаковые слова; 13) сердится; 14) раздражается; 15) радуется; 16) повторяет слова за ребёнком; 17) уточняет сказанное ребёнком; 18) речь грамматически простая; 19) выделяет голосом отдельные слова; 20) растягивает звуки в словах; 21) делает паузы между фразами.

Были проанализированы следующие параметры, характеризующие речь ребёнка в процессе взаимодействия с матерью: 1) проявляет инициативу; 2) речь эмоциональна; 3) говорит громко; 4) говорит тихо; 5) говорит чётко; 6) говорит невнятно; 7) меняет интонацию; 8) отвечает на вопросы и реплики матери; 9) задаёт вопросы; 10) произносит — в ответ на реплику матери; 11) произносит — спонтанно; 12) повторяет часть реплики матери; 13) реплика словом; 14) реплика фразой; 15) реплика «да — нет»; 16) повторяет одинаковые слова; 17) сердится; 18) радуется; 19) расстроен.

На основании данных экспертного анализа выявлены следующие корреляции (по Спирмену (р < 0,05)). Инициатива, проявляемая матерью при взаимодействии с ребёнком с СД коррелирует с следующими характеристиками её речи: громкой речью (0,89), чётким произношением (0,84), обращением к ребёнку (0,83). Мать задаёт вопросы (0,87), стимулирует ребёнка к ответу (вербально) (0,76), повторяет вопрос или одинаковые слова (0,88). Её речь грамматически упрощена (0,66), она выделяет голосом отдельные слова (0,70). Инициатива матери коррелирует с особенностями речи ребёнка: говорит тихо (0,64), невнятно (0,67), отвечает на вопросы матери (0,60), произносит в ответ на реплику матери (0,80), реплика словом (0,71).

Эмоциональность материнской речи (MP): речь чёткая (0,60), мать уточняет сказанное ребёнком (0,62), выделяет голосом отдельные слова (0,74) — связана только с нечёткостью произнесения ребёнком (0,64).

Чётко артикулируемая MP коррелирует: с инициативой матери (0,84), эмоциональностью (0,60), громким голосом (0,83), обращением к ребёнку (0,81), содержит вопросы (0,82), стимулирует ребёнка к ответу (0,66). Мать повторяет вопрос или одинаковые слова (0,80), её речь грамматически упрощена (0,64), она выделяет голосом отдельные слова (0,67). Эти характеристики связаны с невнятной речью ребёнка (0,60), репликой словом (0,68).

Обращение к ребёнку по имени: мать задаёт вопросы (0,64), стимулирует ребёнка к ответу (0,71), повторяет слова или вопрос (0,64), сердится (-0,68 — корреляция отрицательная) — стимулирует ребёнка к повторению части реплики матери (0,72) и ответу на её реплику (0,61).

МР, содержащая вопросы, связана с наибольшим количеством характеристик: речь эмоциональная (0,87), громкая (0,86), чёткая (0,82), обращённая к ребёнку (0,84); мать стимулирует ребёнка к ответу (0,82), содержит повторы слов и / или вопросов (0,86), повторяет слова за ребёнком (0,63), речь грамматически простая (0,66), выделяет голосом отдельные слова (0,67), сердится (-0,68). Эти характеристики МР коррелируют с характеристиками речи ребёнка: отвечает на вопросы (0,66), произносит в ответ на реплику матери (0,87), реплика словом (0,77).

Если мать отвечает на вопросы ребёнка, реплики ребёнка содержат фразы (0,67); мать поощряет ребёнка, ребёнок радуется (0,61). Стимуляция матерью ребёнка к вербальному ответу приводит к ответным репликам со стороны ребёнка (0,73), использованию реплик словом (0,70).

Повторение матерью одинаковых слов и вопросов коррелирует с теми же характеристиками её речи, что и речь, содержащая вопросы и речь, стимулирующая ребёнка: МР эмоциональная (0,76), громкая (0,77), чёткая (0,80), обращённая к ребёнку (0,81), стимулирует ребёнка к ответу (0,64), содержит повторы слов и или вопросов (0,86), речь грамматически проста (0,69), выделяет голосом отдельные слова (0,68). Ребёнок говорит тихо (0,62) и повторяет часть реплики матери (0,72). Повторение матерью детских слов: мать делает паузы между словами (0,60), коррелирует с ответом ребёнка на её реплику (0,73).

Выделение голосом слов в MP связано с невнятной речью ребёнка (0,64). Наличие пауз между словами в MP (мать повторяет слова за ребёнком (0,60) и упрощает свою речь (0,69)) коррелирует с ответными репликами ребёнка (0,64). MP, содержащая указания, не влияет на характеристики речевого поведения ребёнка.

Если мать радуется, радуется и ребёнок (0,61). Если мать сердится, ребёнок не отвечает на реплику матери (-0,67 – корреляция обратная). Раздражённое состояние матери не вызывает отклика у ребёнка.

Таким образом, на основе корреляционного анализа выявлены связи между характеристиками MP, обращённой ребёнку, и характеристиками речи ребёнка с СД, не всегда соответствующими сформированности речи.

Мультирегрессионный анализ подтверждает результаты корреляционного анализа. Данные регрессионного и мультирегрессионного анализа показывают связь между характеристиками МР и характеристиками речи ребёнка, отражающими разный уровень сформированной речи.

- 1. Инициатива, проявляемая матерью при взаимодействии с ребёнком, связана F(19,39) = 23,997 р < 0,0001 R2 = 0,921 с характеристиками речи ребёнка говорит тихо (Beta = 0,555) и чётко (Beta = 0,002).
- 2. MP, содержащая вопросы, коррелирует F(19,39)=19,526 R2=0,859 с ответами ребёнка тихим голосом (Beta = 0,265; p < 0,02) и произнесением в ответ на реплику матери (Beta = 0,411; p < 0,02).

- 3. Повторение матерью вопросов или одинаковых слов связано F(18,40)=14,772 p<0,0001 с тихим голосом ребёнка (Beta = 0,459), ребёнок произносит в ответ на реплику матери (Beta = 0,470), репликой словом (Beta = 0,344).
- 4. Обращение матери к ребёнку по имени является предиктором F(18,40) = 8,110, p < 0,0001, R2 = 0,785 радости ребёнка (Вета = 0,214); обращение к ребёнку F(20,38) = 7,750 р < 0,0001 связано с возрастом ребёнка (Вета = 0,558).
- 5. Повторение матерью слов за ребёнком F(12,47) = 11,107 р < 0,0001 R2 = 0,739 приводит к тому, что ребёнок меняет интонацию (Beta = 0,220), отвечает (Beta = 0,443), реплика фразой (Beta = 0,271). Использование матерью грамматически упрощённой речи F(15,43) = 7,878 р < 0,0001, R2 = 0,732 вызывает разные варианты речи ребёнка реплики в ответ на реплики матери (Beta = 0,560), спонтанная речь (Beta = 0,332), повторение части реплики матери (Beta = 0,462). Эта характеристика MP отрицательно связана с эмоциональным состоянием радости ребёнка (Beta = -0,328).
- 6. Выделение голосом отдельных слов в MP связано F(1,58)=8,763 p<0.000, R2=0,414 с невнятностью речи ребёнка (Beta = 0,643). Растягивание звуков в словах MP F(1,58)=8,763 p<0,004, R2=0,131 связано с изменением интонации ребёнком (Beta = 0,362).

Показаны прямые корреляции между характеристиками речевого поведения матери и ребёнка:

Если мать говорит громко – ребёнок говорит громким голосом F(1,58)=10,101 p<0,002 (R2 = 0,148; Beta = 0,385); речь матери эмоциональна – речь ребёнка эмоциональна F(1,58)=0,425 p<0,02 (R2 = 0,086 Beta = 0,292); мать радуется – ребёнок радуется F(1,58)=34,511 p<0,0001 (R2 = 0,373; Beta = 0,610); мать сердится – ребёнок сердится F(3,53)=518 p<0,0001 (R2 = 0,593 Beta = 0,660).

Однако чёткая артикуляция слов MP связана F(3,56)=45,607 p<0,000 R2 = 0,710 и с чётким произнесением слов ребёнком (Beta = 0,653) и с нечеткой артикуляцией (Beta = 0,769).

Сформированная речь ребёнка — чёткая артикуляция, использование слов и фраз в ответных репликах связана с инициативой матери, речевым общением с ребёнком, повторением вопросов или одинаковых слов, повторение слов за ребёнком (табл. 1).

Таблица 1. Характеристики МР связанные с высоким уровнем сформированности речи ребёнка (данные мультирегрессионного анализа)

		Речь	ребёнка с СД (В	eta)
Nº	Характеристика МР	Говорит чётко	Реплика словом	Реплика фразой
1	Инициатива $F(19,39) = 23,997 \text{ p} < 0,0001 \text{ R}^2 = 0,921$	0,002		
2	Повторение матерью вопросов или одинаковых слов $F(18,40) = 14,772 \text{ p} < 0,000$		0,344	
3	Повторение матерью слов за ребёнком $F(12,47) = 11,107, p < 0,0001 R^2 = 0,739$			0,271
4	* Говорит чётко $F(3,56) = 45,607 p < 0,0001 R2 = 0,710$	0,653		

Использование матерью грамматически простой речи, выделение голосом отдельных слов связано с низким уровнем сформированности речи ребёнка — речь невнятна, реплика повторением части реплики матери (табл. 2). Чёткая речь матери оказы-

вают противоречивое воздействие на речевое развитие ребёнка (табл. 1, 2) – ребёнок может говорить и чётко, и невнятно.

Таблица 2. Характеристики МР связанные с низким уровнем
сформированности речи ребёнка (данные мультирегрессионного анализа)

		Речь ребёнка с СД (Beta)						
No	Характеристика МР	Речь невнятна	Повторение части реплики матери					
1	Речь грамматически проста $F(15,43) = 7,878 \text{ p} < 0,0001 $ $R^2 = 0,732$		0,462					
2	Выделение голосом отдельных слов $F(1,58) = 8,763 p < 0,0001 R^2 = 0,414$	0,643						
3	* Говорит чётко F (3,56)=45,607 p<0,0001 R ² = 0,710	0,769						

^{*} Одна и та же характеристика МР связана с разными характеристиками речи ребёнка.

Факторный анализ 41 показателя, характеризующего вокально-речевое взаимодействие в диадах «мать – ребёнок с СД», выделил 3 фактора (метод вращения главных компонент – Varimax raw при уровне значимости 1,00):

Фактор 1 — MP — инициатива (0,920), речь громкая (0,831), чёткая (0,850), содержит обращение к ребёнку (0,878), вопросы (0,899), повторение (0,909), выделение слов (0,790). Речь ребёнка — невнятная (0,716), отвечает на реплики матери (0,843), реплика словом (0,795).

Фактор 2 — MP — отвечает на вопросы (0,729). Речь ребёнка — задаёт вопросы (0,795), реплика фразой (0,793), реплика «да - нет» (0,757).

Фактор 3 – Речь ребёнка эмоциональна (0,818).

Для выявления возможного влияния возраста ребёнка на особенности МР проведён Дискриминантный анализ. Показано, что возраст ребёнка с синдромом Дауна $F(42,74)=8,855\ p<0,0001\ Wilks' Lambda <math>-0,028\ влияет$ на следующие характеристики MP: говорит громко (Wilks' =0,039), чётко (Wilks' =0,035), поощряет ребёнка (Wilks' =0,038), содержит указания (Wilks' =0,035), повторяет слова за ребёнком (Wilks' =0,031), уточняет сказанное ребёнком (Wilks' =0,033). Характеристики MP обращённой к ребёнку с СД в возрастной динамике (5–7 лет) направлены на стимуляцию речи ребёнка — речь матери громкая, чёткая, содержит поощрения и указания, повторение слов за ребёнком, уточнение сказанного им. Такие характеристики MP присущи матерям при обращении к TP детям раннего возраста.

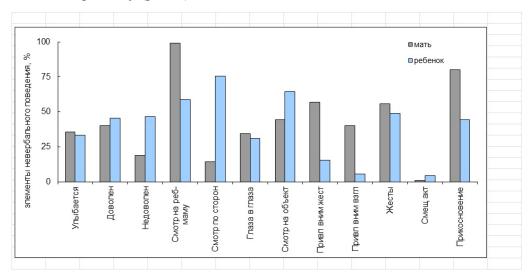
На основании ответов экспертов, прослушивавших аудио файлы речевого взаимодействия матери и ребёнка с СД, можно заключить, что для матерей детей с СД характерно: проявление инициативы (80%), громкая (81,6%), чёткая (82%) речь, обращение к ребёнку (85,3%). Мать задаёт ребёнку вопросы (68%), повторяет вопрос или одинаковые слов (60,5%), использует грамматически простую речь (74,5). Дети с СД говорили невнятно (68,5%), отвечали в ответ на реплики матери (63%), использовали реплику словом (59,6%).

2.2. Элементы невербального поведения в диадах «мать — ребёнок с СД» (анализ видео фрагментов взаимодействия)

Проведён анализ видеозаписей взаимодействия в диадах «мать – ребёнок». В данной части исследования приняли участие 5 экспертов с профессиональным опы-

том работы с детьми — сотрудники Группы по изучению детской речи СПбГУ (возраст 33.8 ± 9.5 лет, 3 — мужского, 2 — женского пола).

На основании анализа видеозаписей взаимодействия матери и ребёнка с СД двумя экспертами созданы видео тесты (n=18), содержащие фрагменты естественного взаимодействия матери и ребёнка, длительность каждого фрагмента — 1 минута. Эксперты просматривали видео тесты без звуковой дорожки и заполняли специально разработанную анкету, отмечая наличие у матери и ребёнка следующих элементов невербального поведения: 1) улыбается; 2) довольна; 3) недовольна; 4) смотрит на ребёнка; 5) смотрит по сторонам; 6) контакт «глаза-в-глаза»; 7) смотрит на объект; 8) привлекает внимание ребёнка жестом; 9) привлекает внимание ребёнка взглядом; 10) использует жесты; 11) демонстрирует смещённую активность (отвлекается от взаимодействия с ребёнком); 12) прикасается к ребёнку (рис. 1).

Р и с у н о к 1. Элементы невербального поведения матерей и детей в диадах с детьми с СД

 Π римечание к рисунку 1: По вертикальной оси – элементы невербального поведения, % ответов экспертов.

Элементы невербального поведения ребёнка, демонстрируемые при взаимодействии с матерью: 1) улыбается; 2) доволен; 3) недоволен; 4) смотрит на мать; 5) смотрит по сторонам; 6) контакт «глаза-в-глаза»; 7) смотрит на объект; 8) привлекает внимание матери жестом; 9) привлекает внимание матери взглядом; 10) использует жесты; 11) закрывает лицо или уши руками; 12) прикасается к маме (рис. 1).

На основании анализа ответов экспертов наиболее частыми элементами поведения матерей детей с СД являлись: смотрит на ребёнка — 99%, прикасается к ребёнку — 80%, привлекает внимание жестом (44%) и взглядом (57%), использует в процессе общения жесты (56%), смотрит ребёнку в глаза (34%). Матери редко смотрели по сторонам (14%) и проявляли смещенную активность (1%). При взаимодействии с ребёнком с СД матери чаще были довольны общением (40%), чем недовольны (19%). Дети с СД смотрели на маму (59%), но чаще по сторонам (76%) и на объекты (64%), использовали жесты (49%), прикасались к матери (44%), но редко привлекали внимание взглядом (6%) и закрывали лицо руками (4%).

На основании данных корреляционного анализа (корреляция Спирмена p<0,05) выявлены связи между следующими элементами невербального поведения матери и ребёнка в диадах с детьми с СД:

мать улыбается — ребёнок улыбается (0,70), доволен (0,76), смотрит на маму (0,48); мать довольна — ребёнок доволен (0,88);

мать смотрит ребёнку в глаза — ребёнок смотрит на маму (0,93), смотрит ей в глаза (0,95);

мать привлекает внимание взглядом – ребёнок смотрит на мать (0,64);

мать смотрит на объект — отрицательная корреляция — ребёнок смотрит по сторонам (-0,66).

Данные мультирегрессионного анализа подтверждают выявленные корреляционным анализом связи: поддержание матерью и ребёнком контакта «глаза-в-глаза» F(9,8)=27,261 p<0,0005 (R2 = 0,968 Beta = 0,846). Эта характеристика поведения партнёров свидетельствует о сформированности взаимного внимания и может быть использована при обучении ребёнка.

Однако привлечение внимания ребёнка матерью не приводит к привлечению её внимания ребенком F(9,8)=0,186 p<0,01 (R2 = 0,682 Beta = -1,223); привлечение внимания взглядом с стороны матери приводит F(9,8)=5,510 R2 = 0,861 к тому, что ребёнок закрывает лицо руками (p<0,03 Beta = 0,473), не привлекает внимание матери (p<0,01 Beta = -0,978), не смотрит на мать (p<0,03 Beta = -1,302). Если мать прикасается к ребёнку F(12,5)=5,996 R2 = 0,930, ребёнок прикасается к матери (p<0,04 Beta = 0,43), не закрывает лицо руками (Beta = -0,749), улыбается (Beta = 2,014), но может быть и недовольным (Beta = 1,257).

2.3. Характеристики материнской речи, обращённой к детям с СД (данные перцептивного анализа)

Определение функций MP и состояния матери на основании прослушивания её речи, обращённой к детям

Из отобранных для экспертного анализа записей вокально-речевого взаимодействия в диадах «мать — ребёнок» выбраны записи МР, обращённой к детям СД, создана тестовая последовательность, которую прослушали 165 взрослых (аудиторов). Аудиторами явились носители русского языка (n = 137 взрослых в возрасте 17–83 лет 23,6±13,6 лет). По опыту взаимодействия с детьми аудиторы разделены на четыре группы:

специалисты (n = 10 – взрослые с профессиональным опытом взаимодействия с детьми, возраст $32\pm9,1$ г 21-46 лет),

с бытовым опытом – 1 (n = 95 – имеющие собственных детей, младших братьев, сестёр, возраст 18.3 ± 1.8 г 17-25 лет),

без опыта взаимодействия с детьми (n = 19, возраст $18,2\pm0,5$ л, 17-23 года);

с опытом взаимодействия с детьми -2 (n=13, взрослые в возрасте $60,2\pm15,9$ лет, имеющие детей, внуков).

Для группы специалистов определяли характеристики слуха (методом аудиометрии) и профиль латеральной функциональной асимметрии (ПЛ Φ A) (на основании совокупности тестов для выявления ведущей руки, ноги, глаза и уха).

Ответы специалистов и старшей возрастной группы аудиторов наиболее близки между собой по определению функций МР. Согласно их ответам, МР, обращённая детям с СД, направлена на привлечение внимания детей (30,9% и 31,2% – соответственно ответы экспертов и аудиторов старшей возрастной группы; 26,3% и 25% – аудиторы с опытом и без опыта взаимодействия с детьми). По их ответам, МР меньше стимулирует детей к ответу (32,6% и 32,4%) по сравнению с ответами аудиторов других групп (37,7% – с опытом, 36,7% – без опыта взаимодействия с детьми) (табл. 3).

Таблица 3. Ответы аудиторов разных групп, определяющих функции МР (А) при прослушивании её речи, обращённой ребёнку с СД, %

	Функции МР										
Группа аудиторов	Привлекает внимание	Комментирует действия	Стимулирует к ответу	Поощряет (хвалит)	Прочее						
Специалисты	30,9	29,2	32,6	6,7	9,6						
С опытом – 1	26,3	21	37,7	8,3	6,8						
Без опыта	25	20,4	36,7	8,7	9,2						
С опытом – 2	31,2	20,8	32,4	8,1	7,5						

При определении состояния матери ребёнка с СД аудиторы с опытом -2 (старшая возрастная группа) указывали на спокойное состояние большим количеством ответов (43,5% ответов), чем специалисты (37%) и аудиторы с опытом -1 и без такового (23,3% и 32,7%). Специалисты отмечают, что мать довольна (24,4%) чаще, чем другие группы аудиторов, и реже, что она расстроена (5% ответов) (табл. 4).

Таблица 4. Ответы аудиторов разных групп, определяющих состояние матери при прослушивании её речи, обращённой ребёнку с СД, %

Гоунца	Состояние матери											
Группа аудиторов	Спокойна	Рассержена	Расстроена	Довольна	Агрессивна	Прочее						
Специалисты	37	19,3	5,0	24,4	9,2	5,0						
С опытом – 1	33,3	23,3	6,5	18	10,4	5,4						
Без опыта	32,7	25	14,8	17,3	7,7	2,6						
С опытом – 2	43,5	21	13,0	15,2	5,1	2,2						

Для группы специалистов выявлена связь (корреляция по Спирмену p<0,05) между возрастом эксперта и выделением состояния матери – расстроена (0,85). Определена связь между ПЛФА эксперта и выделением им состояния матери – довольна (0,88), что подтверждено регрессионным анализом F(1,8)=13, 390 p<0,006 (R2 = 0,626, Beta = 0,791).

Для группы аудиторов с опытом -2 показана зависимость (корреляция по Спирмену р<0,05) между полом аудитором и ответам «поощряет ребёнка (хвалит)» (1,00) – женщины чаще выделяют эту функцию MP, между порогами слуха (правое и левое ухо) и определением состояния матери как агрессивное (1,00). Показана связь между выделенной функцией MP – поощряет ребёнка и состоянием матери – довольна (1,00).

2.4. Акустические характеристики МР

Инструментальный анализ MP, обращённой детям с СД, показал, что матери детей чётко проговаривают ударные гласные в словах, о чём свидетельствуют расположение формантных треугольников ударных и безударных гласных из слов MP на двухформантной плоскости в координатах двух первых формант (рис. 2). Две первые форманты являются акустическими ключами гласных, позволяющими их идентифицировать. Индекс артикуляции гласных звуков (VAI), отражающий чёткость произнесения гласных в словах, вычисляли по формуле [Roy et al., 2009]:

VAI = (F1[a] + F2[i]) / (F1[i] + F1[u] + F2[a] + F2[u]),

где F1[x] и F2[x] — значения первой и второй формант соответствующих гласных. Значения индекса артикуляции гласных для ударных гласных составляют 1,16, для безударных гласных 0,87.

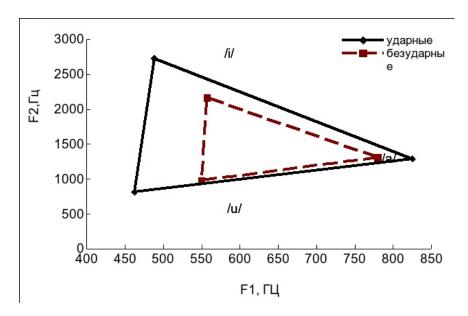
Формантные треугольники ударных гласных в словах MP, обращённой детям с СД занимают большие площади на двухформантной плоскости, чем формантные треугольники безударных гласных (рис.2).

Значения площадей формантных треугольников гласных вычисляли по формуле, модифицированной для русского языка [Lyakso, Grigor'ev, 2013]:

Площадь = 0,5 × {(F2[i] × F1[a] + F2[a] × F1[u] + F2[u] × F1[i]) – (F1[i] × F2[a] + F1[a] × F2[u] + F1[u] × F2[i])},

где F1, F2 — значения первой и второй формант соответствующих гласных.

Для MP, обращённой к детям с СД, выявлены максимальные значения площадей формантных треугольников ударных гласных (341498 усл. ед) и минимальные значения площадей формантных треугольников безударных гласных (135067,8 усл. ед).

Р и с у н о к 2. Формантные треугольники ударных и безударных гласных из слов MP, обращённой детям с СД, с вершинами /a/, /u/, /i/ на двухформантной плоскости в координатах F1, F2

 Π римечание к рисунку 2: По горизонтальной оси значения первой форманты F1, Γ ц; по вертикальной – второй форманты – F2, Γ ц.

Высказывания матерей детей с СД, содержат короткие фразы (1055 мс — медиана) (со средней длительностью слов — 287 мс — медианы; длительность ударных гласных в словах — 89 мс) с длинными паузами между ними (1075 мс). Для MP, обращённой детям с СД, показана связь F(1,21)=5,790 p<0,002 (R2 = 0,216 Beta = -0,465 — регрессионный анализ) между возрастом ребёнка и значениями ЧОТ по фразе MP, т. е чем младше ребёнок, тем более высоким голосом разговаривает с ним мать. Значимых различий в характеристиках речи матерей детей с СД, в зависимости от пола ребёнка, не выявлено.

Таким образом, на основе инструментального анализа показано, что MP обращённая к детям с СД, характеризуется чётким произнесением ударных гласных в словах (наличие чётко артикулированного ударного гласного обеспечивает разборчивость слова в целом) и длинными паузами между фразами в высказывании.

2.5. Фонетический анализ МР, обращённой детям с СД

Результаты фонетического анализа указывают на использование матерями детей с СД нормативного для русского языка произношения. Анализ образцов МР, используемых для перцептивного анализа, показал, что количество редуцированных фонем в МР составляет до 28% (0–28%) от общего числа фонем, употребляемых в речи (табл. 5).

Таблица 5. Фонетический анализ речи матерей детей с СД

MP					Γ	`убные	согл	ласные	,				
			Губно-	губнь	ые					e			
	p	p'	b	b	'	m		m'	f		f	V	v'
MP	0,072		0,005	0,0	15	0,040	5		0,01	15		0,05	1 0,026
					Я	зычны	e co	гласнь	ie	l			'
		Переднеязычные согласные											
		Зубные											
	t	d	s		s'		Z		z'	n		1	r'
MP	0,082	0,056	0,026	5	0,02	6 (),005	5 0	,005	0,03	31	0,051	0,021
		Ал	ьвеолярн	ые					Постальвеолярные				
	ť'	ď'	ts	n	ı '	1'		tS'			Z	S'	r
MP	0,026	0,046	0,036	0,0	05	0,03	6	0,015	0,00	62 (),026	0,010	0,026
	Средне	язычный						Задне	еязычные				
		j	K	_	k'			g		g'		X	x'
MP	0,	,041	0,0	92	0	0,015 0,021				(0,010		
MP						Гла	сные	e					
	a	e		i (+I)		O		u (+U)					@
MP	0,409	0,060		0,087 -0,12		0,	107	0,047 (+0,008)				47	0,114

Примечание к таблице 5: В скобках указана частота встречаемости редуцированных форм гласных фонем: /I/ соответствует фонеме /i/, /U/ - /u/.

2.6. Логопедические, перцептивные и фонетические характеристики слов детей с СЛ

Логопедический анализ речи детей с СД. Особенностью речи детей с СД явилась несформированность одновременно нескольких артикуляционных укладов: нарушение звукопроизношения: ротацизм (нарушение произношения звуков /p/, /p'/), звуки /ш/ и /ж/ на стадии становления. Нарушения звуко-слоговой структуры слова — пропуски слогов /кава — корова/, звуков /летачками — ленточками/, вставка слогов /игиграла — играла/ (девочка — 7 лет). Ротацизм, ламбдацизм (нарушения произношения /л/, /л'/), нарушения произношения шипящих /ш/ — /ж/; звуко-слоговой структуры слова — пропуски слогов /цета — цвета; кики — книжки/, звуков /Вая — Валя/ (3 девочки: две — 7 лет, одна — 6 лет, мальчик — 6 лет). Дефект твёрдости согласных /пать — пять/ (девочка — 6 лет).

Речь малопонятна (4 ребёнка) — речь шепотная, присутствуют лепетные слова (7 лет — мальчик); речь представлена отдельными звуками, слогами, цепочками слогов (девочка — 5 лет); в основном представлена гласными звуками, согласные характерны для ранних этапов овладения звуковым составом речи /н, т, д, х, к, г, п, б, м и парные мягкие/. Передаёт слоговую структуру слов. Соответствует трёхлетнему уровню развития речи с задержкой (мальчик 7 лет). Данные логопедического анализа дополнены и подтверждены фонетическим анализом слов детей с СД.

Данные фонетического транскрибирования. Проведён фонетический анализ слов детей, включённых в тестовые последовательности для перцептивного исследования. Фонетический анализ показывает использование детьми всех гласных русского языка (табл. 6).

Таблица 6. Фонетическое описание и частота встречаемости гласных и согласных фонем в речи детей с СД

								Гл	асны	e																																														
Ребё	нок		a	e			I		o		u			1		@																																								
СД		0,	277	0,084	ļ	(+1),181 (),048)		0,133	0,048		0,048		0,048		0,048		0,048		0,048		0,048		0,048		0,048		0,048		0,048		0,048		0,048		0,048		0,048		0,048		0,048		0,048		0,048		0,048		0,048		0,048		,193		0,036
	Губные																																																							
	Губно-губные								Губно-зубные																																															
	р		p'	b		b'	m		m'	f	?	f	,	v		v'																																								
СД	0,05	59	0,012	0,047			0,047											0,071		0,012																																				
	Язычные согласные																																																							
						П	ереднея	зычн	ые со	гласн	ые																																													
								Зубн	ые																																															
	Т	,	d	S		s'		Z	2	z'		n		1		r'																																								
СД	0,11	17	0,071	0,04	.7	0,02	4				0	,024	0	,059																																										
			Ал	ьвеолярн	ые						Γ	Іостал	ьвеоляр	ные	I																																									
	ť'		ď'	ts		n'	1'	t	S'	S		Z	S'			r																																								
СД	0,08	32	0,034	0,012	0,	024	0,012	0,	012			0,012	2																																											
	Средне- язычный Заднеязычные									Глубок заднеязыч																																														
		J	k	k		g		g']	x		x'	G		F	₹																																								
СД	0,0	034	0,08	32 0,0	34	0,0	12 0	,012	0,0)24	0,	012	0,012	0,012																																										

 Π римечание к таблице 6: В скобках указана частота встречаемости редуцированных форм гласных: /I / соответствует /i/, /U – u/; R – увулярный дрожащий, дефект речи (ротацизм).

В проанализированных словах отмечено наличие фонем /v', ts, Z, g', x, x'/, не представлены фонемы /b', m', f, z, z', r', S, S', r/, встречается фонема /G/. Таким образом, показана несформированность большинства согласных фонем у детей с СД, что приводит к невнятности их речи.

Определение аудиторами значения слов детей с СД при прослушивании речевого материала детей. С целью возможности определения аудиторами значения слов детей с СД создана тестовая последовательность, содержащая слова детей СД, которую прослушали 104 аудитора (возраст 17–46 лет, $19,7\pm5$ лет). Аудиторы правильно определили значение 17,1% слов детей с СД, частично -18,3% слов, количество нераспознанных слов детей с СД составило 64,6%.

На правильное распознавание значения слов детей влияет опыт аудитора взаимодействия с детьми F(1,104)=35,108 p < 0,000 (R2 = 0,252 Beta = 0,0502) и возраст аудитора F(1,104)=22,404 p < 0,000 (R2 = 0,177 Beta = 0,421).

2.7. Статистический и семантический анализ текстов речи детей с СД и МР

Статистический анализ текстов MP и речи детей с СД показал, что в речи детей, количество слов составляет 21,6% от проанализированной речепродукции детей (содержащей наряду с речевыми сигналами вокализации и речеподобные конструкции). Поэтому статистический анализ проведён только для выделенных слов: значимые слова -31,6%, уникальные -26,7%, стоп-слова -40,8%. В MP количество уникальных слов меньше, чем значимых (19,4% и 26,4%) и преобладают стоп-слова (7,2%).

Cymynyy	Тамал	Статистика текста						
Ситуация	Текст	Значимые слова	Уникальные слова	Стоп - слова				
Пустор	Дети – СД	31,6	27,6	40,8				
Диалог	МР – СД	26,4	18,4	55,2				

Таблица 7. Речь детей с СД и МР при взаимодействии с детьми

Наиболее частотными в MP являются слова /давать -0,37; посмотреть -0,24; пойти -0,16; послушать -0,12/, т. е. слова, обозначающие действие, и слово /пожалуйста -0,13/. Анализ текста детской речи показал наиболее частое использование слов /дать -0,37; мама -0,36; тот -0,12; да -0,07/, /спасибо -0,07/. Количество слов индивидуально для каждого ребёнка. При взаимодействии с детьми с СД матери употребляют слова /нравится, привлекать, любить, молодец, злиться, нельзя/.

3. Заключение

В проведённом исследовании описаны особенности речи матерей и элементы невербального поведения матерей при взаимодействии с детьми дошкольного возраста с синдромом Дауна. Анализ речи матерей, обращённой к детям, показал, что матери делают длинные паузы между фразами; их речь эмоциональна; они повторяют вопрос или одинаковые слова при взаимодействии с ребёнком, обращаются к ребёнку по имени. Эти характеристики присущи речи матерей, обращённой младенцам первого года жизни [Ляксо, 2002, 2003; Ляксо и др., 2006].

Выявлены две основные стратегии речевого поведения матерей при взаимодействии с детьми дошкольного возраста с синдромом Дауна: связанные с высоким и низким уровнем речевого развития детей. Показано, что инициатива матери при взаимодействии с ребёнком, повторение ею вопросов или одинаковых слов, слов, сказанных ребёнком, связана со сформированной речью ребёнка — чёткой артикуляцией, употреблением слов и фраз в ответных репликах. Использование матерью грамматиче-

Примечание к таблице 7: Данные представлены в процентах.

ски простой речи, выделение голосом отдельных слов коррелируют с низким уровнем сформированности речи ребёнка – речь невнятна, ребёнок повторяет части реплики матери. Чёткая речь матери оказывает противоречивое воздействие на речевое развитие ребёнка с СД – ребёнок может говорить и чётко, и невнятно. Материнское поведение организовано с учётом речевых и когнитивных возможностей ребёнка – мать стимулирует ребёнка к вербальному или жестовому ответу, однако оно не всегда приводит к прогрессу в речевом развитии ребёнка.

В тоже время, социальный фактор (в виде материнского поведения) в случае тяжёлых функциональных и анатомических нарушений в строении речевого аппарата и при наличии сопутствующих нарушений развития у ребёнка, не являясь достаточным, является необходимым для развития ребёнка, способствуя его социализации и адаптации к условиям жизни в обществе.

Характеристики поведения матери, связанные с высоким уровнем развития речи ребёнка, могут быть использованы для обучения персонала, работающего с детьми с атипичным развитием дошкольного возраста.

Список литературы

- Ляксо и др., 2006 Влияние материнской депривации и неврологических заболеваний на речевое развитие детей первых трех лет жизни [Текст] / Е. Е. Ляксо, А. Д. Громова, А. В. Куражова, О. А. Романова, А. В. Остроухов // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 2. С. 102—112.
- Лепская, 1986 Лепская, Н. И. О некоторых этапах онтогенетического развития речи [Текст] / Н. И. Лепская // Становление речи и усвоение языка ребенком: сб. науч. тр. М.: Изд-во Московск. ун-та, 1986. С. 3—5.
- Ляксо, 2005 Ляксо, Е. Е. Вокально-речевая имитация в диаде «мать-ребенок»: первый год жизни [Текст] // Психологический журнал. -2005. Т. 26. № 3. С. 94–106.
- Ляксо, 2003 Ляксо, Е. Е. Вокально-речевое развитие ребенка в первый год жизни [Текст] / Е. Е. Ляксо // Физиологический журнал. 2003. Т. 89. № 2. С. 207—218.
- Ляксо, 2002 Ляксо, Е. Е. Некоторые характеристики материнской речи, адресованной младенцам первого полугодия жизни [Текст] / Е. Е. Ляксо // Психологический журнал. 2002. Т. 3. № 2. C. 55—64.
- Ляксо, Е. Е. Речевая имитация в диадах «мать-ребенок» с детьми, нормально развивающимися и имеющими неврологические нарушения: лонгитюдное исследование [Текст] / Е. Е. Ляксо // Сенсорные системы. -2006. -№ 3. C. 204–215.
- Ляксо, 2019 Ляксо, Е. Е. Речевое взаимодействие в диадах с типично развивающимися детьми, детьми с расстройствами аутистического спектра и детьми с синдромом Дауна [Текст] / Е. Е. Ляксо / Современная онтолингвистика: проблемы, методы, открытия: материалы ежегодной междунар. науч. конф., 24–26 июня 2019 г., Санкт-Петербург, РГПУ им. А. И. Герцена / под ред. Т. А. Кругляковой, Т. А. Ушаковой, М. А. Еливановой, С. В. Краснощековой. Иваново: ЛИСТОС, 2019. С. 413–415.
- Мухамедрахимов, 2003 Мухамедрахимов, Р. Ж. Мать и младенец. Психологическое взаимодействие [Текст] / Р. Ж. Мухамедрахимов. СПб. : Речь., 2003. 288 с.
- Ляксо и др., 2018 Речевое взаимодействие в диадах с типично развивающимися детьми и детьми с расстройствами аутистического спектра / Е. Е. Ляксо, О. В. Фролова, А. С. Григорьев, А. В. Степанов // Проблемы онтолингвистики 2018: материалы ежегодной междунар. науч. конф., 20—23 марта 2018, Санкт-Петербург / под ред. Т. А. Кругляковой, Т. А. Ушаковой, М. А. Еливановой, Т. В. Кузьминой. Иваново: ЛИСТОС, 2018. С. 268—272.
- Савина, Чарова, 2002 Савина, Е. А. Особенности материнских установок по отношению к детям с нарушениями развития [Текст] / Е. А. Савина, О. Б. Чарова // Вопросы психологии. 2002. № 6. С. 15—22.

- Ляксо и др., 2009 Стратегии речевого поведения матери в зависимости от возраста и психофизиологического статуса ребенка: лонгитюдное исследование [Текст] / Е. Е. Ляксо, О. В. Фролова, А. В. Куражова, Ю. С. Гайкова // Вестник Российского Гуманитарного научного фонда. 2009. Т. 57. № 4. С. 164—173.
- Челибанова и др., 2002 Челибанова, О. В. Влияние материнской речи на формирование фонологической системы родного языка у ребёнка первых шести месяцев жизни [Текст] / О. В. Челибанова, Н. А. Петрикова, Е. Е. Ляксо // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2002. Вып. 2. № 11. С. 93—100.
- Andruski, et al., 1999 Andruski, J. The acoustics of vowels in Japanese women's speech to infants and adults [Text] / J. Andruski, P. Kuhl, A. Hayashi // International Congress of Phonetic Study. San-Francisco: [S. n.], 1999. P. 2177–2179.
- Roy, et al., 2009 Articulatory changes in muscle tension dysphonia: Evidence of vowel space expansion following manual circumlaryngeal therapy [Text] / N. Roy, S. L. Nissen, C. Dromey, S. J. Sapir // Communication Disorders. 2009. Vol. 42. N 2. P. 124–135.
- Augustyn, Zuckerman, 2007 Augustyn, M. From mother's mouth to infant's brain [Text] / M. Augustyn, B. Zuckerman // Archives of Disease in Childhood. Fetal and Neonatal edition. 2007. Vol. 92. N 2. F82.
- Barrett et al., 2011 Barrett, J. Annual Research Review: All mothers are not created equal: neural and psychobiological perspectives on mothering and the importance of individual differences [Text] / J. Barrett, S. Alison, A. S. Fleming // Journal of Child Psychology and Psychiatry. –2011. V. 52. N 4. P. 368–397.
- Bloom, 1998 Bloom, K. Quality of adult vocalizations affects the quality of infant vocalizations [Text] / K. Bloom // Journal of Child Language. 1998. Vol. 15. N 3. P. 469–480.
- Bowlby, 1969 Bowlby, J. Attachment: Attachment and loss. Vol. 1 [Text] / J. Bowlby. Harmondsworth: Penguin, 1969. 478 p.
- Dehaene-Lambertz et al., 2002 Dehaene-Lambertz, G. Functional neuroimaging of speech perception in infants [Text] / G. Dehaene-Lambertz, S. Dehaene, L. Hertz-Pannier // Science. 2002. Vol. 6. N 298 (5600). P. 2006–2013.
- Fernald, 1985 Fernald, A. Four month-old infants prefer to listen to mothers [Text] / A. Fernald // Infant Behavior and Development. 1985. Vol. 8. P. 181–195.
- Fernald, 1989 Fernald, A. Intonation and communicative intent in mothers' speech to infants: Is the melody the message? [Text] / A. Fernald // Child Development. 1989. Vol. 60. P. 1497–1510.
- Saito et al., 2007 Frontal cerebral blood flow change associated with infant-directed speech [Text] / Y. Saito, S. Aoyama, T. Kondo, R. Fukumoto, N. Konishi, K. Nakamura, M. Kobayashi, T. Toshima // Archives of Disease in Childhood. Fetal and Neonatal Edition. 2007. Vol. 92. N 2. F113–116.
- Iverson et al., 2006 Gesture and speech in maternal input to children with Down's syndrome [Text] / J. M. Iverson, E. Longobardi, K. Spampinato, M. Cristina Caselli // International Journal of language and communication disorders. 2006. Vol. 41. N 3. P. 235–251.
- Venuti et al., 1997 Gioco non simbolico e simbolico a 20 mesi: comportamenti di gioco del bambino e della madre [Text] / P. Venuti, G. Rossi, M. S. Spagnoletti, E. Famulare, M. H. Bornstein // Età Evolutiva. 1997. Vol. 10. P. 25–35.
- Kemler Nelson et al., 1989 How the prosodic cues in motherese might assist language learning [Text] / D. G. Kemler Nelson, K. Hirsh-Pasek, P. W. Jusczyk, K. W. Cassidy // Journal of Child Language. 1989. Vol. 16. N 1. P. 55–68.
- Mehler et al., 1978 Infant recognition of mother's voice [Text] / J. Mehler, J. Bertoncini, M. Barriere, D. Jassik-Gerschenfeld // Perception. 1978. Vol. 7. P. 491–497.
- Kuhl et al., 2006 Infants show a facilitation effect for native language phonetic perception between 6 and 12 month [Text] / P. K. Kuhl, E. Stevens, A. Hayashi, T. Deguchi, Sh. Kiritani, P. Iverson // Developmental Science. 2006. Vol. 9. N 2. P. 13–21.
- Jusczyk, 1992 Jusczyk, P. W. Developing phonological categories from the speech signals [Text] / P. W. Jusczyk // Phonological development: Models, research, implications / C. A. Ferguson, L. Menn, C. Stoel- Gammon (Eds.). Timonium. Md.: York Press, 1992. P. 162–178.

- Jusczyk, 1997 Jusczyk, P. W. The discovery of spoken language [Text] / P. W. Jusczyk. Cambridge, MA: The MIT Press, 1997. 314 p.
- Kitamura, Notley, 2009 Kitamura, C. The shift in infant preferences for vowel duration and pitch contour between 6 and 10 months of age [Text] / C. Kitamura, A. Notley // Developmental Science. 2009. Vol. 12. N 5. P. 706–714.
- Kuhl, 2000 Kuhl, P. K. A new view of language acquisition [Text] / P. K. Kuhl // Proc. of the National Academy of Sciences. 2000. Vol. 97. N 22. P. 11850–11857.
- Dehaene-Lambertz et al., 2010 Language or music, mother or Mozart? Structural and environmental influences on infants' language networks [Text] / G. Dehaene-Lambertz, A. Montavont, A. Jobert, L. Allirol, J. Dubois, L. Hertz-Pannier, S. Dehaene // Brain and Language. 2010. Vol. 114. N 2. P. 53–65.
- Legerstee, M. Changes in the quality of infant sounds as a function of social and nonsocial stimulation [Text] / M. Legerstee // First Language. 1991. Vol. 11. P. 327–343.
- Legerstee, Fisher, 2008 Legerstee, M. Coordinated attention, declarative and imperative pointing in infants with and without Down syndrome: Sharing experiences with adults and peers [Text] / M. Legerstee, T. Fisher // First Language. 2008. Vol. 28. N 3. P. 281–311.
- Legerstee et al., 2002 Legerstee, M. Effects of Maintaining and Redirecting infant attention on the production of referential communication in infants with and without Down syndrome [Text] / M. Legerstee, Y. Van Beek, J. Varghese // Journal of Child Language. 2002. Vol. 29. P. 23–48.
- Lie et al., 2003 Lie, H-M. An association between mothers' speech clarity and infants' speech discrimination skills [Text] / H-M. Lie, P. Kuhl, F-M. Tsao // Developmental Science. 2003. Vol. 6. N 3. P. F1–F10.
- Mehler et al., 1992 Linguistic experience alters phonetic perception in infants by 6 months of age [Text] / P. K. Kuhl, K. A. William, F. Lacerda, K. N. Stevens, B. Lindblom // Science. 1992. Vol. 225. P. 606–608.
- Longobardi, 1995 Longobardi, E. Funzioni comunicative materne nel secondo anno di vita del bambino: come varia il supporto materno in relazione allo sviluppo linguistico [Text] / E. Longobardi // Rassegna di Psicologia. 1995. Vol. 1. P. 67–83.
- Lorang et al., 2018 Lorang, E. Maternal Responsiveness to Gestures in Children With Down Syndrome [Text] / E. Lorang, A. Sterling, B. Schroeder // American Journal of Speech and Language Pathology. 2018. Vol. 27. N 3. P. 1018–1029.
- Lyakso, Grigor'ev, 2015 Lyakso, E. E. Dynamics of the Duration and Frequency Characteristics of Vowels during the First Seven Years of Life in Children [Text] / E. E. Lyakso, A. S. Grigor'ev // Neuroscience and Behavior Physiology. 2015. Vol. 45. № 5. P. 558–567.
- Lyakso, Frolova, 2018 Lyakso, E. Speech Interaction in "Mother-Child" Dyads with 4–7 Years Old Typically Developing Children and Children with Autism Spectrum Disorders [Text] / E. Lyakso, O. Frolova // LNAI. 2018. Vol. 11096. P. 347–356.
- de Falco et al., 2011 Maternal and paternal pragmatic speech directed to young children with Down syndrome and typical development [Text] / S. de Falco, P. Venuti, G. Esposito, M. H. Bornstein // Infant Behavior and Development. 2011. Vol. 34. N 1. –P. 161–169.
- Pan et al., 2005 Maternal Correlates of Growth in Toddler Vocabulary Production in Low-Income Families [Text] / B. A. Pan, M. L. Rowe, J. D. Singer, C. E. Snow // Journal of Child Development. 2005. Vol. 76. N 4. P. 763–782.
- Venuti et al., 2012 Maternal Functional Speech to Children: A Comparison of Autism Spectrum Disorder, Down Syndrome, and Typical Development [Text] / P. Venuti, S. de Falco, G. Esposito, M. Zaninelli, M. H. Bornstein // Research Developmental Disability. 2012. Vol. 33. N 2. P. 506–517.
- Mehler, Christophe, 1994 Mehler, J. Language in the infant's mind [Text] / J. Mehler, A. Christophe // Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences. 1994. Vol. 346. P. 13–20.
- Mundy et al., 1988 Nonverbal communication skills in Down syndrome children [Text] / P. Mundy, M. Sigman, C. Kasari, N. Yirmiya // Child Development. 1988. Vol. 59. N 1. P. 235–249.

- Nitschke et al., 2004 Orbitofrontal cortex tracks positive mood in mothers viewing pictures of their newborn infants [Text] / J. B. Nitschke, E. E. Nelson, B. D. Rusch, A. S. Fox, T. R. Oakes, R. J. Davidson // Neuroimage. 2004. Vol. 21. N 2. P. 583–592.
- Pawlby, 1994 Pawlby, S. J. Imitative interaction [Text] / S. J. Pawlby // Communication Performance. 1994. P. 202–223.
- Morales et al., 2000 Responding to joint attention across the 6-through 24-month age period and early language acquisition [Text] / M. Morales, P. Mundy, C. Delgado, M. Yale, D. Messinger, R. Neal, H. K. Schwartz // Journal Of Applied Developmental Psychology. 2000. Vol. 21. N 3. P. 283–298.
- Rondal, 1988 Rondal, J. A. Language Development in Down's Syndrome: A Life-span Perspective [Text] / J. A. Rondal // International Journal of Behavioral Development. 1988. Vol. 11. N 1. P. 21–36.
- Sachs, 1998 Sachs, J. The emergency of communication [Text] / J. Sachs // Development of language / J. B. Gleason (Ed.). New York: [S. n.], 1998. P. 40–64.
- Silven et al., 2002 Silven, M. Do maternal interaction and early language predict phonological awareness in 3- to 4-years-olds? [Text] / M. Silven, P. Niemi, M. J. M. Voeten // Cognitive Development. 2002. Vol. 13. P. 1133–1155.
- Silven, 2003 Silven, M. Something from almost nothing. Early interaction and language acquisition in Finnish children: cascading effects from first words to reading? [Text] / M. Silven // Academic dissertation. –Turku: Turun Yliopisto, 2003. 62 p.
- Snow, 1977 Snow, C. E. Mothers' speech research: from input to interactions [Text] / C. E. Snow // Talking to children: Language input and acquisition / C. E. Snow, C. A. Ferguson (Eds.). [S. l.]: Cambridge University Press, 1977. P. 31–49.
- Swanson et al., 1992 Swanson, L. A. Vowel duration in mothers speech to young children [Text] / L. A. Swanson, L. B. Leonard, J. Gandour // Journal of Speech and Hearing Research. 1992. Vol. 35. P. 617–625.
- Stern et al., 1983 The prosody of maternal speech: Infant age and context related changes [Text] / D. Stern, S. Dpieker, R. Barnett, K. MacKain // Journal of Child Language. 1983. Vol. 10. P. 1–15.
- Roach et al., 1998 The structure of mother–child play: young children with Down syndrome and typically developing children [Text] / M. A. Roach, M. S. Barratt, J. F. Miller, J. A. Leavitt // Developmental Psychology. 1998. –Vol. 34. P. 77–87.
- Trainor, 2000 Trainor, L. J. Is infant directed speech prosody a result of the vocal expression of emotion? [Text] / L. J. Trainor // Psychological science. 2000. Vol. 11. N 3. P. 188–195.
- Walley, 1993 Walley, A. The role of vocabulary development in children's spoken word recognition and segmentation ability / A. Walley // Developmental review. 1993. Vol. 13. P. 286–350.

References

- Lyakso, E. E., Gromova, A. D., Kurazhova, A. V., Romanova, O. A., Ostrouchov, A. V. (2006). Vliyanie materinskoy deprivatsii i nevrologicheskikh zabolevaniy na rechevoe razvitie detei pervykh treh let zhizni [The effect of maternal deprivation and neurological diseases on the speech development of children of the first three years of life]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal], 27 (2), 102–112.
- Lepskaya, N. I. (1986). O nekotorykh etapakh ontogeneticheskogo razvitiya rechi [About some stages of ontogenetic development of speech]. *Stanovlenie rechi I usvoenie yazyka rebenkom* [The speech development and language acquisition by the child: The collection of scientific papers] (pp. 3–5). Moscow: Moscow University Press.
- Lyakso, E. E. (2005). Vokal'no-rechevaya imitatsiya v diade "mat' rebenok": pervyy god zhizni [Vocal-speech imitation in mother-child dyad: the first year of life]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal], 26 (3). 94–106.
- Lyakso, E. E. (2003). Vokal'no-rechevoye razvitie rebenka v pervyi god zhizni [Vocal-speech development of the child of the first year of life]. *Rossiyskiy Fiziologicheskiy zhurnal im. I. M. Sechenova* [Neuroscience and Behavioral Physiology Sechenov Physiology Journal], 89 (2), 207–218.

- Lyakso, E. E. (2002). Nekotorye kharakteristiki materinskoy rechi, adresovannoy mladentsam pervogo polugodiya zhizni [Some features of maternal speech addressed to infants of the first half of the first year of life]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological Journal], 3 (2), 55–64.
- Lyakso, E. E. (2006). Rechevaya imitatsiya v diadakh "mat'-rebenok" s det'mi, normal'no razvivayushimisya i imeyushimi nevrologichesiye narusheniya [Speech imitation in "mother-child" dyads with children developing normally and having neurological impairment: a longitudinal study]. *Sensornye systemy* [Sensory systems], 3, 204–215.
- Lyakso, E. E. (2019). Rechevoye vzaimodeystvie v didakh s tipichno razvivayushimisya det'mi, det'mi s rasstroystvami autisticheskogo spectra i det'mi s sindromom Dauna [Speech interaction in dyads with typically developing children, children with autism spectrum disorders and children with Down syndrome]. In T. A. Krugljakova, T. A. Ushakova, M. A. Elivanova, S. V. Krsnoshekova, *Problemy ontolinguistiki* 2019 [Ontolinguistics problems 2019] (pp. 413–415). Ivanovo: LISTOS.
- Muhamedrahimov, R. Zh. (2003). *Mat' i mladenets. Psikhologicheskoe vzaimodeystvie* [Mother and baby. Psychological interaction]. Saint-Petersburg: Rech.
- Lyakso, E. E., Frolova, O. V., Grigorev, A. S., Stepanov, A. V. (2018). Rechevoe vzaimodeystvie v diadakh s tipichno razvivayushimisya det'mi i det'mi s rasstroystvami autisticheskogo spectra [Speech interaction in dyads with typically developing children and children with autism spectrum disorders]. In T. A. Krugljakova, T. A. Ushakova, M. A. Elivanova, T. V. Kuz'mina, *Problemy ontolinguistiki* 2018 [Ontolinguistics problems 2018] (pp. 268–272). Ivanovo: LISTOS.
- Savina, E. A., Charova, O. B. (2002). Osobennosti materinskikh ustanovok po otnosheniyu k detyam s narusheniyami razvitiya [Features of maternal attitudes towards children with developmental disorders]. *Voprosy psikhologii* [Psychology issues], 6, 15–22.
- Lyakso, E. E., Frolova, O. V., Kurazhova, A. V., Gaikova, Ju. S. (2009). Strategii rechevogo povedeniya materi v zavisimosti ot vozrasta i psichophisiologicheskogo statusa rebenka: longitudnoe issledovanie [Strategies of mother's speech behavior depending on the age and psychophysiological status of the child: longitudinal study]. *Vestnik Rossiyskogo Gumanitarnogo nauchnogo fonda* [Bulletin of the Russian Humanitarian Science Foundation], 57 (5), 164–173.
- Chelibanova, O. V., Petrikova, N. A., Lyakso, E. E. (2002). Vliyanie materinskoy rechi na formirovanie fonologicheskoy sistemy rodnogo yazyka u rebenka pervykh shesti mesyatsev zhizni [The influence of maternal speech on the native language phonological system mastering in the child of the first six months of life]. *Vestnik of Saint-Petersburg University*, 2 (11), 93–100.
- Andruski, J., Kuhl, P., Hayashi, A. (1999). The acoustics of vowels in Japanese women's speech to infants and adults. *Proc. of International Congress of Phonetic Study* (pp. 2177–2179). San-Francisco.
- Roy, N., Nissen, S. L., Dromey, C., Sapir, S. J. (2009). Articulatory changes in muscle tension dysphonia: Evidence of vowel space expansion following manual circumlaryngeal therapy. *Communication Disorders*, 42 (2), 124–135.
- Augustyn, M., Zuckerman, B. (2007). From mother's mouth to infant's brain. *Archives of Disease in Childhood. Fetal and Neonatal edition*, 92 (2), F82.
- Barrett, J. Alison, S., Fleming, A. S. (2011). Annual research review: All mothers are not created equal: neural and psychobiological perspectives on mothering and the importance of individual differences. *Journal of Child Psychology and Psychiatry*, 52 (4), 368–397.
- Bloom, K. (1998). Quality of adult vocalizations affects the quality of infant vocalizations. *Journal of Child Language*, 15 (3), 469–480.
- Bowlby, J. (1969). Attachment: Attachment and loss. Vol. 1. Harmondsworth: Penguin.
- Dehaene-Lambertz, G., Dehaene, S., Hertz-Pannier, L. (2002). Functional neuroimaging of speech perception in infants. *Science*, 6 (298), 2006–2013.
- Fernald, A. (1985). Four month-old infants prefer to listen to mothers. *Infant Behavior and Development*, 8, 181–195.
- Fernald, A. (1989). Intonation and communicative intent in mothers' speech to infants: Is the melody the message? *Child Development*, 60, 1497–1510.
- Saito, Y., Aoyama, S., Kondo, T., Fukumoto, R., Konishi, N., Nakamura, K., Kobayashi, M., Toshima, T. (2007). Frontal cerebral blood flow change associated with infant-directed speech. *Archives of Disease in Childhood. Fetal and Neonatal Edition*, 92 (2), F 113–116.

- Iverson, J. M., Longobardi, E., Spampinato, K., Caselli, C. M. (2006). Gesture and speech in maternal input to children with Down's syndrome. *International Journal of language and communication* disorders, 41 (3), 235–251.
- Venuti, P., Rossi, G., Spagnoletti, M. S., Famulare, E., Bornstein, M. H. (1997). Gioco non simbolico e simbolico a 20 mesi: comportamenti di gioco del bambino e della madre. *Età Evolutiva*, 10, 25–35.
- Kemler Nelson, D. G., Hirsh-Pasek, K., Jusczyk, P. W., Cassidy, K. W. (1989). How the prosodic cues in motherese might assist language learning. *Journal of Child Language*, 16 (1), 55–68.
- Mehler, J., Bertoncini, J., Barriere, M., Jassik-Gerschenfeld, D. (1978). Infant recognition of mother's voice. *Perception*, 7, 491–497.
- Kuhl, P. K., Stevens, E., Hayashi, A., Deguchi, T., Kiritani, Sh., Iverson, P. (2006). Infants show a facilitation effect for native language phonetic perception between 6 and 12 month. *Developmental Science*, 9 (2), 13–21.
- Jusczyk, P. W. (1992). Developing phonological categories from the speech signals. In C. A. Ferguson, L. Menn, C. Stoel-Gammon (Eds.), *Phonological development: Models, research, implications* (pp. 162–178). Timonium. Md.: York Press.
- Jusczyk, P. W. (1997). The discovery of spoken language. Cambridge, MA: The MIT Press.
- Kitamura, C., Notley, A. (2009). The shift in infant preferences for vowel duration and pitch contour between 6 and 10 months of age. *Developmental Science*, 12 (5), 706–714.
- Kuhl, P. K. (2000). A new view of language acquisition. *Proc. of the National Academy of Sciences*, 97 (22), 11850–11857.
- Dehaene-Lambertz, G. A., Montavont, A., Jobert, A., Allirol, L., Dubois, J., Hertz-Pannier, L., Dehaene, S. (2010). Language or music, mother or Mozart? Structural and environmental influences on infants' language networks. *Brain and Language*, 114 (2), 53–65.
- Legerstee, M. (1991). Changes in the quality of infant sounds as a function of social and nonsocial stimulation. *First Language*, 11, 327–343.
- Legerstee, M., Fisher, T. (2008). Coordinated attention, declarative and imperative pointing in infants with and without Down syndrome: Sharing experiences with adults and peers. *First Language*, 28 (3), 281–311.
- Legerstee, M., Van Beek, Y., Varghese, J. (2002). Effects of maintaining and redirecting infant attention on the production of referential communication in infants with and without Down syndrome. *Journal of Child Language*, 29, 23–48.
- Lie, H-M., Kuhl, P., Tsao, F-M. (2003). An association between mothers' speech clarity and infants' speech discrimination skills. *Developmental Science*, 6 (3), F1–F10.
- Kuhl, P. K., William, K. A., Lacerda, F., Stevens, K. N., Lindblom, B. (1992). Linguistic experience alters phonetic perception in infants by 6 months of age. *Science*, 225, 606–608.
- Longobardi, E. (1995). Funzioni comunicative materne nel secondo anno di vita del bambino: come varia il supporto materno in relazione allo sviluppo linguistico. *Rassegna di Psicologia*, 1, 67–83.
- Lorang, E., Sterling, A., Schroeder, B. (2018). Maternal Responsiveness to Gestures in Children with Down Syndrome. *American Journal of Speech and Language Pathology*, 27 (3), 1018–1029.
- Lyakso, E. E., Grigorev, A. S. (2015). Dynamics of the duration and frequency characteristics of vowels during the first seven years of life in children. *Neuroscience and Behavior Physiology*, 45 (5), 558–567.
- Lyakso, E., Frolova, O. (2018). Speech interaction in "mother-child" dyads with 4–7 years old typically developing children and children with autism spectrum disorders. *LNAI*, 11096, 347–356.
- de Falco, S., Venuti, P., Esposito, G., Bornstein, M. H. (2011). Maternal and paternal pragmatic speech directed to young children with Down syndrome and typical development. *Infant Behavior and Development*, 34 (1), 161–169.
- Pan, B. A., Rowe, M. L., Singer, J. D., Snow, C. E. (2005). Maternal correlates of growth in toddler vocabulary production in low-income families. *Journal of Child Development*, 76 (4), 763–782.
- Venuti, P., de Falco, S., Esposito, G., Zaninelli, M., Bornstein, M. H. (2012). Maternal functional speech to children: A comparison of autism spectrum disorder, Down syndrome, and typical development. *Research Developmental Disability*, 33 (2), 506–517.
- Mehler, J., Christophe, A. (1994). Language in the infant's mind. *Philosophical transactions of the Royal Society of London. Series B, Biological sciences*, 346, 13–20.

- Mundy, P., Sigman, M., Kasari, C., Yirmiya, N. (1988). Nonverbal communication skills in Down syndrome children. *Child Development*, 59 (1), 235–249.
- Nitschke, J. B., Nelson, E. E., Rusch, B. D., Fox, A. S., Oakes, T. R., Davidson, R. J. (2004). Orbitofrontal cortex tracks positive mood in mothers viewing pictures of their newborn infants. *Neuroimage*, 21 (2), 583–592.
- Pawlby, S. J. (1994). Imitative interaction. Communication Performance, 202–223.
- Morales, M., Mundy, P., Delgado, C., Yale, M., Messinger, D., Neal, R., Schwartz, H. K. (2000). Responding to joint attention across the 6-through 24-month age period and early language acquisition. *Journal of Applied Developmental Psychology*, 21 (3), 283–298.
- Rondal, J. A. (1988). Language development in Down's syndrome: A life-span perspective. *International Journal of Behavioral Development*, 11 (1), 21–36.
- Sachs, J. (1998). The emergency of communication. In J. B. Gleason (Ed.), *Development of language* (pp. 40–64). New-York.
- Silven, M., Niemi, P., Voeten, M. J. M. (2002). Do maternal interaction and early language predict phonological awareness in 3- to 4-years-olds? *Cognitive Development*, 13, 1133–1155.
- Silven, M. (2003). Something from almost nothing. Early interaction and language acquisition in Finnish children: cascading effects from first words to reading? Academic dissertation. Turku: Turun Yliopisto.
- Snow, C. E. (1977). Mothers' speech research: from input to interactions. In C. E. Snow, C. A. Ferguson (Eds.), *Talking to children: Language input and acquisition* (pp. 31–49). Cambridge University Press.
- Swanson, L. A., Leonard, L. B., Gandour, J. (1992). Vowel duration in mothers speech to young children. Journal of Speech and Hearing Research, 35, 617–625.
- Stern, D., Dpieker, S., Barnett, R., MacKain, K. (1983). The prosody of maternal speech: Infant age and context related changes. Journal of Child Language, 10, 1–15.
- Roach, M. A., Barratt, M. S., Miller, J. F., Leavitt, J. A. (1998). The structure of mother–child play: young children with Down syndrome and typically developing children. *Developmental Psychology*, 34, 77–87.
- Trainor, L. J. (2000). Is infant directed speech prosody a result of the vocal expression of emotion? *Psychological science*, 11 (3), 188–195.
- Walley, A. (1993). The role of vocabulary development in children's spoken word recognition and segmentation ability. *Developmental review*, 13, 286–350.

УДК 811.112.2 UDC 811.112.2

Мелихова Ирина Николаевна, Якушева Оксана Васильевна Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) г. Челябинск, Российская Федерация Irina N. Melikhova, Oksana V. Yakusheva South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation melihova-in@mail.ru, iow74@mail.ru

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК: ВАЖНОЕ СРЕДСТВО НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ В МИРОВОМ СООБЩЕСТВЕ GERMAN: AN IMPORTANT MEANS OF SCIENTIFIC COMMUNICATION IN THE GLOBAL COMMUNITY

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о международном языке научного общения. В настоящее время доминирование английского языка в мировой науке неоспоримо. Исключение национальных языков из научной коммуникации вызывает тревогу среди лингвистов и учёных. В этих условиях следует осмыслить перспективы развития научной языковой среды. Целью статьи является определение места и роли немецкого языка как языка науки. Основной метод исследования – анализ литературы по данной проблеме и рассмотрение различных точек зрения учёных, лингвистов. Обзор исторических событий, в ходе которых происходило становление и развитие немецкого языка как языка научной коммуникации показал, что доминирование какого-либо языка в науке – явление непостоянное и зависит от социально-экономических и политических условий. Доминирующая позиция английского языка сегодня объясняется престижем научных публикаций на английском языке, что создаёт универсальную языковую среду для широкого круга учёных. Всё же необходимо сохранять многоязычие в научной среде. Это способствует появлению новых идей, открытого мышления и культурного разнообразия. Активное инвестирование Германии в науку, наличие крупных авторитетных научно-исследовательских институтов и популярность Германии среди иностранных студентов позволяют немецкому языку быть одним из языков международной научной коммуникации. Результаты исследования можно использовать при создании программ интеграции немецкого языка в международные сферы научной и образовательной деятельности, для его популяризации и развития как международного языка науки.

Abstract

This article discusses the international language of scientific communication. Nowadays the English language dominance in the world of science is undeniable. The exclusion of national languages from scientific communication is alarming among linguists and scientists. Under these conditions it is necessary to comprehend perspectives for the development of a scientific language community. The purpose of the article is to determine the place and the role of the German language as a language of science. The main research method is the analysis of the literature on this issue and the consideration of various points of view of scientists, linguists. The review of historical events during which the German language has been formed and developed as a language of scientific communication is made. The review shows that the dominance of any language in science is a non-constant phenomenon and depends on socio-economic and political conditions. The dominating role of the English language today is attributed to the credibility of scientific publications in English. It provides an overall linguistic environment for a wide range of scientists. However, there is a need to preserve multilingualism in the scientific community as it stimulates new ideas, clear way of thinking and cultural diversity. The fact that Germany invests heavily is science, has large reputable research and development establishments and is very popular among foreign students, enables the German language to be the one among others used in international scientific communication. The results of this research can be used to create programs for the integration of the

German language into the international fields of scientific and educational activities, for its popularization and development as an international language of science.

Ключевые слова: наука, язык науки, немецкий язык, английский язык, публикационная активность, многоязычие.

Keywords: science, language of science, German language, English language, publication activity, multilingualism.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_1_125_136

1. Введение

Наука способна особым образом продвигать межкультурный обмен, поскольку она воспитывает толерантность, мыслительную открытость и здоровое любопытство. При использовании одного единственного языка перспектива ограничивалась бы лишь той культурой, для которой данный язык является родным.

Для научного взаимопонимания в мировых масштабах необходим понятный для всех язык, роль которого с некоторого времени выполняет английский язык. Однако есть опасения, что английский язык в настоящее время полностью вытеснит другие развитые языки науки и сделает невозможной коммуникацию в целых научных отраслях. Это нанесёт ущерб свободе познания, культурному взаимодействию и упрочению науки в обществе.

Наука направлена на всеохватное познание и на постоянное уточнение информации в различных областях знания. Поскольку каждый язык структурирует и представляет действительность своим собственным образом, сосуществование и здоровая конкуренция как можно большего количества (подходящих для использования в науке) языков содействуют получению нового знания. Например, межъязыковое сопоставление терминов, обозначающих сравнимые предметы и понятия, делает процесс познания более дифференцированным и глубоким. Языки, которые перестают создавать новые термины, исчезают из науки как инструмент научного созерцания и источник познания.

В данной работе мы придерживаемся определения, сформулированного в «Меморандуме о продвижении немецкого языка как языка науки»: язык науки – язык преподавания в университетах, общение между исследователями на конгрессах и в научной повседневной жизни, а также язык публикаций с их специфической терминологией (Меmorandum..., 2019).

Материалом для исследования послужили немецкоязычные статьи (15 статей), которые были отобраны методом сплошной выборки из журналов «Forschung und Lehre»¹, «Sprachnachrichten»² за период с 2014 по 2018 годы. А также анализировалась информация с веб-сайтов «Факты о Германии», Германской службы академических об-

¹ Журнал «Forschung & Lehre» информирует об актуальных событиях в вузах и науке. Журнал публикуется ежемесячно с 1994 года под девизом «Все, что движет наукой». Печатная версия журнала, тираж которого составляет более 33000 экземпляров, является самым высокотиражным журналом Германии по университетской и научной политике. Авторами журнала являются известные профессора и публицисты, такие как Wolfgang Frühwald, Heike Schmoll, Rüdiger Görner, Jürgen Kaube, Margret Wintermantel, Richard Münch, Norbert Bolz, Meinhard Miegel, Volker Gerhardt, Isabel Schnabel und Wolfgang Kemp. Издатель – Немецкая университетская ассоциация (DHV), профессиональное представительство университетских профессоров и молодых ученых (Available at: https://www.forschung-und-lehre.de/ueber-uns/).

² Общество немецкого языка (VDS) публикует журнал «Sprachnachrichten» 4 раза в год, тираж 30 000 экземпляров. Одной из целей данного общества является защита немецкого как языка науки в исследованиях и преподавании. Членами VDS являются известные лингвисты, например: Prof. Dr. Irmtraud Behr Universität Sorbonne Nouvelle, Prof. Dr. Roland Duhamel (Vorsitzender) Universität Antwerpen, Prof. Dr. Gerhard Meiser Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg (Available at: https://vds-ev.de/verein/).

менов (DAAD), Российской академии наук (PAH), Общества немецкого научного языка (АДАВИС), Института им. Гёте.

2. Развитие немецкого языка как языка науки

Стремление человечества сделать один из существующих человеческих языков языком универсального общения или языком познания, передачи информации и науки существует очень давно, со времён, когда человеческое общество начало осваивать и завоёвывать пространства нашей планеты. Однако доминирование какого-либо языка в науке – явление непостоянное.

Из трёх лингвистических традиций — китайской, индийской и греко-римской — непрерывное продолжение с выходом в современное европейское языковое пространство имела греко-римская лингвистическая традиция. Европа средних веков начала с простого заимствования в упрощённой форме греко-римской теории языка вместе с самим языком: латинский язык — в католическом мире, греческий язык — в части православного мира. Так сложилась собственная теория языка для каждого сегмента научного мира.

В 14–15 веках латынь была языком религии и науки, она использовалась в теологии и философии, в математике и естественных науках, в медицине. Языком преподавания и публичных выступлений в высшей школе и университетах до конца 17 века почти всегда был латинский язык. В 1570 году в Германии было опубликовано 70% печатных изданий на латинском языке. В начале 18 века 30% всех появлявшихся в Германии книг также печаталось на этом языке. В конце 18 века доля таких книг составляла уже 5%. Чуть позже число немецких книг становится преобладающим [Бах, 2003, с. 185].

Таким образом, начиная с конца 18 века, происходит замещение латинского языка в науке национальными литературными языками. Латынь продолжала использоваться только в работах по классической филологии, в высших учебных заведениях в диссертациях, докторских работах, но и там её употребление постепенно сужалось, что объяснялось историческими факторами [Бах, 2003, с. 191–192]. Такое положение вещей было связано с теми специфическими задачами, которые ставило и решало общество того времени. Крупные географические открытия эпохи Реформации способствовали укреплению капиталистического способа производства в странах западной Европы, становлению национального самосознания и оформлению национальных литературных языков.

Процесс становления национального литературного языка в Германии отличался большой сложностью, что существенно тормозило формирование новых наук, распространение немецкого языка как средства передачи информации в науке и просвещении. Причиной этому было длительное отсутствие государственного единства (на территории Германии до 1815 года существовали 34 наследственные монархии и 4 свободных города). Лишь в 14–15 веках сформировались несколько языковых центров, которые ещё долгое время конкурировали между собой. Как следствие этого, немецкий литературный язык развивался прерывисто, сохраняя диалектную раздробленность. Несмотря на наличие латино-немецкого двуязычия, использование немецкого языка в высших сферах коммуникации сильно расширяется благодаря появлению книгопечатания и движению Реформации во главе с М. Лютером, престижность национального языка значительно возрастает.

Однако в более поздний период в 17–18 веках «...экономически и политически отсталая Германия, ослабленная Тридцатилетней войной, вынуждена была противостоять централизованной и сильной Франции, где процветали экономика, культура, литература и искусство. Во времена Лейбница, в так называемое A-la-mode-Zeit, французский язык стал языком немецких академий, дипломатов, придворного общества и дворянства» [Schmidt, 1984].

Таким образом, унификация национального литературного языка в Германии протекала медленно и представляла собой длительный процесс. К тому же стандартизация орфографической (письменной) формы литературного языка, затрагивавшая как уровень структурных фонетических закономерностей, так и грамматический и лексический языковые уровни, завершилась значительно раньше, чем унификация его устной формы, которая предполагала кодификацию орфоэпической (произносительной) нормы [Филичева, 2003].

Длительное отсутствие единой орфографической нормы неблагоприятно сказывалось на школьном и университетском обучении, не способствовало взаимопониманию в научных кругах, поскольку типографии и книжные издательства, публиковавшие учебники и научные материалы, руководствовались разными орфографическими нормами, которые в разных землях и городах значительно отличались. Задача кодификации общенемецкой орфографической нормы была решена и признана официальными властями лишь в 1902 году (II Орфографическая конференция в Берлине, издание «Орфографического словаря» К. Дуденом) [Веhagel, 1968].

Так, благодаря принятию единой произносительной нормы, письменная форма литературного языка дополнилась устной. Кодификация общенемецкой орфографической нормы существенно расширила и продолжает расширять сферы функционирования немецкого языка на современном этапе его развития. Возросшая поливалентность литературного языка позволяет успешно функционировать современному немецкому языку в общенемецком языковом пространстве во всех немецкоязычных странах. Являясь гибким средством разносторонней коммуникации с большим потенциалом выразительности, он также изучается и используется населением в других странах мира.

Примечательно, что широкую популярность немецкий язык нашёл в государственных и научных кругах России, начиная со времён Петра І. В течение многих лет Петр І обсуждал вопросы развития науки в России с великим немецким учёным и основателем Берлинского научного общества Готфридом Вильгельмом Лейбницем. Именно Лейбниц предложил Российскому императору рекомендации по организации научной деятельности. Петербургская академия наук была открыта 27 декабря 1725 года. Лаврентий Блюментрост — первый президент Академии — сын известного немецкого врача. Первыми академиками в Петербургской академии наук в большинстве своём были тоже немецкие учёные [Академия наук ..., 2016].

В 20 веке под влиянием двух мировых войн популярность немецкого языка сильно снижается. Уже после первой мировой войны немецкий язык теряет свои позиции. В это время был запрещён вывоз немецкой специальной литературы. После войны Академия наук союзников «объявила бойкот немецким и австрийским учёным и немецкому языку», который заключался в запрете участвовать в конференциях и публиковаться в научных журналах [Zum Gebrauch der deutschen Sprache ..., 2016].

Результат двух мировых войн изменил положение немецкого языка так, что английский язык постепенно занял лидирующие позиции в международной коммуникации.

3. Причины доминирования английского языка в современном научном сообществе

Английский язык претендует сегодня на роль глобального языка. С. Г. Тер-Минасова выделяет следующие причины доминирования английского языка:

- необходимость наличия единого средства международного общения в результате частых миграций и активных деловых контактов;
- «английский язык начал свою «карьеру» глобального языка во времена Британской империи, которая имела значительное влияние. С середины XX века, после па-

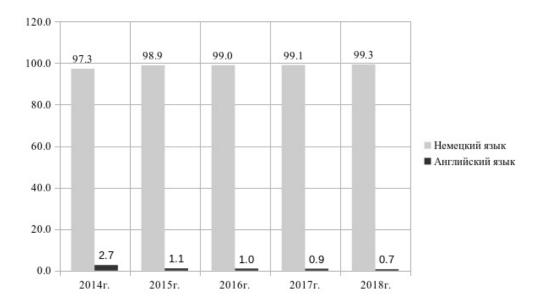
дения Британской империи, английский язык укрепил свои позиции как язык США – супердержавы, которая правит миром»;

- в результате глобализации увеличивается число международных предприятий и организаций. Использование одного языка является выгодным;
- позиции английского языка как глобального укрепляет также развитие Интернета [Тер-Минасова, 2008, с. 307–308].

Статус английского языка поддерживается также политикой, проводимой в научной сфере. Успех в науке сегодня зависит от индекса цитирования работ учёных. Данные предоставляются наукометрическими базами, большая часть которых ориентирована именно на англоязычные публикации.

Согласно международному индексу цитируемости, доля немецких публикаций по естественным наукам составляет 1%. Традиционно позиции немецкого языка сильнее в гуманитарных и социальных науках. Учёные, для которых немецкий язык не является родным, печатаются на немецком языке редко. Немецкие же исследователи активно публикуются на английском языке, в особенности, по естественнонаучным дисциплинам [ССМ, 2019].

Количество публикаций в мировых научных журналах в период с 2014 по 2018 годы, индексируемых в базе данных «Scopus» по состоянию на декабрь 2018 года, свидетельствует о превосходстве научных работ на английском языке и об их снижении на немецком языке: 2014 г.: англ. яз. — 716826, нем. яз. — 19911; 2015 г.: англ. яз. — 1746718, нем. яз. — 19207; 2016 г.: англ. яз. — 1788865, нем. яз. — 18116; 2017 г.: англ. яз. — 1822034, нем. яз. — 17246; 2018 г.: англ. яз. — 1743570, нем. яз. — 11773 (процентное соотношение по указанным годам см. на гистограмме на рис. 1).

Р и с у н о к 1. Соотношение количества научных публикаций на английском и немецком языках в мировых научных журналах (2014–2018 гг.)

В тоже время необходимо отметить, что статистические показатели не отражают качества содержательной составляющей исследований. Подобная точка зрения отражена в заявлении трёх академий наук (Французской академии наук, Немецкой академии «Леопольдина» и Лондонского Королевского научного общества) от 27.12.17 «О рекомендуемых методах оценки исследователей и исследовательских программ». Авторы указывают на опасность чрезмерного внимания к библиометрическим показателям, которые не толь-

ко могут помешать правильно «отразить качество исследований, но и скроют от научного сообщества исследования выдающихся учёных, которые работают вне основных направлений (mainstream)» [Заявление трёх академий наук ..., 2018]. Подобная практика скорее может сформировать тенденцию к продвижению тех исследователей, которые следуют модным направлениям; те же, кто оригинален и чья работа может привести к развитию совершенно новых направлений научных исследований, в этом случае могут остаться незамеченными. Более того, чрезмерное доверие к индексам цитируемости как к показателям качества может стать причиной формирования групп исследователей (своего рода «клубов любителей цитирования»), которые «накручивают» показатели друг друга с помощью перекрёстного цитирования» [Заявление трёх академий наук ..., 2018].

4. Немецкий язык в научном мировом сообществе: перспективы развития

Германия входит в число наиболее передовых стран в плане научных исследований и академического образования. Она занимает третье место среди стран с наибольшим числом Нобелевских лауреатов (более 80 человек).

По результатам исследования Еврокомиссии «European Innovation Scoreboard 2017» Германия входит наряду со Швецией, Данией, Финляндией, Нидерландами и Великобританией в группу «инновационных лидеров» Европейского Союза (ЕС). Государственные расходы на НИОКР с 2005 по 2017 годы выросли более чем на 90% [ХРГ, 2019]. Благодаря своим успехам в научных исследованиях Германия в 2014 году стала первой страной в ЕС, которая представила стратегию по дальнейшему формированию Европейского научно-исследовательского пространства (EFR) [НП, 2019].

В общей сложности в Германии функционируют около 1000 финансируемых из госбюджета научно-исследовательских учреждений. Основу научно-исследовательского ландшафта образуют университеты и четыре внеуниверситетские научно-исследовательские организации – Общество им. Макса Планка, Общество им. Фраунгофера, Объединение им. Гельмгольца и Объединение им. Лейбница, имеющие авторитет во всем. За финансирование науки и инновационных разработок отвечает Германское научно-исследовательское общество (DFG), крупнейшая организация этого типа в Европе. Центральный офис DFG находится в Бонне, но его представительства открыты в Китае, Японии, Индии, России, Северной и Латинской Америке. Общество развивает сотрудничество немецких учёных с их зарубежными коллегами не только в Европейском научно-исследовательском пространстве, но и за его пределами. Германия сознательно инвестирует в науку и создаёт превосходную инфраструктуру для научных исследований. В течение последних лет представители бизнеса и политики постоянно увеличивали бюджетные расходы на научную работу. В 2016 году на финансирование науки ушло 2,93% от валового внутреннего продукта (ВВП). Германия входит в число стран-лидеров, инвестирующих больше 2,5% своего ВВП в научные исследования и разработки. При этом промышленность выделяет около 63 млрд. евро, вузы – около 16,5 млрд. и государство – примерно 12 млрд. [ПНИ, 2018].

Кроме того, в опубликованном в 2018 г. «Nature Index», где оценивались научные публикации высших школ и исследовательских организаций, Германия получила самые высокие оценки среди европейских стран. Она занимает 3-е место в мире после США и Китая (ПНИ). Половина научных публикаций (58%) немецких учёных выходит в соавторстве с коллегами из других стран. Эта доля международных совместных публикаций выросла на 13% за последнее десятилетие и находится примерно на том же уровне, что и Франция (61%), Великобритания (61%) и Канада (56%) [МІDW, 2018]. Очевидно, что успешность современной науки в Германии построена на международном сотрудничестве учёных [ПНИ, 2018].

Германский исследовательский ландшафт открыт для исследователей со всего мира. Важнейшие регионы происхождения учёных — Азия, Тихоокеанский регион и Западная Европа. По итогам исследования международной мобильности студентов и учёных «Wissenschaft Weltoffen 2018», проведенного Немецкой службой академических обменов (DAAD) и Немецким центром высшего образования и науки (DZHW), при поддержке МИД Германии и Федерального министерства образования и научных исследований, в 399 вузах сейчас работают 45858 научных сотрудников и представителей творческих профессий с иностранными корнями, в том числе 3184 профессора; это почти 12% от общего числа всех занятых в вузах [НС, 2019]. Таким образом, с 2010 года численность иностранного персонала выросла больше, чем на треть. Это свидетельствует о наличии благоприятных условий в проведении научной работы, как для германских учёных, так и для их иностранных коллег.

Международная привлекательность языка тесно связана с экономической и научной значимостью страны, в которой на нём говорят, ведь если какая-либо страна занимает ведущие позиции в науке, то и исследователи из других стран будут готовы выучить язык этой страны. Высокий уровень интеллектуальной и научной культуры в Германии усиливает интерес к немецкому языку, позволяет ему быть одним из важнейших языков научной коммуникации.

Между тем, при всей значимости и активности научной жизни Германии всё же наблюдается тенденция к уменьшению роли немецкого языка как международного языка науки. Так, профессор неорганической химии в университете Марбурга Ульрих Мюллер (U. Müller) в своей статье «Wissenschaftlich publizieren auf Deutsch» с сожалением пишет о том, что «немецкий исчезает как язык науки во всём международном научном сообществе. В естественных науках публикации на немецком языке очень редки» [Müller, 2017, с. 19].

Профессор университета им. Людвига-Максимилиана в Мюнхене Гаральд Леш (Harald Lesch), выступая на конференции, посвящённой языку науки, призвал к языковому многообразию в науке и исследованиях [Kaufmann, 2018, с. 31].

Ульрих Аммон (U. Ammon), специалист в области германистики считает одной из причин сложившейся ситуации «пренебрежение немецким языком в немецкоязычных странах» [Ammon, 2014, с. 39]. Об этом свидетельствует, например, языковая ситуация в университетах. По данным статистического Федерального ведомства немецкие вузы в зимнем семестре 2015/2016 предлагали 18044 учебных программ, из которых 971— на английском языке [SZH, 2015].

Профессор Вольфганг Геррманн (Wolfgang A. Herrmann), президент технического университета Мюнхена, с 2020 года планирует преподавание всех магистерских программ на английском языке, объясняя это тем, что «наука стала международной». Однако, Бернд Хубер (Bernd Huber), являясь президентом Мюнхенского университета им. Людвига-Максимилиана с 2007 года, не считает целесообразным преподавать на английском языке. «Язык преподавания должен решаться на уровне предметов, а по некоторым предметам вопрос преподавания на английском языке вообще не возникает». В университете 128 магистерских программ, из которых 106 на немецком языке (83%) и 22 на английском языке (17%) [Wolfgang, 2014, с. 8].

Д-р Норберт Ламмерт (Dr. Norbert Lammert – президент бундестага до октября 2017 года, удостоен премии имени Якоба Гримма по немецкому языку) отмечает, что количество научных конференций в Германии, которые проводятся исключительно на английском языке, увеличивается. Кроме того, при подаче заявлений на финансирование исследований используется также английский язык [H, 2017]. Очевидно, что такое отношение к своему языку приводит к потере его позиций в обществе. Существующие раз-

ногласия среди учёных и специалистов подрывают престиж немецкого языка в сфере научной коммуникации.

В тоже время, стремление Германии сохранить немецкий язык как язык науки поддерживается на государственном уровне, и для этого создаются необходимые условия. Ведущая роль в данном вопросе отводится учреждениям, деятельность которых направлена на популяризацию немецкого языка. В первую очередь стоит выделить Германскую службу академических обменов (DAAD) и Немецкий культурный центр им. Гёте (Goethe-Institut) [MUI, 2019].

Институт им. Гёте представлен 159 институтами в 98 странах. Он поддерживает распространение немецкого языка за рубежом и международное культурное сотрудничество. Согласно данным немецкого онлайн-портала статистики Statista, одной из самых успешных статистических баз данных в мире, в 2015 году немецкий язык как иностранный изучали 15,46 млн. человек в 15 странах: Польша (15%), Великобритания (10%), Россия (10%), Франция (7%), Украина (5%), Узбекистан (3%), США (3,2%), Турция (3%), Италия (2,8%), Венгрия (2,8%), Нидерланды (2,6%), Чехия (2,1%), Босния и Герцеговина (1,9%), Греция (1,7%), Словакия (1,6%) [DILW, 2015].

Германская служба академических обменов DAAD является сегодня ведущей организацией в области международных обменов студентов и учёных. С момента своего основания DAAD оказала поддержку более чем 1,9 миллионам учёных из Германии и других стран. По данным на 2015 год DAAD объединяет 238 немецких вузов-участников и 107 студенческих организаций и является посредником в организации внешней культурной политики и политики высшего образования и науки Германии [D, 2019].

Также Общество немецкого научного языка (АДАВИС) выступает за дифференцированное многоязычие в исследовательской деятельности и образовании, за сохранение и развитие немецкого языка науки на немецком языковом пространстве [ОНДОННЯ, 2015].

Созданию положительного имиджа немецкого языка способствует популярность вузов Германии среди иностранных студентов³. Согласно отчёту, подготовленному Немецким центром исследований в области высшего образования и науки (DZHW) и Немецким студенческим союзом (DSW), примерно каждый десятый студент в Германию приезжает из-за границы. Самый важный регион происхождения иностранных студентов — Азиатско-Тихоокеанский регион (29%), за которым следует Западная Европа (20%) [S, 2018].

В международном Шанхайском рейтинге, в рейтингах QS World University Ranking и Times Higher Education World University Ranking в топ-200 сильнейших вузов стабильно присутствуют от 12 до 20 германских университетов. Особенно сильные позиции у Гейдельбергского университета (47 место), мюнхенского Технического университета (48 место) и университета им. Людвига-Максимилиана в Мюнхене (53 место). Еще один немецкий вуз среди первой сотни – это Гёттингенский университет с рангом 99 (по состоянию на 15.08.2018) [SR, 2018].

Таким образом, в Германии разработан широкий спектр инструментов для продвижения немецкого языка, развития межкультурного сотрудничества, что создаёт условия для устойчивого будущего немецкого языка в научном диалоге, одно из которых заключается в том, что научный потенциал Германии, поддерживаемый усилиями различных научных организаций и общественных объединений, уверенно растёт.

³ Самая важная принимающая страна для иностранных студентов – США (907 000 студентов). Далее следуют Великобритания (431 000), Австралия (294 000), Франция (239 000) и Германия (236 000) (WW, 2018).

5. Заключение

Немецкий язык обладает немалой фундаментальной теоретической базой и отличается постоянным динамическим развитием. Несмотря на то, что английский язык создаёт сегодня универсальную языковую среду для широкого круга учёных, необходимо сохранять многоязычие в научной среде. Вопрос о будущем языков науки должен решаться самими учёными. В то же время, эта задача имеет особую политическую, социальную и культурную значимость.

Перспектива развития науки зависит от ряда факторов, среди которых присутствует и лингвистическая компетентность, то есть способность грамотно выражать результаты исследования. Поэтому в мировом научном сообществе необходимо сосуществование языков международного значения, одним из которых является немецкий язык. Кроме того, многоязычие в науке способствует появлению новых идей, открытого мышления и культурного разнообразия.

Важными мотивирующими факторами для изучения и продвижения немецкого языка являются положительный образ Германии за рубежом, ведущая роль в сфере технологий, привлекательное вузовское образование, популярность немецкого языка как иностранного, успешно реализуемые программы академической мобильности. Немецкий язык может уверенно претендовать на роль одного из важнейших языков международной научной коммуникации.

Список литературы

- Батурин, 2016 Батурин, Ю. М. Академия наук в контексте историко-научных исследований в XVIII веке первой половине XX в. : Исторические очерки [Текст] / Ю. М. Батурин / Отв. ред. Ю. М. Батурин ; ред.-сост. Г. И. Смагина. СПб. : Росток, 2016. 701 с.
- Бах, 2003 Бах, А. История немецкого языка. Изд. 2-е, стереотипное [Текст] / А. Бах / пер. с нем. Н. Н. Семенюк / ред. М. М. Гухман. М.: Едиториал УРСС, 2003. 344 с.
- Тер-Минасова, 2008 Тер-Минасова, С. Г. Война и мир языков и культур : учеб. пособие [Текст] / С. Г. Терминасова. М. : Слово, 2008. 344 с.
- Филичева, 2003 Филичева, Н. И. История немецкого языка [Текст] / Н. И. Филичева. М. : Академия, 2003.-298 с.
- Ammon, 2014 Ammon, U. Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt [Text] / U. Ammon. Berlin: De Gruyter, 2014. 1296 S.
- Behaghel, 1968 Behaghel, O. Die deutsche Sprache [Text] / O. Behagel. Halle (Saale): Verlag von Max Niemeyer, 1968. 152 S.
- Schmidt, 1984 Schmidt, W. u. a. Geschichte der deutschen Sprache [Text] / W. u. a. Schmidt. Berlin: Volk und Wissen, 1984. 136 S.

Список источников

- Заявление трёх академий наук ..., 2018 Заявление трех академий наук о рекомендуемых методах оценки исследователей и исследовательских программ [Электронный ресурс]. Российская Академия Наук, 2018. URL: http://www.ras.ru/news/shownews.aspx? id=5795a1ad-0d27-455d-ad49-cefedecddd69#content (дата обращения 15.01.2019).
- НП, 2019 Научная привлекательность [Электронный ресурс] // Факты о Германии. 1.02.2019 URL: https://www.tatsachen-ueber-deutschland.de/ru/kategoriya/obrazovanie-znanie/nauchnaya-privlekatelnost (дата обращения 1.02.2019).
- HC, 2019 Научные сети [Электронный ресурс] // Факты о Германии. − 1.02.2019 URL: https://www.tatsachen-ueber-deutschland.de/ru/kategoriya/obrazovanie-znanie/nauchnye-seti (дата обращения 1.02.2019).
- ОНДОННЯ, 2015 Основные направления деятельности Общества немецкого научного языка, 2015. [Электронный ресурс] // Общество намецкого научного языка (АДАВИС). Май

- 2015 URL: http://adawis.de/fileadmin/user_upload/Leitlinien/Leitlinien_2015_russisch.pdf (дата обращения 1.02.2019)
- ПНИ, 2018 Передовые научные исследования [Электронный ресурс] // Факты о Германии. 1.02.2019 URL: https://www.tatsachen-ueber-deutschland.de/ru/kategoriya/obrazovanie-znanie/ peredovye-nauchnye-issledovaniya (дата обращения 1.02.2019).
- ССМ, 2019 Стремительная смена медиаландшафта [Электронный ресурс] // Факты о Германии. 1.02.2019 URL: https://www.tatsachen-ueber-deutschland.de/ru/kategoriya/kultura-smi/stremitelnaya-smena-medialandshafta-0 (дата обращения 1.02.2019).
- XPГ, 2019 Хайтек-регион Германия [Электронный ресурс]. // Факты о Германии. 1.02.2019 URL: https://www.tatsachen-ueber-deutschland.de/ru/node/209 (дата обращения 1.02.2019).
- D, 2019 DAAD [Electronic resource]. URL: https://www.daad.ru/ru/o-nas/o-daad/ (retrieved from 5.02.2019).
- DILW, 2015 Deutschlernende in Ländern weltweit, 2015. [Electronic resource]. URL: https://de.statista.com/statistik/daten/studie/155012/umfrage/deutsch-als-fremdsprache-2010/ (retrieved from 5.03.2019).
- H, 2017 Hochschulpolitik [Electronic resource]. –15. 12. 2017 URL: https://www.pressestelle.tu-berlin.de/menue/tub_medien/newsportal/hochschulpolitik/2017/ welche_rolle_spielt_die_deutsche_sprache_in_der_wissenschaft/ (retrieved from 5.03.2019).
- Kaufmann, 2018 Kaufmann, H. Englisch kein Vorteil [Electronic resource]/ H. Kaufmann // Sprachnachrichten, 2018. vol. 2. no. 78. p. 31. URL: https://vds-ev.de/SN/sn2018-02.pdf (retrieved from 25.01.2019).
- Memorandum..., 2019 Memorandum zur Förderung des Deutschen als Wissenschaftssprache [Electronic resource]. URL: https://www.daad.de/de/download/broschuere_netzwerk_deutsch/Memorandum veroeffentlicht.pdf (retrieved from 15.01.2019).
- Müller, 2017 Müller, U. Wissenschaftlich publizieren auf Deutsch [Electronic resource] / U. Müller // Sprachnachrichten, 2017. vol. 4. no. 76. p. 19.– URL: https://vds-ev.de/SN/sn2017-04.pdf (retrieved from 25.01.2019).
- MUI, 2019 Mehrsprachigkei und Identität [Electronic resource]. 5.03.2019 URL: http://www.goethe.de/lhr/prj/mac/msp/de2403948.htm (retrieved from 5.03.2019).
- MIDW, 2018 Mobilität in der Wissenschaft. Die USA sind weltweit das wichtigste Zeil fur Wiessenschaftler [Electronic resource] // Forschung and Lehre. 17. 07. 2018 URL: https://www.forschung-und-lehre.de/politik/die-usa-sind-weltweit-das-wichtigste-ziel-fuerwissenschaftler-829/ (retrieved from 10.03.2019).
- S, 2018 Studium. Mehr auslaendische Studierende an deutchen Hochschulen [Electronic resource] // Forschung and Lehre. 26. 06. 2018 URL: https://www.forschung-und-lehre.de/lehre/mehrauslaendische-studierende-an-deutschen-hochschulen-758/ (retrieved from 10.03.2019).
- SR, 2018 Shanghai-Ranking. US-amerikanische Universitaten weltweit dominierend [Electronic resource] // Forschung and Lehre. 15. 08. 2018 URL: https://www.forschung-und-lehre.de/forschung/us-amerikanische-universitaeten-weltweit-dominierend-924/ (retrieved from 10.03.2019).
- SZH, 2015 Statistische Daten zu Studienangeboten an Hochschulen in Deutcheland [Электронный ресурс] / Redaktion: K. Dudek, B. Glässner, Ch. Tauch // Statistiken zur Hochschulpolitik [Electronic resource]. Wintersemester 2015/2016 URL: https://www.hrk.de/uploads/media/HRK Statistik WiSe 2015 16 webseite.pdf (retrieved from 10.03.2019).
- Wolfgang, 2014 Wolfgang, A. Studieren nur auf Englisch [Electronic resource] / A. Wolfgang // Sprachnachrichten, 2014. vol. 3. no. 64. p. 8. [Электронный ресурс]. URL: https://vdsev.de/SN/sn2014-04.pdf (дата обращения 5.03.2019).
- WW, 2019 Wissenschaft weltoffen [Text] / S. Burkhart, J. Ebert, U. Heublein, J. Hillmann, S. Kammüller, U. Kercher, Ch. Schäfer. Deutchland : ein Geschäftsbereich von wbv Media GmbH & Co. KG, Bielefeld, 2018. 167 S.
- Zum Gebrauch der deutschen Sprache..., 2016 Zum Gebrauch der deutschen Sprache in der Wissenschaft, 2016. [Electronic resource] // Deutscher Bundestag. 2016 URL: https://

www.bundestag.de/blob/412906/ba372ab00145d74f4b8c4a29b1e0b994/wd-8-090-14-pdf-data.pdf (дата обращения 20.01.2019).

References

- Baturin, Yu. M. (2016). Akademiya nauk v kontekste istoriko-nauchnykh issledovaniy v XVIII veke pervoy polovine XX v [Academy of Sciences in the context of historical research in the XVIII century the first half of the XX century]. St. Petersburg. Rostok.
- Bakh, A. (2003). *Istoriya nemetskogo yazyka* [History of the German language]. Moscow. Editorial URSS.
- Ter-Minasova, S. G. (2008). *Voyna i mir yazykov i kul'tur* [War and Peace of Languages and Cultures]. Moscow. Slovo.
- Filicheva, N. I. (2003). *Istoriya nemetskogo yazyka* [History of the German language]. Moscow. Akademiya.
- Ammon, U. (2014). Die Stellung der deutschen Sprache in der Welt. Berlin. De Gruyter.
- Behaghel, O. (1968). Die deutsche Sprache. Halle/S. Verlag von Max Niemeyer.
- Schmidt, W. u. a. (1984). Geschichte der deutschen Sprache. Berlin. Volk und Wissen.

Resources

- The statement of the three academies of sciences on the recommended methods for evaluating researchers and research programs, 2018. Retrieved January 15, 2019 from < http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=5795a1ad-0d27-455d-ad49-cefedecddd69#content>.
- Nauchnaya privlekatel'nost' [Scientific appeal]. Retrieved February 1, 2019 from https://www.tatsachen-ueber-deutschland.de/ru/kategoriya/obrazovanie-znanie/nauchnaya-privlekatelnost.
- *Nauchnye seti* [Science Networks]. Retrieved February 1, 2019 from https://www.tatsachen-ueber-deutschland.de/ru/kategoriya/obrazovanie-znanie/nauchnye-seti.
- Osnovnye napravleniya deyatel'nosti Obshchestva nemetskogo nauchnogo yazyka [The main activities of the Society of German scientific language]. Retrieved February1, 2019 from http://adawis.de/fileadmin/user_upload/Leitlinien/Leitlinien_2015_russisch.pdf.
- Peredovye nauchnye issledovaniya [Advanced scientific research]. Retrieved February 1, 2019 from https://www.tatsachen-ueber-deutschland.de/ru/kategoriya/obrazovanie-znanie/peredovye-nauchnye-issledovaniya.
- Stremitel'naya smena medialandshafta [Rapid change of the media sphere]. Retrieved February 1, 2019 from https://www.tatsachen-ueber-deutschland.de/ru/kategoriya/kultura-smi/stremitelnaya-smena-medialandshafta-0.
- *Khaytek-region Germaniya* [High-tech region Germany]. Retrieved February 1, 2019 from < https://www.tatsachen-ueber-deutschland.de/ru/node/209>.
- DAAD. Retrieved February 5, 2019 from https://www.daad.ru/ru/o-nas/o-daad/.
- *Deutschlernende in Ländern weltweit*, 2015. Retrieved March 5, 2019 from < https://de.statista.com/statistik/daten/studie/155012/umfrage/deutsch-als-fremdsprache-2010/>.
- Hochschulpolitik. Retrieved March 5, 2019 from https://www.pressestelle.tu-berlin.de/menue/tub_medien/newsportal/hochschulpolitik/2017/ welche rolle spielt die deutsche sprache in der wissenschaft/>.
- Kaufmann, H. (2018). Englisch kein Vorteil. *Sprachnachrichten*, vol. 2, no. 78, S. 31. Retrieved January 5, 2019 from https://vds-ev.de/SN/sn2018-02.pdf>.
- Memorandum zur Förderung des Deutschen als Wissenschaftssprache. Retrieved January 15, 2019 from https://www.daad.de/de/download/broschuere_netzwerk_deutsch/Memorandum_veroeffentlicht.pdf>.
- Müller, U. (2017). Wissenschaftlich publizieren auf Deutsch. *Sprachnachrichten*, vol. 4, no. 76, p.19. Retrieved January 5, 2019 from https://vds-ev.de/SN/sn2017-04.pdf>.
- *Mehrsprachigkei und Identität.* Retrieved March 5, 2019 from < http://www.goethe.de/lhr/prj/mac/msp/de2403948.htm>.

- Mobilität in der Wissenschaft. Die USA sind weltweit das wichtigste Zeil fur Wiessenschaftler. *Forschung and Lehre*. Retrieved March 10, 2019 from https://www.forschung-und-lehre.de/politik/die-usa-sind-weltweit-das-wichtigste-ziel-fuer-wissenschaftler-829/.
- Studium. Mehr auslaendische Studierende an deutchen Hochschulen. Forschung and Lehre. Retrieved March 10, 2019 from https://www.forschung-und-lehre.de/lehre/mehr-auslaendische-studierende-an-deutschen-hochschulen-758/.
- Shanghai-Ranking. US-amerikanische Universitaten weltweit dominierend. Forschung and Lehre. Retrieved March 10, 2019 from https://www.forschung-und-lehre.de/forschung/us-amerikanische-universitaeten-weltweit-dominierend-924/.
- Statistiken zur Hochschulpolitik. In K. Dudek, B. Glässner, Ch. Tauch (Eds), *Statistiken zur Hochschulpolitik*. Retrieved March 10, 2019 from https://www.hrk.de/uploads/media/HRK_Statistik_WiSe_2015_16 webseite.pdf>.
- Wolfgang, A. (2014). Studieren nur auf Englisch. *Sprachnachrichten*, vol. 3, no. 64, S. 8. Retrieved January 5, 2019 from https://vds-ev.de/SN/sn2014-04.pdf>.
- Burkhart, S., Ebert, J., Heublein, U., Hillmann, J., Kammüller, S., Kercher, U., Schäfer, Ch. *Wissenschaft weltoffen*. Retrieved March 10, 2019 from http://www.wissenschaftweltoffen.de/publikation/wiwe_2018_verlinkt.pdf.
- Zum Gebrauch der deutschen Sprache in der Wissenschaft. *Deutscher Bundestag*. Retrieved January 20, 2019 from https://www.bundestag.de/blob/412906/ba372ab00145d74f4b8c4a29b1e0b994/wd-8-090-14-pdf-data.pdf.

УДК 81'374 UDC 81'374

Полухина Полина Александровна
Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга
Санкт-Петербург, Российская Федерация
Polina A. Polukhina
Committee for External Relations of Saint Petersburg
St Petersburg, Russian Federation

p.polukhina@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ АЛЬТЕРНАТИВНЫХ ВАРИАНТАХ СОВРЕМЕННЫМ АКАДЕМИЧЕСКИМ СЛОВАРЯМ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА ON ALTERNATIVE VARIANTS TO MODERN ACADEMIC DICTIONARIES OF THE ENGLISH LANGUAGE

Аннотация

Современная лексикография, в частности английского языка, испытывает настоящий прорыв благодаря достижениям информационных технологий и сети Интернет. Помимо перевода академических словарей английского языка в онлайн режим, появляется множество «народных» словарей. Их анализ является актуальным и своевременным как никогда ранее. Цель настоящей статьи - выявить причины появления подобных источников и проанализировать их по нескольким параметрам. В работе обсуждаются Интернетресурсы Urban Dictionary, The International Dictionary of Neologisms, Unwords и WordSpy, описываются цели и история их появления, рассматриваются принципы добавления новых слов, форма и особенности словарных статей. В результате исследования установлено, что рассмотренные онлайн источники обладают своими особенностями. Urban Dictionary создаётся исключительно наивными носителями языка. The International Dictionary of Neologisms и The Unwords Dictionary фиксируют словотворческую деятельность современного общества. Общими характеристиками данных словарей является отсутствие лингвистической информации о неологизме, избыточность и эмоционально-экспрессивная окраска дефиниций. Отличается словарь WordSpy - он в наибольшей степени стремится к соответствию нормам академических словарей английского языка. Проведенное исследование выявляет общий скептицизм профессиональных лексикографов по отношению к «народной» лексикографии. Тем не менее нельзя не отметить её функциональную значимость. Любительские словари выполняют основные функции языка, позволяют человеку сохранять чувство причастности к современной коммуникации, предоставляя информацию о ежедневно появляющихся неологизмах. Они фиксируют периферийную лексику, которая остаётся за пределами академических словарей, регистрируют результат словотворческой деятельности социума.

Abstract

The article describes several examples of folk English. The number of crowdsourced folk dictionaries of present-day English is constantly growing. The purpose of this article is to study online folk dictionaries according to several factors. Urban Dictionary, The International Dictionary of Neologisms, Unwords, WordSpy are considered: reasons for their making, compilation and update principles, presentation of word entry etc. Urban Dictionary is one of the most popular crowdsourced dictionary. The International Dictionary of Neologisms and The Unwords Dictionary register new non-standard coinages invented by native speakers. Their common features are absence of linguistic description of neologism, reiteration and expressiveness of definitions. WordSpy tries to follow the principles of academic lexicography. The research proves that notwithstanding common skeptical opinion of professional lexicographers towards folk dictionaries, we cannot deny their functional importance. They carry out the main functions of language, provide information of new words coined in the English language every day in different areas. Through these dictionaries a person maintains the feeling of being an active participant of communication. Folk dictionaries include words and their meanings which belong to non-standard language and are not likely to be included into fundamental dictionaries of the English language. In the 21st century, online folk dictionaries register word-manicuring activity of modern society.

Ключевые слова: любительская лексикография, академические словари английского языка, онлайн словари, народные словари, неологизм, стандартный язык, периферийная лексика.

Keywords: folk lexicography, traditional dictionaries of the English language, online dictionaries, folk dictionaries, neologisms, standard English, non-standard English.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_1_137_148

1. Введение

Конец XX столетия ознаменовался внедрением компьютерных технологий в лексикографическую практику. Академические словари английского языка, такие как Oxford English Dictionary, Merriam-Webster Dictionary, Cambridge Dictionary, Collins Dictionary, Macmillan Dictionary постепенно перешли из формата печатных изданий в онлайн формат. С появлением и распространением компьютеров авторитетные издания дополняли печатные выпуски CD-дисками, которые дублировали материал словаря или предлагали пользователям дополнительные опции. CD-диски могли содержать информацию об этимологии слов, их сочетаемости, включать тезаурус, тематические группы, сведения культурологического характера, а также различные ресурсы для изучения английского языка путём выполнения тестов или прослушивания аудиоматериалов. Появление сети Интернет привело к созданию словарей в онлайн режиме, который позволил объединить все перечисленные опции на официальном сайте соответствующего словаря.

В период с 1985 г. по 1995 г. лексикография претерпела существенные преобразования, вызванные развитием компьютерных технологий и их возросшим влиянием на все сферы научной жизни [Landau, 2001, р. 2]. Современные отечественные и зарубежные лингвисты [Апресян и др., 2000; McArthur, 1986; Zgusta, 1988; Atkins, Zampolli, 1994; Landau, 2001; Sinclair, 2004; Bejoint, 2010; Hanks, 2013] сходятся во мнении, что техническо-информационные достижения позволяют лексикографии перейти на абсолютно новый, ранее не доступный эволюционный уровень.

Одновременно с научным развитием лексикографии, благодаря повсеместному распространению в мире сети Интернет и наличию свободного доступа к ней населения всевозможных культур и слов, мы наблюдаем порождение большого количества альтернативных источников лексикографии — это Интернет-ресурсы словарного типа. Если ранее для получения информации о лексеме, принадлежащей к различным профессиональным, социальным или культурным сферам, читателю необходимо было обратиться к специальному словарю, например, словарю сленга или словарю профессиональной лексики, то сегодня вся информация может быть получена в режиме реального времени.

В то время как перед профессиональными редакторами академических словарей стоит задача анализировать языковую ситуацию и фиксировать языковую норму, народные Интернет-словари направлены на выполнение непосредственно коммуникативной функции языка. Незнакомая лексическая единица, встреченная пользователем в Интернете, вызовет у него потребность получить её толкование. Все формы масс-медиа: Интернет, телевидение, печатные периодические издания, — освещая мировые и региональные события, используют лексику различных пластов и стилистической принадлежности. Более того, профессиональные и сленговые единицы проникают в бытовую коммуникацию. Политические, экономические и другие новости, научные достижения и технические новинки, товары и покупки — всё это является предметом повседневного общения. Индивид, сталкиваясь с неизвестными ему словами, испытывает коммуникативную неудачу, чувствует себя «чужим» в социуме и пытается приобщиться к новому явлению путём освоения новой лексики.

Высокую ценность приобрели собственно информация и информированность. Современный человек стремится быть в курсе происходящего в мировом сообществе и даже иметь возможность проявить себя в этом. Стремительное обогащение лексики английского языка неологизмами также является одним из способов самовыражения современной личности.

Обозначенные выше особенности социума можно назвать причинами появления разнообразных Интернет-ресурсов словарного типа. Профессиональные лингвисты стали обозначать это явление как «любительская» или «наивная» лексикография, в англоязычной терминологии — folk lexicography, как один из видов наивной лингвистики (folk linguistics). Этот новый аспект лингвистического бытования, спровоцированный всемирным распространением Интернета, вызывает интерес у языковедов. По этой теме уже появляются публикации в российской и зарубежной науке [Арутюнова, 2000; Зализняк, 2010; Ефремов, 2014; Черняк, 2014; Полиниченко, 2011; Niedzielski, Preston, 2003].

Народная лексикография как одна из форм народной лингвистики — естественное явление, возникающее от стремления носителя языка объяснить непонятное слово родного языка [Алпатов, 2012, с. 7]. Создателями и редакторами народных словарей выступают рядовые пользователи Интернета, не имеющие специальной лексикографической подготовки. Цель этих словарей — дать толкование значения языковых единиц, принадлежащих к различным пластам лексики, особенно той, которая является периферийной, находится далеко за границами лексического ядра языка, и которая не была встречена в профессиональных лексикографических изданиях.

Количество народных Интернет-словарей пополняется практически ежедневно, поскольку высока потребность современного человека в быстрой консультации по поводу значения и особенностей употребления вновь появившейся лексической единицы. Многие из таких ресурсов, однако, можно назвать недобросовестными, ввиду того, что они обладают скудным и некачественным наполнением [Hanks, 2013, р. 33], и пользователь, стремящийся получить здесь и сейчас информацию о слове, в том числе новом, может столкнуться с недобросовестными ресурсами и, соответственно, с некоторыми проблемами в удовлетворении своей потребности.

В настоящем исследовании предлагается рассмотреть наиболее популярные Интернет-источники словарного типа, фиксирующие появляющиеся неологизмы: Urban Dictionary, The International Dictionary of Neologisms, Unwords и WordSpy, а именно проследить историю появления этих словарей, принципы обновления или добавления новых слов, форму и содержание словарной статьи.

2. Анализ народных Интернет-словарей английского языка

2.1. Urban Dictionary is written by you

Urban Dictionary (далее – UD) – онлайн словарь слов и фраз англоязычного сленга. В $2008\,\mathrm{r}$. Тіте включил этот словарь в перечень $50\,\mathrm{n}$ лучших веб-сайтов ($50\,\mathrm{Best}$ Websites 2008), так как он «помогает родителям переводить компьютерный язык своих детей, а также понимать слова современного Интернета» 1 .

UD появился в 1999 г. в электронном формате. Создателем словаря стал студент Калифорнийского политехнического университета Аарон Пэкхем (Aaron Peckham). В качестве первопричины разработки данного словаря А. Пэкхем называет стремление отобразить действительное состояние английского языка, его функционирование в живой речи простых носителей. По мнению Пэкхема, современные словари английского

¹ http://content.time.com/time/specials/2007/article/0,28804,1809858 1809955 1811527,00.html

языка «рассказывали, как нужно говорить на английском, вместо того, чтобы отражать, как говорят на английском на самом деле» 2 .

Специальных принципов или системы разработки словаря не существовало. Пэкхем и его друзья сами вносили разговорные слова, которые использовали студенты в университете, давали им определения и примеры использования в речи. Изначально словарь задумывался с целью фиксации сленга, слов и выражений различных субкультур, но с течением времени в нём стали появляться толкования лексем основного словарного фонда английского языка.

Печатное издание словаря вышло в свет в 2005 г. под названием Urban Dictionary: Fularious Street Slang Defined. Печатная версия Urban Dictionary состояла из 2000 статей, источником которых был Интернет-сайт. В 2007 г. вышло второе печатное издание UD, в 2012 г. была опубликована третья книга, в которую вошёл «самый свежий сленг».

В настоящее время словарь существует в онлайн-формате, и является среди ресурсов подобного рода одним из самых востребованных. Согласно рейтингу Alexa Rating, органический трафик на сайте UD составляет 83,6% и опережает крупнейшие академические словари английского языка (Collins Dictionary – 82,9%, Merriam-Webster Dictionary – 78,1%, Oxford Dictionaries – 77,8%, Cambridge Dictionary – 73,2%)³.

UD сохраняет принципы создания или редакции материала, которые сложились при его возникновении. Автором статьи может стать любой авторизированный пользователь. Каждый такой пользователь, соблюдая установленные правила, способен добавить свою лексему, дав ей дефиницию и один или несколько контекстов употребления в режиме онлайн. При этом фиксируются дата добавления лексемы и автор вновь созданной словарной статьи. Другие участники вправе предложить свой вариант толкования этой же единицы. Он может дублировать уже зафиксированное предложение по смыслу, но обладать какими-либо особенностями: стилем написания, особой лаконичностью или, напротив, описательными деталями. Новый вариант также может содержать новую лексическую информацию о слове — особенный контекст функционирования лексемы, её эмоциональную окраску, профессиональную или культурную принадлежность. Зарегистрированные пользователи голосуют за принятие или отклонение созданных статей, выбирая «за» или «против». Таким образом, составляется рейтинг определений. Получившее наибольшее количество голосов толкование приобретает статус «лучшего» (top definition) и приводится в первую очередь.

Несмотря на абсолютную открытость словаря, его создатели просят придерживаться некоторых правил, среди них — указывать имена знаменитых людей, но не друзей, не пропагандировать расовую, этническую или иную нетерпимость. Размещение дефиниций для слов и выражений, которые представляют собой оскорбления по разным признакам — этническому или половому — допускаются, если сами эти определения выдержаны в нейтральном стиле⁴. Объясняется это тем, что словарные статьи UD зачастую не столько определяют некоторое понятие, сколько описывают его.

Словарная статья в UD является лаконичной: она состоит только из определяемой лексемы, её дефиниции, нескольких примеров употребления, имени пользователя, предложившего неологизм и даты добавления лексемы в онлайн словарь. Приведём пример такой статьи:

Clickskrieg – To engage in war using false news and propaganda with scandalous and intriguing "clickbait" titles and links (война кликов).

² https://www.aclu.org/other/online-free-speech-client-aaron-peckham

³ https://www.alexa.com/siteinfo/urbandictionary.com

⁴ https://about.urbandictionary.com/tos

Russian intelligence is engaged in a clickskreig to degrade western democracies. by Wordist April 06, 2017⁵.

Как видно из примера, грамматическая и стилистическая информация о слове отсутствует. Автор предлагаемой лексической единицы стремится зафиксировать наименование встреченной реалии или события и объяснить значение нового слова. Отсюда вытекают основные особенности статей в онлайн-словаре: избыточность, наличие эмоциональной окраски даже для слов нейтральной лексики и актуальность или моментальное реагирование пользователей словаря на все изменения, происходящие в социуме.

По мнению The New York Times, UD закрепил за собой статус «антрополога Интернета»: онлайн словарь схватывает различные нюансы культурной и социальной жизни, происходящие в настоящий момент времени, и фиксирует их на своём сайте. Профессор Нью-Йоркского университета (City University of New York) К. У. Андерсон (С. W. Anderson) высоко оценил значимость UD, объяснив это тем, что Интернет, являясь всемирной сетью, сохраняет региональные особенности языков, при этом широко употребляемые слова и словосочетания из диалектов и узких сфер функционирования в течение времени могут переходить в общее употребление, и именно Urban Dictionary позволяет наблюдать этот процесс в режиме реального времени⁶.

2.2. The International Dictionary of Neologisms

The International Dictionary of Neologisms можно определить как современный творческо-лингвистический проект, в создании и реализации которого участвуют две организации: Поэтический фонд (Poetry Foundation) (https://www.poetryfoundation.org/) и издательство Xexoxial Editions. Работа этих учреждений направлена на популяризацию современной литературы, а именно визуальной поэзии – авангардного направления на стыке поэзии и современного искусства⁷. Представителями этого жанра являются авторы Georg Huth и mIEKAL aND – именно эти авторы, начиная с 2000 г., занимаются сбором неологизмов и поддержанием контента The International Dictionary of Neologisms.

Действующие веб-мастеры электронного словаря описывают лексикографию как высоко творческий процесс. Центральной идеей данного ресурса является создание новых слов и их определений – процесс и результат художественного процесса.

Словарь включает следующие типы лексических единиц:

- существующие слова лексики английского языка, с альтернативными дефинициями (напр., в юмористической или каламбурной форме);
- единицы, специально созданные / изобретённые для наименования новых объектов и концептов;
- «слова-бессмыслицы», которые являются результатом лексического творчества индивида 8 .

Редакторы словаря предлагают своим пользователям творчески относиться к языковым единицам. Например, они просят придумать самое длинное слово или присылать в редакцию лексемы, имеющие наибольшее количество дефиниций, и так далее.

Новые единицы могут относиться к различным категориям явлений и предметов. Редакторы стремятся зафиксировать как можно больше вариантов написания и произнесения лексических единиц, а также все предлагаемые варианты дефиниций. Принима-

⁵ http://www.urbandictionary.com/define.php?term=clickskreig

⁶ https://www.nytimes.com/2014/01/04/technology/a-lexicon-of-the-internet-updated-by-its-users.html?ref=technology

⁷ https://www.poetryfoundation.org/foundation/about

⁸ http://neologisms.us

ются словники или списки слов, создаваемые намеренно. Несмотря на очевидный словотворческий характер Интернет-словаря, сохраняется просьба к пользователям указывать такую информацию, как орфография, транскрипция, дефиниция неологизма, происхождение неологизма, а также имя создателя, дату и контекст, в котором слово было создано или использовано.

Лексические единицы представлены на сайте в алфавитном порядке, упорядочить их по дате добавления не представляется возможным, поисковая строка также отсутствует. Словарная статья содержит скудную информацию о неологизме: представлена собственно лексема, её дефиниция, имя автора и дата. Причём неизвестно, какое явление обозначается датой: время, когда лексическая единица была использована впервые, или когда она была зафиксирована в данном словаре. Примеры словарной статьи The International Dictionary of Neologisms:

Fizzix – Pop Science (популярная наука) Daniel Bastarache 09/26/2010⁹

Googlesmirk – Having the final say in an argument verified by a google search (финальный аргумент, подтверждённый данными из Гугл)

mIEKAL aND 7/4/2006¹⁰

Некоторые словарные статьи содержат дополнительную информацию, например, способ создания лексической единицы:

Metaphorm - 1. The form metaphor gives to phor. 2. That which metaphor changes things into (1. Форма, которую метафора дает эфоре. 2. То, во что метафора меняет вещи).

Georg Huth < metaphor + form 3/20/1988¹¹

На заглавной странице словаря обозначено, что The International Dictionary of Neologisms включает 3000 неологизмов. Последняя единица была добавлена в начале 2014 г. (31.03.2014). Посетители сайта имеют возможность отправить своё предложение нового слова на электронную почту редакторов, которые принимают решение о включении или невключении лексемы в Интернет-словарь.

2.3. The Unword Dictionary. Changing the English language one word at a time

Интернет-словарь The Unword Dictionary был создан в 2001 г. американским автором и журналистом Стивом Килом (Steve Kiehl). Словарь позиционирует себя как коллекцию несуществующих слов. Эти слова были специально созданы независимыми лицами или группой лиц с целью наименования понятий, которые до настоящего момента не получили своего обозначения в английском языке. Все лексемы, включенные в указанный Интернет-словарь, отсутствуют в академических словарях английского языка. Unword — так определяет подобные лексические единицы автор Интернет-ресурса,

⁹ http://neologisms.us/dictionary.html

¹⁰ http://neologisms.us/dictionary.html

¹¹ http://neologisms.us/dictionary.html

но не использует понятие «неологизм»¹². В связи с тем, что словарь фиксирует именно намеренно создаваемые лексические единицы, имеющие высокую степень новизны, мы считаем разумным рассмотреть принципы функционирования The Unword Dictionary.

В настоящее время словарь существует в формате краудсорсинга (crowdsourcing): зарегистрированные пользователи словаря и простые посетители имеют возможность отправить собственные неологизмы в редакцию сайта. Для этого пользователь указывает собственно неологизм, грамматическую информацию о нём (часть речи), транскрипцию единицы (не является обязательным требованием, т. е. не все лексемы транскрибируются), даёт определение, происхождение или способ создания нового слова, тематическую категорию, к которой относится неологизм, примеры употребления.

Неологизмы представлены на сайте в алфавитном порядке и разделены по категориям. Эти категории включают все сферы жизни современного социума, среди них автомобили и механизмы, красота и внешний вид, образование, досуг, фермерство и агрономия, правительство и политика, любовь и романтика, природа и дикий мир, наука и технологии, спорт и так далее. Всего насчитывается 33 категории, лексемы в которых представлены списком в алфавитном порядке¹³. Пример словарной статьи The Unword Dictionary выглядит следующим образом:

Cafetorium - 1. (n.) The room in an underfunded school which is a combination of a cafeteria and auditorium (комната в школе с недостаточным финансированием, которая является одновременно кафетерием и аудиторией).

Origins: The contraction of cafeteria and auditorium. Originally thought to be coined by comedian, Ray Romano, however, new fact suggests the term was used as earlier than 1961 at John Muir Elementary School in Glendale, California.

Submitted by: Anonymous, Topics: Education¹⁴.

Как видно из приведённого примера, отсутствует информация о времени создания слова или дате его включения в словарь, решение об указании авторства принимает непосредственно пользователь, предложивший неологизм. В настоящее время на сайте зафиксировано 1686 лексических единиц¹⁵, также заявлено, что планируется введение системы голосования за представленные неологизмы.

Некоторые неологизмы имеют помету sniglet, то есть обозначают такой неологизм, который «отсутствует в академических словарях, но достоин включения». Термин sniglet был введён и широко использовался американским комиком Ричем Холлом (Rich Hall) в юмористическом сериале Not Necessarily the News (1980 гг.)¹⁶. Помету sniglet имеет, например, такой неологизм:

Karmageddon – 1. (n.) It's like, when everybody is sending off all these really bad vibes, right? And then, like, the Earth explodes and it's like a serious bummer (кармагеддон). Submitted by: Anonymous, Topics: Behavior & Lifestyle¹⁷.

The Unword Dictionary составил список слов-паразитов (junkword), состоящий из 57 единиц и включающий такие лексемы как LOL, OMG, maybe, über и прочее. На

¹² http://www.unwords.com/view/history.html

¹³ http://www.unwords.com/view/topics.html

¹⁴ http://www.unwords.com/unword/cafetorium.html

¹⁵ http://www.unwords.com/alpha/ALL/67.html

¹⁶ http://www.dictionary.com/wordoftheday/2016/06/21/sniglet

¹⁷ http://www.unwords.com/unword/karmageddon.html

основе базы неологизмов рассматриваемого Интернет-словаря в 2007 г. было выпущено печатное издание The Unword Dictionary: 1,000 Words for Things You Didn't Think Had Words (How America Speaks series), автором которого являлся Стив Кил.

2.4. WordSpy. The World Lover's Guide to New Words

WordSpy – Интернет-ресурс словарного типа, созданный канадским писателем и программистом Полом МакФедрисом (Paul McFedries). Во вступительной статье словаря, About Word Spy, МакФедрис объясняет цели создания данного сайта. Язык описывает мир, и, если мир постоянно меняется, язык также должен меняться, чтобы соответствовать окружающей действительности. Изучение новых слов позволяет понимать общество, потому как они освещают не только новые явления и понятия различных субкультур, но и всё происходящее в современной культуре в общем. Помимо этого, МакФедрис обозначает неологизмы как «лингвистические предвестники или ласточки», которые предупреждают социум о грядущих событиях¹⁸.

WordSpy не направлен на фиксацию единичных, одноразовых слов и выражений, исключает упомянутые panee sniglets, но, напротив, ищет такие новые единицы, которые, несмотря на свою новизну, имеют определённую историю в языке. Количество использования неологизма в печатных источниках и / или в Интернете должно составлять от трёх цитирований, причём в достаточно значимых материалах, таких как книги, газеты или журналы. Блоги, форумы и различные социальные сети также допускаются в качестве источника.

Словарь начал своё существование в 1996 г., и в январе того же года появились первые 16 неологизмов, среди которых были logophilia, Netspeak и gayby boom. С 1996 г. от 2 до 20 неологизмов ежемесячно включаются в словарь. Поиск лексических единиц можно осуществлять по алфавиту, по дате добавления и по категории. WordSpy выделяет такие категории как бизнес, компьютер, культура, язык, наука, социология, технологии, мир, которые, в свою очередь, делятся на более мелкие, конкретные подгруппы. Например, категория «наука» (Science) включает болезни, генетику, медицину, окружающую среду. Категория «мир» (The World) состоит из подгрупп «география», «правительство», «терроризм», «политика» и прочее¹⁹.

Заглавная страница сайта отображает последние добавленные неологизмы и список самых популярных слов. Словарная статья включает следующую информацию о слове: неологизм, его дефиниция, возможные грамматические формы, способ образования слова, несколько примеров использования — цитаты с указанием источника и даты употребления, примечания или дополнительные сведения (история возникновения лексемы, особенности функционирования и т. д.), категория, к которой был отнесён неологизм, перечень других неологизмов словаря подобной тематики или проблемы (related words). Приведём пример словарной статьи в WordSpy:

Wal-Martian, n. – A person who does most of their shopping at Wal-Mart; a person who works at Wal-Mart (Уол-Мартианин).

Also Seen As: walmartian Other Forms: Wal-Martian adj. Etymology: Wal-Mart+ -ian Examples

Examples 2001

¹⁸ https://wordspy.com/index.php?page=about

¹⁹ https://wordspy.com/index.php?tag=all-by-category

Having conquered America, [Wal-Mart] has set its sights on the rest of the world. It believes that transporting its corporate culture will be the key to success. Just as the Romans imposed their culture on the nations they conquered, Wal-Mart wants to make Wal-Martians of us all. ... At the start of annual meetings, Wal-Martians do the Wal-Mart chant. Having bellowed out the letters in Wal-Mart's name (they wiggle their hips to represent the hyphen), the chant ends with the cry: "Who's No1? The customer! Always! Huh!"

Dominic Rush, "Wal-martians," Sunday Times, June 10, 2001 1992 (earliest)

To listen to the heart-beat of America, Ross Perot said last week, "go to any Wal-Mart . . . that's where the real Americans are". How would Mr Perot know? How often does the bantam billionaire, the first recluse to run for president, wheel a shopping trolley through America's favourite discount store? But let's take Mr Perot's advice and go to a Wal-Mart to test voter opinion, including opinion on Mr Perot's second coming. . . . Other Wal-Martians — buying paint-scrapers, nappies, hose- connectors, car tyres — split evenly between George Bush and Bill Clinton, with noticeably more men for George and more women for Bill.

John Lichfield, "Perot fly in Clinton's ointment," The Independent, October 11, 1992 Notes

This word combines the name of the retail giant Wal-Mart (now, scarily, the world's largest company, in terms of sales) with the suffix -ian, "of or belonging to." And, of course, the connection to Martian, "an inhabitant of the planet Mars," isn't even remotely coincidental and it shows the elitist roots of this word.

Filed Under: people, retail

Some Related Words: anchor store, big-box store, Generica...²⁰.

Таким образом, пополнение базы неологизмов WordSpy происходит без участия наивных носителей языка, для них также нет возможности голосовать за представленные новые лексические единицы или отправлять в редакцию замеченные неологизмы и контексты их употребления. Помимо отслеживания и фиксации неологизмов Пол Мак-Федрис ведёт блог на сайте словаря. Наиболее популярными являются блоги, которые посвящены современной технической лексике английского языка (напр., The Great Transmogrification of Atoms to Bits), а также этимологии различных лексем (Words That Turn Twenty in March, 2016).

3. Заключение

Анализ ряда народных Интернет-словарей выявил их сходства: отсутствие лингвистического описания неологизма, а также тот факт, что дефиниции не выдержаны в нейтральном стиле — они, напротив, имеют такие особенности, как избыточность и наличие эмоционально-экспрессивной окраски. Рассмотренные Интернет-ресурсы словарного типа обладают и своими отличительными особенностями. Так, Urban Dictionary — это популярный народный словарь, создаваемый исключительно наивными носителями языка. The International Dictionary of Neologisms и The Unwords Dictionary фиксируют результат словотворческой деятельности современного общества, в то время как WordSpy является самостоятельным проектом технического писателя, который в наибольшей степени стремится к соответствию академическим словарям.

В настоящее время некоторые современные лексикографы признают преимущество электронных и онлайн словарей над печатными изданиями. По мнению Кэрри Максвел (Kerry Maxwell), редактора словарей Macmillan, Cambridge University Press и

²⁰ http://www.wordspy.com/index.php?word=wal-martian

Harper Collins, в XXI веке словари нашли наиболее оптимальную форму своего существования — электронную²¹. Именно электронный формат даёт возможность существования различных опций, среди которых можно отметить, например, multimedia angels — мультимедийное сопровождение, демонстрирующее фонетические варианты произношения лексем; гиперссылки, другие визуальные дополнения и вспомогательную информацию (блоги, buzzword — модное слово, тесты и прочее).

Майк Рундл подчёркивает значимость краудсорсинга — использования ресурсов подписчиков, участия носителей языка в поиске и фиксации неологизмов, свидетельств развития лексики английского языка²².

Отношение современных лингвистов к непрофессиональным Интернет-источникам, варианты которых были проанализированы в исследовании, варьирует. Например, британский лексикограф МакАртур (McArthur) ещё 1986 г. в своём труде "Worlds of Reference" высказывал мнение о том, что с появлением компьютерных технологий, исчезла ранее существовавшая монополия на знания и информацию, в частности в лексикографической науке. Сегодня именно благодаря высоким технологиям, любой студент может стать выдающейся личностью – Сэмюелем Джонсоном или Ноа Уэбстером своего времени [McArthur, 1986, р. 181]. Анри Бежон (Henri Bejoint) считает, что финальной стадией развития онлайн словарей может стать «интерактивная лексикография» или обновление словаря самими пользователями [Bejoint, 2010, р. 374].

В то же время, многие современные лингвисты выражают резко негативное отношение к любительской лингвистике, и любительской лексикографии как одной из её форм: они выражают согласие с некогда введённым Л. Блумфилдом термином stankos – «ненаучные размышления о языке невоспитанных и глупых людей» [Hall, 1990, р. 77]. По их убеждению, лексикография – удел целой команды профессиональных исследователей языка, которые должны иметь не только фундаментальные лингвистические знания, но и, в современном контексте, серьёзную подготовку в сфере информационных технологий [Landau, 2001, р. 344].

Несмотря на общее скептическое отношение к Интернет-ресурсам словарного типа в среде профессиональной лексикографии и лингвистики, нельзя не отметить их значимость. Изучение содержания подобных источников даёт возможность проследить происходящие лексические и семантические изменения в языке. Они играют важную роль в сохранении периферийной лексики — тех слов, которые появляются в языке в определённый период времени, но остаются за пределами корпуса академических словарей (их значение и процессы словообразования).

Учитывая то, что в лингвистической теории принято различать коммуникативную, эпистемическую и когнитивную функции языка [Баранов, 2001, с. 7], наивная лексикография является средством для выполнения этих функций. С точки зрения эпистемической функции, народные словари предстают как способ хранения и передачи (новых) знаний о действительности, отражают национальный взгляд на современный мир. Когнитивная функция языка как средства получения новых знаний о мире воплощается в рассматриваемых словарях через называние и оценку появляющихся явлений и создаваемых предметов, а также через соотнесении информации с действительностью. Любительские словари выполняют и коммуникативную функцию языка как средства человеческого общения: включают максимальное количество лексических единиц, функционирующих в различных вариантах английского языка, имеющих разную стилистическую окраску.

Несомнно, что явление любительской или народной лексикографии требует дальнейшего изучения. Уже существует множество словарей подобного типа в различ-

²¹ https://termcoord.wordpress.com/did-you-know/why-is-terminology-your-passion/interview-with-kerry-maxwell

 $^{^{22}\,}http://www.macmillandictionaryblog.com/bye-print-dictionary$

ных языках, и они ежедневно пополняются неологизмами. Наивные пользователи не задаются целью собрать достаточное количество цитат и контекстов употребления, не учитывают фактор времени, необходимый для того, чтобы слово вошло в состав языка, как это делают профессиональные лексикографы, а, напротив, фиксируют ежеминутное проявление словотворчества в речи. Созданные для этого ресурсы позволяют ориентироваться в современном мире, иллюстрируют и объясняют эволюцию общества, регистрируют его черты в конкретный период времени. Очевидно, что охарактеризованные словари могут быть дополнительным, но никак не основным источником лингвистической информации.

Список литературы

- Алпатов, 2012 Алпатов, В. М. Народная лингвистика в Японии и России [Текст] / В. М. Алпатов // «Народная лингвистика»: взгляд носителей на язык. Тезисы докладов междунар. конф. (Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2012 г.) / редкол.: Е. В. Головко. СПб.: Нестор-История, 2012. С. 7–10.
- Баранов, 2001 Баранов, А. Н. Введение в прикладную лингвистику [Текст] / А. Н. Баранов. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 358 с.
- Ерофеева, 2012 Ерофеева, Е. В. Вариативность наивных толкований в разных социальных группах [Текст] / Е. В. Ерофеева // Обыденное метаязыковое сознание и наивная лингвистика: сб. науч. статей: по материалам II Международной научной конференции (Кемерово, 18–19 ноября 2011 г.) / отв. ред. Л. Г. Ким. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 2012. С. 248–252.
- Ефремов, 2014 Ефремов, В. А. О новых формах наивной лингвистики в эпоху интернета [Текст] / В. А. Ефремов // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 74—81.
- Зализняк, 2010 Зализняк, А. А. Из заметок о любительской лингвистике [Текст] / А. А. Зализняк. М.: Русскій Міръ Московские учебники, 2010. 238 с.
- Апресян и др., 2000 Новый большой англо-русский словарь [Текст] : в 3 т. / Ю. Д. Апресян, Э. М. Медникова, А. В. Петрова [и др.]. М. : Русский язык, 2000. 823 с.
- Полиниченко, 2011 Полиниченко, Д. Ю. Любительская лексикография: опыт исследования [Текст] / Д. Ю. Полиниченко // Вестник КемГУ. 2011. № 4 (48). С. 205—211.
- Черняк, 2014 Черняк, В. Д. Стихийная лексикография как инструмент освоения нового слова [Текст] / В. Д. Черняк // Вестник Новосиб. гос. пед. ун-та. 2014. № 3 (19). С. 30–36.
- Арутюнова, 2000 Язык о языке [Текст]: сб. статей / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Язык русской культуры, <math>2000. 624 с.
- Bejoint, 2010 Bejoint, H. The Lexicography of English. From origins to present [Text] / H. Bejoint. Oxford University Press, 2010. 458 p.
- Atkins, Zampolli, 1994 Computational approach to the Lexicon [Text] / ed. by B. T. S. Atkins, A. Zampolli. New York: Oxford University Press, 1994. 479 p.
- Hall, 1990 Hall, R. A. A Life for Language. A Biographic Memoir of Leonard Bloomfield [Text] / R. A. Hall. John Benjamins Publishing Company, 1990 129 p.
- Hanks, 2013 Hanks, P. Chapter 22: Lexicography from Earliest Times to the Present [Text] / P. Hanks // The Oxford Handbook of the History of Linguistics / ed. by K. Allan. Oxford: Oxford University Press, 2013. P. 503-539.
- Landau, 2001 Landau, S. I. Dictionaries: The art and craft of lexicography [Text] / S. I. Landau. 2nd ed. Cambridge University Press, 2001. 370 p.
- McArthur, 1986 McArthur, T. Words of Reference. Lexicography, learning and language from the clay tablet to the computer [Text] / T. McArthur. Cambridge university press, 1986. 230 p.
- Niedzielski, Preston, 2003 Niedzielski, N. A. Folk Linguistics [Text] / N. A. Niedzielski, D. R. Preston. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003. 375 p.
- Sinclair, 2004 Sinclair, J. Trust the text: language, corpus and discourse [Text] / J. Sinclair. London; New York: Routledge, 2004. 224 p.
- Zgusta, 1988 Zgusta, L. Lexicographica: Suppl. vol. to the International annual for lexicography [Text] / L. Zgusta // Publ. in coop. with the Dictionary soc. of North America (DSNA) a. the Europ. assoc. for lexicography (EURALEX). 18: Lexicography today. 1988.

- Urban Dictionary [Electronic resource]. URL: https://www.urbandictionary.com (дата обращения: 05.07.2018).
- The International Dictionary of Neologism [Electronic resource]. URL: http://www.neologisms.us (дата обращения: 07.07.2018).
- The Unword Dictionary [Electronic resource]. URL: http://www.unwords.com (дата обращения: 05.07.2018).
- WordSy [Electronic resource]. URL: https://wordspy.com (дата обращения: 07.07.2018).

References

- Alpatov, V. M. (2012). Narodnaya lingvistika v YAponii i Rossii [Folk linguistics in Japan and Russia]. In E. V. Golovko (Ed.) *«Narodnaya lingvistika»: vzglyad nositeley na yazyk* [View of native speakers on the language]: Paper abstracts for the Conference (pp. 7–10). St Petersburg: Nestor-Istoriya Press.
- Baranov, A. N. (2001). *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku* [Introduction to applied linguistics]. Moscow: Editorial URSS Press.
- Erofeeva, E. V. (2012). Variativnost' naivnykh tolkovaniy v raznykh sotsial'nykh gruppakh. In L. G. Kim (Ed.), *Obydennoe metayazykovoe soznanie i naivnaya lingvistika* [Ordinary metalinguistic and naïve linguistics]: Proc. of the II International Scientific Conference, Kemerovo, November 18–19, 2011] (pp. 248–252). Kemerovo: Kemerovo State University Press.
- Efremov, V. A. (2014). O novykh formakh naivnoy lingvistiki v epokhu internet [New Forms of 'Naïve Linguistics' in the Internet Age]. *Antropologicheskiy forum* [Forum For Anthropology And Culture], 21, 74–81.
- Zaliznyak, A. A. (2010). *Iz zametok o lyubitel'skoy lingvistike* [From the papers about folk linguistics]. Moscow: Russkiy Mir" Moskovskie uchebniki Press.
- Apresyan, Yu. D., Mednikova, E. M., Petrova, A. V. et al. (Eds.). (2000). *Novyy bol'shoy anglo-russkiy slovar'* [New full English-Russian Dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk Press.
- Polinichenko, D. Yu. (2011). Lyubitel'skaya leksikografiya: opyt issledovaniya [Amateur lexicology: An attempt of research]. *Vestnik KemGU* [Bulletin of Kemerovo State University], 4 (48), 205–211.
- Chernyak, V. D. (2014). Stikhiynaya leksikografiya kak instrument osvoeniya novogo slova [Amateur lexicography as an instrument for exploring new words]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Novosibirsk State Pedagogical University Bulletin], 3 (19), 30–36.
- Arutyunova, N. D. (Ed.). (2000). *Yazyk o yazyke* [Language about language]. Moscow: Yazyk russkoy kul'tury Press.
- Bejoint, H. (2010). The Lexicography of English. From origins to present. Oxford University Press.
- Atkins, B. T. S., Zampoli, A. (1994). *Computational approach to the Lexicon*. New York: Oxford University Press.
- Hall, R. A. (1990). A Life for Language. A Biographic Memoir of Leonard Bloomfield. John Benjamins Publishing Company.
- Hanks, P. (2013). Chapter 22: Lexicography from Earliest Times to the Present. *The Oxford Handbook of the History of Linguistics* (pp. 503–539). Oxford: Oxford University Press.
- Landau, S. I. (2001). Dictionaries: the art and craft of lexicography. Cambridge University Press, 2001.
- McArthur, T. (1986). Words of Reference. Lexicography, learning and language from the clay tablet to the computer. Cambridge University Press.
- Niedzielski, N. A., Preston, D. R. (2003). Folk Linguistics. Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Sinclair, J. (2004). Trust the text: language, corpus and discourse. London; New York: Routledge.
- Zgusta, L. (1988). *Lexicographica*: Suppl. vol. to the International annual for lexicography. Publ. in coop. with the Dictionary soc. of North America (DSNA) a. the Europ. assoc. for lexicography (EURALEX). 18: Lexicography today.
- Urban Dictionary. Retrieved July 05, 2018 from https://www.urbandictionary.com.
- The International Dictionary of Neologism. Retrieved July 07, 2018 from http://www.neologisms.us.
- The Unword Dictionary [Electronic Resource]. Retrieved July 05, 2018 from http://www.unwords.com.
- WordSy [Electronic Resource]. Retrieved July 07, 2018 https://wordspy.com.

УДК 81'23 UDC 81'23

Романова Татьяна Александровна
Московский городской педагогический университет
г. Москва, Российская Федерация
Tatiana A. Romanova
Moscow City University
Moscow, Russian Federation

tatianatatiana1616@gmail.com

КОНТАМИНАЦИЯ КАК СПОСОБ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В СФЕРЕ АНИМАЦИОННОЙ КИНЕМАТОГРАФИИ BLENDING AS A LANGUAGE MEANS TO REPRESENT PROFESSIONAL ACTIVITY IN THE SPHERE OF ANIMATION CINEMATOGRAPHY

Аннотация

Статья рассматривает контаминацию как способ языковой репрезентации с целью определения коммуникативной функциональности и целесообразности контаминации как словообразовательной модели на примере 10 контаминантов студии Disney: Audio-Animatronics, Fantasound, Autopia, Circarama, Kaleidophonic, imagineer, Mouseketeer, Mathmagic, Stegyosaurus, Disneyodendron. Поставленные задачи заключаются в изучении и определении степени мотивированности и компактности контаминантов и декодировании идей, скрытых за семантико-морфологической структурой контаминированных лексических единиц. Результаты, полученные в ходе анализа материала, показали, что для диснеевских контаминантов характерно оправданное имитирование структуры существующих лексических единиц. Выявлены следующие модели: 1) усечение морфем или графем и дальнейшее стяжение двух лексем или словообразовательных элементов в одну лексическую единицу; 2) усечение морфем(ы) ввиду фонетических ассоциаций с другим словом; 3) гаплологическое наложение; 4) сжатие свободного словосочетания до лексемы и с помощью интерфикса; 5) вставка графемы в исходную лексему в специфических лингвокреативных целях. Контаминация как словообразовательная модель демонстрирует автономность, лингвальную креативность личности, уход от речевых и терминологических штампов и играет большую роль в процессе имянаречения в творческой сфере деятельности.

Abstract

The present article studies blending as a means of linguistic representation at the Disney Studio and is based on 10 blend-words coined during the Disney production processes: *Audio-Animatronics, Fantasound, Autopia, Circarama, Kaleidophonic, imagineer, Mouseketeer, Mathmagic, Stegyosaurus, Disneyodendron.* The study aims to prove that blending is communicatively functional and turns out to be a reasonable word-formation model. The task is to explore and specify the degree of motivation, the capacity of blend-words and to decode the ideas behind the semantic and morphological structures of the blended lexical units. The results obtained during the material analysis show that the Disney blend-words tend to imitate the existing word-building patterns of the English lexicon. The following patterns were found: 1) morphemes or graphemes truncation with further liaison or 2 lexical units or word-building elements; 2) a morpheme truncation triggered by phonetic associations with another word; 3) hapological superposition; 4) a word group liaison to one lexeme using and interfix; 5) a grapheme insertion in the target lexeme for linguistic creativity purposes. Blending as a word-formation model demonstrates its self-sufficiency, linguistic creativity, avoiding speech and terminological clichés and it plays an important role in the process of naming in the field of creative activity.

Ключевые слова: телескопизмы, контаминанты, словообразование, декодирование, значение, имянаречение.

Keywords: blend-words, contaminants, word-building, decoding, meaning, naming.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_1_149_160

1. Введение

Процесс наименования новых изобретений, понятий, явлений тесным образом связан с мыслительными процессами носителя языка и словообразовательным потенциалом языка. Однако результаты мыслетворчества не всегда облекаются в формы, строго соответствующие сложившейся в языке системе словообразования, в связи с чем появляются нестандартные лексические единицы — окказионализмы, или авторские слова. Среди авторских слов часто встречаются так называемые телескопические слова (далее — ТС), или контаминанты, где имеет место компрессия информации в рамках одной лексемы, демонстрирующей словообразовательный и семантический потенциал языка и лингвальную креативность личности.

Природа телескопических образований является объектом изучения зарубежных и отечественных лингвистов [Pound, 1914; Algeo, 1977; Cannon, 1986; Gries, 2004; Тимошенко, 1976; Ильченко, 1993; Шевелева, 2003; Лаврова, 2013 а, б]. Отличительной особенностью телескопического словообразования является тот факт, что ни для одного другого способа не характерно такое разнообразие терминов, обозначающих результат словопроизводства. В английском языке это термины portmanteau word, telescope word, hybrid blend-word, amalgam word, fusion, composite word, overlapping word, etc. [Шевелева, 2003, с. 15]. В русском языке наблюдается похожая терминологическая неоднозначность: «словослияние», «слова-слитки», «контаминанты» «телескопные слова», «телескопические слова» «слова-амальгамы» и т. д. [Шевелева, 2003, с. 16; Лаврова, 2013б, с. 33]. На современном этапе из множества терминов предпочтение в основном отдаётся либо термину «телескопия», либо термину «контаминация» и, соответственно, их производным.

Значительное число терминологических обозначений можно объяснить тем, что языковеды до сих пор не могут унифицировать ТС по структурному критерию. Л. Кэрролл, назвав такие слова portmanteau words, подразумевал способность нескольких слов «комбинироваться путём соединения начала одного слова и конца другого с сохранением значения каждого из них», а при заимствовании термина telescope за основу бралась способность инструмента «укорачиваться за счёт стяжения его частей друг с другом» [Oxford Learner's Dictionaries] (здесь и далее перевод мой – ТР). Именно структурное многообразие слов-слитков привело к столь разветвлённой терминологии. В нашем исследовании мы будем использовать термин «телескопия» как отражающий структуру большинства исследуемых нами лексических единиц, так и термин «контаминация», обозначающий словообразовательное явление с «широким толкованием» и «широким диапазоном усечений и комбинаций усечённых компонентов» [Лаврова, 20136, с. 24].

Структурное многообразие телескопизмов учёные классифицируют по трём основным типам:

Полные телескопизмы, состоящие из двух усечённых основ;

Частичные телескопизмы, состоящие из осколка и основы слова;

Гаплологические телескопизмы, образованные посредством графического или фонетического наложения и имеющие общий элемент [Золотарева, 2011, с. 92–93].

Понятие «графической телескопии» было предложено Л. А. Тарасовой [Тарасова, 1989, с. 18]. По мнению учёного, соединение лексем происходит за счёт выпадения графем или наложения идентичных графем или слогов. В некоторых работах гаплологические производные рассматриваются в рамках телескопии как периферийные ввиду

сохранения у них акцентно-слоговой структуры одного из мотивирующих компонентов, тогда как «классический» телескопизм формируется по морфологическому принципу [Шевелева, 2003, с. 145–146]. Иными словами, «классические» телескопизмы сложнее гаплологических по своей семантико-морфологической структуре. В нашей работе мы будем придерживаться более широкого взгляда на природу контаминации, согласно которому новые лексические единицы образуются путём сокращения любых частей исходных слов [Там же, с. 146].

Считается, что ТС призваны отвечать номинативной целесообразности. Их создание обусловлено стремлением к номинативной яркости и речевой оригинальности [Там же, с. 55]. Когнитивная функция телескопизмов, по мнению Е. С. Кубряковой, заключается в том, что данные производные слова посредством своей структуры «отсылают» к известным предметам действительности [Кубрякова, 1978, с. 114]. Иначе говоря, сумма компонентов ТС передаёт новое понятие, с одной стороны, связанное с семантикой каждого из его исходных хорошо известных компонентов, а с другой, подлежащее процедуре декодирования разной сложности, в зависимости от структуры ТС. Телескопизмы помогают экономить речевые усилия и время, когда целое словосочетание можно «свернуть», или закодировать, в одну ёмкую, компактную лексическую единицу. Семантика таких лексических единиц «представляет собой функцию значений входящих в него компонентов и отношений между ними» [Лаврова, 20136, с. 22].

Объектом данного исследования являются слова-контаминанты, обозначающие различные аспекты профессиональной деятельности в сфере анимационного искусства (студия Disney) в английском языке. Новые слова-контаминанты, возникшие в рамках различных видов деятельности студии и её дочерних подразделений, имели целью передать самые необычные понятия, рождавшиеся в ходе технических и творческих процессов. Интерес к данной сфере с нашей стороны обусловлен тем обстоятельством, что ранее диснеевские контаминанты как единицы языка и контаминация как модель имянаречения не рассматривались комплексно с лингвистической точки зрения.

В нашей работе мы не ставим задачу оспорить те или иные взгляды на природу контаминантов или согласиться с какими-либо из них как единственно корректными. Наша цель — доказать коммуникативную функциональность и словообразовательную целесообразность диснеевских контаминантов в сфере их употребления. В связи с этим, перед нами стоят следующие задачи: 1) изучить степень мотивированности контаминантов при заимствовании из общелитературного языка определённых языковых единиц; 2) определить степень компактности контаминантов, образованных для передачи комплексного понятия; 3) декодировать идею, скрытую за семантико-морфологической структурой контаминантов.

2. Анализ контаминатов

2.1. Материал и методика исследования

Для исследования были отобраны 10 контаминантов: Audio-Animatronics, Fantasound, Autopia, Circarama, Kaleidophonic, imagineer, Mouseketeer, Mathmagic, Stegyosaurus, Disneyodendron. Данные лексические единицы демонстрируют морфологический и семантический потенциал английского языка, к которому прибегает языковая личность в процессе профессиональной деятельности для обеспечения коммуникативной функциональности.

Представленные контаминанты являются названиями, торговыми марками или прозвищами (кроме *imagineer*) и, следовательно, имеют написание с заглавной буквы. Специалисты отмечают, что контаминанты используются для номинации фирм, товаров, то есть в качестве номенклатурных единиц [Шевелева, 2003, с. 67; Астафурова, 2006, с. 183].

2.2. Обсуждение результатов

Развитие технологий на студии Disney влекло за собой появление новых понятий и их языковое означивание. Рассмотрим в качестве одного из технических новшеств своего времени изобретение Audio-Animatronics:

Audio-Animatronics < **audio** + **animation** + **electronics**. Словообразующий компонент *audio*-, являющийся комбинирующей префиксальной формой, с помощью дефиса соединяется с TC *animatronics*, оба компонента которого представлены в виде усечённых форм лексических единиц *animation* и *electronics*. Всё слово, скорее, следует рассматривать как сложное, вторая часть которого образована телескопически.

В словаре Merriam-Webster данный контаминант датирован 1963 годом и имеет следующее значение: being or consisting of a lifelike electromechanical figure of a person or animal that has synchronized movement and sound — 'похожая на живого человека или животное электромеханическая фигура, в которой синхронизируются движение и звук' [Merriam-Webster, 2019]. Как и в лексической единице *animation*, обозначающей кинематографическую сферу деятельности, где оживляются нарисованные предметы, в ТС *animatronics* семантика элемента *anima*- (лат. 'душа') также указывает на одушевление, но уже не графического, а электро-механического объекта, о чём свидетельствует морфемное сходство со словом electronics, в котором элемент *elec*- подвергся замене на *anima*-.

Таким образом, структурно лексическая единица *Audio-Animatronics* — это сложносоставное слово-телескопизм, где пропозиционный компонент *audio* определяет телескопизм *animatronics*, в котором латинское слово *anima* функционирует как самостоятельное слово со своей исконной семантикой в атрибутивной функции, поясняя сокращённое слово *electronics*.

Интересна история возникновения понятия и репрезентирующей его лексической единицы. Главной целью создателей было разработать такие механические модели, которые могли бы реалистично воспроизвести движения животных (life-like motion) и других фигур, а впоследствии и движения человеческого тела [Telotte, 2008, р. 121–122]. Считается, что существительное animatronics было придумано работником студии Disney Биллом Коттреллом, а другой работник, Дик Ирвин, добавил компонент audio- [Gabler, 2008, р. 579], поскольку новая система сочетала в себе звук, одушевление и электронику [Thomas, 1994, р. 307]. В 1964 году в телевизионном рекламном ролике, снятом по случаю участия компании Уолта Диснея WED Enterprises во Всемирной выставке в Нью-Йорке (1964—1965), Уолт Дисней познакомил публику с аудио-аниматроникой, пояснив, что созданный вид робототехники потребовал от них и специального названия [Романова, 2018, с. 98]. Несмотря на технический контекст употребления, сложное слово audio-animatronics не рассматривается большинством словарей как термин. В системе языка для специальных целей данное образование зафиксировано как торговая марка [Там же].

Ещё одним ярким и запоминающимся по названию техническим изобретением студии Disney можно считать систему стереозвучания Fantasound:

Fantasound < fantasy + sound. В данном контаминанте два корневых морфа «накладываются» друг на друга за счёт того, что имеют общий элемент, а именно графему s. От словосочетания *fantasy sound* телескопизм отделяет лишь отсутствие финальной графемы у первого элемента. Рассматриваемый контаминант можно было бы охарактеризовать как гаплологический, однако для этого необходимо наличие у двух лексем одинаково звучащих элементов (буквосочетаний) в месте наложения. В данном случае уместно говорить о группе эллиптических контаминантов, которые являются однословными синонимами соответствующих развёрнутых словосочетаний [Лаврова, 20136, с. 65]. Исходя из семантики образующих элементов контаминанта и последующего декодирования смысла, мы получаем фантастический, фантазийный звук — «фантазвук».

Система Fantasound, разработанная в 1941 году для аудиосопровождения показа полнометражной анимационной ленты «Фантазия», была первой системой, передававшей объёмное стереозвучание. Предполагалось, что с помощью этой системы зрители получат максимально яркие эмоции от просмотра ленты, в которой звучали всемирно известные классичесские музыкальные произведения.

В процессе работы над концепцией Диснейленда в 1950-х гг. были придуманы аттракционы, для наименования которых использовали телескопическую модель номинации, например *Autopia*:

Autopia < auto + utopia. Перед нами пример классического гаплологичекого телескопизма с общим элементом в месте наложения — *-uto-*. Декодирование данного ТС, на наш взгляд, не вызывает сложностей, так как в нём видны известные всем слова «авто(мобиль)» и «утопия». Но словосочетание «автомобильная утопия» было бы номинативно нецелесообразным для наименования аттракциона, поэтому прибегли к свёртыванию компонентов понятия: «автомобильная утопия» \rightarrow «автоутопия» \rightarrow «автопия».

Мы считаем нашу трактовку обоснованной, поскольку «Автопия» — название аттракциона скоростных машин в Диснейленде. На момент своего открытия в 1955 году в США аттракцион оказался «игровой» предтечей скоростных автомагистралей. Только в 1956 году Президент Эйзенхауэр подписал законодательство о скоростных федеральных автомагистралях [Graham, 2011]. То, что поначалу создателям аттракциона виделось утопией, со временем превратилось в реальность.

Главным направлением в деятельности студии Disney, как известно, было экранное творчество — создание мультфильмов и кинофильмов. В целях обеспечения наиболее ярких впечатлений у зрителей от просмотра продукции студии, Уолт Дисней и его команда разработали не только звукосистему Fantasound. Задумались они и о визуальных технических аспектах демонстрации экранного творчества, в результате чего возник способ показа под названием Circarama:

Circarama < circle + panorama. Контаминант образован при помощи усечённой формы слова *circle* и элемента *-rama*, благодаря которому, сразу возникает ассоциация с панорамой. Словообразовательный статус элемента *-rama* представляются неоднозначными и дискуссионными [Шевелева, 2003, с. 33]. Не все учёные склонны относить его к группе аффиксоидов, поскольку изначально это часть греческого слово *hórāma* со значением *view* 'вид' [The Concise Oxford Dictionary..., 2003, р. 2575]. По мнению некоторых исследователей, образования с аффиксоидами представляют собой переходную форму между телескопией, аффиксальным способом словообразования и словосложением [Шевелева, 2003, с. 154].

Сложение усечённых форм с учётом изначальных семантик исходных слов даёт нам возможность трактовать понятие Circarama следующим образом: $\kappa pyrobana$ панорама $\rightarrow \kappa pyrobana$. Иногда можно встретить трактовку $\mu p \kappa popa ma$, которая представляется нам некорректной, поскольку «отсылает» к кажущемуся иному значению первого элемента контаминанта, а именно к «цирку», что не соответствует действительности, поскольку суть аттракциона «Кругорама», представленного публике в Диснейленде в 1955 году, заключалась в том, чтобы показывать киноизображение на панорамном экране с углом обзора 360° .

Обращает на себя внимание графема а, которой нет ни в слове *circle*, ни в квазиморфе *-nor*-. Дело в том, что у контаминанта имеется ещё одна трактовка, на основании которой его можно разделить уже не на два, а на три элемента, один из которых представлен в неусечённом виде: circarama < circle + car + panorama. Присутствие элемента car объясняется тем, что спонсором аттракциона была американская автомобилестроительная компания American Motors. На вывеске, располагавшейся сна-

ружи аттракциона, название Circarama было написано большими чёрными буквами, за исключением слова саг, которое было выделено красным цветом [Korkis, 2012, р. 166]. Ввиду неоднозначной семантики, контаминант представляется сложным для декодирования, в связи с чем необходимо обращение к уточняющему контексту.

Развитие визуальных экранных эффектов привело к образованию такого сложного понятия, как Kaleidophonic:

Kaleidophonic < kaleidoscopic + phonic. Данный контаминант больше похоже на имитацию прилагательного с заменой конечного словообразовательного элемента *-scopic* греческого происхождения на *-phonic*. Впрочем, в данном контексте можно рассмотреть прилагательное *phonic* с тем же значением, что и у словообразовательного элемента от греческого *phōné*: relating to sound (то, что связано с голосовым или инструментальным звучанием) [Oxford Learner's Dictionaries, 2019; The Concise Oxford Dictionary..., 2003, p. 2701]. Мы полагаем, что при образовании контаминанта руководствовались именно имитацией на основе морфемного состава.

Данное название было придумано для шоу «Карусель прогресса» (The Carousel of Progress) для Всемирной Нью-Йоркской выставки (1964–1965). Студия Disney занималась разработкой, дизайном и проектированием павильонов и аттракционов для участников выставки, одним из которых была компания General Electric, чьи технические достижения и демонстрировала «Карусель прогресса». В начале шоу на большом экране появлялся анимационный калейдоскоп из лампочек GE, имевший музыкальное сопровождение и различные звуковые эффекты [Korkis, 2012, р. 207]. Предположительно, для технической идеи kaleidoscope with sound придумали ёмкое и понятное определение Kaleidophonic display 'калейдофонический показ' [ibid].

Телескопический способ имянаречения применялся не только для обозначения изобретений и направлений профессиональной деятельности, но и самих деятелей. Одними из самых известных деятелей на студии Disney после *animators* (художников-аниматоров) стали так называемые *imagineers*:

Imagineer < imagination + engineer. Данное TC имеет в себе общий для двух компонентов квазиморф -gin-. Опираясь на семантику компонентов, можно трактовать это слово как «воображенер», понятное любому носителю русского языка, хотя и являющееся окказионализмом. Одновременно можно трактовать *imagineer* как **«инженер** образа», что и делают переводчики книги «Война за империю Disney» с опорой на оригинальный текст [Стюарт, 2006, с. 73]. Соответственно, во втором случае обнаруживается иное структурно-семантическое наполнение: imagineer < image + engineer. Общность двух слов в составе ТС сокращается до одной графемы – g. По мнению биографа Нила Гейблера, автора книги «Уолт Дисней: триумф американского воображения», первый компонент слова imagineer представляет собой усечённый элемент существительного imagination 'воображение' [Gabler, 2008, p. 534]. Подтверждение версии Гейблера находим и в другом источнике, где сложное существительное названо словом-портмоне и разбивается на смысловые компоненты imagination и engineering [Gennaway, 2014, p. xix]. В электронном словаре сленга под imagineering понимается fusion from the words Imagination and Engineering - 'сплав слов «воображение» и «инженерная деятельность' [Urban Dictionary, 2019]. Другой словарный источник дефинирует imagineering kak the activity of inventing exciting things, especially machines for people to ride on in a theme park – 'деятельность, связанная с изобретением удивительных вещей, в особенности машин-аттракционов для тематических парков' [Oxford Learner's Dictionaries, 2019]. Таким образом, копируя семантико-морфологическую структуру английского TC, можно заключить, что *imagineer* – это *имажинер*.

Графически английское слово *imagineer* схоже с французским понятием *l'imaginaire*, которое было введено французским философом Жильбером Дюбраном и обозначало 'обобщение и воображения, и воображаемого, и воображающего. Это стихия воображения' [Лебедько, 2013]. Однако применительно к исследуемому нами случаю, принимая во внимание морфемный состав лексем двух языков, нет оснований полагать, что имело место заимствование французского слова.

TC imagineering использовалось в качестве термина компанией Alcoa Aluminium, которая в 1942 году опубликовала рекламную статью под заголовком *The Place They Do Imagineering* 'Место, где занимаются имажинерингом', в которой обосновала выбор именно такого слова, пояснив, что 'имажинеринг – это то, что даёт вашему воображению взлетать и парить, чтобы затем вернуть его обратно на землю в виде продукта инженерной мысли' [Gallery of Graphic Design, 2005].

Наибольшую известность TC *imagineering, imagineer* получили в контексте деятельности компании Disney в области робототехники и аттракционов, а также в названии подразделения Walt Disney Imagineering Research & Development, Inc. Диснеевские имажинеры считались непревзойдёнными специалистами в своём деле.

Творческими работниками на студии Disney были не только взрослые, но и дети, которых называли Mouseketeers:

Mouseketeer < mouse + musketeer. Контаминант, в котором усечению подвергается только второй компонент, а всё слово в целом повторяет слоговую структуру французского слова *mousquetaire*, послужившего моделью.

Н. А. Лаврова описывает контаминант *mouseketeer* как объединяющий структурно и семантически лексемы *mouse* и *musketeer* [Лаврова, 2013б, с. 350]. Мы позволим себе дополнить этот анализ предположением о том, что в данном случае мог иметь место фонетический аспект, а именно: слово mouse созвучно с квазиморфом *mus*- от корня *musket*; так как в дифтонгах, в данном случае [ао], второй элемент слабее первого, слово mouse послужило креативной заменой созвучному квазиморфу. В русском языке некоторое созвучие также прослеживается: *мыш* — *муш*-. Таким образом, нам представляется логичным трактовать контаминант как мышкетёр. Мышкетёрами именовались талантливые дети-артисты, выступавшие в телепередаче «Клуб Микки Мауса» (Mickey Mouse Club) в 1950-х гг. [Smith, 1998, р. 387]

Телескопические образования встречаются и в названиях экранной продукции студии Disney, например Mathmagic:

Mathmagic Land < mathematics + magic. Интересное слово, которое можно рассмотреть как контаминант и как составное слово, образованное путём сложения основ. В качестве первой производящей основы мы берём лексическую единицу *mathematics*, а не *maths*, потому что именно она упоминается в исходном видеоматериале Donald in Mathmagic Land [IMDb, 2015]. Но если в качестве производящей рассмотреть лексему *maths*, которая в американском варианте английского языка употребляется без буквы s, то уместно говорить не о контаминации, а о словосложении.

В рассматриваемой теме данная лексическая единица, на наш взгляд, являет собой пример наибольшей экономии речевых усилий. Предложно-именная конструкция, состоящая из трёх слов, артикля и предлога, the magic land of mathematics, «свёрнута» в словосочетание, где составное слово mathmagic служит атрибутивом к определяемому слову land. Лексическая единица mathmagic не требует пояснения и не вызывает трудностей при декодировании смысла ввиду очевидности значений её компонентов и их суммы.

На студии Disney вербализации посредством контаминации подвергались не только всевозможные аспекты творчества, но и миросозерцание во всех его проявлениях. Иной раз для кодирования какой-либо идеи демонстрировался невероятный лингво-

кругозор, выражавшийся, в частности, в «заигрывании» с научными наименованиями, как, например, в слове *Stegyosaurus*:

Stegyosaurus < **steg** + **y** + **o** + **saurus**. В данном слове не наблюдается характерных для контаминации усечений или наложений. В греческое название доисторического животного вставлена графема у, однако это обстоятельство не даёт нам никаких представлений о смысле подобной трансформации. Смысл появляется, если знать, что буквосочетание дуо это имя собственное. На студии Disney дверь каждого рабочего помещения, где трудились художники, украшали креативные карточки с именами. На одной из таких карточек весьма замысловатым образом было указано имя японской художницы Gyo Fujikawa (Гё Фудзикава): steGYOsaurus – «СтеГЁзавр» [Smoodin, 1994, р. 33]. С одной стороны, предположительно, «автору» названия показалось, что буквы д и о в латинском слове являются логичным основанием для того, чтобы вставить ещё одну – у. С другой стороны, данное составное слово-термин можно было бы квалифицировать как контаминант, в котором имя собственное Gyo является вставкой в центр другого слова, а значит, отвечает одному из требований, предъявляемых к структуре контаминанта [Лаврова, 20136, с. 195].

В связи с отсутствием какой-либо смысловой связи слова *Stegyosaurus* с наименованием доисторического животного, кроме сугубо лингво-креативной, для адекватного декодирования смысла требуется обращение к соответствующему контексту. На наш взгляд, слово *Stegyosaurus* представляет собой один из наиболее ярких примеров лингвальной креативности индивида. Однако данное образование имеет очень специфическую словообразовательную целесообразность и не отвечает коммуникативной функциональности, поскольку пример демонстрирует не экономию речевых усилий и времени, а, напротив, их трату.

Следующее слово едва ли можно считать примером контаминации, учитывая его морфемно-семантические особенности. Впрочем, нам интересны любые случаи приспособления лексических единиц под креативное мысле- и словотворчество:

Disneyodendron < Disney + o + dendron. Данный контаминант образован при помощи соединительной гласной, или интерфикса, о, тогда как остальные компоненты – имя собственное *Disney* и слово греческого происхождения *dendron* (дерево) – сохраняют свои формы. Примечательно, что можно было бы ограничиться составным существительным *Disneytree* или свободным словосочетанием *Disney tree*. На данном этапе исследования нам не совсем ясны причины подобной лексической и словообразовательной изощрённости, однако очевидно, что создатель данной единицы имел представление о биологической терминологии (например, ландшафтный дизайнер или имажинер), а также о правилах словообразования при наличии древнегреческого элемента, что подтверждается добавлением соединительной гласной о, которая типична для сложных слов греческой этимологии.

Словосочетанием *Disneyodendron eximius* в Диснейленде называли искусственное дерево из стали и цемента, созданное имажинерами, на котором располагался аттракцион «Дом на дереве Швейцарской семьи Робинзонов» (Swiss Family Tree House). По словам ландшафтного дизайнера Рея Миллера, в переводе на английский язык это означало *out-of-the-ordinary Disney tree* — 'экстраординарное диснеевское дерево' [Smoodin, 1994, p. 63].

3. Заключение

Проанализированный материал показал, что для диснеевских контаминантов характерно повторение структуры существующих лексических единиц за счёт таких факторов, как 1) усечение морфем или графем и дальнейшее стяжение двух лексем или

словообразовательных элементов в одну лексическую единицу (Animatronics, imagineer, Kaleidophonic, Circarama); 2) усечение морфем(ы) ввиду фонетических ассоциаций с другим словом (Mouseketeer); 3) гаплологическое наложение (Autopia); 4) сжатие свободного словосочетания до лексемы (mathmagic) и с помощью интерфикса (Disneyodendron); 5) вставка графемы в исходную лексему в специфических лингвокреативных целях (Stegyosaurus). Узнаваемая акцентно-слоговая структура исходных слов делает смысловое наполнение диснеевских контаминантов относительно несложным для декодирования. Хотя в целом отмечается двухэлементный состав телескопических слов, вместе с тем некоторые лингвисты обращают внимание на нерегулярность и непредсказуемость словообразовательных компонентов [Лаврова, 20136, с. 12]. Как мы могли видеть в нашем исследовании, в зависимости от смысловой наполненности состав может быть трёхкомпонентным (Circarama, Stegyosaurus), и для декодирования таких слов необходимо контекстуальное пояснение.

Представленные в исследовании сложносоставные лексические единицы демонстрируют, по сути, неограниченный морфологический и семантический потенциал английского языка, реализуемый через языковую креативность. В своей сфере употребления диснеевские телескопические слова подтверждают оправданность применения подобной модели словообразования, они структурно мотивированны и компактны, а также коммуникативно функциональны. Контаминация как словообразовательная модель демонстрирует автономность, лингвальную креативность личности, уход от штампов и клишированности речи и играет большую роль в процессе имянаречения в творческих сферах деятельности.

Список литературы

- Астафурова, 2006 Астафурова, Т. Н. Телескопия: новый способ словообразования? [Текст] / Т. Н. Астафурова, О. Н. Сухорукова // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2006. № 5. С. 182—185.
- Золотарева, 2011 Золотарева, Т. А. Структурный анализ телескопных новообразований в современном английском языке [Текст] / Т. А. Золотарёва // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. Т. 56. № 2. С. 91–94.
- Ильченко, 1993 Ильченко, Л. М. Компрессивное словообразование как один из способов реализации принципа языковой экономии (на примере современного английского языка) [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук 10.02.04 / Ильченко Людмила Михайловна; Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков. Пятигорск, 1993. 17 с.
- Кубрякова, 1978 Кубрякова, Е. С. Части речи в ономасиологическом освещении / Е. С. Кубрякова. М.: Наука, 1978. 114 с.
- Лаврова, 2013а Лаврова, Н. А. Контаминация как словотворческая модель: структура, семантика, стилистика, прагматика (на материале современного английского языка) [Текст]: автореф. д-ра филол. наук: 10.02.04 / Лаврова Наталия Александровна; Моск. гос. пед. ун-т. — Москва, 2013. — 48 с.
- Лаврова, 2013б Лаврова, Н. А. Контаминация как словотворческая модель: структура, семантика, стилистика, прагматика [Текст]: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Лаврова Наталия Александровна; Моск. гос. пед. ун-т. Москва, 2013. 520 с.
- Лебедько, 2013 Лебедько, В. Феминность и маскулинность. Отверженные богини [Электронный ресурс] / В. Лебедько // Сноб. 14.02.2013. URL: https://snob.ru/profile/26325/print/57507 (дата обращения: 19.08.2019).
- Романова, 2018 Романова, Т. А. Лингвокультурологические особенности формирования и употребления термина animation в английском языке // Вестник МГПУ. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2018. № 1 (29). С. 96—100.

- Стюарт, 2006 Стюарт, Дж. Война за империю Disney [Текст] / Дж. Стюарт / Пер. с англ. Е. Китаева, И. Козырь, И. Степанова. М.: Альпина Паблишер 2006. 648 с.
- Тарасова, 1989 Тарасова, Л. А. Словообразовательные способы нерегулярного сокращения морфов в современном английском языке (на примере телескопии) [Текст] / Л. А. Тарасова. Ашхабад: МНО ТССР, 1989. 42 с.
- Тимошенко, 1976 Тимошенко, Т. Р. Телескопия в словообразовательной системе английского языка [Текст]: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Тимошенко Тамара Романовна; Киев. пед. ин-т иностр. языков. Киев, 1976. 26 с.
- Шевелева, 2003 Шевелева, А. И. Структура и семантика телескопических производных с точки зрения когнитивной лингвистики [Текст]: дис. ... канд. филол. наук 10.02.04. Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена. Санкт-Петербург, 2003. 195 с.
- Algeo, 1977 Algeo, J. Blends, a structural and systemic view [Text] /J. Algeo // American Speech, 1977. № 52. P. 47–64.
- Cannon, 1986 Cannon, G. Blends in English word formation [Tekct] /G. Cannon // Linguistics, 1986. № 24. P. 725–753.
- Gabler, 2008 Gabler, N. Walt Disney. The Triumph of the American Imagination: biography [Text] / N. Gabler. USA: Alfred A. Knopf, 2008. 851 p.
- Gallery of Graphic Design, 2005 Gallery of Graphic Design [Electronic resource]. 16.06.2005. URL: http://gogd.tjs-labs.com/show-picture.php?id=1118935951 (дата обращения: 21.08.2019).
- Gennaway, 2014 Gennaway, S. Walt Disney and the Promise of Progress City [Text] / S. Gennaway / B. McLain (Ed.). ThemeParkPress, 2014. 238 p.
- Graham, 2011 Graham, B. Eat lights: become lights [Electronic resource] / B. Graham // The Quietus. 7.04.2011. URL: https://thequietus.com/articles/06034-eat-lights-become-lights-autopia-review-2 (дата обращения: 28.08.2019).
- Gries, 2004 Gries, S. Th. Isn't that Fantabulous? How Similarity Motivates Intentional Morphological Blends in English [Text] / S. Th. Gries // Language, Culture and Mind / M. Achard, S. Kemmer (eds.). Stanford: CSLI Publications, 2004. P. 415–428.
- IMDb, 2015 IMDb [Electronic resource]. 1990–2020. URL: https://www.imdb.com/title/tt0052751/ (дата обращения: 23.08.2019).
- Korkis, 2012 Korkis, J. The Revised Vault of Walt [Text] / J. Korkis. Theme Park Press, 2012. 282 p.
- Merriam-Webster Dictionary, 2019 Merriam-Webster Dictionary [Electronic resource]. –Merriam-Webster, 2019. URL: https://www.merriam-webster.com (дата обращения: 15.08.2019).
- Oxford Learner's Dictionaries, 2019 Oxford Learner's Dictionaries [Electronic resource]. Oxford University Press, 2019 URL: http://www.oxfordlearnersdictionaries.com (дата обращения: 15.08.2019).
- Pound, 1914 Pound, L. Indefinite Composites and Word-Coinage Text [Text] / L. Pound // Modern Language Review 8. Faculty Publications. Department of English. University of Nebraska. Lincoln: University of Nebraska Press, 1914. P. 324–330.
- Smith, 1998 Smith, D. Disney A to Z: The Updated Official Encyclopedia [Text] / D. Smith. New York: Hyperion, 1998. 633 p.
- Smoodin, 1994 Smoodin, E. L. Disney Discourse: Producing the magic kingdom [Text] / E. L. Smoodin / Eric Smoodin (Ed.). New York: Routledge, 1994. 270 p.
- Telotte, 2008. Telotte, J. P. The Mouse Machine: Disney and Technology [Text] / J. P. Telotte. Chicago: University of Illinois Press Urbana and Chicago, 2008. 222 p.
- The Concise Oxford Dictionary..., 2003 The Concise Oxford Dictionary of English Etymology [Text] / T. F. Hoad (ed.). Oxford :Oxford University Press, 2003. 4217 p.
- Thomas, 1994 Thomas, B. Walt Disney: An American Original [Text] / B. Thomas. New York: Disney Editions, 1994. 384 p.
- Urban Dictionary, 2019 Urban Dictionary [Electronic resource]. Urban Dictionary, 1999–2020. URL: http://www.urbandictionary.com (дата обращения: 05.09.2019).

References

- Astafurova, T. N. (2006). Teleskopiya: novyy sposob slovoobrazovaniya? [Telescopy: a new way of word formation?]. *Vestnik VolGU. Seriya 2: Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 5, 182–185.
- Zolotareva, T. A. (2011). Strukturnyy analiz teleskopnykh novoobrazovaniy v sovremennom angliyskom yazyke [Structural analysis of telescope neologisms in the modern English language]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Ivzestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2 (56), 91–94.
- Ilchenko, L. M. (1993). Kompressivnoe slovoobrazovanie kak odin iz sposobov realizatsii printsipa yazykovoy ekonomii (na primere sovremennogo angliyskogo yazyka) [Compressive word formation as the way to carry out the principle of language economy (Based on modern English)]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Pyatigorsk: Pyatigorsk State University.
- Kubryakova, E. S. (1978). *Chasti rechi v onomasiologicheskom osveshchenii* [Parts of speech in terms of Onomaseology]. Moscow: Nauka Press.
- Lavrova, N. A. (2013a). Kontaminatsiya kak slovotvorcheskaya model': struktura, semantika, stilistika, pragmatika (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka) [Contamination as a word-making model: structure, semantics, stylistics, pragmatics (Based on modern English)]. Author's abstract of Doctoral diss. in Philological sci. Moscow: Moscow Pedagogical State University.
- Lavrova, N. A. (2013b). Kontaminatsiya kak slovotvorcheskaya model': struktura, semantika, stilistika, pragmatika (na materiale sovremennogo angliyskogo yazyka) [Contamination as a word-making model: structure, semantics, stylistics, pragmatics (Based on modern English)]. Doctoral diss. in Philological sci. Moscow: Moscow Pedagogical State University.
- Lebed'ko, V. (2013). Feminnost' i maskulinnost'. Otverzhennye bogini [Femininity and masculinity. Castaway Goddesses]. *Snob* [Snob]. Retrieved August 19, 2019 from https://snob.ru/profile/26325/print/57507.
- Romanova, T. A. (2018). Lingvokul'turologicheskie osobennosti formirovaniya i upotrebleniya termina animation v angliyskom yazyke [Linguo-cultural Peculiarities of the Development and Application of Terms Animation in English]. *Vestnik MGPU. Seriya: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovoe obrazovanie* [Vestnik of Moscow City University. Series «Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education»], 1 (29), 96–100.
- Styuart, Dzh. (2006). Voyna za imperiyu Disney [Disney War]. Moscow: Alpina Pablisher Press.
- Tarasova, L. A. (1989). *Slovoobrazovatel'nye sposoby neregulyarnogo sokrashcheniya morfov v sovremennom angliyskom yazyke (na primere teleskopii)* [Word-formation methods of irregular morphs reduction in modern English (Based on telescopy)]. Ashkhabad: MNO TSSR Press.
- Timoshenko, T. R. (1976). Teleskopiya v slovoobrazovatel'noy sisteme angliyskogo yazyka [Telescopy in the word-formation system of the English language]. Author's abstract of PhD in Philological sci. diss. Kiev: Kiev State Pedagogical Institute of Foreign Languages.
- Sheveleva, A. I. (2003). Struktura i semantika teleskopicheskikh proizvodnykh s tochki zreniya kognitivnoy lingvistiki [The structure and semantics of telescopic derivatives in terms of Cognitive Linguistics]. PhD in Philological sci. diss. St-Petersburg: The Herzen State Pedagogical University of Russia.
- Algeo, J. (1977). Blends, a structural and systemic view. American Speech, 52, 47–64.
- Cannon, G. (1986). Blends in English word formation. *Linguistics*, 24, 725–753.
- Gabler, N. (2008). Walt Disney. The Triumph of the American Imagination: biography. USA: Alfred A. Knopf.
- Gallery of Graphic Design, (2005). Retrieved August 21, 2019 from http://gogd.tjs-labs.com/show-picture.php?id=1118935951
- Gennaway, S. (2014). Walt Disney and the Promise of Progress City. Ed by B. McLain. ThemeParkPress.
- Graham, B. (2011). Eat lights: become lights. The Quietus. Retrieved August 28, 2019 from https://thequietus.com/articles/06034-eat-lights-become-lights-autopia-review-2.

- Gries, S. Th. (2004). *Isn't that Fantabulous? How Similarity Motivates Intentional Morphological Blends in English. Language, Culture and Mind.* M. Achard, S. Kemmer (Eds.). Stanford: CSLI Publications.
- IMDb. (2015). Retrieved August 23, 2019 from https://www.imdb.com/title/tt0052751/>.
- Korkis, J. (2012). The Revised Vault of Walt. Theme Park Press.
- Merriam-Webster Dictionary (2019). Retrieved August 15, 2019 from https://www.merriam-webster.com.
- Oxford Learner's Dictionaries. (2019). Retrieved August 15, 2019 from http://www.oxfordlearnersdictionaries.com.
- Pound, L. (1914). Indefinite Composites and Word-Coinage Text. *Modern Language Review 8. Faculty Publications. Department of English. University of Nebraska* (pp. 324–330). Lincoln: University of Nebraska Press.
- Smith, D. (1998). Disney A to Z: The Updated Official Encyclopedia. New York: Hyperion.
- Smoodin, E. L. (1994). Disney Discourse: Producing the magic kingdom. New York: Routledge.
- Telotte, J. P. (2008). *The Mouse Machine: Disney and Technology*. Chicago: University of Illinois Press Urbana and Chicago.
- The Concise Oxford Dictionary of English Etymology (2003). T. F. Hoad (Ed.). Oxford: Oxford University Press.
- Thomas, B. (1994). Walt Disney: An American Original. New York: Disney Editions.
- Urban Dictionary. (2019). Retrieved September 05, 2019 from http://www.urbandictionary.com.

УДК 811.512.212, 81'33 UDC 811.512.212, 81'33

Хань Юфэн

Научно-исследовательский институт по межнациональным отношениям г. Харбин, КНР

Нап Youfeng

Research Institute for Interethnic Relations

Harbin, China

Мэн Шусянь

Департамент по национальным вопросам этнических меньшинств
Провинция Хэйлунцзян, КНР
Meng Shuxian
Department of National Affairs of Ethnic Minorities
Heilongjiang province, China

mahayer 111@sina.com

Морозова Ольга Николаевна, Иванашко Юлия Петровна, Процукович Елена Александровна, Андросова Светлана Викторовна Амурский государственный университет г. Благовещенск, Российская Федерация Olga N. Morozova, Yulia P. Ivanashko, Elena A. Protsukovich, Svetlana V. Androsova Amur State University

Blagoveshchensk, Russian Federation morozova olga06@mail.ru, polia-80@mail.ru, amursea@mail.ru, androsova @mail.ru

Булатова Надежда Яковлевна
Институт лингвистических исследований Российской Академии Наук
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
Nadezhda Ya. Bulatova
Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences
St Petersburg, Russian Federation

bulatovany@gmail.com

COПОСТАВИТЕЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ МЕСТОИМЕНИЙ В ОРОЧОНСКОМ И ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКАХ* COMPARING PRONOUNS IN OROCHON AND EVENKI

Аннотация

В настоящей статье представлены результаты анализа лексико-грамматических разрядов местоимений (личные, возвратные, указательные, вопросительные) орочонского языка; рассматриваются способы образования грамматических категорий местоимений (число, лицо, падежная форма). Сопоставление полученных данных со сведениями об аналогичных грамматических разрядах и категориях местоимений эвенкийского языка, представленных в научной литературе, обнаруживает близость грамматических систем двух генетически схожих языков. Анализ личных местоимений демонстрирует совпадение их значений и количества в единственном и множественном числе. Однако в эвенкийском языке отмечается

^{*} Исследование выполнено при поддержке гранта АмГУ «Парадигматика и синтагматика орочонсокго языка», 2019–2020.

более развитая система падежей личных местоимений. Сопоставление падежной парадигмы личных и возвратных местоимений сравниваемых языков свидетельствует о соответствии падежных суффиксов винительного, дательного, направительного и местного падежей. Недостаток материала не позволил установить наличие категории склонения у указательных и вопросительных местоимений. Анализ функций вопросительных местоимений выявил их соответствие в обоих языках; указательные местоимения орочонского языка продемонстрировали больший набор функций по сравнению с аналогичными местоимениями эвенкийского языка.

Abstract

The current article presents the results of the observation of the Orochon pronoun lexical-grammatical types (personal pronouns, reflexive pronouns, demonstrative pronouns, interrogative pronouns) and the ways of their grammatical categories forming (number, person, case form). Data resulting from the comparison of Orochon and Evenki pronouns types and categories reveal considerable similarity of the grammatical systems of the two closely related languages. Personal pronouns analysis demonstrates the correspondence of their meanings and numbers in the singular and plural. However, the Evenki language demonstrates a more developed system of personal pronouns cases. Case suffixes of the accusative, dative, directive and local cases of personal and reflexive pronouns in both languages are equivalent. The declension category of demonstrative and interrogative pronouns still needs more material to be analyzed. The functions of interrogative pronouns are equivalent in both languages; the demonstrative pronouns of the Orochon language present a wider set of functions in comparison with their counterparts of the Evenki language.

Ключевые слова: орочонский язык, эвенкийский язык, грамматика, морфология, личное местоимение, возвратное местоимение, указательное местоимение, вопросительное местоимение, категория числа, категория лица, падежные формы.

Keywords: the Orochon language, the Evenki language, grammar, morphology, personal pronoun, reflexive pronoun, demonstrative pronoun, interrogative pronoun, number, person, case.

doi: 10.22250/2410-7190 2020 6 1 161 171

1. Введение

Настоящее исследование представляет собой часть коллективной работы, посвящённой парадигматике и синтагматике орочонского языка. Ранее был проведён анализ грамматических категорий имени существительного (числа, склонения и притяжательности) орочонского языка и способов их образования [Морозова et al, 2019]. Целью данной работы является описание лексико-грамматических разрядов местоимений (личные, возвратные, указательные, вопросительные) и способов образования их грамматических категорий (число, лицо, падежная форма) в орочонском языке. Необходимость проведения комплексного и всестороннего анализа грамматического строя орочонского языка очевидна, поскольку имеющиеся на сегодняшний день данные носят фрагментарный характер и нуждаются в существенном пополнении, упорядочивании и классификации. Кроме того, важно сопоставить результаты, полученные по орочонскому языку, с фактами, описанными в научной литературе о формах и способах образования местоимений в близкородственном эвенкийском языке.

2. Лексико-грамматические разряды местоимений

Местоимение — это самостоятельная часть речи, которая указывает на предмет (лицо), признаки, количество, не называя их и не выделяя их постоянных свойств, то есть заменяет существительные, прилагательные, наречия и числительные [БТС, 2004; БЭС, 1991]. Местоимения обладают общеграмматическим значением предметности, в

связи с чем им сопутствуют частнограмматические категории числа и падежа [Болдырев, 2007, с. 242].

Анализ научной литературы [Болдырев, 2007; Булатова, 2002; Константинова, 1964; Василевич, 1948; Материалы..., 2014; Хань Юфэн, Мэн Шусянь, 1993, 2013, 2014; Мэн Шусянь, 2017; Са Сижун, 1981; Ху Цзэни, 1986, 2001] показал, что по своим лексическим значениям местоимения в орочонском и эвенкийском языках делятся на несколько разрядов. Их количество в сопоставляемых языках разнится. Так, в эвенкийском языке выделяют 1) личные, 2) лично-возвратные, 3) определительные, 4) указательные, 5) вопросительные, 6) неопределённые и 7) отрицательные. В орочонском языке представлены 4 разряда местоимений: личные, возвратные, указательные и вопросительные.

2.1. Личные местоимения

2.1.1 Категория числа личных местоимений

Личные местоимения обозначают предметы, относящиеся к категории лица. В орочонском и эвенкийском языках выделяют семь личных местоимений: три в единственном числе и четыре – во множественном.

T	a 6	лица	1. Личные мес	стоимения в	орочонском и	і эвенкийском языках
---	-----	------	---------------	-------------	--------------	----------------------

П	Число	Местоимения		2
Лицо		Орочонский язык	Эвенкийский язык	Значение
1-e	ед. ч.	$\delta ar{u}$ — я	δu — я	обозначение говорящим самого себя
2-е	ед. ч.	$u_{\!ar{u}}$ $-$ ты	си – ты	обозначение лица, к которому обращена речь
3-е	ед. ч.	<i>нōнин</i> — он	нунан — он	обозначение лица, выраженного в предшествующем или последующем повествовании
1-e	мн. ч.	$6ar{y}$ — мы	$\mathit{бy}-$ мы	обозначение группы лиц, включая говорящего, но исключая слушающего или слушающих
1-e	мн. ч.	мити — мы	мит — мы	обозначение группы лиц, включая говорящего и слушающего или слушающих
2-е	мн. ч.	$mar{y}$ — вы	су – вы	обозначение лиц, к которым обращена речь, либо вежливое обращение к одному лицу
3-е	мн. ч.	<i>нōртын</i> — они	нуңартын — они	обозначение лиц, выраженных в предшествующем или последующем повествовании

Примечание к таблице 1: Орочонский язык не имеет письменности. В настоящей работе применяется упрощённая транскрипция на кириллице с целью более наглядного сопоставления морфологии орочонского и эвенкийского языков.

Из таблицы видно, что значения всех местоимений в сравниваемых языках совпадают. Кроме того, наблюдается значительная фонетическая близость личных местоимений в орочонском и эвенкийском языках, что подтверждает их типологическое родство.

2.1.2. Категория склонения личных местоимений

В орочонском и в эвенкийском языках личные местоимения единственного и множественного числа имеют категорию склонения. В таблицах 2–3 представлены данные о падежной системе личных местоимений ед. ч. и мн. ч. в орочонском языке.

Таблица 2. Личные местоимения единственного числа в орочонском языке

Падеж	Местоимение	Пример
Именительный	бӣ — я щӣ — ты нōнин - он	$egin{aligned} egin{aligned} eta ar{u} & ext{каргйр калади бищим} & - ext{моя} \ & ext{фамилия Хань} \end{aligned}$
Родительный	минӊи — мой щинӊи — твой нōнӊи - его	щинни тэтий – твоя одежда
Винительный	минэвэ — меня щинэвэ — тебя нонман — его	бй <i>нонман</i> улгудёндив – я сказал про него
Совместный	<i>минди</i> — и я / со мной ицинди— и ты / с тобой <i>нōнди</i> — и он / с ним	минди эмунду депкэ̄л! – Давай вместе ты и я поедем!
Дательный	минду — мне щинду — тебе нōнду — ему	урувэ <i>минду</i> бурэн – поделись со мной мясом (раздели мне мясо)
Исходный	миндухи — от меня щиндухи — от тебя нондухи — от него	кохан <i>нодухи</i> йабудя – ребёнок пошёл от него
Местный	миндулэ́ – там у меня щиндулэ́ – там у тебя нондулэ́н – там у него	муринниш <i>миндулэ</i> бищин – твоя лошадь там у меня (находится)
Направительный	минтыхи — мне / по отношению ко мне щинтыхи — тебе / по отношению к тебе нонтыхин — ему / по отношению к нему	бй <i>нонтыхин</i> улгудёндив — я сказал ему
Неопределённого направления $\begin{array}{c} \textit{минтых} \bar{\jmath} x u - \text{ко мне / в направлении меня} \\ \textit{ицинты} x \bar{\jmath} x u - \text{к тебе / в направлении к тебе} \\ \textit{нонты} x \bar{\jmath} x u + \text{к нему / в направлении к нему} \end{array}$		бэйун <i>щинтих5хи</i> йабудя – лось пошёл к тебе туда
миндулй — через меня Сквозной щиндулй — через тебя нондулйн — через него		тари бэйэ <i>миндулй</i> йабудя – тот человек прошёл через меня там

Категория склонения личных местоимений в эвенкийском языке включает в себя 13 падежей: 1) именительный, 2) винительный, 3) винительно-неопределённый, 4) дательный, 5) местный, 6) направительный, 7) продольный, 8) направительно-местный, 9) направительно-продольный, 10) отложительный, 11) исходный (мн. ч.), 12) творительный, 13) совместный [Болдырев, 2007, с. 244–245; Булатова, 2002, с. 15–16]. Таким образом, падежная система эвенкийского языка является более развитой по сравнению с орочонским языком, который насчитывает 10 падежей личных местоимений. При этом, семь падежей орочонского языка находят соответствие в эвенкийском (именительный, винительный, совместный, дательный, исходный, местный, направительный). Однако, в свою очередь, в орочонском языке были отмечены падежи (неопределенного направления и сквозной), не нашедшие коррелятов в падежной парадигме эвенкийского языка.

Анализ падежных форм личных местоимений показал, что основным способом

их образования является аффиксация. Сопоставление местоимений в двух языках продемонстрировало частичное совпадение суффиксов винительного, дательного, местного и направительного падежей как в единственном, так и во множественном числе. Исследование падежных форм существительных орочонского и эвенкийского языков, проведенное ранее [Морозова др., 2019, с. 176], выявило аналогичное соответствие суффиксов указанных выше падежей.

Таблица 3. Личные местоимения множественного числа в орочонском языке

Падеж	Местоимение	Пример
Именительный	бў— мы (не включая слушающего) миты— мы (включая слушающего) шў— вы нōртын— они	$\delta ar{y}$ д $ar{e}$ хтэ де $\delta \zeta$ д $ar{e}$ хтэ дебдевун – мы поели
Родительный	мўнңи— наш (не включая слушающего) митырңи— наш (включая слушающего) шўнңи— ваш нонңитын— их	эри тарган <i>митырңи</i> — эта земля — наша (включая слушающего)
Винительный	мунэвэ – нас (не включая слушающего) Винительный митырвэ – нас (включая слушающего) шунэвэ – вас н брватын – их	
Совместный	мунди — и мы / с нами митыди — и мы / с нами (включая слушающего) шунди — и вы / с вами нōрдитын — и они / с ними	бй <i>нōрдитын</i> эмунду бищим – я живу с ними вместе
Дательный	мўндў— нам митырду— нам (включая слушающего) шўнду— вам нōрдутын— им	гурун <i>мўндў</i> дюйэ водя — Государство нам построило дом
Исходный	мундухи — от нас миртырдухи — от нас (включая слушающего) щундухи — от вас нōрдухитын — от них	мурин <i>миртырдухи</i> ухтылде – лошадь убежала от нас
Местный	мундулэ́ — у нас там миртырлэ́ — у нас там (включая слушающего) шундулэ́ — у вас там но́рдула́дин — у них там	бй <i>шундулэ</i> ңенэм – я пойду к вам
Направительный	мунтыхи — нам / по отношению к нам минтыхи — нам / по отношению к нам (включая слушающего) шунтыхи — вам / по отношению к вам нортыхитын — им / по отношению к ним	щй <i>но́ртыхитын</i> улгудёхэл! – ты скажи им!
Неопределённого направления	мунтых эхи — к нам / по направлению к нам минтых эхи — к нам / по направлению к нам (включая слушающего) шунтых эхи — к вам / по направлению к вам нортых эхитин — к ним / по направлению к ним	кумахā <i>мунтыхэ́хи</i> эмэрэн – олень идёт к нам
Сквозной	мундулй — через нас миндилй — через нас (включая слушающего) шундулй — через вас нбрдулитын — через них	тихдэ <i>нōрдулитын</i> тихдэнэхэ́н йабудя — дождь прошёл там через них

2.2. Возвратные местоимения

Группа возвратных местоимений орочонского языка представлена словами $м\bar{\jmath}$ ним $m\bar{\jmath}$

Падеж	Местоимение	Пример
Родительный	мэнңиви	бй мэнциви муринми дявадяв – я сам схватил свою лошадь
Винительный	мэ́нми	щй <i>мэнми</i> идехэл – посмотри на себя
Совместный	мэндиви	бй мэндиви улгудёмэдим – я разговариваю сам с собой
Дательный	мэндуви	нэхуңив <i>мэндуви</i> дюйа воран – мой младший брат себе строит дом
Исходный	мэндухви	бй <i>мэ́ндухви</i> дехтэ бу́дев – я сам отдал рис
Местный	мэндулэви	щй дяхава <i>мэндулэви</i> нэхэл – положи вещи у себя там
Направительный	мэнтыхиви	щй мова <i>мэ́нтыхэ́хиви</i> та́ңкал – потяни дерево по направлению к себе
Неопределённого направления	мэнтыхэхиви	шў дяхава <i>мэнтыхэхиви</i> элбухэлу – унесите вещи к вам туда
Сквозной	мэндуливи	эри кохан <i>мэндуливи</i> йабура бэйунмэ йабухандя – этот ребёнок позволил уйти лосю, который проходил мимо него

Таблица 4. Возвратное местоимение мэн- в орочонском языке

Возвратное местоимение $м\bar{\jmath}$ н- может употребляться и в удвоенной форме – $m\bar{\jmath}$ нм- $\bar{\jmath}$ н – со значением 'каждый себе, каждый сам по себе, каждый сам за себя, каждый в отдельности, свой собственный, индивидуальный, особый': *тарил урэлэг эмэргимнэг міднмінци дюлави йабуді*л – после возвращения с горы, они пошли по домам. В научной литературе возвратные местоимения, выполняющие описанные выше функции, в эвенкийском языке подразделяются на лично-возвратные, представленные формами ед. ч. *мэн*- и мн. ч. *мэр*-, и возвратно-притяжательные, образованные с помощью суффиксов -*ви*, -*ми* (в ед. ч.), -*вэр*, -*мэр* (во мн. ч.). Они соответствуют русским местоимениям: определительному *сам*, возвратному *себя*, притяжательному *свой* [Болдырев, 2007, с. 251–253; Булатова, 2002, с. 18; Василевич, 1948, с. 33; Константинова, 1964, с. 131–132].

Возвратные местоимения орочонского эвенкийского языков обычно употребляются с личными местоимениями, именами существительными, как уточняющими их словами, согласуясь с ними в лице, числе и падеже. Анализ падежной системы сопоставляемых языков показал полное соответствие форм образования возвратного местоимения в винительном, дательном, направительном и местном падежах.

2.3. Указательные местоимения

Указательные местоимения служат для указания на предмет, в результате которого он выделяется из всех однородных с ним предметов. К указательным местоимениям в орочонском языке относятся слова с корнем 9p- 'этот, эта, это' и map- 'тот, та, то'.

Местоимение э*p*- указывает на предмет, находящийся в непосредственной близости, в пределах видимости либо на то, что было только что упомянуто, либо на предмет вообще известный, определённый. Указательное местоимение *map*- связано с указанием на более отдалённый предмет или предмет, упоминавшийся ранее.

Эвенкийские указательные местоимения представлены идентичными орочонским местоимениям формами \mathfrak{p} - 'этот, эта, это' и \mathfrak{map} - 'тот, та, то'. В сравниваемых языках указательные местоимения, обладая общеграмматическим значением предметности, имеют формы единственного или множественного числа. Изменение по числам у данных местоимений происходит по аналогии с именем существительным: форма единственного числа характеризуется отсутствием аффикса числа, а форма множественного числа — наличием аффикса \mathfrak{n} , присоединяемого к соответствующим основам с помощью соединительного гласного \mathfrak{u} . Единственное число: $\mathfrak{p}\mathfrak{p}$ 'этот, эта, это' и \mathfrak{map} 'тот, та, те'; множественное число: $\mathfrak{p}\mathfrak{un}$ 'эти' и \mathfrak{mapun} 'те'. Таким образом, формы рассматриваемых местоимений эквивалентны в обоих языках.

Эвенкийские указательные местоимения склоняются. Падежная система данных местоимений орочонского языка в настоящее время не описана. В составе предложения указательные местоимения в орочонском и эвенкийском языках могут выступать в функции подлежащего, дополнения, обстоятельства. Указательные местоимения в орочонском языке могут применяются не только в отношении человека, но также относительно вещей, местоположения, качества, состояния, количества и т. д. При указании на качество либо количество, основа указательного местоимения теряет конечный согласный -p, стягиваясь до форм 9- и ma- (см. табл. 5).

Функция	Местоимение	Пример	
Указание на человека или предмет	эри — это тари— то эрил — эти тарил — те	эри тэты минӊи — эта одежда — моя тари тэты щинӊи — та одежда — твоя эрил мурин мунӊи — эти лошади — наши тарил мурин шӯнӊи — те лошади — ваши	
Указание на местоположение	эргидэ — здесь / эта сторона таргида — там / та сторона	нэхунив эргидэ дюду бищин — мой младший брат живёт в доме, который здесь / на этой стороне ахинив таргида дюду бищин — мой младший брат живёт в доме, который там / на той стороне	
Указание на качество, состояние	эңңэдин — такой (этого вида / вида, как это) <i>таңңядин</i> — такой (того вида / вида, как то)	бэйун энңедин буваду бимкин – в таком месте, как это, возможно, есть лоси кумахā таңңядин буваду бимкин – в таких местах, как те, возможно, есть олени	
Указание на степень, количество	эдиргё — так много / столько (определяет это) тадиргё — так много / столько (определяет то)	гулйн эдиргё улэбде — хлеба осталось столько улэ тадиргё бищин — мяса ещё так много осталось	

Таблица 5. Указательные местоимения в орочонском языке

В эвенкийском языке указательные местоимения имеют единственную функцию – указание на человека или предмет. Указание на степень или количество в эвенкийском языке может передаваться с помощью местоимений другого разряда – предметно-определительных кэтэды, кэтэрэ, кэтэ 'много, многие, большая часть, большинство'. Для указания на местоположение и качество в данном языке, вероятно, применяются другие знаменательные части речи – наречия, имена прилагательные, имена существительные в различных падежных формах.

2.4. Вопросительные местоимения

Вопросительные местоимения указывают на предметы, признаки, время или количество, которые не известны говорящему, и употребляются прежде всего в вопросительных предложениях. В орочонском языке вопросительные местоимения различаются относительно человека, предметов и явлений, состояния, количества и т. д. (см. табл. 6).

Функция	Местоимение	Пример
Указание на человека	$Har{u}$ — КТО	щӣ нӣ бищиӊи? – ты кто?
Указание на предметы, явления	<i>ихун</i> — что <i>йеман</i> — который	эри ихун дяха? — это какая вещь? эри дюр йеман? — эти двое которые?
Указание на местоположение	<i>ири</i> — который <i>илэ</i> — где <i>иргида</i> — где	дёхдэ илэ бищин? – где рис?
Указание на время $uxy\partial y$ — когда $ar{a}\pi u$ — когда		щӣ ихуду йабуӊи? – ты когда пойдешь?
Указание на состояние	<i>иргэдин</i> – какой, каким образом <i>иңңэдин</i> – какой, какого вида	щӣ иргэдин тэди гадяӣ? – ты какую одежду купил?
Указание на количество $ \begin{array}{c} a\partial u - \text{сколько (до 10)} \\ \bar{o}xu - \text{сколько} \\ u\partial epr\bar{e} - \text{какие несколько} \end{array} $		эри дийā ōхи? — здесь сколько денег?
Указание на степень образа действия $ar{o}$ <i>н</i> $-$ как		тари урувэ от оти? – ты как разделываешь то мясо?

Таблица 6. Вопросительные местоимения

В эвенкийском языке разряд вопросительных местоимений представлен следующими словами: ни 'кто', экун 'что', авгу, идыг, идыву 'который', ир 'где', экума 'какой' (из чего сделанный), экума, экуды, авады 'какой' (к чему относящийся), экуппы, авадыппы 'какой' (какого времени), экучи 'какой' (что имеющий), экуннги 'чей', анпы 'каков', ады, оки 'сколько, сколький', асун 'сколько', нини, экунни 'чей' [Болдырев, 2007, с. 275; Булатова, 2002, с. 9; Василевич, 1948, с. 34; Константинова, 1964, с. 135]. Эвенкийские местоимения ни 'кто' и экун 'что' относятся к различным сематическим группам имён существительных: ни употребляется для обозначения лица, экун обозначает все живые и неживые предметы, включая человека [Болдырев, 2007, с. 275].

Все эвенкийские вопросительные местоимения имеют категорию склонения. Местоимения *ады*, *оки* 'сколько, сколький' и *асун* 'сколько' не противопоставляются друг другу по числовым значениям; все остальные местоимения изменяются по числам [Константинова, 1964, с. 135]. Изменение эвенкийских местоимений по падежам и числам происходит путём присоединения к основе слова соответствующих суффиксов.

Местоимение э*кун* 'что' имеет также притяжательные формы и формы отчуждаемой принадлежности э*курдутэн* 'каким таким, кому их' [Василевич, 1948, с. 34].

Сопоставление вопросительных местоимений в орочонском и эвенкийском языках выявило полное соответствие форм местоимений $n\bar{u}$ 'кто' и $a\partial u$ 'сколько'. Фонетическая близость отмечена для местоимений uxyh (ороч. яз.) и skyh (эвенк. яз.) 'что', $\bar{o}xu$ (ороч. яз.) и oku (эвенк. яз.) 'сколько', где различающие слова согласные являются аналогичными по способу и месту их образования (смычные заднеязычные согласные).

В целом, вопросительные местоимения имеют схожие функции в обоих языках. Однако в эвенкийском языке отсутствует местоимение как, указывающее на степень образа действия, а в орочонском – местоимение чей, уточняющего принадлежность.

Аналогично указательным местоимениям, орочонские вопросительные местоимения не могут быть описаны с точки зрения грамматической категории падежа и числа в связи с ограниченностью экспериментального материала.

3. Выводы

Предпринятое исследование позволяет сделать следующие выводы.

- 1. Анализ личных местоимений орочонского и эвенкийского языков обнаруживает эквивалентность их значений и количества в единственном и множественном числе. Однако более развитая система падежей личных местоимений представлена в эвенкийском языке. Сопоставление падежной парадигмы данного разряда местоимений демонстрирует частичное совпадение суффиксов винительного, дательного, местного и направительного падежей в единственном и во множественном числе в языках орочонов и эвенков. Личные местоимения обоих языков имеют значительную фонетическую близость.
- 2. Возвратные местоимения орочонского и эвенкийского языков в связной речи, как правило, употребляются с уточняющими их личными местоимениями или именами существительными и согласуются с ними в лице, числе и падеже. Способ образования возвратных местоимений в винительном, дательном, местном и направительном падежах идентичен в сравниваемых языках.
- 3. Формы единственного и множественного числа указательных местоимений эквивалентны в орочонском и эвенкийском языках. Однако исследуемый звуковой материал орочонского языка не позволил определить наличие у них категории склонения, которая описана для аналогичного разряда местоимений эвенкийского языка. Анализ функций указательных местоимений в сопоставляемых языках выявил большую их вариативность в орочонском языке. Вероятно, в эвенкийском языке отсутствующие у указательных местоимений функции выполняют другие знаменательные части речи.
- 4. Вопросительные местоимения орочонского и эвенкийского языков демонстрируют фонетическое сходство некоторых из них. Кроме того, была установлена корреляция функций рассматриваемых местоимений. В ходе анализа имеющихся экспериментальных данных авторам исследования не удалось установить наличие у рассматриваемого разряда слов категорий склонения и числа. В связи с этим, в перспективе планируется расширение звукового корпуса орочонского языка, что позволит получить более полные данные по указанным категориям.

Настоящая работа представляет собой второй этап комплексного исследования грамматической системы частей речи орочонского языка и способов их образования. В дальнейшем планируется описание знаменательных и служебных частей речи орочонского языка в сопоставлении с аналогичными грамматическими категориями языка русских эвенков.

Список литературы

- Болдырев, 2007 Болдырев, Б. В. Морфология эвенкийского языка [Текст] / Б. В. Болдырев. Новосибирск: Наука, 2007. 932 с.
- БТС, 2004 Большой толковый словарь русского языка / глав. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2004. 1534 с.
- БЭС, 1991 Большой энциклопедический словарь : в 2-х т. / глав. ред. А. М. Прохоров. Т. 1: [A-H]. М. : Сов. энцикл., 1991. 862 с.
- Булатова, 2002 Булатова, Н. Я. Эвенкийский язык в таблицах [Текст] / Н. Я. Булатова. СПб. : Дрофа, 2002. 64 с.
- Василевич, 1948 Василевич, Γ . М. Очерки диалектов эвенкийского (туннгусского) языка [Текст] / Γ . М. Василевич. Л. : Госучпедгиз, 1948. 352 с.

- Константинова, 1964 Константинова, О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология [Текст] / О. А. Константинова. М.-Л.: Наука, 1964. 274 с.
- Морозова и др., 2019 Сопоставительные характеристики категории имени существительного в орочонском и эвенкийском языках [Текст] / О. Н. Морозова, Ю. П. Иванашко, Е. А. Процукович, С. В. Андросова, Н. Я. Булатова, Хань Юфэн, Мэн Шусянь // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2019. Вып. 5. № 4. С. 171–181.
- Мэн Шусянь, 2017 Мэн, Шусянь. Общее описание орочонского языка в Китае [Текст] / Мэн Шусянь // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Вып. 3. № 1. С. 67—86.
- Са Сижун, 1981 Са, Сижун. Элементарная китайско-орочонская сопоставительная хрестоматия Текст] / Са Сижун. Пекин : Изд-во национальностей, 1981. 71 с.
- Ху Цзэни, 1986 胡增益,鄂伦春语简志/北京: 民族出版社,1986年,209页. [Ху Цзэньи [Текст] / Ху Цзэни. Краткое описание орочонского языка. Пекин: Народное изд-во, 1986. 209 с.].
- Ху Цзэни, 2001 胡增益《鄂伦春语研究》民族出版社 2001 年 [Ху Цзэни. Исследование орочонского языка [Текст] / Ху Цзэни. [Б. м.]: Изд-во Миньцзу, 2001. 293 с.].
- Хань Юфэн, Мэн Шусянь, 1993 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 鄂伦春语汉语对照读本/北京. 中央民族学院出版社出版. 1993 年. 385 页. [Хань Юфэн. Сопоставительная хрестоматия орочонского и китайского языков [Текст] / Хань Юфэн, Мэн Шусянь. Пекин: Центральное изд-во Института национальных меньшинств, 1993. 385 с.].
- Хань Юфэн, Мэн Шусянь, 2013 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 简明鄂伦春语读本/哈尔滨市: 黑龙江 教育出版社, 2013年, 185页 [Хань Юфэн. Краткая хрестоматия орочонского языка [Текст] / Хань Юфэн, Мэн Шусянь. Харбин: Изд-во образования провинции Хэйлунцзян, 2013. 185 с.].
- Хань Юфэн, Мэн Шусянь, 2014 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤,中国鄂伦春语方言研究/大阪市: 国立民族学博物館の人間文化研究機構, 2014年, 113页. [Хань Юфэн Исследование диалектов орочонского языка [Текст] / Хань Юфэн, Мэн Шусянь. Осака: Изд-во Национального музея этнологии, 2014. 113 с.].
- Материалы..., 2014 鄂伦春语材料/黑河市: 黑河市民族宗教事务局, 2014 年, 111 页. [Материалы по орочонскому языку (сборник) [Текст]. Хэйхэ: Отдел по делам национальностей и религий Правительства г. Хэйхэ, 2014. 111 с.].

Reference

- Boldyrev, B. V. (2007). *Morfologiya evenkiyskogo yazyka* [Evenki morphology]. Novosibirsk: Nauka Press.
- Kuznetsov, S. A. (Ed.). (2004). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* (BTS) [The large explanatory dictionary of the Russian language]. St Petersburg: Norint Press.
- Prokhorov, A. M. (Ed.). (1991). *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* (BES) [A large encyclopedic dictionary: In 2 volumes. Vol. 1: [A-N]]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Press.
- Bulatova, N. Ya. (2002). *Evenkiyskiy yazyk v tablitsakh* [The Evenki language in tables]. St Petersburg: Drofa Press.
- Vasilevich, G. M. (1948). *Ocherki dialektov evenkiyskogo (tunngusskogo) yazyka* [Essays on dialects of the Evenki (Tungus) language]. Leningrad: Gosuchpedgiz Press.
- Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki Language. Phonetics. Morphology]. Moscow Leningrad: Nauka Press.
- Morozova, O. N., Ivanashko, Yu. P., Protsukovich, E. A., Androsova, S. V., Bulatova, N. Ya., Han Youfeng, Meng Shuxian. (2019) Sopostavitel'nyye kharakteristiki kategorii imeni sushchestvitel'nogo v orochonskom i evenkiyskom yazykakh [Comparative characteristics of the category of a noun in the Orochonian and Evenki languages]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 5 (4), 171–181.
- Meng Shuxian. (2017). Obshcheye opisaniye orochonskogo yazyka v Kitaye [General description of the Orochonian language in China]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika* [Theoretical and Applied Linguistics], 3 (1), 67–86.

- Sa, Sizhun. (1981). *Elementarnaya kitaysko-orochonskaya sopostavitel'naya khrestomatiya* [Sino-Orochonian Comparative Reading]. Beijing: Natsionalnosty Press.
- 胡增益, 鄂伦春语简志/北京: 民族出版社, 1986年, 209页. [Hu Zengyi. (1986). Short description of the Orochon Language. Beijing: People Press].
- 胡增益《鄂伦春语研究》民族出版社 2001年 [Hu Zengyi, Meng Shuxian. (2001). Studies in the Orochon Language. [S.1.]: Minzu Press].
- 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 鄂伦春语汉语对照读本/北京. 中央民族学院出版社出版. 1993 年. 385 页. [Han Youfeng, Meng Shuxian. (1993). *Comparative reader of the Orochon and Chinese*. Beijing: Central Publishing House of the Institute for National Minorities].
- 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤, 简明鄂伦春语读本/哈尔滨市: 黑龙江教育出版社, 2013 年, 185 页. [Han Youfeng, Meng Shuxian. (2013). *Brief reading on the Orochon language*. Harbin: Heilongjiang Province Education Press].
- 韩有峰 (卡基尔), 孟淑贤,中国鄂伦春语方言研究/大阪市: 国立民族学博物館の人間文化研究機構,2014年,113页. [Han Youfeng, Meng Shuxian. (2014). *The study of the dialects of the Orochon language*. Osaka: National Museum of Ethnology Press].
- 鄂伦春语材料/黑河市: 黑河市民族宗教事务局, 2014年, 111页. [Materials on the Orochon language (collection). Heihe: Department of Nationalities and Religions of Heihe government].

УДК 81'276.3 UDC 81'276.3

Худякова Екатерина Сергеевна
Пермский государственный национальный исследовательский университет
г. Пермь, Российская Федерация
Ekaterina S. Khudyakova
Perm State University
Perm, Russian Federation
khudiakova.es@gmail.com

ЭМОЦИОНАЛЬНО-ОЦЕНОЧНЫЙ КОМПОНЕНТ В СПОНТАННЫХ ТЕКСТАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТАРШЕГО ВОЗРАСТА¹ EMOTIONALLY-EVALUATIVE COMPONENT IN SPONTANEOUS TEXTS OF OLDER SPEAKERS

Аннотация

В статье рассматриваются характеристики выражения эмоций у представителей старшего возраста на основании лингвистического анализа их спонтанных нарративных текстов. В геронтопсихологии когнитивно-аффективный комплекс представителей позднего возраста изучается в связи с комплексом факторов: состоянием оперативной, кратковременной и семантической памяти, внимания, а также социальным окружением индивида. Поэтому нарративы, предполагающие припоминание события, планирование текста и включающие блок оценки события, могут служить надёжным материалом для исследования этого комплекса. В качестве единиц анализа используются (в терминах В. И. Шаховского) лексика эмоций (имена эмоций и метонимии эмоций), эмотивная лексика и высказывания, коннотированная и лексика оценки. Для отбора единиц используется семантический анализ, в качестве дополнительных методов применяются структурный и пропозициональный анализ. Перечисленные разряды единиц, которые показывают выражение эмоций, рассматривались в спонтанных нарративах представителей старшего возраста (от 80 лет), в качестве материала для сравнения привлекаются нарративы студентов. Показано, что частота использования оценочной, эмоциональной и коннотированной лексики значительно выше в студенческих текстах. Мужчины старшей возрастной группы породили самые нейтральные тексты (использование имен эмоций не превышает 8%). В целом количественные данные указывают на большую эмоциональность студенческих текстов и нейтральность текстов представителей старшего возраста. Качественный же анализ показывает большую избирательность, планируемость текстов старших, прежде всего женщин (по использованию эмоционального синтаксиса и кластеров эмоций), что соответствует теории социоэмоциональной селективности в геронтопсихологии.

Abstract

The article discusses the patterns of the older individuals' expression of emotions based on a linguistic analysis of their spontaneous narrative texts. In gerontopsychology, the cognitive-affective complex of representatives of late age is considered in connection with a complex of factors: the state of operative, short-term and semantic memory, attention, as well as the social environment of the individual. Therefore, narratives involving recalling the event, planning the text and including an event evaluation unit can serve as reliable material for the study of this complex. As units of analysis, vocabulary of emotions (names of emotions and metonymy of emotions), emotive vocabulary and statements, connotated and evaluative vocabulary (in terms of V.I. Shakhovsky) is used. For the selection of units, semantic analysis is used; structural and propositional analysis are used as additional methods. The listed categories of units that show the expression of emotions, were considered in spontaneous narratives of representatives of the older age (from 80 years old), students' narratives were used as material for comparison. It was found that the frequency of using evaluative, emotional, and connotated vocabulary is

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-412-590001 «Вариативность региолекта: территориальный, социальный и когнитивный аспекты».

significantly higher in students' texts. Older men represented the most neutral texts (the percentage of using the names of emotions does not exceed 8%). In general, quantitative data indicate a greater emotionality of student texts and the neutrality of older speakers texts. Qualitative analysis, however, shows the greater sophistication of the older speakers texts, particularly women (on the use of emotional syntax and clusters of emotions), which corresponds to the theory of socio-emotional selectivity in gerontopsychology.

Ключевые слова: возрастная психолингвистика, геронтопсихология эмоций, эмоционально-оценочный компонент в языке, спонтанный текст, нарратив.

Keywords: age-related psycholinguistics, gerontopsychology of emotions, emotional-evaluative component of the language, spontaneous text, narrative.

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_1_172_185

1. Введение

Проблемой исследования является попытка разрешения вопроса о количественных и качественных характеристиках выражения эмоций представителями старшего поколения (в особенности не пожилых людей, а представителей «третьего» возраста, индивидов старше 80 лет).

В целом вопрос о когнитивно-аффективном состоянии старших является геронтопсихологическим, а не лингвистическим. Однако различение переживания эмоций (измеримого только экспериментальными психофизиологическими методами) и выражения эмоций (одно из базовых средств для которого — язык и паралингвистические знаковые системы) приводит к необходимости применения лингвистических методов анализа, и делает проблему эмоциональности стариков не только геронтопсихологической, но и психолингвистической.

В геронтопсихологии до сих пор существует два противоположных мнения об эмоциональности индивидов «третьего возраста»: представление о затухании когнитивной деятельности и притуплении эмоций и представление о крайней эмоциональности, доходящей до сентиментальности. Поэтому целью данной статьи является сравнение типов эмоциональности, реализуемой в спонтанных текстах представителей старшего поколения и в текстах студентов. В частности, данная цель предполагает решение ряда задач:

- 1) определение рабочих единиц для анализа выражения эмоций в спонтанных текстах;
- 2) качественный и количественный анализ данных единиц в текстах представителей двух возрастных групп студентов и представителей позднего старшего возраста;
- 3) сравнение полученных данных и их интерпретация в свете теорий о когнитивно-аффективном состоянии представителей старческого возраста.

Для начала следует оговорить используемые понятия и определения.

1.1. Отражение эмоций в языке

Язык служит прежде всего для передачи актуальной информации, для рациональной обработки полученных знаний и для трансляции их от поколения к поколению, но эти процессы не могут не сопровождаться переживаниями, и потому это должно учитываться лингвистикой.

Механизмы языкового выражения эмоций говорящего и языкового обозначения, интерпретации эмоций как объективной сущности говорящего и слушающего принципиально различны. Можно говорить о языке описания эмоций и языке выражения эмо-

ций. Поэтому необходимо разграничить лексику, в разной степени эмоционально заряженную, с целью исследования различной природы выражения эмоций. В. И. Шаховский предложил терминологическое разграничение лексики эмоций, эмоциональной лексики и эмоциональной коннотации [Шаховский, 1990]. Выделение двух типов эмотивной лексики учитывает различную функциональную природу этих слов: лексика эмоций ориентирована на объективацию эмоций в языке, их инвентаризацию (номинативная функция), эмоциональная лексика приспособлена для выражения эмоций говорящего и эмоциональной оценки объекта речи (экспрессивная и прагматическая функции), эмоциональная лексика имеет в качестве денотата только эмоцию, иных компонентов не содержит [Шаховский, 2009, с. 30–34]. Принимая во внимание различие природы эмотивной заряженности этих слов, надо учитывать, что лексика того и другого множества участвует в отображении эмоций человека.

Кроме того, одним из наиболее важных микрокомпонентов, являющихся частью прагматического компонента значения слова, является коннотативный компонент. Понятие «коннотация» обычно используется для обозначения «добавочных» (в основном оценочных и эмотивно-экспрессивных) элементов лексических значений. В коннотации фиксируется отношение говорящего или адресата к тому, о чём идёт речь. Так, И. А. Стернин описывает «коннотативный семантический компонент» и считает, что он «выражает отношение говорящего к предмету в форме эмоции и оценки» [Стернин, 1985, с. 49].

Эмоциональный компонент коннотации связан с восприятием и оценкой ситуации с позиций «положительно – отрицательно – нейтрально». Спектр возможных реакций говорящего предельно широк: от бранного, грубого и пренебрежительного до уважительного, одобрительного, уменьшительно-ласкательного и т. д. Попытки разделения эмоциональной и оценочной коннотации, вероятно, неэффективны, поскольку «формула эмоции обязательно включает в себя основание оценки» [Шаховский, 2009, с. 30]. В связи с этим в исследовании рассматриваем не эмоциональные, а эмоционально-оценочные единицы в речи.

В. И. Шаховский предлагает отдельно говорить об эмоциях, их физиологической экстериоризации (смех, слезы, тремор и т. д.) и способах их вербализации — назывании, выражении и описании [Шаховский, 2009, с. 33]. Одна и та же эмоция и переживается, и выражается разными языковыми личностями по-разному в зависимости от множества факторов, в том числе неязыковых (напр., от ситуативного фона общения) [Шаховский, 2009, с. 33]. Эмоции всегда когнитивны и ситуативны, а, следовательно, и выбор языковых средств их выражения тоже ситуативен и зависит от социобиологических характеристик индивида, в том числе его возраста.

В нашей работе под эмоционально-оценочными единицами в широком смысле имеются в виду в такие элементы как: 1) лексика эмоций — слова, описывающие какуюлибо эмоцию или называющие её (имена эмоций, напр., страх, радость, и узуальные парафрастические изображения переживания эмоций, связанные с фиксацией физиологического состояния, напр., лишиться дара речи, ноги подкашиваются, упасть в обморок); 2) слова с отрицательной или положительной оценочной коннотацией; 3) единицы, с помощью которых информанты выражают свою актуальную эмоцию (в терминах В. И. Шаховского — эмоциональная лексика), при этом термин «эмоциональная лексика» не подходит, поскольку эмоции могут быть выражены с помощью лексических единиц, выражений (метафорических оборотов, сравнений), а также паралингвистическими средствами, такими как смех, улыбка, вздохи и прочее; 4) эмоционально-оценочная коннотированная лексика, чаще всего и идиомно-коннотированная (напр., прикалываться, я с ней носилась).

1.2. Возраст, речь и эмоции

1.2.1. Подходы к когнитивно-аффективному состоянию представителей старшего возраста

В геронтопсихологии представлено два основных подхода к интерпретации когнитивно-аффективных особенностей старения. Первая – адаптационная теория – предполагает, что в старости появляются (не теряются!) свойства памяти, способствующие адаптации индивида [Adams, 1991, р. 323]: несмотря на объективное уменьшение скорости обработки информации, память становится более направленной и глубинной. С. Адамс в экспериментальном материале (пересказы сюжетных текстов и их резюмирование) не обнаружила различий в особенностях запоминания текста молодыми и пожилыми взрослыми, отличия показали только подростки (репродуктивный тип пересказа в противовес реконструктивному у взрослых) [Adams, 1991, р. 333].

Вторая теория – теория социоэмоциональной селективности предполагает, что старшие, в связи с изменениями в их социальной жизни – закрытости, сосредоточенности на узком круге лиц из ближайшего окружения – стремятся к поддержанию эмоционального благополучия, а потому направлены на переживание (и констатацию у других) положительных эмоций. Эксперимент А. Тапара и Дж. Роудера по запоминанию разномодальных слов подтверждает «чувствительность» стариков к позитивным эмоционально окрашенным единицам [Тhapar, Rouder, 2009, р. 702].

В рамках этой теории, как видно из названия, особенный интерес исследователей вызывает эмоциональное состояние стариков. Л. Доэрти и др., отмечающие наличие трёх компонентов эмоций: нейровозбудимости (причины), переживания эмоций и выражение эмоций [Dougherty et al., 1996, р. 29]. Авторы фиксируют ряд уже аксиоматичных положений геронтопсихологии эмоций: ощущение, переживание эмоций является постоянным на протяжении жизни (но причины, их вызывающие, могут меняться), эмоции являются когнитивным феноменом и могут развиваться (в частности, умение считывать выражение эмоций другими людьми), выражение эмоций может меняться к старости: старики чаще выражают позитивные эмоции [Dougherty et al., 1996, р. 30–35].

В работе С. Робертсон и Д. Хопко подтверждается эмоциональная селективность и развитие эмоций старших: в нарративах представителей старшей и младшей возрастных групп не было обнаружено различий по количеству эмоциональной лексики [Robertson, Hopko, 2013, р. 81], однако старшие породили более объёмные нарративы, меньше использовали местоимений первого лица (т. е. ориентированы не на себя, а на других) [Robertson, Hopko, 2013, р. 81].

С другой стороны, в исследовании Н. Алеа и др. на материале нарративов об оправдательном приговоре О Джей Симпсона, порождённых молодыми и пожилыми информантами, показано, что нарративы старших — более эмоциональны (по количеству имён эмоций), причём они представили больше негативных эмоций, чем молодые; количество имён позитивных эмоций не различается; интенсивность выражения эмоций (оценивалась по наличию интенсификаторов и повторов имени эмоции) в текстах старших также выше [Alea et al., 2004, р. 243].

Как видим, в двух экспериментальных работах представлены противоположные данные. Противоречия в данных объясняются тем, что, во-первых, во всех психологических исследованиях, даже предполагающих порождение нарратива о каком-либо событии, оцениваются сообщения об эмоциях, испытанных в прошлом, а выводы делаются о самом их переживании, во-вторых, чаще всего темы нарративов (оправдание О Джей Симпсона в [Alea et al., 2004], крушение шаттла Коламбия в [Kensinger et al., 2006]), избираемые исследователями для обеспечения сравнимости материалов (одинаковый стимул для молодых и старших), являются искусственными и не учитыва-

ют направленность внимания и заинтересованность индивидов в событии. Однако значительную роль в выражении эмоций в нарративах играют социальное и речевое планирование и контроль, а, как установлено, зоны мозга, отвечающие за контроль поведения, одинаково активируются у молодых и старших.

Автор теории психоэмоциональной селективности Л. Карстенсен в своей обзорной статье также отмечает противоречивость данных о когнитивно-аффективном состоянии стариков: экспериментально не подтверждается лучшее запоминание только позитивных стимулов старшими (что соответствовало бы стратегии избегания негативных событий [Scheibe, Carstensen, 2010, р. 140]), активация миндалевидного тела (отвечает за переживание эмоций) и кортикальных зон, отвечающих за контроль и регуляцию эмоций, не имеет возрастных различий, что в целом противоречит теории деградации всех зон мозга в старости [Scheibe, Carstensen, 2010, р. 138]. Поэтому авторы скорее перечисляют проблемы в исследовании старения, требующие рассмотрения, чем указывают на общепринятые факты о нём, и объясняют наличие противоречащих выводов в исследованиях старения различиями в условиях экспериментов и, главное, в интерпретации данных.

1.2.2. Интерпретативность данных о когнитивно-аффективном развитии представителей старшего возраста

Как видно из обзора, проблема геронтопсихологии — прежде всего интерпретативная: С. Кемпер обнаружила при сравнении ответов на вопросы направленного интервью с молодыми и пожилыми информантами (старше 80 лет) ряд особенностей: уменьшение синтаксической сложности предложений, числа клауз, левого ветвления предложений [Кетрег, 1989, р. 63]. Автор отмечает, что, с одной стороны, эти черты могут говорить об ухудшении свойств оперативной памяти [Кетрег, 1989, р. 63], с другой стороны, это может говорить о реципиент-дизайне: старшие сознательно делали свои тексты более простыми, ясными для адресата [Кетрег, 1989, р. 64]. Этот вывод подтверждает дополнительный эксперимент С. Кемпер на оценку качества — увлекательности — текстов старших и молодых информантов наивными носителями языка: тексты первых признаны более интересными и ясными [Кетрег, 1989, р. 64].

В крупном исследовании С. Кемпер и А. Самнер изучалось влияние трёх когнитивных факторов на речь: оперативной памяти (пересказ текста, называние услышанных слов), семантической памяти (дефинирование, называние единиц, принадлежащих одному классу, называние лексики на время) и оперативной памяти (в спонтанном тексте оценивалась длина в словах и в пропозициях). Авторами обнаружена адаптивная стратегия: при ухудшении оперативной памяти старшие начинают опираться на семантическую память — их текст синтаксически проще, но лексически разнообразнее [Кеmper, Sumner, 2001, р. 315–319].

Х. Хенри указывает, что геронтологическое исследование должно учитывать целый комплекс когнитивно-аффективно-коммуникативных факторов: внимание, его устойчивость, избирательность и способность к распределению внимания [Henrie, 2010, р. 25–26], кратковременную память (удержание информации, манипулирование ею, удержание в памяти продуктов обработки информации), эпизодическую память (способность сознательно регистрировать, объединять, извлекать информацию о прошлом опыте) [Henrie, 2010, р. 27], собственно языковые факторы – лексические и синтаксические особенности [Henrie, 2010, р. 28], скорость обработки информации [Henrie, 2010, р. 29] и социальный интеллект (способность к симпатии и эмпатии) [Henrie, 2010, р. 30], а также способность к планированию поведения в соответствии с изменяющейся средой [Henrie, 2010, р. 27].

1.2.3. Признаки речи стариков

В связи с крайней разнородностью самой социальной группы пожилых и старых (разным социальным статусом, состоянием здоровья, ментальной сохранностью, стилем жизни и т. п. относящихся к ней индивидов) [Мигрhy, 2010, р. 13] часто происходит подмена: описываются речевые особенности больных Альцгеймером, но эти данные переносятся на группу в целом. Так, Х. Хамилтон отмечает, что больные Альцгеймером не могут целенаправленно контролировать речь, чтобы подстроить её к нуждам собеседника [Hamilton, 1994, р. 161]. Автор указывает ряд речевых проблем индивидов с Альцгеймером: а) проблемы в знаниях и референции — пациент не может планировать, что собеседник знает, а что нет, б) лексические проблемы, приводящие к использованию неологизмов, в) тематические перебивы — в нарратив вводят новую тему, не завершив старую, г) неспособность интерпретировать косвенные речевые акты, д) потерю стимулирующей (вопросы к собеседнику) позиции [Hamilton, 1994, р. 163–174].

Также в качестве стратегии компенсации ментальных потерь указывается негативное коммуникативное поведение: нежелание участвовать в общении, противоречия любым утверждениям [Savundrayagam et al., 2007].

Признаками деменции также считаются уменьшение количества существительных, парафразы, отклонения от темы, эгоцентрическая речь [Ehrlich et al., 1997, p. 80], больные информанты в экспериментах породили больше неоконченных фрагментов, больше дейктических компонентов и меньше информативных клауз по отношению к общему объёму текста при рассказе по картинкам [Ehrlich et al., 1997, p. 89]. Иногда эти же черты перечисляются в исследованиях, посвящённых речи здоровых старших: П. Купер называет среди таких признаков палалии, повторы фраз, длительные паузы, незаконченные фразы, вставные фразы, не относящиеся к теме [Соорег, 1990, р. 211]. В. Уокер также отмечает наличие вставных конструкций, самоперебивов и повторов [Walker et al., 1988, p. 61–62]. При этом П. Купер высокое количество незначимых слов и длительность пауз связывает, действительно, с ухудшением когнитивно-речевых функций – проблемами с извлечением слов из ментального лексикона и уменьшением скорости производства речи [Соорег, 1990, р. 214], но вставные фразы она интерпретирует в социально-адаптивном ключе - как выражение кооперативной стратегии стариков [Соорег, 1990, р. 214]. П. Уокер также замечает интересную черту: повторов, самоисправлений и вставок действительно больше в спонтанных текстах представителей старшего возраста, но в данной группе значительное количество этих явлений демонстрируют отдельные информанты, тогда как в группе молодых вставки и перебивы распределены статистически равномерно по текстам всех информантов [Walker et al., 1988, р. 61]. Отмеченное нами неразличение признаков речи здоровых пожилых и пожилых с деменцией, а также присутствие текстов-экстремумов по числу данных черт в выборке «здоровых» пожилых связано с нелингвистической, а физиологической проблемой выявления старческих дегенеративных изменений мозга, прежде всего сенильной деменции: не существует одного общепризнанного метода её определения, а в качестве диагноза деменция подтверждается только патологоанатомическим исследованием. Таким образом, считать наличие перечисленных черт объективным набором, характеризующим речь стариков, нельзя: это некоторые опорные пункты, которые требуют проверки и тщательного отбора информантов (что не исключает попадание в их число людей с деменцией, особенно в России, где медицинская помощь оказывается только на поздних стадиях данного заболевания, характеризующихся полной социальной дезадаптацией страдающих от дегенеративных изменений мозга).

1.3. Понятие нарратива

Понятие нарратива является одним из самых используемых в современной гуманитаристике, что привело к размыванию содержания термина. Вместе с тем все трактовки можно попытаться разделить на широкие (применяемые в основном в социологии и психологии) и узкую (лингвистическую). Согласно первой нарратив есть «способ конструирования реальности в нарративных нормах и дискурсивных формациях, культурно задаваемых и используемых индивидами в конкретных социальных условиях» [Вгосктейег, Carbaugh, 2003, р. 10], «форма структурирования неструктурируемого, придания атомарному хаосу событий, действий и фактов формы и значения» [Вгосктейег, Carbaugh, 2003, р. 14]. То есть нарратив есть повествование в любой знаковой форме о человеческом опыте, приводящее к самоосмыслению человека в рамках этого опыта. Как видим, никаких формальных требований к нарративу нет, главное – содержание (жизнь во всем многообразии) и социально-психологические функции (формирование идентичности и так называемой нарративной памяти).

Узкая, лингвистическая трактовка нарратива была предложена У. Лабовым и Дж. Валетским, которые понимают под ним «технику конструирования нарративных блоков, составляющих временную последовательность опыта. Две базовые функции нарратива – референциальная и ценностная. Нарратив для индивида выполняет дополнительную социальную функцию, определяемую стимулом в социальном коллективе» [Labov, Waletzky, 1967, р. 13]. Строгое понимание нарратива предполагает наличие у текста, который может быть им назван, ряда формальных признаков: 1) наличие придаточных предложений, соответствующих временной организации событий; 2) отнесённость повествования к прошедшему времени; 3) наличие определённых структурных компонентов [Labov, Waletzky, 1967, р. 13]. Исследователи рассматривают 5 базовых блоков, выделяемых на основании синтаксических и семантических признаков входящих в них элементов: opueнтацию (orientation) – «группу свободных высказываний, в которой даётся характеристика лица, места, времени и поведенческой ситуации» [Labov, Waletzky, 1967, р. 32–33]; усложнение (complication) – группу нарративных высказываний о сериях событий; развитие (или оценку) (evaluation) - точку максимального напряжения; разрешение (или завершение) (resolution) - где происходит завершение ситуации; коду (coda) – «функциональное приспособление для перевода вербальной перспективы в настоящее время» [Labov, Waletzky, 1967, р. 39].

Согласно У. Лабову, структура нарратива варьирует у разных рассказчиков, ведь социальный опыт индивида оказывает влияние на структуру его нарратива [Labov, 1987, p. 220].

В настоящей статье используется вторая трактовка нарратива, во-первых, из-за её эвристичности, во-вторых, в связи с отмеченной ценностной функцией нарратива: индивиды не просто рассказывают о событии, но оценивают его и своё сегодняшнее состояние в контексте повествования. В-третьих, У. Лабов утверждает, что структура нарратива чувствительна к социальным факторам — варьирует у представителей разных социальных групп, — а представители старшего возраста также представляют собой группу. Всё это делает нарратив удобным материалом для исследования эмоциональнооценочного компонента в речи старшего поколения.

2. Эксперимент

2.1. Материал и методы

Основной метод сбора материала – запись спонтанного нарратива об интересных событиях в жизни информанта. Собрано по 20 текстов от представителей младшей

группы (10 женщин и 10 мужчин, все – студенты 3–4 курсов пермских вузов) и 20 – от представителей старшей возрастной группы (по 10 от мужчин и женщин): самый младший информант – 79 лет, старшие – 89 лет, медиана – 86 лет. Все старшие информанты проживают в г. Перми, однако родились в разных местах бывшего Советского Союза. Выборка не сбалансирована по фактору «уровень образования», однако количество информантов с начальным, средним и высшим образованием примерно одинаковое. В скобках после цитат указан пол, возраст на момент записи текста, уровень образования и место рождения информанта.

В студенческой группе тексты получились тематически неоднородными (в основном о смешных событиях, связанных со свободным временем), в группе представителей старшего возраста все тексты так или иначе связаны с участием информантов в Великой Отечественной войне, что полностью подтверждает мнение П. Фромхолта и его коллег об общем для всех представителей поколения старших восьмидесятилетних в Европе ударном событии (самом важном, решающем, и используемом для наррации в старости) — Второй мировой войне [Fromholt et al., 2003, р. 82]. Далее все полученные нарративы транскрибировались в орфографической записи с указанием паравербальных характеристик (смеха, вздохов и т. п.).

Основной метод анализа материала в соответствии с проблемой — семантический анализ: именно на основании наличия ядерного (денотатного) значения или дополнительных оценочных или экспрессивных сем В. И. Шаховский различает имена эмоций, эмоционально-оценочные лексемы и эмоционально коннотированные лексемы. Если единица служит для называния, номинирования эмоций (денотат — переживание) — это имя эмоции; если денотат единицы связан с физиологическими эффектами эмоции — это метонимический парафраз. Если базовая сема — оценочная (хорошо / плохо / нейтрально) — это оценочная лексика. Единицы, обладающие эмоционально-экспрессивными и идиомными коннотациями — коннотированные.

Дополнительно для выявления объекта предикации оценки применялся сначала семантический анализ (фиксировалась оценочная лексема), а затем синтаксический (устанавливалось, какому компоненту высказывания данная лексема предицируется).

Для определения эмоциональных высказываний применялся структурный метод: для каждого языка выработан инвентарь так называемого эмоционального синтаксиса, описанный в основном в курсах риторики (эмоциональные вопросы, восклицания, эллиптированные конструкции, именные конструкции и т. п.).

Поскольку объёмы текстов у представителей 4 групп значительно различались (общий объём текстов студентов в словоформах составил 3509, студенток – 2600, старших мужчин – 8700, старших женщин – 12969), для обеспечения сравнимости результатов была проведена нормализация количественных данных, стандартная для анализа нарративов: оценивалась встречаемость рассматриваемых единиц на каждые 10 слов текста (если тексты небольшие по объёму) или на 100 словоформ текста (при объёмных текстах) [Соорег 1990]. Таким образом, в таблицах представлен процент встречаемости единиц на 100 словоформ текста.

2.2. Обсуждение результатов

В соответствии с задачами были рассмотрены оценочные компоненты в нарративах в двух аспектах: типы предикации оценки (какому субъекту или объекту оценка предицируется), а также семантика оценки — положительная, отрицательная или нейтральная (на основании семантического анализа оценочной лексемы: если она содержала сему «хорошо», «плохо» или «нейтрально» — напр., «нормально», «всяко»).

ВСЕГО

Типы оценочности	Параметры типов оценочности	Студенты	Студентки	Мужчины	Женщины
Предикация оценки	ситуация	22,8	46	9,2	13,9
	герой		11,4	5,7	8,5
	я (автор текста)		7,6	1,2	3,9
	текст	2,8			0,7
	эстетическая оценка объекта				3,9
	прагматическая оценка объекта				0,7
Семантика оценки	положительная	14,2	53,6	5,75	13,1
	отрицательная	11,4	11,4	4,6	13,1
	нейтральная			5,75	5,3

65

16,1

31,6

25,6

Таблица 1. Оценочные единицы в спонтанных текстах

Как видно из таблицы 1, самыми нагруженными по оценке оказались тексты студенток – у них более половины из 100 словоформ оказываются оценочными. У студентов только четверть единиц оценочно окрашена. Старшие женщины представили треть оценочных единиц на 100 слов нарратива. Наконец, старшие мужчины показали самый нейтральный в оценочном плане текст: всего 16,1% слов из 100 в их текстах относятся к оценочным. Даже по этим общим данным видно, что тексты представителей старшего возраста нейтральны, они не пытаются давать свою оценку в тексте, ориентированы на объективное изложение. Более высокий процент оценочных компонентов в текстах старших женщин, вероятно, связан с их гендерной принадлежностью. Тексты студентов оказались более «оптимистичными», чем тексты представителей поколения, пережившего войну: у студентов 14,2% положительно окрашенных лексем и 11,4% отрицательно окрашенных, у студенток – 53,5% положительно окрашенных лексем и 11,4% отрицательно окрашенных. Старшие мужчины, как и студенты, показали не столь существенные различия по частотам положительных и отрицательных оценок (5,75% и 4,6%). Старшие женщины дали одинаковое количество положительно и отрицательно окрашенных лексем. Существенное различие в оценочности, особенно среди женщин двух поколений, вероятно, объясняется экстралингвистически: юность и молодость старших пришлись на войну, сама реальность, о которой они повествовали, требовала отрицательной оценки, современные студенты живут в оптимистичное время. Заметим, что только у старшего поколения (с почти одинаковой частотой и у мужчин, и у женщин) появляется нейтральная оценка (реализована лексемами нормально и всяко), вероятно, это именно эффект возраста, нейтрализации взгляда на события прошлого. Помимо собственно деонтической оценки в текстах старших женщин обнаружена эстетическая оценочность («красиво») и прагматическая оценочность («полезный»).

По объектам предикации нарративы студентов крайне однообразны: в основном оценивается ситуация (что типично для нарратива как типа текста, первый ранг по частоте этого типа предицирования во всех рассматриваемых социобиологических группах объясняется жанром) и в 1 тексте — сам текст (Значит история у меня такая / можно сказать веселая // (м, 21, эконом. ф-т)). Оценка текста как продукта (метаязыковая) встретилась также в одном нарративе старшей женщины (А притом я из семьи че-

кистов / все / коснемся только родителей / это очень интересно // (ж, 87, выс., Кудым-кар)). Оценка героев нарратива и самого автора текста имеет второй и третий ранги по частоте, заметим, более частотны они у студенток, далее следуют женщины старшего возраста, у мужчин старшего возраста (в отличие от студентов) они все-таки появляются, причём для них свойственна положительная оценка врага (немцев) (б- / было / форсировали э- / н- / на той стороне берега был город Кюстрин / от нашего как говорится б- / э-э / нашего дивизиона / процентов наверное десять-пятнадцать осталось / вот так / погибли // И пехота погибала // И танки погибали / и надо сказать что они до последнего / до последнего момента / э-э / сражались / так же мужественно / самолётами / бомбили беспрерывно / обстреливали беспрерывно // (м, 87, нач., Саратовская обл.)). У старших женщин оценка немцев только отрицательная, положительная приписывается исключительно соотечественникам (Вот так наша армия шла // А какая гордость! // (ж, 87, выс., Кудымкар) ср.: Они пьянь / пили шнапс / любили очень / пили безбожно (ж, 87, с/с, Смоленская обл.)).

Далее рассмотрим количество собственно эмоциональных высказываний и коннотированных единиц (см. табл. 2).

Таблица 2. Эмоциональные высказывания и коннотированные единицы в спонтанных текстах

Параметры	Студенты	Студентки	Мужчины	Женщины
Эмоциональные высказывания	11,4	7,7	6,9	48,6
Коннотации	17	19,2	5,7	9,3

Интересно, что коннотированные единицы в меньшей степени говорят об эмоциональности информанта, и в большей – о предпочитаемом идиоме, который маркирует и речевую культуру, и моделирование отношений интервьюера и информанта в рамках коммуникативной ситуации. Как видно из таблицы 2, у студентов, мужчин и женщин, тексты более коннотированы (по 17% и 19,2% слов из 100 соответственно), причём здесь важен тип коннотации: у всех студентов это единицы из студенческого или общего жаргона (размещены в порядке частоты реализации) (у мужчин: пацан, угорать, приколоться, стопануть; у женщин: потусоваться, наезжать, буянить, бабка), студенты не чувствовали дистанции между собой и интервьюером и порождали типичный жаргонизированный текст. Коннотации в текстах старшего поколения разнообразнее: там представлены и просторечные, и разговорные единицы (у мужчин: грязища, танкисты меня соблазнили, матушка, мы люди отпетые, ломовые спортивные занятия; у женщин: остальных всех на фронт загнали, всю войну у меня путалась под ногами, маялась с ней, начальство бегало, всё время идёт эта катавасия, опять двадцать пять, ни сна, ни отдыха, ни покоя, ругани было, сразу ринулись в военкомат, настырно пошла, сильно надо, а мы припёрлися на фронт). Заметим, что набор единиц в студенческих текстах стандартен, они повторяются, в то время как коннотированные единицы в текстах старших уникальны, кроме того, женщины, как видим из списка, предпочитают фразеологически связанные единицы.

Сложнее интерпретировать так называемый эмоциональный синтаксис: некоторые его элементы (эллипсис, именные конструкции) в ряде работ, посвящённых речи представителей старшего возраста, называются признаком упадка продукции речи [Соорег, 1990, р. 211]. При таком подходе к интерпретации нарративы старших женщин необходимо было бы признать демонстрирующими упадок речи (ср., практически половина всех их высказываний – эмоциональна, тогда как у студенток, студентов и старших

мужчин количество таких высказываний не превышает 11,5%). Вместе с тем в работе [Лантюхова, 2015] показано, что синтаксис женщин не различается в зависимости от возраста, а работа [Кетрег, 1989, р. 63] подтверждает большую синтаксическую обработанность в нарративах стариков, что приводит к «наивным» оценкам их нарративов как «интересных». Субъективно нарративы старших женщин действительно интересны, они эмоциональны не в лексическом (см. предыдущий пункт анализа), а в прагматическом смысле: только в них содержатся прямые обращения к слушающему, апелляция к его мнению, риторически они достаточно обработаны (напр., содержат вставные полнокомпонентные трагикомические или иронические нарративы: А я один раз пришла / мне там нянечка м- / говорит / «О-о ой / это э- / такие карточки у нас / такие обеды // О- всё / кушайте кушайте / с братом / умрёшь днём позже» // (ж, 89, с/с, Пермь)).

Наконец, рассмотрим имена эмоций: это пласт лексики, денотатное содержание которых – сама эмоция, их функция – называние эмоции (напр, радость, горе, страх и т. п.). В. И. Шаховский говорит о кластерах эмоций – таких лексико-семантических группах, которые объединены по базовой называемой эмоции (бояться, испугаться, испытывать страх, страшиться и т. п. – для эмоции «страх»). Количество и набор кластеров эмоций также были рассмотрены нами в анализе. Кроме собственно имён эмоций, в каждом языке существуют метонимические (от физических состояний в момент переживания эмоций) номинации эмоций (напр., дрожать, ноги подкосились), их мы также рассматривали в типе «Внешние признаки эмоций».

Тип лексики эмоций	Параметры	Студенты	Студентки	Мужчины	Женщины
Лексика эмоций	Имена эмоций	39,9	50	8	18,5
	Внешние признаки эмоций			3,4	18,5
Количество кластеров		4	5	6	10

Таблица 3. Лексика эмоций в спонтанных текстах

Передача собственного эмоционального состояния в рассказываемой ситуации – важный признак нарративов студентов: у них почти половина слов относится к лексике эмоций (см. табл. 3). Причём подбирают для них имена и не используют описательную метонимическую стратегию. Старшие мужчины очень редко описывают свои эмоции (имена эмоций использованы в 8%, а метафорические и метонимические номинации – в 3,4%). Это прямо соотносится с результатами анализа оценочности: их тексты максимально объективны, они не стремятся ни оценить событие, ни описать своё состояние. Тексты старших женщин включают большее число имён эмоций, чем мужские, кроме того, женщины используют узуальные парафрастические способы номинирования эмоций. Как и в случае с эмоциональным синтаксисом, интерпретация данных может быть двоякой. С одной стороны, наличие парафраз может служить признаком проблем с семантической памятью (доступом к единицам ментального лексикона), приводящих к необходимости подбирать описательный вариант [Cooper, 1990, p. 214], ср., напр.: Мы значит придумали / что берём... // а провода были цветные / и красные / и зелёные / жёлтенькие // И мы брали эти провода / снимали эту корочку-то / знаете // [изоляцию эту?] Да // И делали себе монисты / или как их назвать-то / нуу / украшения / нанизывали на них ниточку // [ожерелья?] Ожерелья / правильно // (ж, 84, с/с, Харьковская обл.). С другой стороны, для каждого языка этот инвентарь парафрастических имён эмоций узуален и может использоваться в качестве риторического приёма, нормального для обработанного нарратива: они создают яркий образ, заставляя сопереживать герою. Второе мнение поддерживается прагматическим анализом – нам не встретился ни один случай неуместного включения метафоры или метонимии эмоций (что всегда происходит при проблемах с подбором слова): Меня как вот обожело (об известии о смерти матери) (ж, 89, с/с, Пермь); Кто плачет / кто сидит на земле / кто вдвоём обнявшись (ж, 89, с/с, Пермь); распахнула окно и онемела (о радости от известия о Победе) (ж, 87, выс., Кудымкар); кто плачет / кто как / вот что корабль утонет // И значит / те люди пропадут (м, 85, выс., Крым); Ревела / девки плакали вместе со мной (жалость) (ж, 85, с/ с, Пермский р-н); Ну / э- / всё закончилось / нас распустили / мы пошли по своим казармам по своим кроватям / ну ночью спать там уже не было / у нас подушки летели / одеяла летели / обувь летела / всё такое ру- / у- / вот такое // Ну ты- / к- / как- / как ребята есть ребята // (м. 87, выс., Ильинский р-н); Ружьё-то взяла / а патроны некуда даже это / этот не взяла с собой // В руке держу / дрожу вся [Смех] // Ой! // Щас помню / так смех // (ж, 86, нач., Пермская обл.); Вот двери открыли / все прямо вот они выпадывали // Кто-то... / кто за волосы / глаза у кого открыты // Мы сами-то в обморок падали от такого страха // Специально немцы сделали так / ну загоняли туда вот жителей / в Харькове которые жили / в основном евреев / и вот / закрывали их / бензином обливали // (ж, 85, с/с, Пермский р-н).

Количество и набор кластеров эмоций также является достаточно показательным для оценки эмоциональности (и способов её выражения) у представителей молодого и старшего поколения. Несмотря на крайне высокую частоту появления имен эмоций в текстах студентов, их набор достаточно скуден - в текстах студентов представлено всего 4 кластера эмоций (здесь и далее размещены по рангам частоты реализации): радость, грусть, заинтересованность, волнение. У студенток представлено пять кластеров эмоций: страх, радость, презрение, грусть и недоумение. У студентов обоих полов появляются познавательные эмоции (заинтересованность и недоумение), а у студенток - социальная эмоция – презрение. В текстах старших мужчин представлено 6 кластеров эмоций: страх, волнение, радость, спокойствие, зависть и удивление. В текстах старших женщин набор называемых эмоций самый богатый (10), включает и базовые эмоции, и эмпатическую (жалость), и социальные эмоции: радость, страх, грусть, спокойствие, горе, жалость, удивление, гордость и стеснение. Заметим появление интересного кластера в текстах старших мужчин и женщин: это спокойствие. По сути, это отсутствие эмоций в ситуации, когда их появление ожидаемо. Представители старшей возрастной группы считают нужным номинировать эту «эмоцию», вероятно, для создания образа «Я» в экстремальных условиях войны.

3. Выводы

Мнение об эмоциональности стариков не подтверждается: во-первых, тексты старших мужчин по количеству и оценочных единиц, и эмоциональных высказываний, и коннотированной лексики, и имён эмоций самые нейтральные. Вероятно, это связано с типом нарративной деятельности: они не описывают своё состояние здесь и сейчас, а повествуют о событиях прошлого, в котором их единственная роль — солдата. Тексты мужчин самые фактологичные. По количеству оценочных единиц и имён эмоций самыми нагруженными оказались тексты студенток: по сути, их нарративы посвящены их эмоциям в конкретной ситуации. Однако набор эмоций у представителей младшего поколения однообразный: чаще всего они «испытывают» страх, радость и грусть, названные Л. Доэрти базовыми, простыми эмоциями [Dougherty et al., 1996, р. 29]. Нарративы старших женщин, при небольшом количестве собственно оценочной и эмоциональной лексики, оказываются эмоциональными в риторическом смысле: они достаточно изощренны в использовании эмоционального синтаксиса и

парафрастических имен эмоций, что создаёт эффект присутствия слушателя в ситуации повествования. В текстах женщин представлено больше всего кластеров эмоций, в том числе неядерных (социальных и эмпатических), что соответствует выводам С. Шэбе и Л. Л. Карстенсен о преобладании сложных, смешанных эмоций у стариков [Scheibe, Carstensen, 2010, p. 141].

По нашему мнению, нарративы не позволяют говорить о собственно эмоциональности стариков в момент производства речи (как и в принципе лингвистический анализ, т. к. выражение эмоций с помощью языка риторично: может использоваться осознанно или контролироваться), при этом предоставляют интересный материал о когнитивной деятельности представителей старшего поколения. Во-первых, все старшие мужчины поддерживают образ сдержанного и безэмоционального «Я», гендерные стереотипы о желательной идентичности мужчины не нарушены ни у одного восьмидесятилетнего. Во-вторых, женщины старшего возраста демонстрируют сохранность процедурного компонента речи (эмоциональный синтаксис) и семантической памяти (удачно применяют узуальные парафразы имён эмоций). Кроме того, высокая частота именно этих компонентов эмоциональности текста говорит о кооперативной ориентированности старших женщин: они делают свой текст интересным для слушателя, что говорит о сохранности кратковременной памяти; они способны планировать свой текст (согласимся здесь с интерпретацией П. Купер о сознательном создании интересного текста старшими [Соорег, 1990, р. 212], однако у неё – без указания на различия по полу). Таким образом, результаты проведённого исследования соотносятся с выводами авторов, несогласных с метафорой «потерь и ухудшений» в когнитивно-аффективном состоянии в старшем возрасте и предлагающих адаптивно-селективные интерпретации.

Список литературы {References}

- Лантюхова, 2015 Лантюхова, Н. Н. Некоторые психологические и лингвистические аспекты организации языковой деятельности лиц позднего возраста [Текст] / Н. Н. Лантюхова // Известия ВГПУ. Гуманитарные науки. − 2015. − № 4 (269). − С. 125–129 {Lantyukhova, N. N. (2015). Nekotorye psikhologicheskie i lingvisticheskie aspekty organizatsii yazykovoy deyatel'nosti lits pozdnego vozrasta [Some psychological and linguistic aspects of language activity of old people]. Izvestiya VGPU. Gumanitarnye nauki [Izvestiya of Voronezh State Pedagogical University. Humanities], 4 (269), 125–129}.
- Стернин, 1985 Стернин, И. А. Лексическое значение слова в речи [Текст] / И. А. Стернин. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 138 с. {Sternin, I. A. (1985). Leksicheskoe znachenie slova v rechi [The lexical meaning of the word in speech. Voronezh: Voronezh University Press]}.
- Шаховский, 1990 Шаховский, В. И. Что такое эмотивное значение? [Текст] / В. И. Шаховский // Проблемы изучения слова: семантика, структура, форма: сб. науч. тр. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1990. С. 47–53 {Shakhovsky, V. I. (1990). Chto takoe emotivnoe znachenie? [What is emotive meaning?]. Problemy izucheniya slova: semantika, struktura, forma [Studying the word: Semantics, structure, form]: Collection of scientific papers (pp. 47–53). Tver: Tver State University Press]}.
- Шаховский, 2009 Шаховский, В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике [Текст] / В. И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. С. 29–43 {Shakhovsky, V. I. (2009). Emotsii kak ob'ekt issledovaniya v lingvistike [Human emotions as an object of the study in linguistics]. Voprosy psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics], 9, 29–43}.
- Adams, 1991 Adams, C. Qualitative age differences in memory for text: A life-span development perspective [Text] / C. Adams // Psychology and Aging. 1991. № 6. P. 323–336.
- Alea et al., 2004 Alea, N. Young and older adults' expression of emotional experience: Do autobiographical narratives tell a different story? [Text] / N. Alea, S. Bulk, A. B. Semegon // Journal of Adult Development. 2004. № 11. P. 235–250.

- Brockmeier, Carbaugh, 2003 Brockmeier, J. Introduction // Narrative and Identity: Studies in autobiography, Self and Culture [Text] / J. Brockmeier, D. Carbaugh (Eds.). Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins pub., 2003. P. 1–22.
- Cooper, 1990 Cooper, P. V. Discourse production and normal aging: Performance on oral picture description tasks [Text] P. V. Cooper // Journal of Gerontology. 1990. N. 45. P. 210–214.
- Dougherty et al., 1996 Dougherty, L. M. Differential emotions theory and emotional development in adulthood [Text] / L. M. Dougherty, J. A. Abe, C. E. Izard // Handbook of emotion, adult development, and aging / C. Magi, S.H. McFadden (Eds.). New York: Academic Press, 1996. P. 27–41.
- Ehrlich et al., 1997 Ehrlich, J. S. Ideational and semantic contributions to narrative production in adults with dementia of the Alzheimer's type [Text] / J. S. Ehrlich, L. K. Obler, L. Clark // Journal of Communication Disorders. 1997. N 30. P. 79–99.
- Fromholt et al., 2003 Life-narrative and word-cued autobiographical memories in centenarians: Comparison with 80-years-old control, depressed, and dementia groups [Text] / P. Fromholt, D. B. Mortensen, P. Torpdahl, L. Bender, P. Larsen, D. C. Rubin // Memory. 2003. Vol. 11 (1). P. 81–88.
- Hamilton, 1994 Hamilton, H. E. Accomodation and mental disability [Text] / H. E. Hamilton // Contexts of Accomodation: Studies on Emotional and Social Interaction / H. Giles, J. Coupland, N. Coupland (Eds.). Cambridge: Cambridge UP, 1994. P. 157–186.
- Henrie, 2010 Henrie, H. C. Defining and assessing cognitive and emotional health in later life [Text] / H. C. Henrie // Successful cognitive and emotional aging / C. A. Depp, D. V. Jeste (Eds.). Washington DC, London: American Psychiatric Publishing, 2010. P. 17–36.
- Kemper et al., 1989 Life-span changes to adults' language: Effects of memory and genre / S. Kemper, D. Kynette, S. Rash, K. O'Brien, R. Sprott // Applied Psycholinguistics. 1989. № 10 (01). P. 49–66.
- Kemper S., Sumner, 2001 Kemper, S. The structure of verbal abilities in young and older adults [Text] / S. Kemper, A. Summer // Psychology and Aging. 2001. N 16 (2). P. 312–322.
- Kensinger et al., 2006 Kensinger, E. A. Memories of an emotional and a nonemotional event: Effects of aging and delay interval [Text] / E. A. Kensinger, A. C. Krendl, S. Corkin // Experimental Aging Research. 2006. N 32 (1). P. 23–45.
- Labov, 1987 Labov, W. Speech actions and reactions in personal narrative [Text] / W. Labov // Analyzing discourse: Text and talk / D. Tannen (Ed.). Washington, DC: Georgetown University Press, 1987. P. 219–247.
- Labov, Waletzky, 1967 Labov, W. Narrative analysis: oral versions of personal experience [Text] / W. Labov, J. Waletzky // Essays on the verbal and visual arts / J. Helm (Ed.). Seattle, WA: University of Washington Press, 1967. P. 12–44.
- Murphy, 2010 Murphy, B. Corpus and Sociolinguistics. Investigating age and gender in female talk. (Studies in Corpus Linguistics). Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2010. 232 p.
- Robertson, Hopko, 2013 Robertson, S. Emotional expression during autobiographical narratives as a function of aging: support for the socioemotional selectivity theory [Text] / S. Robertson, D, Hopko // Journal of adult development. 2013. Vol. 20 (2). P. 76–86.
- Savundrayagam, M.Y. et al., 2007 Savundrayagam, M.Y. Communication, health and Ageing: Promoting empowerment [Text] / M.Y. Savundrayagam, E.B. Ryan, M.L. Hummert // Language, discourse and social psychology / A. Weetherall, B. Watson, C. Gallois (Eds.). NY: Palgrave Macmillan, 2007. P. 81–107.
- Scheibe, Carstensen, 2010 Scheibe S. Emotional Aging: Recent Findings and Future Trends [Text] / S. Scheibe, L. L. Carstensen // Journals of Gerontology. Series B: Psychological Sciences & Social Sciences. 2010. Vol. 65B. N 2. P. 135–144.
- Thapar, Rouder, 2009 Thapar, A. Aging and recognition memory for emotional words: A bias account [Text] / A. Thapar, J. Rouder // Psychonomic Bulletin & Review. 2009. Vol. 16 (4). P. 699–704.
- Walker et al., 1988 Walker, V. G. Linguistic analyses of the discourse narratives of young and aged women [Text] / V. G. Walker, P. M. Roberts, D. L. Hedrick // Folia Phoniatica. 1988. N 40. P. 58–64.

УДК 811. 131.1 UDC 811. 131.1

Шалгина Екатерина Анатольевна Пермский государственный национальный исследовательский университет г. Пермь, Российская Федерация Ekaterina A. Shalgina Perm State University Perm, Russian Federation

chantal2003@list.ru

ФРЕЙМ-АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «МИЛОСЕРДИЕ» FRAME ANALYSIS OF THE CONCEPT «CHARITY»

Аннотация

Данная статья посвящена общим и специфическим характеристикам лингвокультурного концепта «Милосердие», выявляющимся через призму языковой картины мира французов. Доказывается, что использование метода фреймового анализа позволяет определить изменения в социальной статусности милосердия во Франции на современном этапе и конкретизировать формы его проявления. Процесс глобализации несомненно отражается на языковой картине мира. Слово le don 'дар' как расширенный вариант лексико-семантического варианта la bienfaisance 'благотворительность' актуализирует себя через вложение, инвестицию, церемониальный дар, т. е. рассматривается как социальное вложение. Этому явлению способствуют как экономические реформы, так и новая политика налогообложения во Франции. Материалом для анализа послужили словарные статьи толковых французских словарей, а так же словаря пословиц, афоризмов и поговорок французского языка, интернет сайтов газет и журналов. Проведённое исследование позволяет говорить о когнитивном сдвиге в концептосфере милосердия и об изменении аксиологического принципа одного из ключевых концептов культуры. Делается вывод, что милосердие, воспринимаемое как социальный ресурс, становится экономическим товаром.

Abstract

The article examines general and specific features of the linguistic and cultural concept of "Charity" within the framework of the French language picture of the world. The use of the frame analysis method makes it possible to determine changes in the social status of charity in France at the present stage and to specify the forms of its manifestation. The process of globalization is undoubtedly reflected in the language picture of the world. The word *le don* 'gift' as an extended version of the lexical-semantic version of *la bienfaisance* 'charity' actualizes itself through contribution, investment, or ceremonial gift, i. e. it is considered a social investment. Both economic reforms and the new tax policy in France contribute to this phenomenon. The material for the study included the dictionary entries of French dictionaries, as well as the dictionary of proverbs, aphorisms and sayings of the French language, Internet sites of Newspapers and magazines. The obtained results suggest a cognitive shift in the concept sphere of charity and a change in the axiological principle of one of the key concepts of culture. Charity, perceived as a social resource, becomes an economic commodity.

Ключевые слова: фрейм, фреймовая семантика, концепт, лингвокультурный и лингвокогнитивный подходы, «Милосердие».

Keywords: frame, frame semantics, concept, linguocultural and linguistic-cognitive approaches, "Charity".

doi: 10.22250/2410-7190_2020_6_1_186_199

1. Введение

В настоящее время фреймовая семантика исследует взаимодействие семантического пространства языка (языковых значений) и структур знания. Она позволяет моде-

лировать принципы структурирования и отражения определённой части человеческого опыта, знаний в значениях языковых единиц [Болдырев, 2000, с. 38].

Понятие «фрейм» происходит от английского языка (frame – кадр, рамка), его общее значение, предлагаемое словарём – «является структурой, содержащей некоторую информацию» [ФЭ, 2000–2019]. По М. Минскому, который первый вводит этот термин, фрейм является абстрактным образом для представления некоего стереотипа информации. Идея фреймов М. Минского была предназначена для усовершенствования модели репрезентации знаний, которая использовалась в системах искусственного интеллекта и представляла знания неструктурно. Учёный делает вывод, что информация, организованная в виде фрейма, должна носить более общий и одновременно более чётко организованный характер. Фрейм, таким образом, представляет собой «сеть поиска информации» [Минский, 1979, с. 8], иерархически организованную структуру данных, «состоящую из узлов и связей между ними. «Верхние уровни» фрейма образованы такими понятиями, которые всегда справедливы по отношению к предполагаемой ситуации. На более низких уровнях имеется много особых вершин-терминалов или «ячеек», которые должны быть заполнены характерными примерами или данными» [Минский, 1979, с. 7].

Применительно к лингвистике данная теория была осмыслена Ч. Филлмором, определившим его как когнитивную структуру, знание которой ассоциировано с концептом, представленным тем или иным словом [Филлмор, 1988, с. 61] (см. также его более позднюю работу в соавторстве [Fillmore, Baker, 2009]), и получила дальнейшее развитие (см., напр., [Ziem, 2014]).

В своей работе о фреймах и речевых актах, Т. ван Дейк подчёркивает, что «фреймы не являются произвольно выделяемыми «кусками» знания, но единицами, организованными «вокруг» некоторого концепта» [ван Дейк, 2000, с. 16]. Сравнивая фреймы с простым набором ассоциаций, он обращает внимание, что эти единицы содержат «основную, типическую и потенциально возможную информацию, которая ассоциирована с тем или иным концептом. Предполагая конвенциональную, т. е. общепринятую, соответствующую традиции, природу фрейма, Т. ван Дейк полагает, что они могут определять и описывать, что в данном обществе является «характерным» или «типичным» [Там же, с. 17].

В связи с поставленной целью, думается необходимым обратиться к термину «концепт». Хотя теорию концептов нельзя назвать новой, интерес исследователей к ней не ослабевает и в настоящее время (см., напр., [Goddard, 2018; Nikanne, 2018]). В нашем исследовании для понимания концепта мы используем лингвокультурный и лингвокогнитивный подходы.

Согласно лингвокультурному подходу Ю. С. Степанова [Степанов, 2004], в предисловии к словарю русской культуры, концепт — «базовая единица культуры, её концентрат, с исходной формой (этимологией); сжатой до основных признаков содержания историей; включая современные ассоциации; оценки» (см. о лингвокультурном концепте [ван Дейк, 2000; Воркачев, 2001, 2004; Карасик, 2002; Карасик, Слышкин, 2001; Красных, 2001; Степанов, 2004]). В связи с этим, концепт соотносится с наивной картиной мира, то есть, национальной традицией, фольклором, религией, идеологией.

Лингвокогнитивный подход, согласно Е. С. Кубряковой и др., предполагает понимание концепта «как ментального образования в сознании индивида, является выходом на концептосферу социума» [Кубрякова и др., 1997, с. 89–92], т. е. в конечном счёте, на культуру. Представителями лингвокогнитивного подхода являются С. А. Аскольдов, З. Д. Попова, И. А. Стернин, А. П. Бабушкин, В. Б. Касевич [Аскольдов, 1997; Бабушкин, 1997; Касевич, 2011; Попова, Стернин, 1999] и другие.

Концепт как единица культуры есть фиксация коллективного опыта, который становится достоянием индивида. По мнению Ю. Е. Прохорова, эти «подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный концепт – от индивидуального сознания к культуре, а лингвокультурный – направление от культуры к индивидуальному сознанию, но при этом представляют собой целостный исследовательский приём разделения движения вовне и движения вовнутрь» [Прохоров, 2009, с. 24]. Соглашаясь с позицией Ю. Е. Прохорова, рассмотрим следующие выводы о концепте, которые составили методологическую базу для данного исследования (см. подробнее об осмыслении концепта [Лакофф, 1981]). Концепт является представлением некоторого знания (пред-знания) в его обобщённом виде. Он не имеет чётко фиксированной структуры и чётко фиксированного способа его представления. Концепт реален и виртуален, стабилен и динамичен, имеет ядро и периферию. Это обобщённое знание в ходе реальной человеческой деятельности как бы «отчуждается» от своего источника и начинает само функционировать как база для создания, развёртывания и обоснования новых знаний. Концепт это совокупность мифа, символа и знака.

2. Концепт-фрейм «Милосердие» в языковой картине мира французов

Объектом настоящего исследования был выбран концепт-фрейм «Милосердие», к которому в связи с гуманизацией мирового сообщества всё чаще обращаются при исследовании языковой картины мира (см., напр., на материале русского языка [Никитина, 2014; Березина, 2018], на материале английского и русского языков [Осадчая, 2019]). В предыдущих исследованиях [Шалгина, 2017, с. 50] было составлено семантическое поле концепта «Милосердие» (на материале французского языка). Анализ словарных толкований позволил выделить 18 лексико-семантических вариантов слова Милосердие, что указывает на широкий семантический потенциал этой языковой единицы.

В настоящем исследовании представлен выполненный нами анализ лексико-семантических вариантов слова *Charité*, полученных при работе с Books Ngram, с корпусом Лейпцигского университета, где представлены примеры современной речи, СМИ, а также со словарными статьями французских энциклопедических и толковых словарей, словаря синонимов, словаря пословиц и поговорок [Ганшина, 1979; LDFC, 1992; LDMF, 1992; PLI, 1996; DUPh, 1997; Maloux, 2001; NPR, 2004]. В результате удалось определить содержательно-смысловое ядро концепта Charité во французском языковом сознании.

- 1. Милосердие как нравственная категория, добродетель: *Vertu qui porte à vouloir et à faire du bien aux autres* 'Добродетель, которая заключает в себе желание делать добро другим; ...secours apporté à qnn ...помощь, оказываемая кому-либо' [PLI, 1996]1.
- 2. Богословское понимание лексемы (с пометой «христианско-теологическое») Amour de Dieu et du prochain 'Любовь к Богу и к ближнему' [PLI, 1996]. Le XVII s. connaissait surtout les sens actuels de «amour du prochain» ou «aumône» 'XVII в. знал прежде всего существующие значения 'любви к ближнему' или 'милостыни' [LDFC, 1992]. В словаре Лярус, отражающем французский язык средневековья и эпохи Ренессанса, также представлено значение 'любовь к ближнему' (имеется помета «экклезиастический, церковный»): 1) amour, affection, tendresse 2) charité paternelle, amour paternel, amour filial: 1) любовь, привязанность, нежность 2) отеческое милосердие, отеческая любовь, сыновняя любовь [LDMF, 1992].

Основное рекуррентное сочетание *pratiquer la charité* 'проявить милосердие' показывает, что концепт соотносится с внутренним миром и обнаруживает неразрывную связь духовной и деятельной сторон [DUPh, 1997]:

Le mot «charité» signifit **la bonté** qui se manifeste, la bonté agissante — 'Слово милосердие означает проявляющуюся доброту, деятельную доброту' [Schuon, 1992, p. 99]; Acte de bonté, de générosité envers d'autrui – 'Акт доброты, щедрости по отношению к другим';

Bienfait envers les pauvres — 'Благодеяние (милость) по отношению к бедным' (с пометой употребляемый в разговорном языке), с последующим разъяснением: assistance, bienfaisance, secours, faire la charité a qnn — 'содействие, благотворительность, помощь, проявление милосердия'.

3. Деятельное милосердие проявляется как в личностной, так и социальной сфере. В личностной сфере ситуации милосердия проявляются в любви к близким людям, проявлении гуманности, прощении проступка, снисхождении, утешении в горе или несчастье:

Sans enfant, elle adore aveuglément Maria et Julia et rappelle constamment à Fanny qu'elle a été recueillie par charité – 'Из-за того, что у неё нет детей, она слепо обожает Марию и Джулию и постоянно напоминает Фанни о том, что она была принята из чувства милосердия' [La Culture..., 2017].

La charité a l'oreille fine et le pied léger; elle entend les soupirs étouffés de la misère qui se cache, et elle vole pour aller à son secours — 'Милосердие имеет чуткое ухо и быстрый шаг; оно слышит приглушенные вздохи скрывающейся нищеты, и оно летит, чтобы прийти на помощь' [NPR, 2004].

Les gens les plus durs donnent souvent l'aumône, quand on la leur demande; les gens véritablement charitables vont chercher les malheureux et les préviennent – 'Самые чёрствые люди часто дают милостыню, когда их об этом просят; истинно милосердные люди, увидев несчастных, постараются предупредить их беды' [NPR, 2004].

Faites-moi la charité de m'ecouter/Il a eu la charité de ne pas insister/ Vous excusez sa negligence avec beaucoup de charité!/ La charité, s'il vous plait! — 'Будьте снисходительны, выслушайте меня/он был добр, чтобы не настаивать/ проявите больше милосердия, чтобы извинить его за проявление неуважения/подайте милостыню!' [NPR, 2004; Ганшина, 1979].

Примеры деятельного милосердия представлены речевыми актами призыва к пониманию и снисхождению, похвалы, мольбы, упрёка: Куртуазные речевые обороты в основном относятся к примерам из литературы XIX века. В примерах СМИ мы практически не находим обращений к личностным ситуациям.

Одним из основных образов милосердия, прочно закреплённом в сознании французов и включающем содержательно-смысловое ядро концепта является имя *Святителя Мартина Турского*, одного из самых почитаемых во Франции святых, который, будучи военачальником, однажды зимой разорвал свой плащ и отдал его половину совершенно раздетому человеку.

La scène de la charité de Martin, la plus célèbre de la Vita Sancti Martini de Sulpice-Sévère, fait partie de la légende hagiographique — 'Эпизод проявления милосердия Мартина, записанный Сульпицием Севером, является самым известным в жизнеописании святого Мартина' [Martin de Tours, 2019].

Традиция отождествляет этого нищего с Христом (Saint Martin de Tours, aussi nommé Martin le Miséricordieux – 'Святитель Мартин Турский, также называемый Милостивым') [Martin de Tours, 2019]. Благочестивый поступок Святого Мартина прославлен также в произведениях живописи и скульптуре. Поскольку данное исследование посвящено рассмотрению концепта «Милосердие» через фрейм, как структуру представления знаний в языке, проанализируем его составляющие.

Концепт-фрейм имплицирует комплексную ситуацию; его можно сопоставить с «кадром» в рамки которого попадает всё, что типично и существенно для данной сово-купности обстоятельств [Бабушкин, 1997, с. 82].

В составе фрейма «Милосердие» выделим следующие структурные элементы: субфреймы – субъект, объект, форма, мотивация, цель. <u>Участники</u> ситуации милосердия – Мартин, субъект, в роли объекта – нищий – человек, нуждающийся в милосердии, что вызвано неблагополучием любых жизненных обстоятельств. <u>Форма</u> выражения милосердного поступка – дар, пожертвование. <u>Мотивация</u> поступка для Мартина – внутренняя потребность, включающая свободу воли, не связанная с обязанностью или какой-либо корыстной целью; чувство милосердия, которое с этической точки зрения составляет долг человека: в нём человек призван осуществить нравственный идеал, на что указывает заповедь любви [ФЭ, 2000–2019]. <u>Цель</u> – помощь неимущему (этическая).

Таким образом, перед нами «идеальное видение» ситуации милосердия, существующее на протяжении веков в европейской, в том числе, французской культуре. О сохранении образа милосердия, ставшего традиционным, свидетельствует выпуск монеты с изображением картины «Святой Мартин и нищие» в честь Юбилейного года Милосердия, который католики отмечали в 2015–2016 году [Юбилейный..., 2015].

4. Употребление лексемы charité (милосердие) в практическом значении, в социальной сфере приобретает и раскрывает аспект благотворительности, включая семантическое расширение лексемы милосердие через ситуацию коммерциализации: charity-business: charity parties, manifestations de charité, bazaar de la charité, vente de la charité, pièce de la charité, Journeé international de la charié, charity coach [Шалгина, 2018, с. 95]. Именно в эту группу входит наибольшее количество употреблений согласно примерам лингвистического корпуса французской прессы.

Концепт-фрейм наилучшим образом, на наш взгляд, позволяет проанализировать ядро и периферию концепта «Милосердие».

В составе фрейма «Милосердие» субфрейм «субъект действия милосердия» представлен как организациями, так и индивидом. Слоты данного субфрейма представлены ассоциациями, союзами, обществами милосердия, согласно их функциям [Liste..., 2019]:

1) Организации по оказанию медицинской помощи наиболее уязвимым группам населения и жертвам вооруженных конфликтов: Médecins du Monde – 'Врачи Мира' (независимая гуманитарная ассоциация); Association des Paralysés de France (APF) – 'Французская ассоциация помощи инвалидам':

Depuis plus de 80 ans APF France handicap se mobilise pour défendre les droits et accompagner les personnes en situation de handicap et leurs proches au quotidien. – 'Более 80 лет Ассоциация АПФ Франс ежедневно делает всё необходимое для защиты прав и осуществления сопровождения людей с ограниченными возможностями и их близких' [APF, 2019].

Union nationale des familles et amis de personnes malades et/ou handicapées psychiques (UNAFAM) – 'Национальный союз семей и друзей больных и / или людей с тяжёлыми психическими расстройствами'.

2) Организации, оказывающие помощь по правам человека, в том числе, кочующим народам и мигрантам; предоставляющих лицам, находящимся в тяжёлом социальном положении, услуги по приёму, приюту и социальной реинтеграции [Liste..., 2019]: Сіtoyens et Justice — 'Граждане и Правосудие (помощь по вопросам обеспечения работой, образования, жилья)'; Ligue des droits de l'Homme — 'Лига по правам человека (в том числе, оказание помощи мигрантам)'; Fédération des acteurs de la solidarité — 'Союз участников Движения Солидарности'; Tsiganes et Gens du voyage (FNASAT — Gens du voyage) — 'Цыгане и путешественники':

La diversité culturelle est renforcée par la libre circulation des idées, et se nourrit d'échanges constants et d'interactions entre les cultures: l'importante contribution des artistes et de tous ceux qui sont impliqués dans le processus créateur, des communautés

culturelles, comme celle des Gens du voyage, témoigne de leur rôle central qui est de nourrir la diversité des expressions culturelles — 'Культурное разнообразие подкрепляется свободным распространением идей и устойчивым обменом и взаимодействием между культурами: важный вклад всех, кто участвует в творческом процессе, культурных сообществ, таких как кочевники, свидетельствует об их центральной роли в воспитании разнообразия форм культурного самовыражения' [Gens du voyage, 2019].

- 3) Комитеты и общества по борьбе с безработицей [Liste..., 2019]: Comité Chrétien de Solidarité avec les Chômeurs et précaires (CCSC), Solidarités Nouvelles face au Chômage (SNC)
- 4) Федерации по обеспечению жильём неимущих, молодёжи, в том числе, временным жильём [Liste..., 2019]:

Fédération des Associations et des Acteurs pour la Promotion et l'Insertion par le Logement (FAPIL) – 'Федерация ассоциаций и их субъектов по вопросам содействия и обеспечения жильём'; Fédération Habitat et Humanisme – 'Союз по вопросам Жилья и Гуманизма'; Fondation Abbé Pierre pour le logement des défavorisés – 'Фонд аббата Пьера по предоставлению жилья нуждающимся'; France Terre d'Asile – 'Земля Франция – приют для обездоленных'; Union nationale pour l'habitat des jeunes (UNHAJ) – 'Национальный жилищный союз молодёжи '; Union professionnelle du logement ассотрадей (UNAFO) – 'Профессиональный союз по обеспечению жильём с социальным сопровождением людей оказавшихся в трудной ситуации':

Les centres d'hébergement d'urgence accueil de quelques nuits les personnes avec accompagnement social et éventuellement une aide médicale et psychologique.: En 2017–2018 il y a eu 3843 personnes hébergées en urgence. — 'Центры экстренного размещения принимают на несколько ночей людей с социальным сопровождением и, возможно, медицинской и психологической помощью. В 2017–2018 годах в них было размещено 3843 человека, пострадавших в результате чрезвычайных ситуаций' [Les Restos..., 2019].

5) Союзы по поддержке пожилых людей, в том числе религиозные [Liste..., 2019]:

Les petits frères des Pauvres – 'Помощники обездоленных – помощь и поддержка пожилым людям'; Union nationale de l'Aide des soins et des Services aux Domiciles (UNA) – 'Национальный союз помощи по уходу и обслуживанию на дому'.

- 6) Религиозные организации [Liste..., 2019]: Fédération Entraide Protestante 'Федерации Протестантской Взаимопомощи'; Fondation Armée du Salut 'Фонд Армии Спасения'; Secours Catholique 'Католическая помощь'.
- 7) Организация продовольственной помощи лицам, находящимся в тяжёлом социальном положении [Les Restos..., 2019; Les Restaurants..., 2019; Soupe populaire, 2019; Banque alimentaire, 2019]:

Restos du Coeur (Les Restaurants du cœur) – 'Сеть ресторанов по обеспечению неимущих бесплатным горячим питанием':

11 restaurants Émeraude qui accueillent le midi des personnes âgées, se transforment le soir en restaurants solidaires dédiés aux personnes en grande précarité – '11 ресторанов «Изумруд», приглашают на обед пожилых людей, а вечером превращаются в благотворительные рестораны для малообеспеченных'.

Soupe populaire – 'Сеть бесплатных столовых, находящихся на обеспечении продовольственных банков.

Plus de 1160 repas sont ainsi servis chaque soir aux Parisiens les plus démunis. – 'Более 1160 порций еды выдаётся каждый вечер неимущим парижанам' [Paris, 2019].

Fédération Française des Banques Alimentaires – 'Французская федерация Продовольственных Банков'

Субфрейм «субъект милосердия – организации» может быть расширен путём их классификации по правовой и налоговой базе с включением слота: частные / государственные, некоммерческие, религиозные / светские, международные / национальные / региональные / департаментальные (в рамках одного департамента) / компании и частные лица:

ANPAA – **Association** Nationale de Prévention en Alcoologie et Addictologie – 'Национальная **ассоциация** профилактики алкоголизма и наркомании'.

Depuis juillet 2018, l'équipe Secours Catholique du Pont du Las organise, chaque mardi de 9 h 30 à 11 h, un petit déjeuner ouvert à tous, à la Maison de la famille. – 'С июля 2018 года общество Католическая помощь Пон дю Лас организует, по вторникам с 9:30 до 11:00 благотворительные завтраки в Гостевом доме' [Secours Catholique, 2019].

Chaque association départementale, en fonction du nombre de bénévoles disponibles, de ses besoins et de ses projets départementaux, gère plusieurs sites d'activités: centres de distribution alimentaire, Restos Bébés du Cœur, chantiers d'insertion, Jardins du Cœur, etc. – 'Каждая ассоциация, организованная при департаменте, в зависимости от количества добровольцев, состоящих в её рядах, своих потребностей и своих ведомственных проектов, управляет несколькими зонами деятельности: центр распределения продуктов питания, питание для малышей, интеграционные проекты, обеспечение безработных сельскохозяйственным трудом' [Les Jardins..., 2019].

Рассмотрим субфрейм «объект» и назовём безусловных участников ситуации милосердия: инвалиды, престарелые, больные, неимущие, люди без определённого места жительства, дети, пострадавшие от стихийных бедствий кочующие народы и мигранты, лица, находящимся в тяжёлом социальном положении, нуждающиеся в приюте и социальной реинтеграции и т. д.

Qu'on le qualifie de «bénévole», «informel», «naturel», «familial» ou «familier», l'aidant s'avère un véritable «maillon» du réseau du soutien à domicile, un interlocuteur clé, puisqu'il vit auprès de la personne avant toute intervention professionnelle extérieure. L'accompagnement des personnes en perte d'autonomie, que ce soit dû à l'âge, à la maladie ou à un handicap, ne peut donc se penser et s'appréhender qu'avec les aidants. — 'Его называют «добровольным», «неформальным», «настоящим», «семейным» или «своим», помогая ему стать ключевым «звеном» в сети домашней поддержки, настоящим собеседником, поскольку он находится рядом с человеком, имеющим профессиональную поддержку. Таким образом, сопровождение людей, лишённых самостоятельности, будь то возраст, болезнь или инвалидность, может мыслиться и восприниматься не иначе как с помощниками' [UNA, 2019].

Список может быть продолжен. Любой не вписывающийся в указанные ситуации объект, участник ситуации милосердия, требует дополнительных характеристик. Воспользовавшись расширенным контекстом, мы сможем получить необходимые данные. Слот, конкретизирующий данный субфрейм, может представить потенциально возможных пациенсов количественно: один человек (частные лица) — семья — группа людей и т. д.

Субфрейм «формы» представлен слотами: благотворительность, филантропия, дар, пожертвование, милостыня:

Réservé aux parieurs patients et désintéressés. Depuis 2003, le site Long Bets, créé par Jeff Bezos, patron-fondateur d'Amazon, permet à des philanthropes de lancer des paris originaux à long terme, sur l'avenir du monde. La plateforme propose de miser sur des sujets sociétaux et scientifiques «majeurs» — 'Только для терпеливых и бескорыстных игроков. С 2003 года сайт Long Bets, созданный боссом-основателем Атагоп Джеффом Безосом, позволяет филантропам запускать оригинальные долгосрочные ставки на будущее ми-

ра. Платформа предлагает сделать ставку на «основные социальные и научные темы» [Détroyat, 2017].

Tout comme à l'étranger, le profil du philanthrope français est en train de changer. Il est de plus en plus jeune, à la tête d'une fortune qu'il a créée lui-même, et qu'il veut partager avec les autres. Ses motivations pour créer une fondation ne sont plus la mémoire d'un proche, la reconnaissance ou la postérité, mais elles s'appuient davantage sur une forte sensibilité sociale et environnementale — 'Как и за рубежом, профиль французского филантропа меняется. Он все моложе и моложе, возглавляет состояние, которое он создал сам, и хочет поделиться с другими. Его мотивы для создания фонда больше не являются памятью о близком человеке, признанием или вкладом для последующих поколений, но они больше полагаются на высокую социальную и экологическую восприимчивость' [La nouvelle philanthropie..., 2019].

On ne parle plus du don compassionnel, mais d'un investissement – 'Мы больше не говорим о благотворительном пожертвовании, а об инвестициях...' [La nouvelle philanthropie..., 2019].

Nous avons reçu déjà 32.000 dons provenant du grand public, par le biais de nos sites Internet, des cagnottes en ligne, par chèques ..., en France et aux États-Unis via le site de notre fondation américaine Friends of Notre-Dame de Paris, jeune mais dynamique (7000 dons d'Américains). — 'Мы уже получили 32.000 пожертвований от широкой общественности, через наши веб-сайты, онлайн-банкноты, чеки..., во Франции и США через сайт нашего американского Фонда друзей Нотр-Дам в Париже, молодой, но динамичный организации (7000 пожертвований от американцев)' [Guenois, 2019].

Дальнейшее расширение фреймовой сети возможно при анализе слота «средства», конкретизирующего субфрейм «формы»: материальные и нематериальные (напр., финансовые средства, способности, энергия и т. д.).

«Faire un état des lieux le plus objectif possible des sans-abri présents dans notre ville.» Voilà la mission des bénévoles présents dans la mairie du XIIe arrondissement durant la deuxième édition de la «Nuit de la Solidarité» — «Создание максимально объективновозможных условий для бездомных, находящихся в нашем городе». Это миссия добровольцев, привлечённых мэрией XII округа для проведения второй акции «Ночь солидарности» [Воеtti, 2019].

Говоря о практическом милосердии, необходимо учитывать экстралингвистические факторы: определённые исторические условия, которые определяют масштабы благотворительности, её материальные возможности, формы, методы и направления [Своеобразие..., 2019].

3. Заключение

Таким образом, опираясь на исторические особенности французской системы помощи и поддержки, необходимо отметить сильное влияние монастырской благотворительности в связи с большим влиянием католической церкви на жизнедеятельность общества: Орден Госпиталей Милосердия для приёма больных и неимущих прохожих был учреждён в XII веке. Данная тенденция сохраняется и в настоящее время (см. примеры субъектов милосердия: движение солидарности, Федерация Протестантской Взаимопомощи, Фонд Армии Спасения, Католическая помощь / Госпиталь Милосердия изменил форму на Обители Милосердия (с 1986 г.) / Община Девушек или Сёстёр Милосердия / Конгрегация сестёр милосердия коммуны / Дамы Милосердия, назначаемые организациями), свидетельствуя об активной роли церкви в современном французском обществе.

Анализ материала показал, что субъектами милосердия всё чаще становятся частные лица: актёры, музыканты, спортсмены, общественные деятели, политики, превратившие благотворительность в средство рекламы и инвестиции в свой образ. Вместе с тем, количество филантропов и меценатов, коллективных благотворительных движений также увеличивается. Данному явлению способствует правильная налоговая политика со стороны государства, которая стимулирует мелкие, средние и крупные предприятия на благотворительные вклады путём снижения налоговой ставки.

Проведённое исследование свидетельствует о значительных изменениях в концептуальной картине мира носителей французского языка. В условиях глобализации слово le don 'дар' как расширенный вариант лексико-семантического варианта la bienfaisance 'благотворительность' актуализирует себя через вложение, инвестицию, церемониальный дар, т.е. рассматривается социальным вложением. С утверждением экономических реформ, новой политики налогообложения в концептосфере милосердия отмечается когнитивный сдвиг, который приводит к смещению ценностного вектора. Милосердие, воспринимаемое как социальный ресурс, становится экономическим товаром.

Одновременно с этим, политические игры с нравственными ценностями и добродетелями, связанные с возросшими масштабами миграции населения, приводят к размыванию этических норм и угрозе национальной идентичности, что в свою очередь, ведёт к потере высокого аксиологического смысла Милосердия.

Список литературы

- Апресян, 2001 Апресян, Р. Г. Функциональные особенности филантропии [Электронный ресурс] / Р. Г. Апресян // Благотворительность в России. Социальные и исторические исследования. Лики России С-Петербург, 2001. URL: blago.ru/news/filantropiia/filantropiia1.html (дата обращения: 20.06.2019).
- Аскольдов, 1997— Аскольдов, С. А. Концепт и слово [Текст] / С. А. Аскольдов // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М.: Academia, 1997. С. 267–279.
- Бабушкин, 1997 Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика [Текст] / С. А. Бабушкин. Воронеж : Издво ВГУ, 1997. 330 с.
- Березина, 2018 Березина, Е. М. Милосердие: опыт определения понятия [Текст] / Е. М. Березина // Вестник ПНИПУ. Культура. История. Философия. Право. 2018. № 1. С. 5—10. DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.1.01.
- Болдырев, 2000 Болдырев, Н. Н. Фреймовая семантика как метод когнитивного анализа языковых единиц [Текст] / Н. Н. Болдырев // Проблемы современной филологии: межвуз. сб. науч. трудов. Мичуринск, 2000. С. 37—45.
- Воркачев, 2001 Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] / С. Г. Воркачев // Филологические науки. 2001. № 1. C. 64-72.
- Воркачев, 2004 Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт [Текст] / С. Г. Воркачев. М. : Гнозис, 2004, 192 с.
- Ганшина, 1979 Ганшина, К. А. Французско-русский словарь (= Dictionnaire Français-Russe) [Текст] / К. А. Ганшина. М. Изд-во Русский язык. 912 с.
- Дейк, ван, 2000 Дейк ван, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.
- Карасик, 2002 Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст] / В. И. Карасик. Волгоград: Перемена, 2002. 331 с.
- Карасик, Слышкин, 2001 Карасик, В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования [Текст] / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. Воронеж: ВГУ, 2001. С. 75–80.

- Касевич, 2011 Касевич, В. Б. О когнитивной лингвистике [Текст] / В. Б. Касевич // Актуальные проблемы современной лингвистики. М.: Флинта, Наука, 2011. С. 192–200.
- Красных, 2001 Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций [Текст] / В. В. Красных. М.: Гнозис, 2001. 282 с.
- Кубрякова и др., 1996 Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова / В. З. Демьянков / Ю. Г. Панкрац / Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой // М. : Филол фак. МГУ, 1996. 245 с.
- Лакофф, 1981 Лакофф, Дж. Лингвистические гештальты [Текст] / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X : Лингвистическая семантика. 1981. С. 350—368.
- Минский, 1979 Минский, М. Фреймы для представления знаний [Текст] / М. Минский : Пер. с англ. М. : Энергия, 1979. 152 с.
- Никитина, 2014 Никитина, М. Ю. Концепт милосердие в современном русском языковом сознании (психолингвистический аспект) [Текст] / М. Ю. Никитина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 2 (32). Ч. 2. С. 135–138.
- Осадчая, 2019 Осадчая, О. Н. Ценностная представленность милосердия как действия в английских и русских паремиях [Текст] / О. Н. Осадчая // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Т. 12. Вып. 2. С. 383—388.
- Попова, Стернин, 1999 Попова, З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях [Текст] / З. Д. Попова, И. А. Стернин. Воронеж : [Б. и.], 1999. 30 с.
- Прохоров, 2009 Прохоров, Ю. Е. В поисках концепта [Текст] / Ю. Е. Прохоров. М. : Флинта : Наука, 2009. 176 с.
- Своеобразие..., 2019 Своеобразие системы попечения во Франции [Электронный ресурс] // Cyberpedia. URL: https://cyberpedia.su/6x9139.html (дата обращения: 22.03.2019).
- Степанов, 2004 Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры [Текст] / Ю. С. Степанов. М.: Академический Проект, 2004. 992 с.
- Филлмор, 1988 Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания [Текст] / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка: пер. с англ. / сост., ред., вступ. ст. В. В. Петрова и В. И. Герасимова. М.: Прогресс, 1988. С. 52—92.
- ФЭ, 2000–2019 Философская энциклопедия [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике, 2000–2019. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/8670/МИЛО (дата обращения: 10.04.2019).
- Шалгина, 2017 Шалгина, Е. А. Семантическое поле концепта «Charité / Милосердие» [Текст] / Е. А. Шалгина // Евразийский гуманитарный журнал. 2017. № 2. С. 50–58.
- Шалгина, 2018 Шалгина, Е. А. Расширение семантического пространства (на примере концепта charité (милосердие) во французском языке) [Текст] / Е. А. Шалгина // Вестник Волжского ун-та им. В. Н. Татищева. 2018. № 2. Т. 2. С. 95—107.
- Юбилейный, 2015 Юбилейный год Милосердия у католиков начинается во вторник [Электронный ресурс] // РИА Новости. 08.12.2015. URL: https://ria.ru/20151208/1337978711.html (дата обращения: 10.04.2019).
- APF, 2019 APF France Handicap [Electronic resource]. URL: https://www.apf-francehandicap.org (дата обращения: 30.01. 2019).
- Banque alimentaire, 2019 Banque alimentaire [Electronic resource] // Wikipédia. L'encyclopédie libre. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Banque alimentaire (дата обращения: 10.04.2019).
- Boetti, 2019 Boetti, M. Paris: des milliers de bénévoles mobilisés pour recenser les sans-abri [Electronic resource] / M. Boetti // Le Figaro. Le 14 fevrier 2019. URL: https://www.lefigaro.fr/actualite-france/2019/02/08/01016-20190208ARTFIG00191-paris-des-milliers-de-benevoles-mobilises-pour-recenser-les-sans-abri.php (дата обращения: 14.02.2019).
- Détroyat, 2017 Détroyat, O. Les paris philantropiques de Warren Buffett font des émules en France [Electronic resource] / O. Détroyat // Le Figaro. Le 09 juin 2017. URL: https://www.lefigaro.fr/argent/2017/06/09/05010-20170609ARTFIG00017-les-paris-philantropiques-de-warren-buffett-font-des-emules-en-france.php (дата обращения: 30.01. 2019).
- DUPh, 1997 Dictionnaire universel phrancophone [Text]. Paris : Hachette/Edicef ; AUPELF/UREF, 1997. 1554 p.

- Fillmore, Baker, 2009 Fillmore, C. J., Baker, C. A Frames Approach to Semantic Analysis [Text] / C. J. Fillmore, C. Baker // The Oxford Handbook of Linguistic Analysis / ed. by B. Heine, H. Narrog. Oxford University Press, 2009. P. 313–340.
- Gens du voyage , 2019 Gens du voyage [Electronic resource] // Un site du ministère de la Culture. URL: http://www.culture.gouv.fr/Thematiques/Developpement-culturel/Solidarite/Gens-du-voyage (дата обращения: 29.04.2019).
- Goddard, 2018 Goddard, C. A Semantic Menagerie: The Conceptual Semantics of Ethnozoological Categories [Text] / C. Goddard // Вестник РУДН. Сер.: Лингвистика. 2018. Вып. 22. № 3. С. 539–559.
- LDMF, 1992 Greimas, A. J.; Keane, T. M. Larousse dictionnaire du moyen français. La Renaissance [Text] / A. J. Greimas, T. M. Kean. Paris : Larousse. 1992. 668 p.
- Guenois, 2019 Guenois, J.-M. Notre-Dame: «Le respect de la volonté des donateurs est important» [Electronic resource] / J.-M. Guenois // Le Figaro. Le 25 avril 2019. URL: https://www.lefigaro.fr/actualite-france/notre-dame-le-respect-de-la-volonte-des-donateurs-est-important-20190424 (дата обращения: 25.04.2019).
- LDFC,1992 Jean, D. Larousse dictionnaire du français classique: le XVIIème siècle [Text] / D. Jean, R. Lagane, A. Lerond. Paris : Larousse. 1992. 511 p.
- La Culture, 2017 La Culture de A à Z. Encyclopédie personnelle des grands noms de la culture [Electronic resource]. 2017. URL: http://fredc.over-blog.com/2017/08/jane-austen-1775-1817-ecrivain.html (дата обращения : 10.03.2019).
- La nouvelle philanthropie..., 2019 La nouvelle philanthropie (ré)invente-t-elle un capitalisme solidaire ? [Electronic resource] // IRIS. URL: http://www.iris-france.org/note-de-lecture/lanouvelle-philanthropie-reinvente-t-elle-un-capitalisme-solidaire/ (дата обращения: 12.04.2019).
- Les citations..., 2019 Les citations et pensées sur la charité [Electronic resource] // Dictionnaire des meilleurs proverbes et des plus belles citations françaises. URL: https://www.proverbes-français.fr/citations-charite/ (дата обращения: 20.02.2019).
- Les Jardins..., 2019 Les Jardins du Cœur ouvrent leurs portes au public les 12 & 13 Mai [Electronic resource] // Les restaurants du couer. URL: https://www.restosducoeur.org/les-jardins-du-coeur-ouvrent-leurs-portes-au-public-les-12-13-mai/ (дата обращения: 29.04. 2019).
- Les restaurants..., 2019 Les restaurants du couer [Electronic resource]. URL: https://www.restosducoeur.org/organisation-et-fonctionnement/ (дата обращения: 22.04.2019).
- Les Restos..., 2019 Les Restos du cœur [Electronic resource] // Wikipédia. L'encyclopédie libre. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Les_Restos_du_cœur (дата обращения: 10.04.2019).
- Liste..., 2019 Liste des associations membres du collectif ALERTE national [Electronic resource]. URL: https://www.unaf.fr/IMG/pdf/5._liste_associations_membres_d_alerte.pdf (дата обращения: 15.01.2019).
- Maloux, 2001 Maloux, M. Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes [Text] / M. Maloux. Paris : Larousse, 2001. 558 p.
- Martin de Tours, 2019 Martin de Tours [Electronic resource] // Wikipédia. L'encyclopédie libre. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Martin_de_Tours (дата обращения: 11.04.2019).
- PLI, 1996 Maubourguet, P. Le petit Larousse illustré [Text] / P. Maubourguet. Paris : Larousse, 1996. 1784 p.
- Nikanne, 2018 Nikanne, U. Conceptual Semantics [Text] / U. Nikanne. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2018. 281 p.
- Paris, 2019 Paris [Electronic resource]. URL: https://www.paris.fr/services-et-infos-pratiques/social-et-solidarites/personnes-en-situation-de-precarite/distribution-de-repas-123 (дата обращения: 22.04.2019).
- NPR, 2004 Rey-Debove, J. Le nouveau Petit Robert dictionnaire alphabetique et analogique de la langue française [Text] / J. Rey-Debove, A. Rey. Paris : Le Robert, 2004. 2841 p.
- Schuon, 1992 Schuon, F. Le jeu des masques [Text] / F. Schuon. Lausanne: l'Age d'Homme, 1992. 123 p.
- Secours Catholique, 2019 Secours Catholique [Electronic resource]. URL: http://var.secours-catholique.org/Petit-dejeuner-au-Pont-du-Las (дата обращения: 10.04.2019).

- Soupe populaire, 2019 Soupe populaire [Electronic resource] // Wikipédia. L'encyclopédie libre. URL: https://fr.wikipedia.org/wiki/Soupe populaire (дата обращения: 10.04.2019).
- UNA, 2019 Union Nationale de l'Aide, des Soins et des Services aux Domiciles [Electronic resource]. URL: http://www.una.fr/3903-S/aide-aux-aidants.html (дата обращения: 30.01.2019).
- Ziem, 2014 Ziem, A. Frames of Understanding in Text and Discourse [Text] / A. Ziem. John Benjamins Publishing Company, 2014. 428 p.

References

- Apresyan, R. G. (2001). Funktsional'nye osobennosti filantropii [Functional features of philanthropy]. Blagotvoritel'nost' v Rossii. Sotsial'nye i istoricheskie issledovaniya [Charity in Russia. Social and historical research]. St Peterburg: Liki Rossii Press.
- Askol'dov, S. A. (1997). Kontsept i slovo [Concept and word]. *Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta. Antologiya* [Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text. Anthology] (pp. 267–279). Moscow: Academia Press.
- Babushkin, A. P. (1997). *Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike jazyka, ih lichnostnaja i nacional'naja specifika* [Types of concepts in the lexical and phraseological semantics of the language, their personal and national specificity]. Voronej.
- Berezina, E. M. (2018). Miloserdie: opyt opredeleniya ponyatiya [Charity: an experience of concept definition]. *Vestnik PNIPU. Kul'tura. Istoriya. Filosofiya. Pravo* [Bulletin of PNRPU. Culture. History. Philosophy. Law], 1, 5–10. DOI: 10.15593/perm.kipf/2018.1.01.
- Boldyrev, N. N. (2000). Freymovaya semantika kak metod kognitivnogo analiza yazykovykh edinits [Frame semantics as a method for cognitive analysis of language units]. *Problemy sovremennoy filologii* [Issues of modern philology]: A collection of scientific papers (pp. 37–45). Michurinsk.
- Vorkachev, S. G. (2001). Lingvokul'turologiya, yazykovaya lichnost', kontsept: stanovlenie antropotsentricheskoy paradigmy v yazykoznanii [Linguoculturology, linguistic personality, concept: The formation of the anthropocentric paradigm in linguistics]. *Filologicheskie nauki* [Philology], 1, 64–72.
- Vorkachev, S. G. (2004). *Schast'e kak lingvokul'turnyy kontsept* [Happiness as a linguocultural concept]. Moscow: Gnozis Press.
- Ganshina, K. A. (1979). *Franko-russkiy slovar'* [French-Russian dictionary]. Moscow: Russkiy yazyk Press.
- Dijk, van T. A. (2000) *Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya* [Language. Cognition. Communication]. Blagoveshchensk: I. A. Baudouin de Courtenay BGK Press.
- Karasik, V. I. (2002). *Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: Personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena Press.
- Karasik, V. I., Slyshkin, G. G. (2001). Lingvokul'turnyy kontsept kak edinitsa issledovaniya [Linguocultural concept as a unit of study]. *Metodologicheskie problemy kognitivnoy lingvistiki* [Methodological issues of cognitive linguistics]: A collection of scientific papers (pp. 75–80). Voronezh: Voronezh State University Press.
- Kasevich, V. B. (2011). O kognitivnoy lingvistike [Cognitive linguistics] // Aktual'nye problemy sovremennoy lingvistiki [Current issues of modern linguistics] (pp. 192–200). Moscow: Flinta, Nauka Press.
- Krasnykh, V. V. (2001). *Etnopsiholingvistika i lingvokul'turologiya* [Ethnopsycholinguistics and linguistic cultural studies]: A course of lectures. Moscow: Gnozis Press.
- Kubryakova, E. S., Demyankov, V. Z., Pankrats, Ju. G., Luzina, L. G. (1996). *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [A brief dictionary of cognitive terms]. Moscow: Lomonosov Moscow State University Press.
- Lakoff, G. (1981). Lingvisticheskie geshtal'ty [Linguistic gestalts]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike : Lingvisticheskaya semantika* [New issues in foreign linguistics : Linguistic semantics] (Vol. X, pp. 350–368). Moscow : Progress Press.

- Minskiy, M. (1979). *Freymy dlya predstavleniya znaniy* [Knowledge Frames]. Moscow: Energiya Press.
- Nikitina, M. Yu. (2014). Kontsept miloserdie v sovremennom russkom yazykovom soznanii (psikholingvisticheskiy aspekt) [Mercy concept in modern Russian language consciousness (Psycho-linguistic aspect)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], Part 2, 2 (32), 135–138.
- Osadchaya, O. N. Tsennostnaya predstavlennost" miloserdiya kak deystviya v angliyskikh i russkikh paremiyakh [Value representation of mercy as an action in the English and Russian paremias]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], 12 (9), 383–388.
- Povova, Z. D., Sternin, I. A. (1999). Ponyatie «kontsept» v lingvisticheskikh issledovaniyakh [The notion of "concept" in linguistic research]. Voronezh.
- Prokhorov, Ju. E. (2009). V poiskakh kontsepta [In search of a concept]. Moscow: Flinta, Nauka Press. Svoeobrazie sistemy popecheniya vo Frantsii [The system of custody in France]. Retrieved March 22, 2019 from https://cyberpedia.su/6x9139.html.
- Stepanov, Ju. S. (2004). Konstanty: Slovar' russkoy kul'tury [Constants: Dictionary of Russian Culture]. Moscow: Akademicheskiy Proekt Press.
- Fillmor, Ch. (1988). Freymy i semantika ponimaniya [Frames and semantics of understanding]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike : Kognitivnye aspekty yazyka* [New issues in foreign linguistics : Cognitive aspects of the language] (Vol. XXIII, pp. 52–92). Moscow : Progress Press.
- Filosofskaya entsiklopediya [Philosophical Encyclopedia]. (2000–2019). Retrieved April 10, 2019 from https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc philosophy/8670/МИЛО>.
- Shalgina, E. A. (2017). Semanticheskoe pole kontsepta «Charité / Miloserdie» [Semantic field of the concept «Charité / Милосердие»]. *Evraziyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Eurasian Humanitarian Journal], 2, 50–58.
- Shalgina, E. A. (2018). Rasshirenie semanticheskogo prostranstva (na primere kontsepta charité (miloserdie) vo frantsuzskom yazyke) [Expansion of semantic space in French (The concept «charitè» as an example)]. *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva* [Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatishchev], 2 (2), 95–107.
- Yubileynyy god Miloserdiya u katolikov nachinaetsya vo vtornik [Jubeley charity year with the Catholics begin on Tueseday] (2015). *RIA Novosti* [RIA News] (08.12.2015). Retrieved April 10, 2019 from https://ria.ru/20151208/1337978711.html.
- APF France Handicap (2019). Retrieved January 30, 2019 from https://www.apf-francehandicap.org.
- Banque alimentaire (2019). *Wikipédia. L'encyclopédie libre*. Retrieved April 10, 2019 from https://fr.wikipedia.org/wiki/Banque alimentaire>.
- Boetti, M. (2019). Paris: des milliers de bénévoles mobilisés pour recenser les sans-abri. *Le Figaro*. Le 14 fevrier 2019. Retrieved February 14, 2019 from https://www.lefigaro.fr/actualite-france/2019/02/08/01016-20190208ARTFIG00191-paris-des-milliers-de-benevoles-mobilises-pour-recenser-les-sans-abri.php.
- Détroyat, O. (2017). Les paris philantropiques de Warren Buffett font des émules en France. *Le Figaro*. Le 09 juin 2017. Retrieved January 30, 2019 from https://www.lefigaro.fr/argent/2017/06/09/05010-20170609ARTFIG00017-les-paris-philantropiques-de-warren-buffett-font-des-emules-en-france.php.
- Dictionnaire universel phrancophone (DUPh). (1997). Paris: Hachette/Edicef; AUPELF/UREF.
- Fillmore, C. J., Baker, C. (2009). A Frames Approach to Semantic Analysis. In B. Heine, H. Narrog, The Oxford Handbook of Linguistic Analysis (pp. 313–340). Oxford University Press.
- Gens du voyage (2019). *Un site du ministère de la Culture*. Retrieved April 29, 2019 from http://www.culture.gouv.fr/Thematiques/Developpement-culturel/Solidarite/Gens-du-voyage.
- Goddard, C. (2018). A Semantic Menagerie: The Conceptual Semantics of Ethnozoological Categories. *Russian Journal of linguistics*, 22 (3), 539–559.
- Greimas, A. J.; Keane, T. M. (1992). Larousse dictionnaire du moyen français : la Renaissance (LDMF). Paris : Larousse.

- Guenois, J.-M. (2019). Notre-Dame: «Le respect de la volonté des donateurs est important». Le Figaro. Retrieved April 25, 2019 from https://www.lefigaro.fr/actualite-france/notre-dame-le-respect-de-la-volonte-des-donateurs-est-important-20190424.
- Jean, D., Lagane, R., Lerond, A. (1992). *Larousse dictionnaire du français classique: le XVIIème siècle* (LDFC). Paris : Larousse.
- La Culture de A à Z. Encyclopédie personnelle des grands noms de la culture (2017). Retrieved March 10, 2019 from http://fredc.over-blog.com/2017/08/jane-austen-1775-1817-ecrivain.html.
- La nouvelle philanthropie (ré)invente-t-elle un capitalisme solidaire ? (2019). *IRIS*. Retrieved April 12, 2019 from http://www.iris-france.org/note-de-lecture/la-nouvelle-philanthropie-reinvente-t-elle-un-capitalisme-solidaire/>.
- Les citations et pensées sur la charité (2019). *Dictionnaire des meilleurs proverbes et des plus belles citations françaises*. Retrieved February 20, 2019 from https://www.proverbes-français.fr/citations-charite/.
- Les Jardins du Cœur ouvrent leurs portes au public les 12 & 13 Mai (2019). *Les restaurants du couer*. Retrieved April 29, 2019 from https://www.restosducoeur.org/les-jardins-du-coeur-ouvrent-leurs-portes-au-public-les-12-13-mai/.
- Les restaurants du couer (2019). Retrieved April 22, 2019 from https://www.restosducoeur.org/organisation-et-fonctionnement/.
- Les Restos du cœur. (2019). *Wikipédia. L'encyclopédie libre*. Retrieved April 10, 2019 from https://fr.wikipedia.org/wiki/Les_Restos_du_cœur.
- Liste des associations membres du collectif ALERTE national (2019). Retrieved January 15, 2019 from https://www.unaf.fr/IMG/pdf/5. liste associations membres d alerte.pdf>.
- Maloux, M. (2001). Dictionnaire des proverbes, sentences et maximes. Paris : Larousse.
- Martin de Tours (2019). *Wikipédia. L'encyclopédie libre*. Retrieved April 11, 2019 from https://fr.wikipedia.org/wiki/Martin_de_Tours.
- Maubourguet, P. (ed.) (1996). Le petit Larousse illustré (PLI). Paris : Larousse.
- Nikanne, U. (2018). *Conceptual Semantics*. Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing Company.
- Paris (2019). Retrieved April 22, 2019 from https://www.paris.fr/services-et-infos-pratiques/social-et-solidarites/personnes-en-situation-de-precarite/distribution-de-repas-123.
- Rey-Debove, J., Rey, A. (2004). Le nouveau Petit Robert dictionnaire alphabetique et analogique de la langue française (NPR). Paris : Le Robert.
- Schuon, F. (1992). Le jeu des masques. Lausanne : l'Age d'Homme.
- Secours Catholique (2019). Retrieved April 10, 2019 from http://var.secours-catholique.org/Petit-dejeuner-au-Pont-du-Las.
- Soupe populaire (2019). *Wikipédia. L'encyclopédie libre*. Retrieved April 10, 2019 from https://fr.wikipedia.org/wiki/Soupe populaire.
- Union Nationale de l'Aide, des Soins et des Services aux Domiciles. (2019). Retrieved January 30, 2019 from http://www.una.fr/3903-S/aide-aux-aidants.html.
- Ziem, A. (2014). Frames of Understanding in Text and Discourse. John Benjamins Publishing Company.

Наши авторы

Андросова Светлана Викторовна, д-р филол. наук, доцент, проф. кафедры иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: androsova_s@mail.ru

Булатова Надежда Яковлевна, канд. филол. наук, ведущий науч. сотрудник Ин-та лингвистич. исслед. Российской Академии Наук (ИЛИ РАН), г. С.-Петербург, Российская Федерация, email: bulatovany@gmail.com

Бурыкин Алексей Алексевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Словарного отдела Института лингвистических исследований Российской Академии Наук, г. С.-Петербург, Российская Федерация, email: albury@mail.ru

Глазанова Евгения Валентиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и методики преподавания искусств и гуманитарных наук Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург, Российская Федерация, email: zhee.glazanova@gmail.com

Гогичев Чермен Герсанович, доктор филологических наук, доцент кафедры иностанных языков № 2 Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Российская Федерация, email: chgo@mail.ru

Голубева Татьяна Юрьевна, аспирант кафедры языкознания и переводоведения, Института иностранных языков, Московского городского педагогического университета, г. Москва, Российская Федерация, email: tanyagolubeva@mail.ru

Ерофеева Елена Валентиновна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретического и прикладного языкознания Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Российская Федерация, email: elenerofee@gmail.com

Зурабова Лана Руслановна, аспирант кафедры германистики и лингводидактики, ассистент кафедры английской филологии Института иностранных языков Московского городского педагогического университета, г. Москва, Российская Федерация, email: ZurabovaLR@mgpu.ru

Иванашко Юлия Петровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: polia-80@mail.ru

Калинина Маргарита Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, преподаватель кафедры русского, иностранных языков и литературы, Волгоградского государственного института искусств и культуры, г. Волгоград, Российская Федерация, email: kalinina 8181@mail.ru

Карачева Ольга Борисовна, аспирант кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: okaracheva@rambler.ru

Кригер Елена Ивановна, аспирант Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Российская Федерация, email: elena.kriger75@gmail.com

Лагута Нина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, коммуникации и журналистики Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: nlaguta@mail.ru

Ляксо Елена Евгеньевна, доктор биологических наук, профессор, профессор кафедры высшей нервной деятельности и психофизиологии, руководитель группы по изучению детской речи Биологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург, Российская Федерация, email: lyakso@gmail.com

Мелихова Ирина Николаевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск, Российская Федерация, email: melihova-in@mail.ru

Морозова Ольга Николаевна, канд. филол. наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Амурского гос. ун-та, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: morozova_olga06@mail.ru

Мэн Шусянь, Департамент по национальным вопросам этнических меньшинств, Провинция Хэйлунцзян, КНР Полухина Полина Александровна, Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга, С.-Петербург, Российская Федерация, email: p.polukhina@mail.ru

Процукович Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Амурского государственного университета, г. Благовещенск, Российская Федерация, email: amursea@mail.ru

Романова Татьяна Александровна, аспирант Московского городского педагогического университета, г. Москва, Российская Федерация, email: tatianatatiana1616@gmail.com

Фролова Ольга Владимировна, кандидат биологических наук, научный сотрудник кафедры высшей нервной деятельности и психофизиологии (группа по изучению детской речи) Биологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. С.-Петербург, Российская Федерация, email: olchel@yandex.ru

 $\it X$ ань $\it Ю$ фэн, Научно-исследовательский институт по межнациональным отношениям, г. Харбин, KHP

Худякова Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания, Пермский государственный национальный исследовательский университет, г. Пермь, Российская Федерация, email: khudiakova.es@gmail.com

Шалгина Екатерина Анатольевна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь, Российская Федерация, email: chantal2003@list.ru

Якушева Оксана Васильевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры Иностранных языков Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск, Российская Федерация, email: iow74@mail.ru

Our authors

Svetlana V. Androsova, Doctor of Philology, Professor, Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: androsova_s@mail.ru

Nadezhda Ya. Bulatova, PhD in Philology, senior researcher, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russian Federation, email: bulatovany@gmail.com

Alexis A. Burykin, Doctor of Philology, senior researcher, Department of Lexicography, Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St Petersburg, Russian Federation, email: albury@mail.ru

Evgeniya V. Glazanova, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Arts and Humanities, St Petersburg University, St Petersburg, Russian Federation, email: zhee.glazanova@gmail.com

Chermen G. Gogichev, Doctor of Philology, Associate Professor, Foreign Languages Department N 2, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation, email: chgo@mail.ru

Tatyana Y. Golubeva, Post-graduate student of the Chair of Linguistics and Translation Studies, Institute of Foreign Languages, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: tanyagolubeva@mail.ru

Elena V. Erofeeva, Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State University, Perm Russian Federation, email: elenerofee@gmail.com

Lana R. Zurabova, Postgraduate student at the Department of Germanic Studies, teaching assistant at hte Department of English Philology, Institute of Foreign Languages Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: ZurabovaLR@mgpu.ru

Yulia P. Ivanashko, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: polia-80@mail.ru

Margarita V. Kalinina, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian and foreign Languages and Literature, Volgograd State Institute of Arts and Culture, Volgograd, Russian Federation, email: kalinina_8181@mail.ru

Olga B. Karacheva, PhD student, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: okaracheva@rambler.ru

Elena I. Kriger, PhD student, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation, email: elena.kriger75@gmail.com

Nina V. Laguta, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, Communication and Journalism, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: nlaguta@mail.ru

Elena E. Lyakso, Doctor of Biology, Professor, Department of Higher Nervous Activity and Psychophysiology, the Head of the Child Speech Research Group, Faculty of Biology, St Petersburg University, St-Petersburg, Russian Federation, email: lyakso@gmail.com

Irina N. Melikhova, Senior lecturer, Department of Foreign Languages, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation, email: melihova-in@mail.ru

Olga N. Morozova, PhD in Philology, Head of Foreign Languages Department, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: morozova_olga06@mail.ru

Meng Shuxian, Department of National Affairs of Ethnic Minorities, Heilongjiang province, China

Polina A. Polukhina, Committee for External Relations of Saint Petersburg, St Petersburg, Russian Federation, email: p.polukhina@mail.ru

Elena A. Protsukovich, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, Amur State University, Blagoveshchensk, Russian Federation, email: amursea@mail.ru

Tatiana A. Romanova, PhD student, Moscow City University, Moscow, Russian Federation, email: tatianatatiana1616@gmail.com

Olga V. Frolova, PhD in Biology, researcher, Department of Higher Nervous Activity and Psychophysiology (child speech studies group), Faculty of Biology, St Petersburg State University, St-Petersburg, Russian Federation, email: olchel@yandex.ru

Han Youfeng, Research Institute for Interethnic Relations Harbin, China

Ekaterina S. Khudyakova, PhD in Philology, Associate Professor, Theoretical and Applied Linguistics Department, Perm State National Research University, Perm, Russian Federation, email: khudiakova.es@gmail.com

Ekaterina A. Shalgina, Senoir Lecturer, Department of Foreign Languages, Perm State National Research University, Perm, Russian Federation, chantal 2003@list.ru

Oksana V. Yakusheva, PhD in Philology, Associate Professor, Department of Foreign Languages, South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russian Federation, email: iow74@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Научные статьи

Бурыкин А. А.	Об одном неизвестном стихотворном размере в русской поэзии и его происхождении (Б. Окуджава. «Песня о Лёньке Королёве»)	5
Глазанова Е. В., Ерофеева Е. В.	Пространство и время: русская фразеологическая картина мира vs научная картина мира	14
Гогичев Ч. Г.	Сопоставление как опосредованная категоризация	28
Голубева Т. Ю.	Дискурсивное пространство веб-сайта военного вуза: прагматический аспект	41
Зурабова Л. Р.	Переключение кодов в условиях двуязычия: становление области лингвистических исследований	48
Калинина М. В.	Газетный заголовок: нормативно-этический аспект (на материале газеты «Московский комсомолец»)	62
Карачева О. Б.	Характеристики интонационного контура восклицательных предложений с особым выделением в русском и эвенкийском языках	70
Кригер Е. И.	Оценочная матрица Меткалфа как способ оценки жизненности новой лексической единицы	84
Лагута Н. В.	Репрезентация пространственного значения глаголами (на материале русских говоров Приамурья)	94
Ляксо Е. Е., Фролова О. В.	Речевое поведение матерей при взаимодействии с детьми с синдромом Дауна	103
Мелихова И. Н., Якушева О. В.	Немецкий язык: важное средство научной коммуникации в мировом сообществе	125
Полухина П. А.	К вопросу об альтернативных вариантах современным академическим словарям английского языка	137
Романова Т. А.	Контаминация как способ языковой репрезентации профессиональной деятельности в сфере анимационной кинематографии	149
Хань Юфэн, Мэн Шусянь, Морозова О. Н., Иванашко Ю. П., Процукович Е. А., Андросова С. В., Булатова Н. Я.	Сопоставительные характеристики местоимений в орочонском и эвенкийском языках	161
Худякова Е. С.	Эмоционально-оценочный компонент в спонтанных текстах представителей старшего возраста	172
Шалгина Е. А.	Фрейм-анализ концепта «милосердие»	186
Информация об авторах		200
Original Papers	CONTENTS	
Burykin A. A.	One unknown meter in Russian poetry and its origin (B. Okudzhava. A song about Lyon'ka Korolyov)	5
Glazanova E. V., Erofeeva E. V.	Space and time: Russian phraseological picture of the world vs scientific picture of the world	14

Gogichev Ch. G.	Mediation as a categorisation strategy		
Golubeva T. Yu.	Discourse space of a military higher education website: Pragmatic aspect		
Zurabova L. R.	Code switching and bilingualism: Origin of the field of linguistic research		
Kalinina M. V.	Newspaper headline: Normative-ethical aspect (Based on the newspaper «Moskovsky komsomolets»)		
Karacheva O. B.	The prosodic properties of the exclamatory sentences with the emphatic stress in Russian and Evenki		
Kriger E. I.	Metcalf's assessment matrix as a way to assess the vitality of a new word		
Laguta N. V.	Representation of spatial meaning by verbs (Based on Russian dialects of the Amur Region)		
Lyakso E. E., Frolova O. V.	Mothers speech behavior in the interaction with children with Down Syndrome		
Melikhova I. N., Yakusheva O. V.	German: an important means of scientific communication in the Global community		
Polukhina P. A.	On alternative variants to modern academic dictionaries of the English language	137	
Romanova T. A.	Blending as a language means to represent professional activity in the sphere of animation cinematography		
Han Youfeng, Meng Shuxian, Morozova O. N., Ivanashko Yu. P., Protsukovich E. A., Androsova S. V., Bulatova N. Ya.	Comparing pronouns in Orochon and Evenki	161	
Khudyakova E. S.	Emotionally-evaluative component in spontaneous texts of older speakers	172	
Shalgina E. A.	Frame analysis of the concept «charity»	186	
Our authors		200	

Теоретическая и прикладная лингвистика. Выпуск 6, No 1, 2020.

Журнал распространяется по подписке. Каталог печатных изданий «Пресса России», подписной индекс: E45085

Сдано в набор 13.03.2020. Подписано к печати 09.03.2020. Дата выхода в свет 31.03.2020.

Редактор – С. В. Андросова.

Компьютерная вёрстка – Е. Ю. Андросов, В. Г. Караваева.

Формат 60х84/8. Усл. печ. л. 23,71. Тираж 1000. Заказ 141. Свободная цена.

Учредитель: Амурский государственный университет.

Издатель: Амурский государственный университет.

Отпечатано в типографии Амурского государственного университета.

Адрес издателя: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 1, аудитория 406.

Адрес типографии: 675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, кор. 3, офис 20.